

**Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент научно-технологической политики и образования
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»**

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы V Международной научной
конференции, посвященной памяти доктора исторических наук,
профессора, заслуженного работника высшей школы
Василия Васильевича Гришаева

*24-25 ноября 2022 года
г. Красноярск*

Красноярск 2023

ББК 4 г
Г 85

Редакционная коллегия:
Р.В. Павлюкевич, Г.А. Бурмакина

Г85 Гришаевские чтения: мат-лы V Международ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 24-25 ноября 2022 г.) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2023. – 306 с.

ISBN 978-5-94617-526-5

Представлены материалы научных докладов участников V Международной научной конференции «Гришаевские чтения», которая состоялась в г. Красноярске 24-25 ноября 2022 г. по направлениям: Подходы и источники микроистории; Биография в истории; Малые территории и популяции; «Маленькие люди» в истории великой страны; Материнство и детство как феномен для микроанализа.

Предназначено для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

ББК 4 г

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода.

ISBN 978-5-94617-526-5

© Авторы статей, 2023
© ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Микроистория – это направление в исторической науке, которое фокусируется на малых единицах исследования (городок, деревня, отдельная семья). При этом сверхзадачей подобного рода анализа является не реконструкция частных случаев. Микроистория согласно определению, данному Чарльзом Джойнером, стремится «[задавать] большие вопросы в небольших местах». Она исследует не абстрактные и безликие классы, большие территориальные и социальные группы, а непосредственных акторов истории, объединенных в их первичные сообщества. На базе этих исследований воссоздается репрезентативная картина повседневной жизнедеятельности маленького человека, сотворяющего большую историю.

В условиях господствующего в СССР классового подхода микроанализ осуществлялся почти исключительно в рамках краеведения, в задачи которого не входило обобщение воссоздаваемых конкретно-исторических реалий. Однако и в советский период были, хотя и редкие, исключения из правил. Одним из них стала книга известного сибирского историка Василия Васильевича Гришаева «Красный хлебороб. История сибирского колхоза "Красный хлебороб" Иланского района» (Красноярск, 1973), в которой масштабная история коллективизации и иных советских аграрных преобразований была показана на примере конкретного колхоза. В постсоветский период ситуация изменилась. Микроистория заняла прочное место среди основных направлений отечественной исторической науки.

Вклад В.В. Гришаева в становление отечественной микроистории, а также необходимость обсуждения ряда проблем современного микроанализа стали основанием для выбора тематики очередной, 5-й по счету научной конференции из серии «Гришаевские чтения»: «"Общие вопросы" и "частные ответы": возможности микроанализа в изучении Сибири, России и Евразии». Конференцию, которая прошла 23–25 ноября 2022 г., организовала кафедра истории Юридического института Красноярского государственного аграрного университета при поддержке Института истории Сибирского отделения РАН, Сибирского федерального университета, Государственного архива Красноярского края и Красноярской краевой универсальной научной библиотеки.

По решению оргкомитета конференции было принято решение подготовить сборник ее материалов, который представлен вашему вниманию. Включенные в сборник работы представляют собой ограненные пазлы микроистории в совокупности составляющие широкое историческое полотно.

*Заместитель председателя Организационного комитета
V Международной научной конференции «Гришаевские чтения»
доктор исторических наук В.А. Ильиных*

СЕКЦИЯ 1. ПОДХОДЫ И ИСТОЧНИКИ МИКРОИСТОРИИ

УДК 94(47).083

НАГРАДЫ СЛУЖАЩИХ ДВОРЦОВОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В. КАК ОТРАЖЕНИЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ

Гребенкин Алексей Николаевич

*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия
angrebyonkin@mail.ru*

Аннотация: В статье дана характеристика наградной политике в отношении чинов Дворцовой полиции Российской империи в контексте международных отношений и династических связей. Автор приходит к выводу, что иностранные ордена и медали, которые щедро жаловались как руководящему составу, так и рядовым сотрудникам, фиксировали значимые события их служебной биографии.

Ключевые слова: Российская империя, императорская охрана, Дворцовая полиция, награды, ордена, медали, международные отношения, династические связи.

AWARDS OF PALACE POLICE OFFICERS THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY AS A REFLECTION OF THEIR PROFESSIONAL PATH

Grebenkin Alexey Nikolaevich

*Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation, Orel,
Russia, angrebyonkin@mail.ru*

Abstract: This article describes the award policy in relation to the ranks of the Palace Police of the Russian Empire in the context of international relations and dynastic ties. The author comes to the conclusion that foreign orders and medals, which generously complained to both the senior staff and ordinary employees, recorded significant events in their official biography.

Keywords: Russian Empire, imperial guard, Palace police, awards, orders, medals, international relations, dynastic ties.

Даже самые заслуженные ветераны русско-турецкой и русско-японской войн не могли сравниться по числу своих наград с чинами Дворцовой полиции – подразделения императорской охраны, игравшего главную роль в обеспечении пропускного режима в местах высочайшего пребывания. Подавляющее большинство орденов и медалей, украшавших грудь сотрудников данной структуры, было пожаловано высшими должностными лицами иностранных государств в ходе их визитов в Россию либо во время пребывания Николая II и членов его семьи за рубежом. Получение награды, как правило, не

было обусловлено каким-либо служебным отличием и свидетельствовало лишь об участии того или иного сотрудника в охранных мероприятиях, связанных с визитами высоких гостей либо с поездками членов императорской семьи за границу. Вместе с тем не следует считать, что иностранные ордена и медали раздавались «просто так». В условиях эскалации политического террора сотрудники Дворцовой полиции, отвечавшие за безопасность охраняемых лиц, ежеминутно подвергались риску оказаться в числе жертв злоумышленников. Поэтому пожалованные им награды имели гораздо большую социальную ценность, чем российские ордена и медали, полученные за беспорочную службу в течение определенного количества лет.

Индивидуальный комплект иностранных наград каждого сотрудника Дворцовой полиции являлся отражением его служебного пути и удостоверял не только факт участия в каких-либо охранных мероприятиях, но и его личный вклад в их подготовку, и проведение в соответствии с должностным статусом. В 1914 г. был составлен список наград, которые имелись у всего личного состава Дворцовой полиции – от начальника до сторожа. Разумеется, больше всего наград было у руководящего состава. Однако и рядовые сотрудники, имевшие большую выслугу, собрали впечатляющий «иконостас» орденов и медалей.

Весьма внушительным был перечень наград помощника начальника Дворцовой полиции статского советника Н. А. Александрова. Его старшим русским орденом был орден Св. Владимира III степени. Кроме того, Александров был обладателем Знака отличия Военного ордена IV степени, полученного им во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Начав службу в царской охране еще в июле 1880 г. [1, с. 256], помощник начальника Дворцовой полиции к 1914 г. стал кавалером 17 иностранных наград. Еще в 1879 г. за участие в войне с Турцией он получил румынский крест «За переход через Дунай». В качестве сотрудника охраны Александров удостоился прусского ордена Короны III степени (в 1888 г.), персидского ордена Льва и Солнца V степени (в 1889 г.), кавалерского креста датского ордена Даннеброг (1892 г.), креста IV степени итальянского ордена Св. Маврикия и Лазаря (дата не указана), серебряной звезды I степени ордена Благородной Бухары (1893 г.), французского ордена Почетного Легиона V степени (в 1897 г.), австрийского ордена Иосифа III степени (в 1897 г.), болгарского ордена «За гражданские заслуги» IV степени (в 1897 г.), прусского ордена Красного Орла IV степени (в 1897 г.), гессенского ордена Филиппа Великодушного II степени (в 1897 г.), саксонского кавалерского креста II степени (в 1899 г.), командорского знака французского ордена Камбоджи (в 1903 г.), кавалерского креста Баденского ордена Бартольда I (в 1903 г.), персидского ордена Льва и Солнца II степени (в 1903 г.), турецкого ордена Меджидие II степени (в 1903 г.), золотой звезды I степени ордена Благородной Бухары (в 1909 г.), неназванного французского ордена (в 1914 г.).

Рядовые сотрудники Дворцовой полиции, имевшие большую выслугу, также являлись обладателями многочисленных наград. Правда, в соответствии со своим статусом они жаловались не орденами, а медалями. Городовой Г.

Касмынин в 1899 г. получил болгарскую бронзовую медаль и румынскую медаль II степени, в 1897 г. – германскую серебряную медаль, в 1898 г. – французскую серебряную медаль, в 1902 г. – болгарский крест VI степени и французскую золотую медаль, в 1903 г. – итальянскую серебряную медаль, в 1905 г. – гессенскую серебряную медаль и персидскую позолоченную медаль Льва и Солнца, в 1913 г. – бухарскую серебряную медаль. Кроме того, у него были знак отличия ордена Св. Анны и малая золотая медаль на аннинской ленте.

Как правило, массовое награждение сотрудников Дворцовой полиции орденами и медалями какого-либо государства осуществлялось во время встреч на международном уровне, имевших особую значимость. Так, в мае 1902 г. в Россию с официальным визитом прибыл президент Французской республики Э. Лубе. Высокий гость побывал в Петергофе, Санкт-Петербурге, Красном Селе и Царском Селе. В Красном Селе президент Лубе присутствовал на больших маневрах русской армии, которые завершились атакой кавалерии. Парадный обед состоялся в Большом Царскосельском дворце, а в Китайском театре был дан спектакль. Чины Дворцовой полиции, принимавшие активное участие в подготовке и проведении охранных мероприятий, были щедро вознаграждены за свои труды. Старший чиновник для поручений коллежский секретарь А. Кельбер получил крест ордена Черной Звезды, младший чиновник для поручений коллежский секретарь А. Смирнов – офицерский орден IV степени, коллежский регистратор Постников – «французских колониальных орденов кавалерский крест» [3, л. 24], пять городских – золотые медали, полицейский надзиратель губернский секретарь Т. Бельшев, писарь Ф. Штраус, 16 городских, четыре сверхштатных городских и четыре жандармских унтер-офицера – серебряные медали.

В этом же году Россию посетил ряд других высокопоставленных особ, щедро раздававших награды. В честь пребывания в июле 1902 г. в России итальянского короля Виктора-Эммануила III помощник начальника Дворцовой полиции статский советник Л. Знамеровский получил большой крест итальянского ордена Короны, старший агент надворный советник Н. Александров – офицерский крест ордена Св. Маврикия и Лазаря, а городской Д. Герасимов и жандармский унтер-офицер И. Менгель – серебряные медали [3, л. 23 об.; 2, л. 8 об. – 9, 16 об. – 17]. Великий герцог Ольденбургский Фридрих Август II, посетивший летом 1902 г. Петергоф, пожаловал городским С. Копытину, А. Алексееву, П. Карпову и Я. Веденко серебряные кресты ольденбургского ордена герцога Петра-Фридриха-Людвига II класса. В январе следующего года последовало разрешение дворцового коменданта принять эти награды и носить их в петлице [3, л. 18 об.]. В сентябре 1902 г. в Россию приехал шах Персии Мозафереддин, который побывал не только в Санкт-Петербурге, но и на военных маневрах в Курской губернии. Состоявший в распоряжении начальника Дворцовой полиции полковник в отставке П. Вильчевский был награжден орденом Льва и Солнца II степени со звездой, старший чиновник для поручений Дворцовой полиции титулярный

советник А. Постников получил такой же орден II степени, а городовой И. Златогорскому и В. Обрезкову были пожалованы золотые медали.

Некоторые монархи были достаточно скупы на знаки отличия, особенно во время визитов, не сопряженных с публичными мероприятиями. Так, датский король Фридрих VIII, приезжавший в Россию в июле 1909 г. и участвовавший в смотре войск, удостоил награды лишь начальника Дворцовой полиции полковника Б. Герарди, пожаловав ему командорский крест II степени ордена Даннеброг. Торжественные мероприятия, в которых было задействовано большое количество чинов охраны, обычно сопровождалась раздачей большого количества наград. В 1908 г. шведский король Густав V, посетивший Санкт-Петербург по поводу свадьбы своего сына принца Вильгельма и двоюродной сестры Николая II великой княгини Марии Павловны, пожаловал начальнику Дворцовой полиции подполковнику Б. Герарди командорский крест II степени ордена Меча, старшему чиновнику для поручений титулярному советнику Н. Богданову – кавалерский крест I степени ордена Вазы, полицейскому надзирателю Н. Головистикову – кавалерский крест II степени ордена Вазы, городовому Анисимову и писарю М. Арехве – серебряные медали.

Следует отметить, что во время своих зарубежных визитов Николай II брал с собой минимальное количество чинов охраны. Так, во время его пребывания во Франции в сентябре 1901 г., несмотря на насыщенную программу (посещение Дюнкерка, Компьена и Реймса, присутствие на военном параде), золотой французской медали был удостоен лишь городовой Н. Стрельцов.

Достаточно частыми были поездки на родину императрицы Александры Федоровны – в великое герцогство Гессен. В них отправлялась вся царская семья, что заставляло брать с собой достаточно большое количество сотрудников Дворцовой полиции. Это обстоятельство находило отражение и в наградной практике. Например, старший чиновник для поручений А. Кельбер, в ходе визита в Гессен в 1903 г., получил кавалерский крест II степени ордена Филиппа Великодушного, а полицейский надзиратель П. Пташник и городовой Д. Герасимов – серебряные медали. В 1908 г. гессенские серебряные медали были выданы городовым И. Переверзеву, П. Бородину, жандармскому унтер-офицеру П. Сухорукову и бывшему городовому Т. Макарову. В 1910 г., когда императрица проходила в Гессене длительный курс лечения, старшие чиновники для поручений коллежский ассессор Н. Гомзин и коллежский секретарь А. Кельбер, и младшие чиновники для поручений губернский секретарь Е. Тапилин и не имевшие чина А. Иванов и М. Синицын получили ордена Св. Филиппа Великодушного, полицейский надзиратель К. Зуев и городовой К. Мачтам – серебряные медали, сверхштатный городовой В. Лапин – крест 4-й степени.

Вместе с тем следует отметить, что далеко не все поездки Николая II и членов его семьи за границу влекли за собой получение наград чинами Дворцовой полиции. Так, несмотря на то, что император неоднократно посещал Великобританию, в активе не только городских, но и руководства не было ни одной английской награды. Встреча с императором Вильгельмом II в 1905 г. в

Бьёрке также не оставила какого-либо наградного следа, но это было обусловлено тем, что оба монарха не стремились афишировать факт своего randevу, во время которого было подписано секретное соглашение о политическом союзе России и Германии.

В целом анализ наград сотрудников Дворцовой полиции позволяет сделать вывод о том, что они фиксировали значимые события их служебной биографии. Кроме того, характеристика наград, полученных чинами Дворцовой полиции, дает возможность не только оценить масштабы деятельности этого подразделения императорской охраны, но и уточнить некоторые аспекты международной политики России и династических связей Дома Романовых.

Список литературы и источников

1. Зимин И. В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011. 640 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 508. Оп. 1. Д. 1402.
3. РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2741.

УДК 378.147.94(57)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ХОДЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРАНТОВ ПО НАПРАВЛЕННОСТИ «ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

*Булгакова Екатерина Витальевна
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
ekaterina20-82@mail.ru*

*Занданова Лариса Викторовна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
zandanova@mail.ru*

*Киселевич Екатерина Александровна
МБОУ СОШ № 75, Иркутск, Россия
Россия, kiselevichsem@mail.ru*

Аннотация: Представлены результаты создания и использования устных источников в процессе научно-исследовательской работы по магистерской программе «Историческое образование» на примере изучения малых территорий в зоне затопления водохранилища Братской ГЭС на р. Ангаре в 50-60-е гг. XX в.

Ключевые слова: Историческое образование, магистерская программа, устные источники, малые территории, переселение в зоне затопления Братской ГЭС, Приангарье.

***THE USE OF ORAL SOURCES IN THE STUDY OF THE HISTORY
OF SMALL TERRITORIES IN THE COURSE OF RESEARCH TRAINING
OF STUDENTS IN THE MASTER'S PROGRAM IN DIRECTION
OF "HISTORICAL EDUCATION"***

*Bulgakova Ekaterina Vitalievna
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia,
ekaterina20-82@mail.ru*

*Zandanova Larisa Viktorovna,
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
zandanova@mail.ru*

*Kiselevich Ekaterina Alexandrovna
Secondary school № 75, Irkutsk, Russia
kiselevichsem@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of the creation and use oral sources in the process of conducting research activities in the master's program "Historical Education" on the example of studying the history of small territories in the flood zone of the Bratsk hydroelectric power station reservoir on the Angara River in the 50-60s of 20th century.

Keywords. Historical education, master's program, oral sources, small territories, resettlement in the flood zone of the Bratsk hydroelectric power station, Angara region.

Подготовка магистрантов по направленности «Историческое образование» предусматривает овладение навыками работы с источниками различных типов, в том числе с устными источниками, такими как рассказы местных жителей о своей малой родине.

Использование материалов, полученных в результате проведенных интервью, грамотная их фиксация и умение встраивать в исторический контекст позволяют нашим студентам выполнять интересные исследовательские работы.

Одним из направлений исследований стала история малых территорий. Приангарье явилось важнейшей площадкой индустриального освоения Восточной Сибири. На Ангаре построены четыре крупнейшие в стране гидростанции, поэтому естественно, что среди ведущих тем для изучения есть и история поселений, находившихся в зоне затопления ГЭС. В Иркутской области под переселение попало 509 населенных пунктов, в которых проживало 118 тыс. человек. Как считают историки, «у нас есть возможность записать рассказы местных жителей и через них узнать, как строилась жизнь в этих местах в XX в., воссоздать конкретные картины переселения и устройства переселенцев в новых условиях...», подчас они являются единственными источниками [1, с. 338].

Судьбы малых сельских поселений, тем более ушедших в небытие, часто неизвестны. Магистранты владеют навыками ведения исследовательской

деятельности, что способствует проработке материала на научной основе. В качестве примеров можно привести работы по теме «Переселение из зоны затопления Братским водохранилищем населённых пунктов Усть-Удинского района Иркутской области» и «История поселка Ермаковка Братского района Иркутской области: до и после переселения». Первый поселок – Усть-Уда – старожильческое поселение XVII в., а второе – поселок лесозаготовителей, основой которого в конце 1940-х гг. была спецкомендатура. Однако история этих населенных пунктов одинаково интересна. Экспедиции в уже новые поселки, где еще живы участники и свидетели событий, дали возможность реконструировать картину прошлого.

Так, например, из воспоминаний жительницы старого поселка Усть-Уда Л.М. Митюковой стало известно, что это было большое поселение, в котором существовал колхоз: «В старой Усть-Уде было всего девять улиц. Улица Поеловская, была построена по берегу быстрой горной речушки Еловки, которая впадала в р. Уда. В начале Поеловки находился памятник, где были захоронены первые комсомольцы района Ваулов и Сидоренко, заместитель коменданта Берлина И. И. Толстоухов, летчик вертолета А. Кудрейко, погибший при исполнении государственного задания. У памятника в старом поселке проводились праздничные митинги, здесь же принимали ребятишек в пионеры. На Поеловской улице была расположена контора колхоза им. Чапаева. Каждое утро здесь собирался народ для получения наряда на работу на колхозные поля. Как бы ни было трудно, но каждый вечер, возвращаясь с работы, особенно в праздничные дни, люди пели песни. Перпендикулярно Поеловской была улица Октябрьская. На ней в основном находились административные и хозяйственные организации и учреждения: лесхоз, аптека, госбанк, партийная библиотека, здание райкома и райисполкома, районная библиотека, раймаг, базар, пожарное депо, РОВД, начальная школа и чайная. На этой улице всегда было многолюдно...

Улица Октябрьская была протяженностью около трех километров. В конце ее на высоком месте стояла церковь. До Советской власти в ней проводились все службы: крестили детей, венчали молодых, потом в ней был образован детский сад для беспризорных детей. Дальше шла ул. Устье, примечательностью ее был аэродром, с которого взлетали самолеты АН-2 в г. Иркутск, и пристань, где причаливали пассажирские и грузовые пароходы. До Иркутска ходили пароходы: «Лейтенант Шмидт», «Карл Маркс», «Сибирь». Добирались по Ангаре до областного центра 3-4 дня.

Улицу Октябрьскую с Комсомольской соединял мост через реку Уду. Здесь назначались свидания..., ребятишки удили с него рыбу..., ныряли в реку. В самом начале улицы находился Дом культуры. Его заведующий умело организовывал работу кружков, вечера танцев и другие мероприятия. На танцплощадку собиралась не только молодежь, но и пожилые люди. На улице Комсомольской некоторое время жил писатель В. Г. Распутин. По длине улица не уступала Октябрьской, здесь находились поссовет, райбольница, средняя школа и другие учреждения и организации. За р. Еловкой находилась небольшая ул. Заболото, она была примечательна тем, что по ней дети ходили

качаться на качели в д. Молоково (это 3 км.) Со всех окрестностей вечерами, а особенно в выходные и праздничные дни, собиралась молодежь. Качались на качелях, играли в разные игры: лапту, городки, «чижик», догонялки и др. Еще были ул. Рабочая, Береговая, Подкаменная, Заречная, Удинская» [2].

Весной 1952 г. началась очистка ложа водохранилища Братской ГЭС. Жители были вынуждены менять свой жизненный уклад и покидать обжитые не одним поколением родные места. Владельцы домов должны были произвести полную санитарную очистку своих территорий. «Сколько слез было у тех, кто вынужден был сжечь свой старый дом. Помню соседских женщин, которые подожгли свой дом, и пошли на гору, в руках они держали палку, с которой свисал черный платок, они пели песню «Прощай, моя родная сторона», смотрели, как горят их дома и плакали» - рассказывала Л. М Митюкова[2].

Л.М. Митюкова вспоминает, что для индивидуальных застройщиков выделялись участки земли, на которых стоял стеной лес. Сваленного на участке леса почти хватало на сруб дома. Государство платило тем, кто строил дома. «Моей маме заплатили 1900 рублей. Это были небольшие деньги. Еще меньше платили тем, кто перевозил свой дом из зоны затопления. На новом месте надо было обживаться, вновь строить или ставить перевезенный дом. Люди организовывали помощь друг другу – за два дня собирали сруб. Делали это бесплатно. Сейчас этого нет...» [2].

В новые населенные пункты переносились исторические и архитектурные памятники, памятники борцам за Советскую власть: «Из зоны затопления прах земляков был перевезен на кладбище новой Усть-Уды, а к 70-летию комсомола урны с прахом Сидоренко и Ваулова были торжественно перенесены к новому обелиску и перезахоронены в сквере по ул. Мира» [2].

Несмотря на то, что жители приняли свое положение и перспективу смены места жительства как неизбежность, их социально-психологическое состояние оставалось напряженным. Это подтверждают многочисленные интервью жителей, которые на себе ощутили все тяготы переселенческого процесса. Л. М. Митюкова описала это такими словами: «Сколько горя пережили люди в годы переселения. Все, что создавалось веками, рушилось. Уходили под воду плодородные поля, ягодные уголья и грибные места. Многие жгли своими руками дома, в которых проживало не одно поколение...» [2].

В зоне затопления Братской ГЭС не все поселки были с такими большими корнями. Одним из них был п. Ермаковка Братского района. Он был создан в конце 1940-х годов, в период массовой высылки членов секты «Свидетелей Иеговы» из западных регионов СССР в статусе спецпоселка. Для их размещения были построены бараки, в которых не было никакой мебели и удобств. Мужское население работало на Ермаковском ЛЗУ, которое относилось к комбинату «Братсклес», в 1955 г. приступившему к расчистке ложа будущей ГЭС. Население поселка к 1959 г. увеличилось почти в три раза за счет украинцев и белорусов, прибывших по оргнабору, и насчитывало уже 1323 человека.

Несмотря на то, что дальнейшая судьба поселка была известна, леспромхоз строил клуб, ясли, магазин, столовую, жилые дома, которые затем были перенесены на новое место, в поселки Озерный и Булак, куда переселяли жителей Ермаковки, решивших не возвращаться в родные места, а «пустить

корни» в Братском районе. Большинство спецпереселенцев, которые к тому времени уже были освобождены от спецпоселения, переехали в п. Анзеба, в котором находилась церковь Свидетелей Иеговы. Воспоминаниями о том времени поделилась жительница Ермаковки-Озерного Т. Т. Бодрова: «Мы с мужем жили в Омской области, но, продав все хозяйство, добровольно... в 1956 г. оформились по оргнабору в «Братсклес»..., так оказались в Ермаковке, где был леспромхоз. Поселок был небольшой и не старей..., дома в основном щитовые... Застроен был хаотично, как таковых улиц и не было, наименование, конечно, у улиц было, но, скорее всего, мало кто их знал, на домах названий написано не было.

В поселке находились: школа, детский сад, клуб, библиотека, три магазина пекарня..., столовая. Когда мы приехали, в магазинах практически ничего из продуктов не было, только хлеб и печенье трески. Сладкого совсем не было, ни сахара, ни конфет. Но когда начал прибывать народ по оргнабору и рабочие стали возмущаться из-за отсутствия еды в магазинах, началось снабжение, магазины стали полные, было всё.

В библиотеку ходило много людей. В поселке были леспромхоз и ОРС (отдел рабочего снабжения – авторы). Почты не было, был только почтальон. Сельсовет находился в пос. Долоново, туда приходилось ездить на пароме.

Когда мы приехали, жители поселка даже двери на замок не запирали..., а когда люди начали прибывать, началось воровство, вот все замки на двери и поставили. Участкового в деревне не было...». Т.Т. Бодрова рассказывает, что поскольку «депортированные в основном были веры Иеговы, то пытались в свою секту как можно больше людей привлечь. Собирались в доме..., очень часто проводили собрания. Практически все депортированные переехали в Порожский и Анзебу, вернуться обратно на Украину им не давали. В Озерный переехала только одна семья..., но прожила там недолго и куда-то уехала» [3].

Строительство домов в новых поселках шло очень медленно. Часть семей из Ермаковки переселили в 1959 – 1960 гг. в п. Дальний, но через два года стало понятно, что он тоже попадает под затопление и людям опять пришлось переезжать. «Школу и детский сад в Ермаковке просто разрушили. Дети дошкольного возраста каждый день бегали на развалины детского сада в Ермаковку и там сидели, грустили» [3]. Дома в поселке не убирали, часть жгли, а часть просто бросали: «Переносилось немного домов, т. к. это было затратно. Дома, в которые заселялись, были не достроены: без отделки, без печек, без окон. Так же и зачисткой леса не занимались, ямы копали и туда лес сгружали, а потом бульдозером всё закапывали. Проверка приезжает, всё чисто, в землю-то не заглядывают. Поэтому, когда затопление началось, весь этот лес всплывать и начал. А много леса вообще не убрано осталось, уже когда в Озерном или по водохранилищу едешь..., а там макушки деревьев торчат» [3].

Как видно из воспоминаний ныне здравствующих очевидцев той истории, пространство Средней Ангары не было единым ни в плане формирования поселенческой структуры и формирования населения. Развей миф о нем как месте сохранения старожильческой культуры и традиции. Разными оказались и судьбы поселений после их переноса, и судьбы самих людей. Для кого-то эти события были трагедией, для кого-то – новым и не совсем печальным этапом в жизни. Из исследований, проведенных магистрантами на основе устных

источников, видны как позитивные, так и негативные стороны процессов, связанных с переселением населения из зоны затопления ГЭС.

Список литературы и источников

1. Занданова Л. В., Салахова Л. М. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул (25 – 30 октября 2015 г.). Вып.9 / Под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 338 – 341.

2. Воспоминания Митюковой Л. М., 1936 г.р. Место проведения – п. Усть-Уда, Иркутская область. Дата проведения –11.11.2019 // Личный архив Е.А. Киселевич.

3. Воспоминания Бодровой Т. Т., 1929 г.р. Место проведения – п. Озерный Братского района Иркутской области. Дата проведения –15.10.2021 // Личный архив Е.В. Булгаковой.

УДК 94:316.3(94)"1917/1995"

ПРОЕКТ «ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО СЕЛА» НАЧАЛА 1990-Х ГГ: ОПЫТ МИКРОАНАЛИЗА ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

Ильиных Владимир Андреевич

Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

agro_iwa@mail.ru

Аннотация: В статье освещается история и особенности реализации проекта «Изучение социальной структуры советского и постсоветского села» (1990–1994 гг.), руководителем которого являлся Т. Шанин. В рамках проекта осуществлялось историко-социологическое обследование ряда типичных сел России с упором на реконструкцию прошлого, запечатленного в «крестьянских мемуарах» и архивных источниках.

Ключевые слова: крестьяноведение, советская деревня, социологическое обследование, микроистория, Т. Шанин

PROJECT "STUDYING THE SOCIAL STRUCTURE OF SOVIET AND POST-SOVIET VILLAGE" OF THE EARLY 1990S: EXPERIENCE OF MICROANALYSIS OF SIBERIAN VILLAGE HISTORY

Il'inykh Vladimir Andreevitch

Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia

agro_iwa@mail.ru

Abstract: Article covers history and specificity of implementation of the project "Studying the social structure of the Soviet and post-Soviet village" (1990-1994) headed by T. Shanin. Project included historical and sociological study of several

typical Russian villages with an emphasis on reconstruction of the past as depicted in "peasant memoirs" and archival sources.

Keywords: peasant studies, Soviet village, sociological study, microhistory, T. Shanin.

Институализация современного крестьяноведения в России произошла в начале 1990-х гг. Наиболее значимый вклад в этот процесс внес один из основателей peasant studies профессор Теодор Шанин. В 1990 г. по его инициативе и под руководством началась реализация крупного историко-социологического проекта «Изучение социальной структуры российского села». Первоначально в рамках проекта предполагалось осуществить комплексное социологическое обследование нескольких типичных сел и деревень ряда регионов России. Помимо изучения современного состояния избранных для обследования сельских населенных пунктов также планировалось осуществление детальной репрезентации прошлого каждого из них, запечатленного в исторической памяти сельских жителей [1, с. 9–10].

В качестве объектов исследования было определено 25 сел из восьми регионов России: Нечерноземья (Тверская область), Центральной Черноземной области (Тамбовская и Белгородская области), Поволжья (Саратовская область и Мордовия), российского Юга (Ростовская и Ставропольская области), российского Севера (Вологодская и Архангельская области), Запада (Калининградская область) и Сибири. В Сибири для обследования были избраны село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области, село Шабаново Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области и поселок Александровка Завьяловского района Алтайского края [2, с. 99–100]. Основным методом исследования должен был стать метод глубокого погружения, широко используемый западными крестьяноведами. Его суть заключается в том, что социолог на длительное время поселяется в исследуемом населенном пункте, выявляет будущих респондентов и знакомится с ними, располагает их к себе (в том числе какими-нибудь мелкими подарками, помощью в общении с властями), а затем начинает интервьюирование. Причем это интервью внешне имеет не формализованный характер, а выглядит как разговор по душам, хотя и записывается. Обследование методом глубокого погружения занимает не один год и дает наиболее репрезентативные результаты. Поскольку подобным методом советские социологи не владели, Т.Шанин провел отбор молодых перспективных специалистов и организовал их обучение.

Отметим особенности в выборке обследуемых сел. Она была не совсем статистически объективной, а в значительной степени субъективной. С одной стороны выбирались села по принципу удаленности от краевого или областного центра (пригородное, среднеудаленное и удаленное), а с другой стороны выбор конкретного села в значительной степени исходил из удобства самих исследователей. Молодая социолог из Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР О.П. Фадеева, кстати представляющая школу академика Т.И. Заславской, которую Т. Шанин достаточно высоко ценил, выбрала село Плотниково поскольку там в

предыдущие годы специалисты института проводили экономический эксперимент по внедрению различных форм коллективного, а затем арендного подряда. В селе Шабаново аналогичную работу проводили специалисты из Института экономики сельского хозяйства СО ВАСХНИЛ. Его выбрала социолог Л.И. Ковалева, работавшая в данном институте. Выбор поселка Александровка определялся тем, что в нем жили родственницы третьей из участниц социологического проекта – Гребенник Л.В.

В течение трех лет в рамках проекта по России в целом были собрано 125 историй сельских семей, начиная с 1920-х гг. и до конца советской эпохи, основное внимание в которых уделялось проблемам исторической памяти. По Сибири было составлено 15 «крестьянских мемуаров». Респондентами семейных историй в большинстве своем были уже пожилые люди, максимальная глубина исторической памяти которого достигала 1920-х гг. Гражданскую войну они уже не помнили и при репрезентации этого и более ранних периодов опирались на воспоминания своих предков. В рамках проекта также проводилось социологическое и географическое описание обследуемых сельских сообществ, в рамках которого исследователи составляли по каждому селу аналитические справки «Социально-пространственная картина жизни населения» и «Организация власти на селе».

К реализации проекта по инициативе известного советского и российского историка-аграрника В.П. Данилова, с которым Т. Шанин установил тесные рабочие и дружеские контакты, были привлечены историки. Они должны были дополнить результаты социологических обследований архивными материалами и краткими историческими справками по обследуемым селам. Историческую часть проекта возглавил В.П. Данилов. В ее реализации приняли участие молодые, но подающие большие надежды историки, которые впоследствии стали ведущими российскими учеными аграрниками. Это В.В. Кондрашин из Пензы, С.А. Есиков из Тамбова, М.А. Безнин и В.А. Саблин из Вологды и другие.

Справки по трем упомянутым сибирским селам должны были подготовить сотрудники Института истории, филологии и философии СО АН СССР Г.А. Ноздрин и автор настоящей статьи В.А. Ильиных. Ноздрин отвечал за досоветскую историю сел, а Ильиных за советскую. Начались скрупулезный поиск и обработка источников, причем скрупулезность является не комплиментом исследователям, а констатацией факта, поскольку в архивах нужно было искать материалы не по региону в целом, а по небольшим деревням, что существенно затрудняло поисковую работу.

Основными источниками являлись архивные материалы. Если иметь ввиду советский период, то, прежде всего, это были фонды колхозов, сельсоветов, райисполкомов, райкомов компартии и районные газеты. Но часть этих фондов, особенно сельсоветов, не сохранилась. Переходы сельского населенного пункта из одного административно-территориального образования в другое, а затем и в третье не могли не сказаться на сохранности архивных фондов. Многие документы во время очередного административного преобразования в новый архив не передавались, а либо терялись, либо

уничтожались. На полноту колхозных документов влияло объединение мелких колхозов в более крупные в начале 1950-х гг., присоединение колхозов к совхозам в 1960-е гг. Лакуны были и в газетном материале. Районные газеты стали издаваться только в начале 1930-х гг. В связи с этим приходилось обращаться к фондам окружкомов ВКП(б) и окрисполкомов, крайкомов, обкомов компартии, крайисполкомов, облисполкомов, окружных, областных и краевых газет. Но в них поиск материала по отдельным сельским населенным пунктам, естественно, был весьма трудоемким. При реконструкции недавней истории приходилось обращаться к материалам текущего делопроизводства краевых и областных управлений сельского хозяйства и статистики.

Тем не менее, динамику развития избранных сел на большем протяжении советской истории реконструировать удалось. Лишь изредка приходилось описывать ситуацию на районном уровне. Для досоветского периода трудностей с поиском источников было больше. И применительно к нему преобладали материалы не по селам, а по волостям.

Итогом нашей с Г.А. Ноздриным работы стало не составление кратких исторических справок, а написание трех полновесных монографических очерков по истории сел Плотниково, Шабаново и поселка Александровка. Летом 1994 г. нами было получено разрешение руководства проекта дополнить советские разделы очерков материалами соответствующих социологических обследований. Прежде всего использовались семейные истории. Отметим, что респонденты, к «мемуарам» которых мы обратились, занимали в течение своей жизни различные социальные ниши – бедняков и зажиточных, рядовых колхозников, ссыльнопоселенцев, председателей колхозов. Это позволило существенно повысить полноту очерков и проиллюстрировать историю сел суждениями и оценками непосредственных участников исторических события в этих селах.

Естественно, что при обработке архивных и газетных материалов, для оценки их достоверности и репрезентативности, использовались традиционные приемы критики источников. Критика источников распространялась и на «крестьянские мемуары», собранные коллегами социологами. На их работу повлияли некоторые мифы советской и постсоветской историографии. Например, миф о 1937 годе, как времени самых массовых репрессий. На самом деле наиболее массовые репрессии в отношении крестьянства, а крестьяне составляли абсолютно преобладающую группу населения страны, произошли в начале 1930-х гг. в ходе коллективизации, раскулачивания, хлебозаготовок. Тем не менее социологи, которые не имели исторического образования, спрашивали респондентов были ли у них в селе репрессии в 1937 г. и те отвечали, что были, включая в них репрессии и других периодов.

После включения в очерки материалов из крестьянских мемуаров было решено объединить их и опубликовать в виде отдельной монографии. Она была издана в 1995 г. [3]. В книге было проведено научное исследование не абстрактных и безликих классов, сословий, больших территориальных и социальных групп, а непосредственных творцов аграрной истории – крестьян, объединенных в их первичные сообщества. В то же время это описание имело

комплексный характер. В книге освещались все основные стороны жизнедеятельности сельских жителей (хозяйство, политическая жизнь, быт, культура) в широких хронологических рамках – с момента основания села до начала 1990-х гг. Поскольку все три описываемые села в силу своей типичности в своем развитии повторили историю сибирской деревни в целом, сделанные в данной книге обобщения вполне репрезентативны ко всей генеральной совокупности. Отметим, что в постсоветской историографии эта монография до сих пор единственная книга, в которой осуществлена репрезентация аграрной истории на большом хронологическом отрезке.

Всего же в рамках проекта было подготовлено 16 исторических очерков. По всем селам сделать этого не получилось. Помимо сибирских было опубликовано еще 8 очерков, но не как части монографий, а как статьи в различных изданиях [4, с. 123, 136-137].

Часть своих материалов издали социологи. В книге «Голоса крестьян» были опубликованы 7 семейных крестьянских историй, представляющих Север, Нечерноземье, Черноземье, Поволжье, Северный Кавказ, Сибирь и Запад России [5]. Поскольку эти мемуары издавались при жизни большинства респондентов и могли содержать конфиденциальную информацию, названия сел и фамилии респондентов были изменены. Так, село Плотниково получило наименование Злотниково, а фамилия респондента Панцевич изменили на Ганцевич. Ряд семейных историй и обобщающих статей опубликовали в ежегоднике «Крестьяноведение». В 2002 г. была издана фундаментальная книга «Рефлексивное крестьяноведение», существенное место в которой нашла репрезентация замысла и материалов научно-исследовательского проекта «Изучение социальной структуры советского и постсоветского села» [6]. Но до сих пор большая часть крестьянских мемуаров, собранных в рамках реализации проекта не опубликована и хранятся в его банке данных.

Оценивая проект с позиций сегодняшнего дня можно с полным основанием сделать вывод, что итогом его реализации стало не только существенное приращение исторического знания, но и создание новой школы социологов, которая, обогатившись опытом западной прикладной социологии, соединив его с лучшими образцами советской социологии, вышла на новые научно-теоретические рубежи в своей области знаний. Проект стал школой и для молодых историков, участвующих в его реализации.

Что же касается уроков для современности, то также можно с полным основанием сказать, что подобная организация микроисторического исследования (соединение результатов обследования села методом глубокого погружения с материалами фронтального поиска разнообразных опубликованных и неопубликованных документов) является идеальной. Однако она является весьма материально затратной и организационно сложной. И поэтому ее вряд ли можно повторить. Тем не менее, при проведении исторического микроисследования необходимо привлечение материалов, полученных от респондентов, настоящих и бывших жителей исследуемого населенного пункта. Без него работа потеряет значительную часть своей достоверности. При этом следует иметь в виду проблему глубины

исторической памяти респондентов. В описываемом проекте она опускалась, как я говорил, максимум до нэпа включительно, а сейчас вероятнее всего может начаться с послевоенных или даже хрущевских времен.

Список литературы и источников

1. Шанин Т. (2002) Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 9–30.
2. Фадеева О., Никулин А. Исследования и исследователи: замыслы, проекты, результаты, люди // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С.93–114.
3. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995. 280 с.
4. Данилов В. Историк в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.) // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 115–141.
5. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских материалах. М., 1996. 413 с.
6. Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. М., 1992. 592 с.

УДК 930.2

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В МИКРОИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

*Ковалев Александр Сергеевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
askovalev@sfu-kras.ru*

Аннотация: Рассматривается концепция социальной эксклюзии в качестве методологии исторического исследования. Определены пять основных типов исключения человека из общества, даны их характеристики. На примере биографии пожилого сибиряка представлены возможности концепции для микроисторического анализа социального положения человека в 1920 – 1930-х гг. Сделан вывод о том, что более пристальное внимание к социальной судьбе человека с точки зрения теории социальной эксклюзии поможет определить, какое место занимал индивид в обществе в ту или иную историческую эпоху, был ли удовлетворен своей жизнью, а также выяснить, насколько эта эпоха была «своей» для конкретного человека.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, исключение из общества, интеграция, социальная инклюзия, методология исторического исследования, микроистория

**THE CONCEPT OF SOCIAL EXCLUSION:
METHODOLOGICAL POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF USE
IN MICROHISTORICAL RESEARCH**

*Kovalev Alexander Sergeevich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
askovalev@sfu-kras.ru*

Abstract: The article deals with the concept of social exclusion as a methodology of historical research. Author defines five main types of exclusion of a person from society, also describes their characteristics. On the example of the biography of an elderly Siberian, researcher presents possibilities of the concept for the microhistorical analysis of the social situation of a person in 1920-1930s. The concept of the theory of social exclusion is a closer attention to the social fate of a person. It will help to determine: 1) what place did a person occupy in society in a specific historical epoch, 2) was this person satisfied with his life, 3) was this epoch "his" for a human.

Keywords: social exclusion, exclusion from society, integration, social inclusion, methodology of historical research, microhistory

Каждый историк ищет ответ на вопрос, что происходило в прошлом с такими же, людьми, как и я, насколько они были удовлетворены своей жизнью – тем, в какую эпоху, в каком месте при каких государственных деятелях и чиновниках, руководителях и начальниках, соседях и друзьях, родственниках и знакомых они жили. Кредо истории в целом состоит в том, что она ставит вопросы, имеющие общее значение, но на них могут быть даны бесчисленные частные ответы [1, с. 327]. Однако при проведении исторического исследования неизбежно возникает проблема, как именно исследовать «частное». С появлением концепта микроистории произошел поворот интереса историков к конкретному индивиду, и концентрация внимания на его биографии, позволяющая провести «максимально интенсивный анализ... “под микроскопом”», дает историку возможность открыть новые стороны прошлого [1, с. 335, 340]. В то же время микроистория, занимаясь изучением повседневной жизни «маленького человека», затерявшегося в прошлом, далеко не всегда отвечает на вопрос, какой подход к микроисторическому анализу является наилучшим.

Представляется, что в условиях методологического плюрализма в современной исторической науке оптимальным будет использование концепции социальной эксклюзии. На нее при проведении своих научных изысканий довольно часто опираются представители других общественных и гуманитарных дисциплин (экономики, социологии, политологии, педагогики, психологии), историки же, к сожалению, зачастую не знакомы с ее потенциальными возможностями и перспективами.

Концепция социальной эксклюзии представлена в зарубежной науке исследованиями М. Вольфа [2], П. Абрахамсона [3], а в отечественной –

публикациями Ф. М. Бородкина [4; 5], Н. Е. Тихоновой [6], М. С. Астоянц [7], М. Д. Напсо [8] и др. В исторических исследованиях проводником этой концепции является автор настоящего материала, которым дано описание ее основных методологических характеристик в монографии «Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг.» [9, с. 25–28]. Однако отдельные положения этой концепции применительно к микроисторическому анализу требуют уточнения, поэтому в рамках данной публикации будут представлены основные положения концепции социальной эксклюзии и рассмотрены ее возможности, проблемы и перспективы в качестве методологического подхода для микроисторического анализа.

Под социальной эксклюзией (от. франц. «exclure» – исключение) понимается процесс и/или результат ограничения социальных условий, необходимых для нормальной повседневной жизнедеятельности человека, который приводит к исключению человека из общества. Эти ограничения возникают в результате социально-политических и экономических преобразований в стране, вследствие чего происходит постепенное ухудшение привычного жизненного уклада человека. Оказавшись в ситуации социальной исключенности, индивид затрудняется самостоятельно найти выход из тяжелой жизненной ситуации. И тогда общество и государство могут либо помочь ему преодолеть ее и «вернуться» в социум (этот процесс называется социальной инклюзией или включением), либо оставляют его на произвол судьбы, и из временной ситуации человек перейдет в перманентное состояние социальной эксклюзии.

Микроисторический анализ биографии «маленького человека» той или иной эпохи с точки зрения концепции социальной эксклюзии ориентирован на изучение положения самих исключенных, выявления, в чем заключалась специфика повседневной жизни представителей исключенной социальной группы в прошлом.

Если согласиться с Ф. Анкерсмитом, что микроистория призвана изучать «необычный мир прошлого» [10, с. 125–161], то следует признать, что социально исключенные сами по себе являются необычным социальным слоем в классической структуре общества. Изучая типичное поведение человека в нетипичной ситуации, можно предположить, что и сама ситуация социального исключения является такой нетипичной ситуацией, когда рутинный образ жизни, привычная повседневность меняется таким образом, что человек оказывается изолирован от общества. Такую повседневность Г. Гарфинкель называл «сломанной» [11, с. 4]).

Недавно все человечество испытало действие подобного феномена, когда с появлением COVID-19 и введением ограничительных мер произошла «поломка» повседневности. Каждый житель на планете испытал, что такое «самоизоляция», выказывая недовольство тем, что приходится отказываться от всех своих обычных социальных привычек. Если попытаться перенести свои ощущения в историческое прошлое, «вчувствоваться» в мир человека, по собственному почину или вынужденного против своей воли разорвать связи с

обществом, то понимание того, что такое социальное исключение, придет само собой.

Тем не менее, концепция социальной эксклюзии в качестве теоретической основы для микроисторического исследования требует выделения определенных критериев, по которым будет проводиться изучение. М. Вольф [2] выделил шесть типов социального исключения. В целом соглашаясь с его классификацией, рискнем несколько модифицировать ее и наполнить подобным содержанием.

1. *Экономическое исключение* – связанное с лишением возможности в полной мере удовлетворять экзистенциальные потребности вследствие ограниченности материальных ресурсов. Индивиды теряют прежние материальные выгоды, результатом оказывается вынужденный отказ от привычного уклада и приемлемого уровня жизни.

2. *Сервисное исключение* – невозможность пользоваться доступными социальными услугами, реализовать свое право на образование и здравоохранение, на жилище и прочие социальные гарантии).

3. *Политическое исключение* – отсутствие возможности обращаться к органам власти для решения своих проблем, отсутствие доверия к политическим деятелям, невозможность влияния на политические процессы. Сюда же можно отнести игнорирование, выражающееся в отсутствии реакции на запросы и потребности человека. В том числе это касается «уважительного игнорирования» (понятие Е. М. Ручкиной) [12], т.е. внешне позитивного отношения при внутреннем неуважении, что, например, позволяло представителям органов власти не погружаться глубоко в проблемы, предоставляя формальные ответы на запросы индивида. Кстати, подобное «вежливое невнимание» будет характерно для любых исследований, которые используют письма-жалобы от рядовых обывателей в органы власти. Применительно к историческому исследованию к этому же типу исключения будут относиться лишение избирательного и прочих прав, ограничение свободы по политическим мотивам вплоть до репрессий и т.д.

4. *Дискриминационное (стигматическое) исключение*, когда индивиду несправедливо приписываются исключительно негативные качества и характеристики. Одни социальные группы сознательно (или бессознательно) действуют против других, и значимость представителей той или иной социальной группы обесценивается. В результате происходит социальная поляризация и ослабление социальных контактов, которые ограничиваются узким кругом тех, кто находится в схожей ситуации, возникают реальные (или воспринимаются как реальные) барьеры для взаимодействия с включенными в общество индивидами. Сюда же относятся исключение от социальной солидарности и общественных организаций, когда слабость или полное отсутствие профсоюзов, крестьянских объединений, кооперативов, ассоциаций родителей, инвалидов, пенсионеров и других категорий населения, религиозных, этнических сообществ также не позволяют решить повседневные социальные проблемы. Одним из последствий стигматизации может стать вовлеченность в делинквентные сообщества.

5. *Психологическое исключение*, связанное с тяжелыми морально-эмоциональными переживаниями личности и субъективной неспособностью понимать происходящее, приводящее к изоляции и самоизоляции человека. Для него характерна искаженная картина мира, в которой человек представляет в качестве реальной ситуацию, когда что бы он ни предпринимал, он все равно ничего не добьется, и останется изгоем. Следствием такого исключения является постоянное чувство тревожности, сниженная самоэффективность, хроническое ожидание социальных проблем, утрата доверия к социуму. Сюда же можно отнести отсутствие веры в социальную справедливость, нарушение которой с точки зрения исключенного лица и является причиной всех его бед. Ответственность за несправедливость, с которой он сталкивается, возлагается на государство и общество, однако они не способны оценить его вклад в их развитие и по достоинству вознаградить.

Далее есть смысл проанализировать биографию конкретного человека прошлого, используя для анализа обозначенные выше критерии. Для этого в качестве примера автором была выбрана переписка 82-летнего пенсионера из Томска Якова Дмитриевича Яковлева с Западносибирской страховой кассой и Наркоматом труда РСФСР, а также справка-объяснение руководителя Томского горсобеса Макеева, поданная в Секретариат наркомата.

В феврале 1932 г. Я. Д. Яковлев направил в органы власти банальную жалобу, что пенсии, которую ему платят, не хватает для жизни, однако ее подробный разбор позволяет не только оценить его материальное положение в начале 1930-х гг., но и проследить изменение социального статуса пожилого человека на протяжении нескольких лет. Юрист Я. Д. Яковлев выбран по той причине, что являлся представителем сразу нескольких социальных групп, о чем говорят личные сведения, представленные в письме. Сам о себе он пишет: «Инвалида труда-пенсионера Якова Дмитриевича Яковлева жалоба. Мне от роду 82-й год... Я страдаю катаром желудка, сильным ослаблением зрения, глухостью, грыжею и одышкой, препятствующей мне даже ходить» [13, л. 27]. В своей справке Макеев также добавляет о жалобщике, что «по образованию он юрист, но... не может нигде работать» [13, л. 25]. Таким образом, Я. Д. Яковлев был нетрудоспособным пожилым человеком, принадлежал к «бывшим людям», но при этом к 1932 г. уже успел стать инвалидом труда, т.е. соответствовал советской классификации нетрудоспособности. Чтобы за этими общими данными увидеть возникновение и развитие разных типов социальной эксклюзии Я.Д. Яковлева или их отсутствие, следует подробно и последовательно изучить его переписку.

Об *экономическом исключении* старика говорят следующие факты. Ушел с работы в 1931 г., но, видимо, еще в 1929 г. был обследован врачебно-экспертной комиссией, признан «инвалидом старости», и ему была установлена II группа инвалидности, позволяющая работать, но в этом случае пенсия, согласно текущему законодательству, работающему инвалиду не выдавалась. Далее представим слово самому Я.Д. Яковлеву: «Пенсия назначена ранее 1929 г., после которого цена на все жизненные припасы выросла более чем в 5 раз» [13, л. 27]. Когда же он окончательно не смог работать, то был признан уже

инвалидом труда. Это важно, поскольку эта группа принадлежала к так называемым «привилегированным» инвалидам (кстати, это уже отсылка к политическому исключению). Понимал свой статус и сам пожилой юрист, и потому возмущался: «...пенсия должна быть мне назначена... 14 руб., а не 10 руб.» [13, л. 27]. Далее он законно указывает на то, что с ростом инфляции «рабочим зарплату увеличивают, стипендию студентам догнали до 41 руб. и более, а я остаюсь при прежних 10 руб. 66 коп... Но студент и рабочий могут иметь приработок, какого я получить не могу по своей старости» (еще одно перекрестное исключение, на этот раз – дискриминационное, по возрасту). Яковлев просит немного – всего лишь «назначить мне пенсию как всем прочим, получавшим по 10 руб. 66 коп., в размере 25 руб. в 1932 г.» [13, л. 40, 42].

Кроме того, в своих жалобах пожилой томич сообщает о том, что его пенсия не позволяет ему удовлетворять элементарные потребности в полноценном питании: «Я остался без средств к существованию... Не хватает даже на покупку хлеба. ...Ни круп, ни рыбы, ни мяса, и жиров купить нет возможности. Приходится питаться одним хлебом, и его не хватает». В качестве доказательства он приводит динамику цен на основные продукты питания в Томске с 1929 по 1932 гг.: «В январе 1929 г. цены были: литр молока – 15 коп., черный хлеб – 12 коп., мясо – 38 коп., горох – 25 коп. кило, а теперь молоко 90 коп., черный хлеб доходит до 1 руб. 40 коп. кило, масло – 50 коп., мясо – 50 коп., картофель продавали 40 коп. ведро, и это считалось дорогим, а теперь 1-2 руб., дрова 2,50 р. воз, а теперь 10 руб.». В довершении всего Яковлев добавляет: «У меня нет ни обуви, ни белья, вши заели» [13, л. 27, 42].

Заведующим Томским горсобесом Макеев в своей справке пишет: «В материальном отношении положение Яковлева можно считать сравнительно сносным» [13, л. 25]. Однако из приведенных данных можно увидеть, что реальный доход пожилого инвалида за три года существенно снизился, и если чиновник считал подобное положение «сносным», то трудно представить, каким же должно было быть истинное неблагополучие (подобный ответ также можно соотнести с игнорированием как проявлением дискриминационного исключения).

Эксклюзия от социальных услуг в отношении Я.Д. Яковлева проявлялась в нарушении его жилищных прав. Дом, в котором он жил, у него, как у «бывшего», отобрали и продали с публичного торга, поселив его «в комнате-каюте... в 6,83 м² без печки, от чего температура опускается в ней... и вода замерзает... по невозможности купить дров – градус морозу» [13, л. 27, 42]. Здесь в очередной раз можно увидеть пересечение с другим типом исключения, при котором Яковлев пострадал по политическим мотивам, как «лишенец». Но самым ярким проявлением исключенности следует, конечно, считать лишение его нормальных условий проживания, поскольку как можно жить зимой в Сибири, в помещении при отрицательной комнатной температуре, даже трудно себе представить.

Характеризуя специфику *политического исключения* Я.Д. Яковлева, следует в первую очередь обратить внимание на изменение его трудового

статуса после установления советской власти, поскольку это проливает свет на то, как он из «бывшего» стал советским инвалидом труда.

Все дело в том, что декретом советской власти «О социальном обеспечении трудящихся» в 1921 г. для получения трудовой пенсии по старости (фактически – по инвалидности) требовался 8-летний «пролетарский стаж». Почти 50-летняя карьера юриста под эти требования не подходила, от пенсионера требовалось быть не менее 8 лет «пролетарием», т.е. заниматься тяжелым производственным трудом рабочего или хотя бы быть чернорабочим.

Удивительно, но 71-летний Яковлев принял «новые правила игры» и стал зарабатывать «пролетарский стаж». Вот что он пишет о своей «советской» карьере: «Работал ремонтным рабочим на сибирской железной дороге, на постройках телефонов... на устройстве огородов, оранжерей и парников на той же дороге, в Октябрьском училище... на Мариинском военном продовольственном пункте, в продуче... Был выдвинут на должность помощника заведующего общим отделом совдепа, участвовал в переписях 1923 года, городской и сельскохозяйственной... Работал в саду... в парке культуры и отдыха при Томском университете» [13, л. 27]. В другом письме он также замечает, что перед самым уходом «на пенсию» успел поработать в Томском губстатбюро, а затем в Томском городском земельном отделе.

Тот факт, что за 10 лет бывший юрист превратился если не в истинного пролетария, то хотя бы человека, достойного того, чтобы советская власть платила ему пенсию, как рабочему, не имел никакого значения (в этом можно видеть не только политическое, но и стигматическое исключение). Глава горсобеса Макеев заявил, что увеличение пенсии касается «лишь инвалидов рабочих» [13, л. 25]. Сложилась парадоксальная ситуация, при которой заработавший пролетарский стаж Яковлев стал инвалидом труда, но не рабочим.

Имели место и случаи «уважительного игнорирования». Когда замерзавший в своей комнате Яковлев, обращался в органы, призванные ему помочь как инвалиду труда, его внимательно выслушивали, но никаких мер не принимали: «Подавал просьбу председателю горсовета об утеплении моей комнаты согласно его Постановлению от 27 сентября 1931 г., обращался в Комиссию по улучшению быта пенсионеров, подавал прошение в Томский городской собез, но ниоткуда помощи не получил. В последнем председатель сказал мне, что... слезам он не верит» [13, л. 27].

А вот другой пример «вежливого игнорирования», встречающихся в акте переосвидетельствования Яковлева за 1931 г.: «Группа инвалидности – II, к постоянной или временной работе не способен, работать не желает» [13, л. 37]. Работники экспертных органов явно противоречили сами себе, но подобные формулировки – «к работе не способен, работать не желает» – наряду со, скажем, «пригодным к труду нетрудоспособным» в ту эпоху были делом обычным.

Макеев в своей справке пытался изобразить старика жадным тунеядцем: «Яковлев мог бы быть, конечно, лучше обеспеченным, если бы трудоустроился. К тому же Яковлев имеет сыновей, один живет с ним вместе, работает на заводе

“Металлист”, другой живет в Ачинске и ежемесячно посылает ему 10-15 рублей» [13, л. 25]. Правда, он не учитывал, что сын, который работал на заводе, был 14-летним учащимся-подростком, а другого, к слову, отправлявшего отцу 5 рублей в месяц, как раз в 1932 г. призвали в армию.

Дискриминационное исключение Я.Д. Яковлева было, прежде всего, традиционным – по возрасту. А своей попытке трудоустроиться после 80 лет он писал: «Где есть публикация (*об имеющейся вакансии – прим. авт.*), я всюду иду, и всюду мне отказывают по старости»; «Где только появлялась [работа], подходящая для меня, туда бежал, но без протекции не приняли» [13, л. 27, 42].

Другим проявлением стигматизма в отношении Яковлева был отказ органов социального обеспечения и социального страхования признавать его полноценным инвалидом труда. С одной стороны, сам заведующий горсобесом писал: «Яковлев получает пенсию как инвалид труда», но тут же добавлял, что «другим инвалидам 2 группы увеличены пенсии, но это касалось лишь инвалидов рабочих» [13, л. 25]. Получается, что Яковлев формально выполнил главное условие, поставленное советской властью, чтобы получать пенсию – он заработал положенный стаж, однако полноценным рабочим (видимо, в силу идеологических барьеров) так и не стал. Вполне естественно, что он тоже это осознавал: «В прибавке пенсии мне отказали, потому что я... не рабочий, что совершенно противоречит фактической стороне дела... Меня лишают средств к существованию... за то, что я выдвинулся своим трудом, познаниями из многочисленного ряда простых рабочих» [13, л. 27].

Когда же и эти доводы перестали быть решающими, власть в лице завгорсобеса прибегла к типичному «наклеиванию ярлыков». Пытаясь окончательно сформировать негативный образ Яковлева, Макеев приписал в конце справки: «Кроме того, он является алкоголиком» [13, л. 25]. Это могло быть правдой, ибо, как отмечало выше, одним из последствий стигматизации может стать склонность к девиантному и даже делинквентному поведению. Доведенный до отчаяния бездушностью власти, Яковлев в сердцах пишет: «...меня толкают на преступление... Я умоляю спасти меня при глубокой старости от совершения преступления... [не хватало еще в таком возрасте] попасть в тюрьму» [13, л. 27].

Конечно, все это в совокупности привело к **психологическому исключению**, в первую очередь выразившемуся в отсутствии у Яковлева способности понимать происходящее. Он искренне недоумевает, почему в его стране сформировалось такое отношение к старику: «При нормальных условиях всякий человек движется по общественному служению постепенно, сообразно этому увеличивается его содержание, но по мере его возраста слабеют его физические силы, что вызывает необходимость в помощи ему – назначении пенсии... [Почему] во внимание не принимается ни моя старость, в силу которой только одной должна быть назначена пенсия в увеличенном размере, ни мое болезненное состояние (глухота, грыжа, сердце), ни стоимость жизненных припасов (превзошедшая за 3 года в 5 раз), ни заключение медицинской комиссии?» [13, л. 27, 40].

Налицо то самое отсутствие веры в социальную справедливость, которое дополняется попытками сравнить свое положение с положением других людей, которые, по мнению старика, «заслуживают меньше», чем он: «Нянька Анна Чачкина на 6 лет моложе меня... сын имеет дом, получала 14 руб. Домовладелец Саккеус, получающий [арендную плату] за квартиру, сын служит, дочь-доктор, получает гораздо больше меня пенсии» [13, л. 27].

Социальную эксклюзию невозможно рассматривать без ее антипода – инклюзии, т.е. государственных или общественных мер, призванных вернуть человека в общество. Однако в случае с томским пожилым юристом Я.Д. Яковлевым подобные меры предприняты не были. Он сам пытался преодолеть сначала свой статус «бывшего», затем «не пролетария», боролся с дискриминацией по возрасту, но, в конечном счете, проиграл в борьбе за свое полноценное социальное существование. Его собственных усилий без поддержки государственных и социальных институтов не хватило, чтобы преодолеть исключение из советского общества.

Как показало исследование, Я.Д. Яковлев был исключен из общества по всем направлениям. Кроме того, неоднократно было выявлено *перекрестное исключение*, которое, следует полагать, отягощало состояние исключенности пожилого инвалида в целом. В 70 лет он переквалифицировался из юриста в чернорабочие. Он получал пенсию от государства, но по минимально положенному ему по возрасту тарифу, которая в условиях постоянной инфляции превращалась в ничто. Заниматься тяжелым трудом после 80 лет он уже не мог, а вернуться к прежней профессии не давали, отказывая по возрастному критерию. Органы власти, к которым старик апеллировал в силу веры в действие закона, прибегали к «уважительному игнорированию» его персоны. Приняв советскую власть, дореволюционный юрист, даже став инвалидом труда в пролетарском обществе, так и не стал в новом обществе своим.

Переходя от частных выводов к общим, следует в первую очередь отметить, что историческое исследование с точки зрения теории социальной эксклюзии призвано ответить на вопрос, какое место занимал человек в обществе в определенную историческую эпоху. Можно попытаться ответить, почему отдельные представители отдельных социальных страт в тот или иной исторический период не были удовлетворены качеством своей жизни. Одни обыватели пребывали в состоянии социальной инклюзии и были органичной частью общества (например, советского социума), не испытывали проблем с тем, чтобы быть «своими», разделяя идеологию и ценности общества. Другие, находясь в состоянии социального исключения, выпадали из социального круга, становились лишними, чуждыми обществу, в котором были вынуждены жить.

Такой подход поможет глубже понять причины, почему для одних граждан период 1920–1930-х гг. был периодом великий свершений, а для других – нет. Это позволит не идеализировать или демонизировать время нэпа и форсированного строительства социализма, как и историю советского общества в целом или общество любого другого периода, а сформировать более

взвешенное, более объективное к нему отношение, глядя на историческую эпоху глазами человека прошлого, что является показателем профессионализма историка.

Безусловно, использование концепции социальной эксклюзии связано с многочисленными вопросами: что считать социальным исключением? почему в оценке преобладают негативные коннотации? подходит она только для социальной истории или для оценки исторических событий в других сферах общественной жизни? подходит ли она только для микроисторических исследований? и т.д.

Тому, кто планирует обратиться к этой концепции, нужно будет научиться выявлять причины проявления социального исключения, определять различные комбинации эксклюзии и инклюзии, понимать поведение и стратегии выживания обывателей, исключенных из общества, соотносить «естественные» и «искусственные» способы исключения и включения человека в общество. В любом случае, концепция социальной эксклюзии может быть использована для проведения микроисторического анализа, что требует дальнейшего ее изучения ее методологических возможностей и перспектив.

Список литературы и источников

1. Репина Л.П., Селунская Н. А. «Общие вопросы» и «частные ответы»: непрочитанные страницы Джованни Леви // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 323–342.

2. Wolf M. Globalization and social exclusion: Some paradoxes // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labor studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. Pp. 81–102.

3. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158–166.

4. Бородкин Ф. М. Социальная напряженность и агрессия // Мир России. 1997. №. 4. С. 107–150.

5. Бородкин Ф. М. Социальные эксклюзии [Электронный ресурс]. URL: www.nir.ru/socio/old/scipubl/sj/sj3-4-00brod.html

6. Тихонова Н. Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. №. 6. С. 5–17.

7. Астоянц М. С. К определению социального исключения // Гуманитарные и социально–экономические науки. 2006. № 1. С. 139–142

8. Напсо М. Д. Эксклюзия как предмет социально-философской рефлексии // Философская мысль. 2016. № 3. С. 46–55.

9. Ковалев А. С. Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг.: монография. Красноярск, 2018. 352 с.

10. Ankersmit F.R. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. Berkeley: University of California Pres, 1994. 244 p.

11. Хроники сломанной повседневности: повседневные практики студентов в период пандемии / под ред. М. С. Астоянц, Д. Н. Брайко, Д. А. Гугуева и др. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство ЮФУ, 2021. 114 с.

12. Ручкина Е. М. Речевая тактика уважительного игнорирования в ситуациях общения // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга, 2015. С. 349–353.

13. ГАТО. Ф. Р-446. Оп.1. Д. 70.

УДК 930.2(94+47)

РАСШИРЕНИЕ РАМОК МИКРОИСТОРИИ: КОМПАРАТИВИСТИКА И «ПЭЧВОРК» ПЕРИФЕРИЙНОЙ ИСТОРИИ

Павлова Ирина Петровна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

iripa@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам расширения поля микроистории. В качестве практического анализа выбраны работы немецкоязычных историков М. Вернли-Фаези (конкретно-историческое исследование истории отдельной больницы Москвы) и Г-К. Петерсена (исследование бедности в Санкт-Петербурге как части периферийной истории). Автор делает вывод о возможных направлениях эволюции микроистории в использовании сравнительного метода и мультисоциального исследования (создания «пэчворк»-картины) истории городского социума.

Ключевые слова: микроистория, периферия, компаративный метод, социальная история.

EXPANDING THE FRAMEWORK OF MICROHISTORY: COMPARATIVE STUDIES AND THE PATCHWORK OF PERIPHERAL HISTORY

Pavlova Irina Petrovna,

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

iripa@inbox.ru

Abstract: The article is devoted to the problems of expanding the field of microhistory. As a practical analysis, the works of German-speaking historians M. Wernli-Faesi (a specific historical study of the history of a separate hospital in Moscow) and G-K Hans-Christian Petersen (a study of poverty in St. Petersburg as part of a peripheral history) were selected. The author makes a conclusion about the possible directions of evolution of microhistory in the use of a comparative method

and multi-social research (creation of a "patchwork" picture) of the history of urban society.

Key words: microhistory, periphery, comparative method, social history.

Микроистория является относительно новооформленным понятием, хотя в реальности она существует давно, поскольку история возникала и развивалась как повествование об отдельных прошедших событиях и персонах. Современное общество, перенасыщенное информацией и способами ее получения, тяготеет к минимальным ее объемам. Если начать поисковую работу по понятию микроистория, то навигаторы выводят на понятия «краткие литературные, охотно читаемые сюжеты». В киноиндустрии и интернете распространяются мини формы.

Причины обращения к микроистории как к процессу анализа и описания истории малых территорий, обществ, сюжетов истории повседневности, видятся в нескольких плоскостях. Увлеченность обобщениями, цифровыми сводками и вопросами методологии зачастую приводили к выхолащиванию исторического поля от реальной жизни в прошлом, математические выкладки позволяли делать доказательные обобщения, однако уводили от повествовательной и «человечной» истории. Развиваясь с середины 1960-х гг., микроистория переживала периоды повышенного внимания и критического отстранения. Простое перечисление работ, включающих в название понятие «микроистория» уже занимает страницы. Активно развивается практика сбора и систематизации воспоминаний, жизнеописаний, обработки отдельных событийных кейсов. Конструирование пошедшей жизни в любом случае предполагает микроистории либо как исходный, либо как иллюстративный материал. Дж. Леви еще в 1991 г. отмечал, что «микроистория – это историографическая практика... в микроистории не существует ортодоксии, как не может ее быть в чисто экспериментальных исследованиях».

В значительном потоке статей и монографий показалось важным обратить внимание на работы, сочетающие метод компаративистики и микроисторический подход.

Первая монография – книга диссертационного типа Маргрит Вернли-Фаези «Екатерининская больница в Москве: к развитию русского народного госпиталя в сравнении со Швейцарией (Wernli-Faesi, Margrit. Das Katharinen-Krankenhaus in Moskau: Zur Entwicklung des russischen Volksspitals im Vergleich mit der Schweiz) (Цюрих, 1999 г.).

Маргрит Вернли-Фаези (Margrit Wernli-Faesi) – швейцарская исследовательница изучила историю больницы святой Екатерины в Москве), которая с 1943 г. называется МОНИКИ (Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского).

М. Вернли-Фаези (1926-2019) родилась в 1926 г. в Москве. Её семья вернулась в Швейцарию в 1932 г. Маргарит окончив гимназию в Цюрихе, работала учительницей в г. Адлисвиль. С 1988 г., то есть в возрасте 62-х лет начала учебу в университете по программе восточно-европейской истории (занимаясь одновременно русистикой и японологией) на философском

факультете в Цюрихе. По рассказу её руководителя (Карстена Гёрке) Маргрит интересовалась историей своей семьи: предки работали в этой больнице Москвы. Она приняла решение провести исследование истории Екатерининской больницы на архивных материалах, занялась историей медицины.

Больница в Москве возникла в ходе противочумного карантина 1770-х гг., с 1775 г. стала называться Екатерининской (с 1835 г. – Старо-Екатерининской). Больница открылась 19 июня 1776 года (по указу 12 августа 1775 года) на малонаселённой окраине Москвы, на 3-й Мещанской улице. Раньше неё для горожан Москвы была в 1763 году учреждена только Павловская больница. Сегодня в больнице работает 3300 сотрудников, 1205 койкомест.

Микроисторический подход проявился в исследовании в том, что автором рассматриваются отдельные, конкретные сюжеты, воспоминания, примеры, детали истории одной конкретной больницы. Она показывает, что сопутствующие вспомогательные отделы больницы св. Екатерины создавались по частной инициативе, например, приюты для сирот, нуждающихся, приводит ситуации знакомые сегодня, когда владельцы, соседи не хотели сдавать квартиры для бывших пациентов из-за боязни заразиться. В исследовании подчеркивается монополия иностранцев в аптечном деле до конца XIX века, приводятся перечни лекарств в аптеке больницы (1813 г.), списки одежды для пациентов и проч. Многие факты выявлены из найденного автором интервью с 84-х летней Еленой Сахаровой, которая была санитаркой в клинике в период ее расцвета в 1860-70-е гг. Сахарова описывает одежду сотрудников, рабочее время, кадровые вопросы (врачи, санитары и медсестры). Вспоминает, как многие врачи приезжали в экипажах, имели дома в городе и при визитах к больным носили фраки. Микроисторический подход проявился в книге в детальном освещении жизни больницы. Автор описала, как пациентов могли посещать родственники, как врачи сами курировали еду (куриный бульон и даже вино два раза в неделю), как вместо ваты использовали драпку из льна (сами пациенты участвовали в заготовке материалов). Описываются отдельные судьбы людей, среди них, например, Розанова Н.Н., отца В.Н. Розанова – оперировавшего Сталина в 1921 и Ленина в 1922 гг.

Расширение поля конкретно-исторического исследования автор провела за счёт методики компаративистики. Автор провела сравнение истории московской больницы с историей госпиталем кантона Цюриха. Госпиталь в Цюрихе возник в 1204 г. из останочного пункта для путешественников, убежища для нуждающихся. (В Москве первый госпиталь был создан в 1656 г.). Только на рубеже 18-19 вв. госпитали в Швейцарии превращаются в больницы. В 1833 г. с открытием кантонского университета начали формироваться собственные кадры. В 1854 г. вошел в силу закон кантона о медицинских кадрах, который обязывал сдавать экзамены на должность врача, аптекаря, ветеринара или акушерки. В Москве медицинское образование для врачей и их помощников развивалось раньше на базе МГУ. Обеспечение кадрами шло также из-за границы.

Корни различий в истории двух медицинских учреждений автор увидела в первую очередь в сознании населения. При этом делается вывод о том, что социальные мероприятия невозможно отделить от политики. В Цюрихе госпиталь возник «снизу». Больница св. Екатерины была открыта по инициативе государства в постэпидемический период (после оспы), и впоследствии управление больницы также курировалось государством. От имени императриц вносились экстренные (пожары) или регулярные взносы.

Таким образом, относительно небольшой по объему сравнительный сюжет сделал конкретно-историческое исследование более обобщающим, аналитическим.

Вторая работа Ганса-Кристиана Петерсена (Hans-Christian Petersen) «На окраине города?: Социальные пространства бедноты в Санкт-Петербурге (1850-1914)» (Кёльн; 2019) вышла в серии «Периферии». Вклад в европейскую и мировую историю («Peripheries». Contributions to European and Global History). Эта серия предлагает «новое понимание того, что предположительно знакомо». Обращение к периферийным зонам — географическим, социальным, интеллектуальным — ставит под сомнение традиционные историографические нарративы европейской новейшей истории (например, об индустриализации, урбанизации, демократизации), ищет новые пути за пределами методологических ограничений. Таким образом, по мнению авторов, должна способствовать децентрализации и провинциализации европейской истории.

Обычно понятие периферия в историческом контексте используется для обозначения дуальной схемы (модели): столица и провинция. В рецензируемой монографии Петерсена представлены результаты исследования истории окраинных пространств внутри столичного Санкт-Петербурга.

Однако для Петерсена периферийность включает в себя не только географическое пространство города. Периферия (окраинность) имеет два смысла: окраинность города и «окраинность» (маргинальность) социальных групп. В названии книги стоит знак вопроса: «На окраине города?».

Автор исходил из того, что в реально-географическом (картографическом) смысле периферия это не только заречная («заневская») сторона Петербурга: Васильевский остров, Петербургская, Выборгская стороны и др., которые в начале исследуемого автором периода были географически и культурно скорее пригородами. Это и другие городские пространства, где проживал «черный люд», например, районы вокруг рынков, вокзалов, мест уличной торговли. «Бедные люди» часто селились в подвальных помещениях и под крышами «богатых» домов. При этом основными жильцами этих часто доходных домов были состоятельные петербуржцы. Плотность проживания в центре города была значительно выше, чем на окраинах при наличии больших по площади квартир для богатых. Это было связано с наличием рабочих мест в центральной части города.

Удорожание жилья выдавливало малоимущих на окраины, ограничивало условия проживания углами, подвалами, чердаками, приютами, ночлежками. При этом стояли пустыми большие квартиры.

Автор соотнёс вопросы размещения с проблемами городского благоустройства: освещения, количества и качества дорог, санитарией, обеспеченностью питьевой водой. Например, сравнение освещенности центра и окраин показало, что в центре фонарей было больше в четыре раза, чем на окраинах. То же наблюдалось с вопросами обеспечения асфальтовым покрытием тротуаров. Показано, что смертность на окраинах была выше в период эпидемий и не только.

Приемы конкретной микроистории автор использовал на примерах «Вяземской лавры» и «Васиной деревни» на Васильевском острове. Источниками стали материалы местной печати и воспоминаний, записок жителей бедных районов (С. Дрожжина, М. Ключевой, Н. Свешникова), материалом из архивов присутственных мест (заявления, прошения, жалобы и проч.).

Важными для расширения конкретно-исторического подхода (с элементами метода микроистории) стали компаративистские сюжеты (сравнения с расселением бедных слоёв и проблемами решения проблемы бедности, выравнивания условий существования с Лондоном, Веной). Опыт такого подхода представляется чрезвычайно удачным.

В целом, развитие микроисторического метода видится не только в розыске сюжетов и источников для «идеального» микроисторического исследования, но также в сознательно конструированном типе научных текстов, которые являются мультиметодологическими, сочетающими разноплановые методы и приёмы.

Список литературы и источников

1. Petersen, Hans-Christian. *An den Rändern der Stadt?: Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850-1914)*. Köln, Böhlau Verlag, 2019. 402 S., (Peripherien 4. Beiträge zur Europäischen und Globalgeschichte).
2. Wernli-Faesi, Margrit. *Das Katharinen-Krankenhaus in Moskau: Zur Entwicklung des russischen Volksspitals im Vergleich mit der Schweiz*. Zürich, Juris Druck+Verlag Dietikon, 1999.
3. Репина Л.П., Селунская Н.А. «Общие вопросы» и «частные ответы»: непрочитанные страницы Джованни Леви // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 323-342.
4. Павлова И.П. Н.-С. Petersen. *An den Rändern der Stadt?: Soziale Räume der Armen in St. Petersburg (1850-1914)* // Российская история. 2022. Март-апрель. № 2. С. 229-233.

**СИБИРСКИЙ ОКТЯБРЬ КАК РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ
И ФАКТОР МИКРОИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА
(К 60-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ МОНОГРАФИИ В.П. САФРОНОВА
«ОКТЯБРЬ В СИБИРИ»)**

Рогачев Александр Георгиевич

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
kaf.history@mail.ru*

Аннотация: книга красноярского профессора В.П. Сафронова «Октябрь в Сибири» в 1962 г. стала заметным явлением сибирской и общесоюзной историографии Октябрьской революции 1917 г. В.В. Гришаев также связал своё научное творчество с изучением последствий Второй российской революции, как в стране, так и в Сибири. В 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Строительство Советов в деревне в первый год советской власти». А в 1973 г. В.В. Гришаев опубликовал книгу по сибирской микроистории «Красный хлебороб». История сибирского колхоза». Она оказалась примером исторического социологического исследования для других авторов. В этот период В.В. Гришаев и В.П. Сафронов успешно сотрудничали в Красноярске и провели совместно с другими сибирскими учеными ряд важнейших научных практических конференций.

Ключевые слова: Вторая революция в России, Октябрь в Сибири, В.И. Ленин, И.В. Сталин, В.П. Сафронов, М.М. Шорников, П.Н. Мешалкин, В.В. Гришаев, Красноярск, Новосибирск, большевики, советская власть в Сибири.

**SIBERIAN OCTOBER AS A REGIONAL REFLECTION AND A FACTOR
OF THE MICROHISTORY OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917
(ON THE 60TH ANNIVERSARY OF THE PUBLICATION
OF V.P. SAFRONOV'S MONOGRAPH «OCTOBER IN SIBERIA»)**

Rogachev Alexander Georgievich

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
kaf.history@mail.ru*

«October in Siberia» in 1962 became a notable phenomenon in the Siberian and all-Union historiography of the October Revolution of 1917. V.V. Grishaev also connected his scientific work with the study of the consequences of the Second Russian Revolution, both in the country and in Siberia. In 1967, he defended his Ph.D. thesis «Building Soviets in the Countryside in the First Year of Soviet Power». And in 1973 V.V. Grishaev published a book on Siberian microhistory «The Red Grain Grower». History of the Siberian collective farm. It turned out to be an example of historical sociological research for other authors. During this period, V.V. Grishaev and V.P. Safronov successfully cooperated in Krasnoyarsk and held a

number of important scientific practical conferences together with other Siberian scientists.

Keywords: Second Revolution in Russia, October in Siberia, V.I. Lenin, I.V. Stalin, V.P. Safronov, M.M. Shornikov, P.N. Meshalkin, V.V. Grishaev, Krasnoyarsk, Novosibirsk, Bolsheviks, Soviet power in Siberia.

Малая история (микроистория) Второй революции в России в любом регионе нашей страны имеет свою характерную специфику. Это в полной мере относится и к Сибири, к Красноярску.

В 2022 г. исполняется 105 лет со времени революции 1917 г. и начала хроники её событий на пространстве от Урала до Дальнего Востока.

Микроанализ сибирских революционных событий в историческом плане начался сразу по их следам. Эти исследования по микроистории печатались затем в разные годы. [1]

Примерно до середины 30-х годов XX века сибирская октябрьская литература местных историков содержала интересные факты, живые свидетельства, оригинальные суждения и обобщения. Так, например, уникальным общественным историческим явлением стала Минусинская коммуна 1917-1918 гг. Эта форма народного самоуправления достойна глубокого изучения и в наше время.

Очень важны для историографии и источниковедения воспоминания первого председателя Центросибири Б.З. Шумяцкого «Сибирь на путях к Октябрю». Подобные рукописи и издания дополнили и резко расширили микроанализ событий Октябрьской революции живыми историческими персонажами и фактами.

Во второй половине 30-х годов XX века в советскую историческую науку пришли жесткие заморозки. Общественно-политическая оттепель наступит только двадцать лет спустя.

25 февраля 1956 г. в специальный завершающий особый день XX съезда КПСС (14-25 февраля 1956 г.) Н.С. Хрущев прочитает съезду (на котором встретились «Россия сидевшая и Россия сажавшая» в качестве делегатов) тайный доклад «О культе личности и его последствиях». Н.С. Хрущев оказался весьма смелым и решительным человеком, но даже в названии этого доклада не указано имя И.В. Сталина. Делегаты молча выслушали и без обсуждения (не было предусмотрено) в необыкновенном душевном волнении разъехались по своим партийным организациям. 33 года в СССР этот доклад затем скрывали от публикации для народа.

30 июня 1956 г. ЦК КПСС принял свое постановление «О преодолении культа личности и его последствий». Формулировки этого документа весьма туманны: получилось как бы за все хорошее против всего плохого; Сталин отдельно, культ его личности отдельно.

«Букварь первоклассника» 1956 г. вышел с цветными портретами В.И. Ленина и И.В. Сталина. Только в 1957 г. портрет И.В. Сталина из букваря убрали. Но до осени 1961 г. И.В. Сталин продолжал лежать рядом с В.И. Лениным в Мавзолее на Красной площади. Автору этих строк довелось в

декабре 1961 г. посетить Мавзолей: В.И. Ленин в военном френче лежал один внутри большого саркофага. А рядом с Мавзолеем появилась свежая могила И.В. Сталина, на которую постоянно приносили живую красную розу сталинские поклонники.

«Краткий курс истории ВКП (б)», изданный во второй половине 30-х годов, оставался в 1956-1961 гг. прокрустовым ложем для всех советских историков. Всякие микроистории Октября и его микроанализ приветствовались только как безусловное подтверждение незыблемых постулатов краткого курса фактически вплоть до XXII съезда КПСС.

А чтобы написать историческую работу по Октябрю 1917 г. в 40-е - начале 50-х годов XX века требовалась определенная смелость и немалая.

И, тем не менее, к 30-летию Октября появилась работа М.М. Шорникова, посвященная деятельности большевиков Сибири, их борьбе за революцию. А к 35-летию революции свою первую книгу издал В.П. Сафронов. Она рассказывала о работе красноярских большевиков по осуществлению революции 1917 г. в Сибири. [2]

Публикации М.М. Шорникова и В.П. Сафронова стали основой их кандидатских диссертаций.

В дальнейшем между М.М. Шорниковым и В.П. Сафроновым продолжалось определенное научное соревнование (даже как бы между Красноярском и Новосибирском) в плане освященных октябрьских событий.

Историки Сибири и всей страны после марта 1953 г. не понимали: как писать о роли И.В. Сталина в Октябрьской революции.

Собственно только XXII съезд КПСС осенью 1961 г. поставил определенную точку. Он рассмотрел вопрос о мавзолее В.И. Ленина и выносе из него тела И.В. Сталина. На этом съезде один делегат, старый заслуженный рабочий, рассказал вполне мистическую историю: якобы ему приснился сон, в котором В.И. Ленин спрашивал у советских коммунистов – почему я лежу рядом с этим человеком (И.В. Сталиным)?

На основе решения XXII съезда и была проведена тайная операция по выносу сталинского тела. Образно говоря, Сталина вынесли из истории.

XXII съезд также завершил разгром антипартийной группы, осужденной партией ещё в 1957 г.

Теперь руки и мысли историков оказались более свободными от Краткого курса истории ВКП (б). Хотя создать новый полноценный партийный «завет» до конца так и не удалось. Сталинизм продолжал тянуть в прошлое к прежним методам строительства социализма и коммунизма. Но попытка Л.И. Брежнева восстановить в 1969 г. былое место И.В. Сталина в истории не нашла поддержки в рядах советской элиты. Леонид Ильич Брежнев, будучи сталинистом в своей основе, вынужден был от полной реабилитации И.В. Сталина отказаться. Сталин появился как позитивный персонаж в ряде литературных, художественных произведений, в кинематографе – в фильмах о Великой Отечественной войне, но не более.

Между тем В.П. Сафронов и М.М. Шорников к 45 –летию Октября 1917 г. и его сибирского микроотражения готовили уже фундаментальные материалы для публикации в виде монографий своих докторских диссертаций.

И здесь В.П. Сафронов хронологически М.М. Шорникова опередил. Его книга «Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917- март 1918 г.)» вышла на год раньше книги М.М. Шорникова. [3]

Дискуссия об этом соревновании-противостоянии в определенном плане оживилась в середине 90-х годов XX века, бурными красками расцвела даже откровенная мифология (типа кто у кого списал?)

Можно точно сказать сегодня, что никто не у кого из этих двух авторов не переписывал чужие тексты. Такие подозрения не более чем полемический запал и чувство нездоровой научной ревности между красноярцами-историками и их коллегами новосибирцами.

Интересно то, что историк Л.В. Курас в 1995 г. выпустил монографию и затем защитил докторскую диссертацию, посвященную теме «Октябрьская революция в Сибири 1917 – середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках». [4]

В своем исследовании Л.В. Курас значительное внимание уделил сравнительному анализу монографий В.П. Сафронова и М.М. Шорникова.

Л.В. Курас отметил, что их работы по сравнению с предшествующим периодом и другими авторами характеризует более широкая база различных документов. В.П. Сафронов и М.М. Шорников глубоко и всесторонне осветили деятельность большевиков по осуществлению курса РСДРП (б) на углубление революции, вовлечение в неё широких масс, представителей разных народов Сибири.

Сибирские историки продолжительное время дискутировали о научном подходе, в котором написаны монографии. При этом считалось, что книга М.М. Шорникова представляет собой партийное исследование, ну а работа В.П. Сафронова создана как общегражданское повествование. Однако можно отметить, что монография В.П. Сафронова так же написана в историко-партийном плане. Принципиально, то что обе работы были глубоко научны и дали повод как для размышлений, так и для разработки новых исторических подходов и дальнейших исследований.

Их различия следующие: так монография М.М. Шорникова содержит более обширную историографию октябрьской революционной темы в Сибири. Конечно, она получилась далекой от совершенства. В ней не всегда установлен правильно акцент при характеристике разных этапов Октября. Однако историографический анализ на первых этапах развития исторической науки раньше вообще отсутствовал. Исследование М.М. Шорникова подтолкнуло всех историков к созданию историографических работ.

Следующее отличие уже географического характера. В книге В.П. Сафронова в большей мере показана деятельность организаций Восточной Сибири. А у М.М. Шорникова это в основном Западная Сибирь.

В работе М.М. Шорникова представлено большое количество персоналий сибирских революционеров. В этом она имеет позитивное преимущество. Хотя более сжатые персональные характеристики есть и у В.П. Сафронова. Это тем более важно, что имена многих активных революционеров участников событий 1917 г. в Сибири долгие годы находились под запретом. [5]

В целом оба автора практически не повторяют друг друга, а динамично дополняют. В.П. Сафронов и М.М. Шорников диалектически расширили совместно горизонты исследования темы сибирского Октября.

Монография В.П. Сафронова содержит в себе 723 страницы текста, объем её более 37 печатных листов.

В ней в качестве приложений указаны журналы и газеты за 1917-1918 годы, имеется указатель имен с краткой характеристикой каждого.

Примечательно, что И.В. Сталин отсутствует в персоналиях совсем. Меншевики и эсеры презрительно указаны только пофамильно без инициалов. То есть в некотором смысле из одной крайности состоялся переход в другую (например, в отношении И.В. Сталина). А Гражданская война с противниками В.И. Ленина продолжалась.

В.П. Сафронов опубликовал список предприятий Сибири и Дальнего Востока с количеством рабочих более 500 в 1917 г. Это очень важная социологическая характеристика того времени.

Приводятся список забастовок в регионе с июля 1907 г. по октябрь 1917 г., сведения о большевистских организациях в период с марта по декабрь 1917 г., информация о Советах за 1917 г., о профсоюзах Сибири в это время.

Можно утверждать, что В.П. Сафронов проделал феноменальную фундаментальную работу по изучению истории Октября в Сибири как микроистории и её микроанализу.

В.В. Гришаев активно сотрудничал с профессором В.П. Сафроновым, который в середине 70-х годов XX века являлся заведующим кафедрой истории КПСС Красноярского политехнического института. Василий Васильевич заведовал кафедрой истории КПСС Красноярского государственного университета. Он возглавил затем собственную историческую школу, подготовил большое количество учеников и научных изданий. [6]

В июле 1973 г. автор этих строк стал преподавателем кафедры В.В. Гришаева, и по его указанию сразу отправился в помощь П.Н. Мешалкину для технического редактирования материалов краевой конференции, посвященной 70-летию Второго съезда РСДРП и возникновению большевизма. В подготовке этой конференции активное участие принимал В.П. Сафронов. Он до этого длительное время работал вместе с П.Н. Мешалкиным в Красноярском педагогическом институте, где Виктор Петрович и занимал должность ректора. Петр Николаевич Мешалкин являлся можно сказать штатным редактором всех краевых конференций в те годы. В.В. Гришаев, П.Н. Мешалкин, В.П. Сафронов тесно сотрудничали друг с другом в области историко-партийной науки, истории Сибири и Красноярского края.

В своей книге «Октябрь в Сибири» В.П. Сафронов столкнулся с рядом деликатных исторических проблем и вопросов того времени.

Одной из них была следующая: в июле-августе 1917 г. красноярские большевики, которые безоговорочно господствовали в местном Совете и победили на выборах в городскую думу Красноярска, не сняли лозунг политический «Вся власть советам!». Они посчитали необходимым его оставить. Красноярск не случайно называют сибирским Кронштадтом за ярко выраженные большевизм и революционность. Но получилось так, что они не выполнили требования В.И. Ленина о снятии (временном) лозунга «Вся власть Советам!». В итоге ничего страшного не случилось, но В.П. Сафронов сильно переживает в своей книге о том, что местные партийцы игнорировали волю В.И. Ленина, долго находились в единых партийных организациях вместе с меньшевиками (термин ругательный и обидный: меньшевиками своих противников в партии назвал В.И. Ленин.)

С точки зрения с постсоветской эпохи можно в этом плане отметить следующее: красноярские партийцы оказались ближе к демократической стороне Второй революции в России. Но она, эта демократия, к сожалению не состоялась. Советы довольно быстро стали органами партийной диктатуры большевиков.

В горниле Гражданской войны погибло только зародившееся в 1917 г. Сибирское земство (вместо возможного соединения с Советами его просто уничтожили большевики).

В плане микроистории сибирские октябрьские события дали мощный толчок здесь на местах общественно-государственной модернизации, которую в последствие прочно оседлают большевики. Но подлинной демократической модернизации в целом в СССР и Сибири не получилось [7].

Между тем предпосылки для такой приемлемой народом как своей метаморфозы были. Это показывает и исследование В.П. Сафронова, осуществленное более 60-ти лет назад.

Список литературы и источников:

1. Партизанское движение в Сибири. Том I. Приенисейский край (Материалы подготовлены к печати А.Н. Туруновым под редакцией и с предисловием В.В. Максакова). М.-Л.: Государственное изд-во, 1925; Сибирская новь: Хрестоматия по истории революционного движения в Сибири за 10 лет / Сост. Г. Пушкарев: Под. ред. А. Аксон. Новосибирск: Сибкрайиздат. 1927.; Гудошников М. Сибирь: Историческая хрестоматия. Москва – Иркутск: Вост. Сиб. Краевое государственное изд-во, 1932; Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенко К. Минусинская коммуна 1917-1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934.; Шумяцкий Б.З. Сибирь на путях к Октябрю: воспоминание первого пред. Центросибири. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989 и др.

2. Шорников М. Большевики Сибири в борьбе за Октябрь. Новосибирск: ОГИЗ, 1947.; Сафронов В.П. Красноярская большевистская организация в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции (апрель 1917 г.-1918 г.). Красноярск: Краснояр. краевое изд-во. 1952.

3. Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 г.- март 1918 г.). Красноярск: Краснояр. краевое изд-во. 1962.; Шорников М.М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963.

4. Курас Л.В. Октябрьская революция в Сибири 1917-середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках.- Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995.

5. Там же, с.157-158.

6. Гришаев В.В. Строительство Советов в первый год социалистической революции. – М., 1967; Гришаев В.В. Красный хлебороб. – Красноярск, 1973. Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917-1929 гг. – М.: 1976.; Гришаев В.В. История сельскохозяйственных коммун. Итоги изучения. Проблемы. – Красноярск, 1986; Гришаев В.В. Коммунары Сибири.- Красноярск, 1987; Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 100-летию начала деятельности первой российской Государственной думы: Красноярск, 18 мая 2006; В.В. Гришаев (отв. ред.). - Красноярск: Краснояр. писатель, 2006; Перестройки в российской истории: исторический опыт и уроки XX века.- Красноярск, 1996.; Рогачев А.Г. Школа красноярских историков-аграрников советского периода: в кн. XX век. Исторический опыт аграрного освоения Сибири: мат-лы респ. науч. конф. (под. Ред. В.В. Гришаева); Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1993;

7. Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект 1917-1925 годы: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 1999; Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917-1925-е годы) / А.Г. Рогачев, Краснояр. гос. аграр. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск, 2008

УДК 796.525/.526(571.51) (093"1949/...")

***ИСТОРИЯ АЛЬПИНИЗМА И СКАЛОЛАЗАНИЯ КРАСНОЯРСКОГО
КРАЯ В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ФОНДА В. А. УШАКОВА
(ПО ДОКУМЕНТАМ КГКУ «ГАКК»)***

Соколова Евгения Васильевна

*КГКУ «Государственный архив Красноярского края», Красноярск, Россия
evg3984442@yandex.ru*

Аннотация: В Красноярском крае альпинизм и скалолазание культивируются как вид спорта с 1949 г., когда была образована секция альпинизма, туризма и скалолазания. Документы личного фонда В. А. Ушакова позволяют более подробно ознакомиться с развитием этих видов спорта в крае, а также участия красноярских спортсменов во всесоюзных и международных соревнованиях.

Ключевые слова: спорт, физкультура, альпинизм, скалолазание, соревнование, восхождение, семитысячники, экспедиция.

***THE HISTORY OF MOUNTAINEERING AND ROCK CLIMBING
OF THE KRASNOYARSK TERRITORY IN THE DOCUMENTS
OF THE PERSONAL FUND OF V.A. USHAKOV
(ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE KGKU "GAKK")***

Sokolova Evgeniya Vasilyevna

*State Archive of the Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia
evg3984442@yandex.ru*

Abstract: In the Krasnoyarsk Territory, mountaineering and rock climbing have been cultivated as a sport since 1949, when the section of mountaineering, tourism and rock climbing was formed. The documents of the personal fund of V. A. Ushakov allow you to get acquainted in more detail with the development of these sports in the region, as well as the participation of Krasnoyarsk athletes in All-Union and international competitions.

Keywords: sport, physical education, mountaineering, rock climbing, competition, climbing, seven thousand meters, expedition.

Владимир Алексеевич Ушаков – альпинист, мастер спорта СССР. Родился 26 ноября 1937 г. в г. Хабаровске. После окончания Сибирского технологического института в 1962 г. был назначен начальником смены на Красноярском шинном заводе, позже начальником штаба ГО на деревообрабатывающем заводе. С 1976 по 1984 г. работал в краевом комитете по физической культуре и спорту, затем инструктором физической культуры в ГАПО-1 и на судоремонтном заводе [1, л.1-3].

Занимался общественной работой: избирался председателем краевых секций по альпинизму ДСО "Буревестник" (1960 – 1964) и ДСО "Труд" (1965 – 1966), членом президиума Красноярской краевой федерации альпинизма с 1967 по 1969 гг. и её председателем с 1972 по 1982 гг., был секретарем президиума краевой федерации хоккея с мячом (1983 – 1989) [2, л.3].

Владимир Ушаков активно участвовал в соревнованиях по альпинизму. В собранных Владимиром Алексеевичем материалах о спортивных достижениях краевого альпинизма сохранились отчеты как о восхождениях с его непосредственным участием, так и его товарищей, спортсменов-альпинистов Красноярья.

Ещё до 1949 г., когда альпинизм и скалолазание стали культивироваться как вид спорта, большой вклад в развитие альпинизма в Красноярском крае внесли братья Евгений Михайлович и Виталий Михайлович Абалаковы. Покорив вершины Кавказа, Памира и Тянь-Шаня, они передавали накопленный опыт, обучая следующее поколение спортсменов. Евгений Михайлович является одним из авторов советской методики преподавания альпинизма. Владимир Ушаков состоял в переписке с Евгением Абалаковым и также был тем, кто в 1976 г. возродил ежегодные Всесоюзные соревнования по скалолазанию на приз Евгения Абалакова.

В 1949 г. была образована секция альпинизма, туризма и скалолазания. В 1952 г. альпинист В. Л. Рубанов стал первым мастером спорта СССР в Красноярском крае. В период с 1952 по 1954 гг. В. Рубанов совершил ряд технически сложных восхождений на вершины Кавказа и Тянь-Шаня. Позднее красноярскими спортсменами были совершены первые высотные восхождения на пик В.И. Ленина (7134 м.) в 1965 г. и на вершину Раздельная (6148 м.) на Памире. 25 декабря 1964 г. секция альпинизма, туризма и скалолазания была преобразована в Красноярскую краевую федерацию альпинизма, Владимир Ушаков стал ее председателем в 1972 г. [3, л.43-45].

Согласно сохранившимся положениям и отчётам о чемпионатах по альпинизму, в Красноярском крае сформировалось большое количество профессиональных скалолазных команд, регулярно участвовавших в соревнованиях краевого уровня, чемпионатах СССР, а позднее и международных соревнованиях. Основными местами проведения чемпионатов СССР по альпинизму были районы Кавказа, Памира, Тянь-Шаня, Алтай. Чемпионаты проводились по четырём классам: скальный (восхождение на вершины высотой до 4250 м. или траверс таких вершин), технический (высотой 4251 – 5250 м.), высотно-технический (высотой 5251 – 6500 м.) и высотный (вершины выше 6500 м.). В зависимости от класса восхождения менялось количество участников в команде (от 6 до 8 человек). После окончания восхождения команды были обязаны в течении трех дней организовать разбор восхождения под руководством судьи, который затем составлял письменное заключение [4, л.1-5]. Позднее, когда Владимир Ушаков закончил свои восхождения, он принимал участие в качестве судьи во многих соревнованиях и чемпионатах по альпинизму и скалолазанию. В документах личного фонда сохранились его записи об итогах восхождения команд, советы для будущих

соревнований, заметки о том, что можно улучшить в проведении и судействе чемпионатов.

За покорение всех семитысячников Советского Союза – пиков Ленина, Коммунизма, Победы, Хан-Тенгри и Евгении Корженевской – Владимиру Алексеевичу Ушакову было присвоено звание "снежный барс" (неофициальный титул (звание) у альпинистов). Звание «Покоритель высочайших гор СССР» («Снежный барс») и знак, которым награждается альпинист, утверждены Федерацией альпинизма СССР в 1966 г. На первое января 1975 г. «Снежных барсов» в стране было 82. В отчете о восхождении на пик Ленина, высота которого 7134 метра, Ушаков описывал трудности, с которыми пришлось столкнуться команде спортсменов: «Самый трудный и опасный участок маршрута, от перевала Крыленко до вершины, участникам восхождения пришлось проходить по крутым склонам с тщательной страховкой, по очень глубокому снегу. Крутые, местами сильно разрушенные скалы, залитые льдом и присыпанные снегом, полук пригодных для нормальных ночевки на стене нет, ночевки в основном сидячие... Проваливаясь в рыхлом снегу, постоянно сменяя впереди идущего, спортсмены уверенно продвигались к цели. Впереди - предвершинный взлет, так называемая «запятая». Это отдельные выходы скал с натечным льдом. Остро чувствуется большая высота. Дышать трудно. После 10-15 шагов приходится делать остановки и восстанавливать дыхание. На «запятую» встречаются технические трудности: крутой лед и скалы. Альпинисты идут, тщательно страхуя друг друга веревками. Но вот последние метры упорного штурма. Вершина пика Ленина взята. Победа!» [5, л.27].

В 1969 г. Владимир Алексеевич стал мастером спорта СССР по альпинизму, а также чемпионом СССР в классе технически сложных восхождений, награжден дипломом 1 степени и Памятным адресом Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР за восхождение на пик Свободная Корея: «Альпинисты Красноярска под руководством Валерия Беззубкина, инженера завода «Красмаш», бронзового призера первенства СССР по альпинизму 1968 г., совершили недавно сложнейшее восхождение по центру северной стены вершины Свободная Корея. Эта вершина находится в Киргизском Ала-Тоо на Тянь-Шане. Красноярцы выступали в первенстве СССР по альпинизму 1969 г. по классу технически сложных восхождений. В состав команды входили кандидаты в мастера спорта инженер завода искусственного волокна Юрий Андреев, инструктор Виктор Суханов, механик завода комбайнов Владислав Лях, электрик судоремонтного завода Виктор Пономарев и автор этих строк (В. Ушаков). К этому сложнейшему восхождению команда готовилась с 1964 года. Восемь суток альпинисты штурмовали вершину. Они поднимались по отвесным скалам, нависающим карнизам, ледовым стенкам. Ночевали на узеньких 20-30-сантиметровых полочках, сидя, пристегивая себя и вещи к крючьям, вбитым в скалы. Первые три дня альпинисты поднимались в непогоду, шел сильный снег, был ветер и туман. Иногда проходили в день всего 70-90 метров. И только на восьмые сутки красноярцы поднялись на вершину, на высоту 4750 метров». [6, л.1-3]. В последующие годы эти высоты стали тренировочной площадкой для подготовки спортсменов высшего класса.

Красноярские спортсмены завоевывали здесь трижды серебряные (1991, 1994, 2000) и один раз (1995) золотые медали на чемпионатах страны.

В 1975 г. в состав команды СССР для восхождения на высочайшую точку планеты Эверест были включены трое красноярских альпинистов – В. В. Беззубкин, В. А. Ушаков и Ю. Андреев. Однако правительство Непала перенесло сроки экспедиции на 1982 г. За это время изменились обстоятельства. В. А. Ушаков и Ю. Андреев уже не проходили по возрасту, а В. В. Беззубкин и Р. Ф. Беззубкина погибли в 1981 г. В дальнейшем Ушаков фигурировал в чемпионатах СССР по альпинизму уже в качестве судьи.

Параллельно с чемпионатами страны, красноярцы, начиная с 1964 г., ежегодно на «Столбах» проводят соревнования имени Евгения Абалакова [7, л.1,2]. Всероссийский спорткомитет поддержал инициативу сибиряков и учредил памятный переходящий приз. Эти соревнования приобрели ранг всесоюзных. В Красноярске слово «скалолазание» неразрывно связано со скалами этого Государственного природного заповедника.

Первые соревнования по скалолазанию в Красноярске прошли на «Столбах» 27 октября 1949 г. А уже с 1950-го г. начинают регулярно проводиться чемпионаты города и края по скалолазанию [7, л.11].

В октябре 1949 г. «Красноярский рабочий» писал: «С каждым годом Красноярский государственный заповедник «Столбы» привлекает все большее внимание не только трудящихся нашего края, но и всего Советского Союза. Сибирские «Столбы» становятся подлинной школой мастеров скалолазов». «Столбы» помогли красноярским спортсменам не только завоевать признание в советском спортивном скалолазании, но и проложить дорогу в большой альпинизм («У молодежи Красноярского края большое спортивное будущее. Основная в стране база для скалолазания - красноярские «Столбы». Она открывает нашим юношам и девушкам широкую дорогу к высокогорному спорту, в альпинизм, дорогу, которой так блестяще шли братья Евгений и Виталий Абалаковы») [8, л.23].

В газете «Красноярский рабочий» В. Ушаков описывал соревнования им. Абалакова 1982 г.: «В государственном заповеднике «Столбы» закончились XIX Всесоюзные соревнования по скалолазанию на приз нашего земляка, заслуженного мастера спорта Евгения Михайловича Абалакова. В них участвовали лучшие скалолазы нашей страны. 21 команда боролась за почетный приз - тульский самовар. На старт вышли и члены сборной команды СССР. В индивидуальном лазании у мужчин на отвесной Манской стенке все три призовых места заняли красноярцы, у женщин в индивидуальном лазании также первенствовала наша землячка (мастер спорта Ирина Филиппова), высокое мастерство продемонстрировали спортсмены в «домбайских связках». Самый интересный вид скалолазания - парная гонка - проводился при многочисленных болельщиках на Первом столбе. Переходящий приз вновь остался в Красноярске» [9, л.61].

В собранных Владимиром Алексеевичем материалах отражено то, с какой скоростью альпинизм и скалолазание широко распространялись как виды спорта и как непрофессиональные спортсмены становились мастерами спорта,

не боясь трудностей покорения высот. Документы личного фонда Владимира Алексеевича Ушакова, находящиеся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, позволяют более подробно ознакомиться с развитием альпинизма и скалолазания в Красноярском крае, а также участия красноярских спортсменов во всесоюзных и мировых соревнованиях. Отдав много лет покорениям вершин, Владимиру Алексеевичу также удалось сохранить часть истории развития этих видов спорта, опасных, рискованных, но от этого более манящие и зовущие любителей экстрима романтики высоких гор.

Владимир Алексеевич Ушаков умер 24 апреля 1997 г. За всю жизнь Владимиру Алексеевичу было вручено множество спортивных наград высшей “пробы” и ему были присвоены звания: судья республиканской категории по скалолазанию (1976), судья 1 категории по альпинизму (1978) [10, л.1-7], судья 1 категории по хоккею с мячом (1979) [11, л.15].

Список литературы и источников

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф.Р-2569. Оп.1. Д.6.
2. ГАКК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.3.
3. ГАКК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.248.
4. ГАКК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.76.
5. ГАКК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.32.
6. ГАКК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.54.
7. ГАКК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.62.
8. ГАКК. Газета «Красноярский рабочий», IV квартал, 1949 г.
9. ГАКК. Газета «Красноярский рабочий», II квартал, 1982 г.
10. ГАКК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.2
11. ГАКК. Ф.Р-2569. Оп.1. Д.11

УДК 621.3.04

СТАТУС МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Тихоньких Виктор Петрович

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,

Абакан, Республика Хакасия, Россия

vtctor/tikhonkikh@mail.ru

Аннотация: Биографии, представленные в макроистории и в микроистории, отражают разные уровни социального бытия. И это создает определенную коллизию в методах макроисторического и микроисторического исследования биографий личности и в понимании предмета микроистории, а также места и статуса этого направления в исторической науке. Автор

стремится определить статус микроисторического направления в исторической науке и его связь с «большой» историей.

Ключевые слова: микроистория, макроистория, статус микроистории, коллизия, историческая биография, совместимость.

THE STATUS OF THE MICROHISTORIC TREND IN HISTORICAL SCIENCE

Tikhonkikh Viktor Petrovich

*N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Republic of Khakassia, Russia
vtctor/tikhonkikh@mail.ru*

Annotation: Biographies presented in macro-history and micro-history reflect different levels of social existence. And this creates a certain conflict in the methods of macro-historical and micro-historical research of the biographies of the individual and in the understanding of the subject of micro-history, as well as the place and status of this direction in historical science. The author seeks to determine the status of the microhistoric trend in historical science and its connection with the "big" history.

Keywords: microhistory, macrohistory, status of microhistory, collision, historical biography, compatibility.

В постсоветский период в стремлении уйти от прошлого идеологического диктата популярность микроистории в России получает новый импульс развития. Это вызвало активные изменения теоретических оснований исторической биографии [8, с.184]. Были пересмотрены многие базовые положения «классической» социальной истории. Основное внимание микроисториков сосредотачивается на поведенческих типах, которые определяют формы социальной идентичности личности. Если в «классическом» варианте лишь констатировались те или иные характеристики социальных групп, то микроисторик предложили перевести социоисторический анализ в сферу множественных и гибких социальных идентичностей, которые солидарны и, одновременно, конкурентны друг с другом [10, с.181]. Для этого необходимо реконструировать как можно большее число судеб и на этой основе определить динамику, содержание и вектор исторического развития.

Значительный вклад в развитие теории и методологии микроистории в постсоветский период принадлежит выдающемуся ученому-историку Л. П. Репиной. На основе анализа утвердившегося на Западе в 80-х гг. XX века понятия «personal history» Л. П. Репина пришла к выводу, что использование этого понятия как основополагающего в западных исследованиях биографии размывается и становится малопригодным для конкретного использования [12, с.76-100; 13, с.257-324]. В качестве основного объекта исследования «персональной истории» Л. П. Репина предлагает «персональные тексты», а в качестве предмета исследования – «история одной жизни» [5, с.7]. В результате предметное поле существенно расширилось и «номенклатура» героев выросла за счет людей, которые не являются выдающимися историческими деятелями

[14, с.5]. Для понимания сущности конкретной исторической ситуации требуется широкое использование источников, отражающих состояние личности и изучение конкретной социальной и культурной среды жизни личности. Такой подход обозначен Л. П. Репиной как «новая биографическая история» [12, с.78; 13, с. 287–324; 15, с.344–360]. Новая биографическая история отличается от традиционной биографии тем, что жизнь и судьбы исторических индивидов, «следы» их деятельности в конкретном историческом обществе выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического процесса социума [12, с.78].

Позицию Л.П. Репиной разделяет Д. М. Володихин для которого значим любой человек с индивидуальными особенностями независимо от его социального положения, образования и профессии: «...годится биография индивидуума любого калибра: от Наполеона Бонапарта до третьестепенного польского велосипедиста, лишь бы источники давали возможность по-настоящему глубоко заглянуть в его внутренний мир» [3, с.257-259]. Д. М. Володихин сужает направление исторического исследования до личной истории незначительной личности. Внутренний мир Наполеона Бонапарта и его влияние на судьбы Европы и внутренний мир «третьестепенного польского велосипедиста» значительно отличаются и естественно содержание их жизни для понимания исторической эпохи им соответствующей, влияние их личностей на историю человечества, несоизмеримы.

Справедливо замечание Дж. Леви, что «Элементы биографии отдельного человека оцениваются как исторически важные, только если они имеют более общее значение» [11,с.197]. Необходим герой, который, будучи верен своей миссии, способен приподнять целый пласт исторической жизни общества.

Значительный вклад в осмысление проблемы статуса микроистории вносит альманах Ю. Л. Бессмертного, созданный им в 1996 г. под названием «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории». Альманах нацелен на изучение места микроистории в процессе биографических исследований. В первом выпуске альманаха Ю. Л. Бессмертный опубликовал статью «Что за казус?» [1]. В статье была выдвинута «казуальная теория», через которую рассматривался вопрос микроисторического анализа. Казус понимался как форма проблематизации, когда, ставя под сомнение событие, определяются его значимость, нормы, оценки. Казус приводит в действие способность суждения о явлении. Поставлен вопрос, но нет окончательного ответа на него, требуется принять решение, но сам в себе казус решения не содержит. Целью своего подхода автор «казуальной теории» видит осмысление исторического процесса в переходе от единичного и индивидуального через анализ нетипичных казусов того как в различные эпохи совершался переход к массовому восприятию истории.

Одна из особенностей казуального подхода Ю. Л. Бессмертного – сосредоточение внимания на поступках и действиях индивидов, которые представляются как предмет исследования. Микроистория понимается им как история автономно действующих субъектов, способных выбирать стратегию

своего поведения и по-своему желанию менять имеющиеся цели и установки. Автор статьи «Что за казус?» понимает микроисторию как независимое направление исторического исследования.

Вопрос о самостоятельном статусе микроистории и ее соотношении с макроисторией также поставлен Н.Е. Копосовым в статье «О невозможности микроистории», где указывается основной изъян микроистории – отсутствие собственных научных понятий, потому она использует понятия макроистории. Отсюда микроистория подчинена макроистории. Автономия микроистории, как особого направления биографического исследования, возможна лишь на основе собственных исторических понятий, логические механизмы которых должны быть отличны от логических механизмов понятий макроистории. Возникает коллизия, когда микроистория возможна как самостоятельная наука лишь при использовании макроисторических понятий, но она претендует на отдельное историческое направление. Единственный реальный выбор микроистории заключен между эксплицитной и имплицитной зависимостью от макроистории. Микроистория «вписывается» в логику распада и кризиса социальных наук, а не в логику его преодоления. Построить новую парадигму университетской истории на ее базе нельзя, считает Н.Е. Копосов, но как историческое направление микроистория им не отрицается [7, с.33-50].

К позиции Н. Е. Копосова близок А. Я. Гуревич считающий, что микроистория сводится к истории ментальностей и ведёт к подмене серьёзного исследования изложением исторических анекдотов [6,с.218-220]. В работе А. Я. Гуревича «Не «Вперёд, к Геродоту», а назад к анекдотам...» прослеживается мысль, что микроистория не должна рассматриваться как универсальный метод исторического исследования. Сведение исторических фактов и событий к разряду микроисторических ведёт к подмене серьёзного исторического исследования к жанру исторических анекдотов. И может рассматриваться как механизм формирования массовой исторической культуры, которая уничтожает индивидуальность личности. Аргументирует он это тем, что, изучая частное явление, микроисторик не способен его выделить, не располагая общей гипотезой [4, с.234-235].

А. Я. Гуревич следует Фернану Броделю и Юргену Кокки выступавших против «склонности к микроисторической мелочишке» [9,с.43]. А. Я. Гуревич считал микроистию «событийной», историей «эфемерных событий»: «На поверхности мы сталкиваемся с историей событий, заключенных в сжатых пределах времени: это – микроистория;» [2, с.113]. Микроистория в иерархии исторических исследований А. Я. Гуревича занимает низшее место.

Биографии, представленные в макроистории и биографии микроистории отражающие разные уровни социального бытия. Что создает определенную коллизию в методах макроисторического и микроисторического исследования биографий личности. Однако она дополняет макроисторические исследования, обращаясь к анализу жизни, так называемых «маленьких» людей, которые также творят историю, заполняют ниши, в которые не входят выдающиеся личности. Микроистория утвердилась, как особое направление исторической науки и исторические исследования вынуждены обращаться ней.

Микроистория вписывается в контекст общей исторической науки и в рамках «большой» истории имеет свой собственный статус.

Список литературы и источников

1. Бессмертный Ю. Л. Что за «Казус»?.. // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М.: РГГУ, 1997. С. 7-24.
2. Braudel F. *Geschichte und Soziologie* // Braudel F. *Schriften zur Geschichte*. Bd. 1. *Gesellschaften und Strukturen*.- Stuttgart, 1992. S.99-121.
3. Володихин Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1999. № 24 июль. С. 256–260.
4. Гуревич А. Я. Не «Вперёд, к Геродоту», а назад к анекдотам// Историк в поиске. Микро и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999. С.234-235.
5. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история / Институт всеобщей истории РАН; редкол.: Л. П. Репина (гл. ред.) [и др.]. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 400 с.
6. Ковалев Т.Г. Методология микроистории глазами отечественных исследователей// Молодой ученый. 2019. № 12 (250). С. 218 – 220.
7. Копосов Н. Е. Казус. О невозможности микроистории. Вып.3. М.,2000. С. 33 – 51.
8. Кром М. М. Историческая биография: новая жизнь старого жанра // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара. СПб., 2002. С. 182–189.
9. Kocka J. *Sozialgeschichte zwischen Struktur und Erfahrung. Die Herausforderung de Alltagsgeschichte*.-Gottingen, 1989. S.29–44.
10. Кузнецова О.В. Локальное научное сообщество историков в 90-е годы XX века. М., 2002. С. 179 – 199.
11. Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. – М.: ИВИ РАН, 1996. С. 191–207.
12. Репина Л. П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Т. 2. С. 76–100.
13. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.560 с.
14. Репина Л. П. Персональная история и интеллектуальная биография // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН: УРСС, 2002. С. 5–11.
15. Репина Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 344–360.

**БИОГРАФИИ УЧЕНЫХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ НАУКИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА**

*Шереметова Ирина Александровна,
Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края,
Красноярск, Россия
irinasheremetova514@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается роль биографий ученых в истории науки Красноярского края. Приводится опыт создания в Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края биобиблиографического электронного ресурса «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых». Особое внимание уделяется особенностям справочной биографии ученых как важной составляющей региональной научной памяти.

Ключевые слова: личность ученого, региональная память, биографии ученых, научные проекты, биографические проекты, научное наследие, академическая память.

**BIOGRAPHIES OF KRASNOYARSK TERRITORY SCIENTISTS AS A
REFLECTION OF THE SIBERIAN REGION SCIENCE HISTORY**

*Sheremetova Irina Aleksandrovna,
State Universal Scientific Library of Krasnoyarsk region,
Krasnoyarsk, Russia
irinasheremetova514@gmail.com*

Abstract: The article considers the importance of biographies of the scientists in the history of science of the Krasnoyarsk Territory. The experience of creating a biobibliographic electronic resource "Science of the Krasnoyarsk Territory in the faces and works of scientists" in the State Universal Scientific Library of the Krasnoyarsk Territory is presented. Particular attention is paid to the peculiarities of compiling a reference biography of scientists as an important component of regional scientific memory.

Keywords: a personality of scientist, regional memory, biographies of scientists, scientific projects, biographical projects, scientific heritage, academic memory.

*«История индивидуальности
неуловимо и неизбежно переходит
в историю вообще»*

*Карсавин Л. П.,
Философия истории, 1993*

В современных исследованиях биография ученого стала актуальным предметом изучения и рассматривается в непосредственном контакте с

развитием науки, опирается на хронологический период его деятельности и территорию проживания. Региональное научное сообщество состоит из отдельных личностей, которые создают новые направления в науке, формируют и развивают научные школы, представляют регион на российском и международном уровнях. Социальные, политические, экономические аспекты истории территории накладывают неповторимый отпечаток в жизни ученых.

Терминологическая система данной области динамически развивается. Такие термины как «биография», «научная биография» достаточно давно изучены, а определения понятий «биографика», «пропосография» стали активно разрабатываться с внедрением цифровизации, и официальных определений пока еще нет.

Термин «биография» в Большой советской энциклопедии был раскрыт достаточно широко – это «воссоздание истории жизни человека в связи с общественной действительностью, культурой и бытом его эпохи» [1, с. 333]. Дубин Б. В. рассматривает биографию как «удостоверение личности», как «разгадку» личности, как педагогический «пример» [2, с. 101, 114].

Научная биография, по мнению Петриной А. Б., строится «на критически выверенной документальной основе, определяющее своеобразие личности в ее единстве с эпохой, общественной средой и творческим самовыражением» [3, с. 232].

Недавно появившийся термин «биографика» определяется в работе Медведевой Е. В. как научная дисциплина, которая используется «как алгоритм раскрытия жизнедеятельности личностей в определенной исторической среде, что поможет в изучении и идентификации научных школ», отмечая при этом, что «отдельные территории в данном направлении исследованы фрагментарно» [4, с. 49].

В данной работе также следует обратиться к трактовке термина «пропосография», который «сосредоточен на изучении главного действующего лица истории – человека (людей)» [5, с. 96]. В последнее время особое внимание стало уделяться изучению профессиональных элит. «Определенной просопографической новацией стала научная элита – преподаватели разных университетов и иных учебных заведений, ученые, аспиранты и т.п.» [6, с. 31]. Безусловно, соглашаясь с мнением Ю. Ю. Юмашевой, в последнее десятилетие с развитием компьютерных технологий данная проблематика получила новый импульс в рамках просопографии.

В работах по исследованию научных биографий рассматриваются свойства, методы, функции, история и развитие жанра, проблемы биографирования (Медведева Е. В. [4], Петрина А. Б. [3], Разумова И. А. [7] и др.). Активно развиваются просопографические исследования баз данных ученых (Ростовцев Е. А. [8], Сидорчук И. В. [9], Юмашева Ю. Ю. [5,6] и др.). Популярность данных направлений исследований объясняется стремлением к осмыслению социально-культурного феномена российской науки в различные периоды ее развития.

Создание сайтов биографий ученых является новым направлением деятельности региональных научных библиотек. Мониторинг сайтов позволил

выявить несколько примеров данной работы (раздел «Наука» сайта «Люди земли Архангельской», раздел «Персоналии» в электронной краеведческой библиотеке «Русский Север» Архангельской ОУНБ, сайт «Корпорация “Наука молодая”» Белгородской УНБ) [10, с. 92–93].

Отмечая опыт библиотек субъектов РФ, следует выделить три основных вида электронных научных краеведческих продуктов: сайты, масштабно отражающие все культурное наследие отдельной территории, включая персоналии ученых и научные открытия; сайты, посвященные отдельным направлениям в науке, и базы данных представителей научных школ, региональных изобретений и изобретателей и т. п. Опираясь на вышеизложенное, приходим к выводу, что на сегодняшний день общая картина науки российских территорий в виртуальном пространстве представлена фрагментарно и практически не отражает историю и современное состояние региональной науки.

В Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края (ГУНБ КК) созданы и активно развиваются электронные краеведческие ресурсы, частично раскрывающие материалы о красноярской науке: электронная краеведческая библиотека «Красноярский меридиан», сайты «Красноярская книга года», «Мемориальные доски Красноярья», «Литературная карта Красноярского края», базы данных «Персоналии и организации», «Изобретения и изобретатели», ежегодник «Календарь знаменательных и памятных дат».

В преддверии Года науки и технологий был запущен проект по созданию биобиблиографического электронного ресурса «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых». Биографии ученых как микроистории научного сообщества Красноярского края представляют общенаучную ценность, позволяют выделить общее и частное в судьбах науки за определенный хронологический период, воссоздают коллективный портрет, образ красноярского ученого, определяют особенности развития сибирской науки.

Новый, динамически развивающийся ресурс позволяет объединить на едином сайте биографии красноярских ученых, их научные труды, краткие справки о научных организациях региона. На сегодня в базу введено более 400 биографий ученых, внесших значительный вклад в науку и оставивших заметный след в истории науки Красноярского края, более 50 организаций и несколько тысяч научных изданий с конца 19 века по сегодняшний день.

Паттерном для сайта послужил биографический справочник «Наука Красноярска в лицах и трудах ученых», изданный в 2003 году усилиями сотрудников ГУНБ и ведущих ученых города. Издание объединило более 450 биографий красноярских ученых, представленных в результате анкетирования научных и образовательных организаций края.

Электронный ресурс «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых» имеет простую, интуитивно понятную структуру (персоналии, научные труды, организации, популярно о науке). Исторический портрет деятеля науки дополняют фото, личные биографические данные, сведения о времени, темах диссертаций, научная карьера, награды, достижения, памятные

данные. Эмпирические наблюдения за процессом наполнения биографических данных ученых позволяют проследить модификацию личности ученого в развитии. Научная деятельность кандидатов и докторов наук, членов-корреспондентов и академиков, изобретателей и рационализаторов подразумевает участие лиц науки в социальной жизни, которая его окружает и составляет сущность научных микроисторий.

Ресурс представляет ученых как родившихся на территории края, так и приехавших к нам учиться и работать из иных регионов страны и других государств. В персональных профилях собрано научное, интеллектуальное наследие людей науки: монографии, сборники научных трудов, материалы конференций, авторефераты диссертаций, препринты, отчеты о НИР, учебные, справочные издания, статьи из научных журналов ученого из фондов ГУНБ КК. Для расширения представления о персоналии к странице прикреплены публикации об ученом.

Исторические факты в жизни «человека науки» получают особый биографический смысл, когда становятся предметом лично пережитого [11, с. 37]. Научные биографии ученых непосредственно связаны с открытием и деятельностью научных, образовательных организаций, научных обществ, исследовательских центров, промышленных предприятий.

Разделяя мнение Сидорчука И. В., что «особенно важным для изучения истории науки и ее представителей является изучение судьбы и поведенческой стратегии ученых в кризисные моменты истории страны», необходимо подчеркнуть определяющую роль интеллектуальной элиты в судьбе общества [9, с. 230]. В первой половине 20 века на территории Красноярского края такими историческими событиями стали политические репрессии и ссылки, эвакуация в регион в период Великой Отечественной войны промышленных предприятий и образовательных организаций, появление новых научных и образовательных организаций. Биографии ученых, деятельность которых совпала с данным периодом, содержат трагические эпизоды жизни, служат образцами стойкости, целеустремленности, высокой мотивации в научной деятельности.

Совокупность научных биографий в рамках одной организации формирует коллективную биографию научного учреждения, предприятия в целом. Судьбы, как руководителей, так и рядовых сотрудников оказывают влияние на историю и интенсивность развития организации. Так, в послевоенные годы в Красноярске активно открывались новые лаборатории, кафедры. Соглашаясь на приглашения со всей страны, приезжали ученые и преподаватели возглавить новые подразделения в вузах, НИИ и на предприятиях г. Красноярска. Некоторые из них с течением времени возвращались назад или уезжали в другие места, но многие оставались в Красноярске на всю жизнь, отдавая свои силы и умения стремительно развивающемуся сибирскому городу.

Научный краеведческий ресурс «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых» активно развивается. В текущем году появился новый сервис «Добавить ученого», позволяющий онлайн вносить биографические и научные

данные в проект. Данный инструмент разрешает не только самим ученым, но и сотрудникам, коллегам выдающихся ученых, ушедших из жизни, внести биографическую информацию, заполнив анкету. Принимаются дополнительные, ранее отсутствующие или уточняющие факты о жизни и деятельности ученых. После рассмотрения и редактирования поступивших сведений, сотрудники библиотеки вносят биографии в проект.

Первоначально проводился отбор выдающихся ученых, ушедших из жизни, научная деятельность которых приходилась на 20 – 21 вв., с наличием ученого звания член-корреспондент, академик, ученой степени доктора наук, затем приступили к вводу персоналий с ученой степенью кандидата наук.

Сбор информации об ученых, проживавших на территории региона, осуществляется самостоятельно на ресурсной базе ГУНБ КК. Дополнительно проводится мониторинг информации в сети интернет (сайты организаций, предприятий, обществ и др.). Планируются официальные запросы информации в научные и образовательные организации, внесение данных в соответствии с новыми поступлениями в фонд библиотеки и на основании прямых контактов с красноярскими учеными.

Создание некоммерческого информационного веб-ресурса региональной науки способствует развитию открытой науки и стимулированию интереса к научной деятельности в крае. Широкое распространение информации о научных разработках красноярских ученых различных исторических периодов содействует продвижению региональных научных исследований и отражает динамику развития науки Красноярского края.

В долгосрочной перспективе развития планируется расширение состава ученых, мониторинг использования сайта, систематическая актуализация ресурса, добавление сервисов и услуг для ученых, авторов, исследователей.

ГУНБ КК, развивая электронный научный краеведческий проект «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых», способствует развитию пропосографических исследований, содействует популяризации научного регионального наследия, формирует безбарьерную среду для развития интеллектуального досуга, создает условия для участия научного сообщества в научной краеведческой деятельности.

Список литературы и источников

1. Большая советская энциклопедия: [в 30 томах / гл. ред. А. М. Прохоров]. 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1970. Т. 3: Бари - Браслет. 640 с.
2. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б. В. Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры. Москва: НЛЮ, 2001. С. 100–119.
3. Петрина А. Б. Возможности современной интеллектуальной истории для развития биографического жанра // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2010. Т. 9, Вып. 1: История. С. 332–336.

4. Медведева Е. В. Биографика в контексте региональных библиотековедческих исследований // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3(11). С. 46–49.
5. Юмашева Ю. Ю. Историко-биографические исследования: методы и базы данных // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 146–152.
6. Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1 (39). С. 1-51.
7. Разумова И. А. Биография советского ученого: прагматика текста // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8, № 4-11. С. 5–17.
8. Ростовцев Е. А. Информационные ресурсы как инструмент исследований по просопографии и исторической биографике (на примере сетевых проектов по университетской истории) // Научный вестник Крыма. 2016. № 4 (4). Url: <http://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/download/62/pdf>.
9. Сидорчук И. В. Биографика в контексте современных исследований по истории Санкт-Петербургского университета // Международные отношения и диалог культур [Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого]. 2016. № 4. С. 224–235. Url: <http://history.museums.spbu.ru/images/Sidorchuk-biografika.pdf>
10. Шереметова И. А. Биобиблиографический электронный ресурс «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых» как средство сохранения и продвижения научного наследия Красноярского региона // Цифровая трансформация библиотек: преемственность и вектор развития: материалы IX Международного конгресса «Библиотека как феномен культуры», посвященного 100-летию Национальной библиотеки Беларуси (Минск, 15–16 сентября 2022 г.) / [сост. В. В. Пшибытко]. Минск, 2022. С. 91–96.
11. Винокур Г. О. Биография и культура. Москва: ЛКИ, 2007. 96 с.

СЕКЦИЯ 2. БИОГРАФИЯ В ИСТОРИИ

УДК 929

КУПЕЦ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ КЛЫКОВ В ИСТОРИИ ЗЕМЛИ ПЕРМСКОЙ

Толстогузова Елена Александровна

*Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина, Чердынь, Россия
tolstoguzova-1975@mail.ru*

Аннотация: Нельзя представить исчерпывающую картину экономического и социального развития той или иной территориальной единицы без обращения к истории купеческого сословия и его предпринимательской активности. В рамках данного исследования обратимся к биографии купца Ивана Николаевича Клыкова, родившегося 1843 г., в разрезе его коммерческой деятельности. Цель данного исследования – вывести в общественное поле информацию о деятельности малоизвестного купца, тем самым дополнив нарратив биографических исследований купечества этого периода.

Ключевые слова: пермское купечество, купец И. Н. Клыков, биография купца И.Н. Клыкова.

MERCHANT IVAN NIKOLAEVICH KLYKOV IN THE HISTORY OF THE PERM LAND

Tolstoguzova Elena Aleksandrovna

*Cherdyn Museum of Local Lore named after A. S. Pushkin, Cherdyn, Russia
tolstoguzova-1975@mail.ru*

Abstract: It is impossible to present a complete picture of the economic and social development of a particular territorial unit without referring to the history of the merchant class and its entrepreneurial activity. As part of this study, we turn to the biography of the merchant Ivan Nikolaevich Klykov, born in 1843, in the context of his commercial activities. The purpose of this study is to bring information about the activities of a little-known merchant into the public field, thereby supplementing the narrative of biographical studies of the merchants of this period.

Key words: Perm merchant class, merchant I. N. Klykov, biography of merchant I.N. Klykov.

Отмену крепостного права можно назвать знаменателем перехода к капитализму в России, поскольку именно в этот период «начинает бурно развиваться предпринимательская деятельность купечества, зарождаются начальные состояния будущих крупных торговых домов и фирм, формируется слой крупной региональной буржуазии» [1, с. 3]. Это характерно и для Пермской губернии, которая имела высокий торгово-промышленный

потенциал, что обуславливало развитие купечества. К особенностям развития предпринимательства на Урале конца XIX – начала XX вв. можно отнести «преобладание малого и среднего предпринимательства, замедленные темпы модернизации промышленности, высокая степень зависимости экономики от водного транспорта...» [2, с. 8], что ярко просматривается через биографии отдельных акторов торгово-экономических отношений.

Нельзя представить полную картину экономического и социального развития той или иной территориальной единицы без обращения к истории купеческого сословия и его предпринимательской активности, ведь как история рода, так и персонифицированное изучение биографии купца «приобретает особое значение, определяемое той ролью, которую он играл в накоплении имущества, передаче социально-психологических представлений» [3, с. 82].

В рамках данного исследования обратимся к биографии купца Ивана Николаевича Клыкова, родившегося 1843 году, в разрезе его коммерческой деятельности. Цель — вывести в общественное поле информацию о деятельности малоизвестного купца, тем самым дополнив нарратив биографических исследований купечества этого периода.

В ходе работы были изучены неопубликованные ранее материалы из фондов Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина.

Иван Николаевич Клыков родился в семье мещан. Благодаря трудолюбию стал купцом второй гильдии, владел золотыми приисками, двумя пароходами и стекольным заводом (о последнем, к сожалению, кроме упоминаний праправнучки Оксаны, сведений не сохранилось) [4]. Тем не менее, в сохранившихся письмах он называет себя мещанином.

Супруга купца Лариса Гавриловна родила ему сына Николая (1883 г.р.) и трех дочерей: Анну (1882 г.р.), Марию (1886 г.р.) и Софью (1887 г.р.). Семья проживала в Перми, однако в 1908 г., согласно данным окладной книги, Клыков приобрел в Чердыни полукаменный двухэтажный дом с каменным окладом на Верхне-Торговой улице (ныне — Прокопьевская), которая в начале XX века была крайней улицей в Чердыни [5].

Купец стал известен в России как владелец доломитовых каменоломен на Морчанском валу (д. Морчаны, Красновишерский район). Он занимался добычей доломитов, известняков, кальцита, изучал химический состав камня, знал о процентном соотношении полезного компонента в горной породе.

Клыкову государством выдавались порох и фитили для проведения взрывных работ при добыче камня. Также предоставлялся инвентарь — телеги, тачки, инструмент и прочее. Так, согласно записям в книге прихода и расхода взрывчатых материалов за 1903 г. всего получено 9 фунтов пороха и 696 фитилей, за 1904 — 420 фунтов пороха и 432 фитиля, 1905 — 5 фунтов пороха и 100 фитилей, 1906 — 380 фунтов пороха и 424 фитиля [6].

Сохранился проект договора 1915 года между И. Н. Клыковым и Добрянской заводской конторой графа С. А. Строгонова в лице управляющего А. И. Кузнецова, на основании которого Иван Николаевич принял на себя обязательства заготовки для Добрянского завода известкового камня сто шестьдесят тысяч пудов и доломитового камня сто десять тысяч

пудов и доставки в навигацию 1916 г. на пристань Добрянского завода на реке Кама. Также было оговорено, что по химическому анализу камень должен содержать: «известняк не меньше девяносто пяти процентов углекислого кальция, а доломит не меньше восемнадцать процентов окиси магния» [7].

Доломиты и известняк купец поставлял на Ижевский завод, который курировало Главное Артиллерийское Управление Санкт-Петербурга (в дальнейшем — Петрограда).

Несколько раз Клыков обращался в Главное Артиллерийское Управление с прошениями об отсрочке службы в армии для рабочих-подрывников своих каменоломен («разрешить отсрочку моим служащим и рабочим, специалистам по добыче доломита» [8]), поскольку специалисты по подрывному делу были редки, и обучить их за короткое время не представлялось возможным. Он предоставлял поименные списки с указанием года призыва в армию, а также сведения, когда рабочим уже предоставлялась отсрочка (списки были составлены, засвидетельствованы и представлены в Хозяйственный комитет Ижевских заводов по его указанию, своевременно, в чем можете убедиться из прилагаемых при сем отношений Господина Председателя Хозяйственного Комитета Заводов [8]).

Согласно сохранившимся документам, в 1915 и 1918 гг. Клыкову выдавались промысловые свидетельства на промышленное предприятие шестого разряда по добыче доломитового камня [9, 10].

Еще одним направлением коммерческой деятельности Ивана Николаевича было строительство барж и пароходов, так называемых «палубных барж». Из архивных источников известно, что торговые суда и баржи Клыкова ходили в Чермоз, на Вятку, в Нижний Новгород. Основной район судоходства — бассейн реки Камы.

Работников купец нанимал сам, руководствуясь собственными представлениями, насколько хорошим специалистом зарекомендовал себя человек. Например, в архивных материалах музея представлено письмо от 24 ноября 1915 г. с просьбой бывшего работника принять его на службу для будущей навигации на должность лоцмана [11].

Кроме того, Клыков сдавал паровые суда в аренду. Из письма сыну: «Коля, когда кончишь сдачу камня на Чермозе <...> князю передай, что Красавец свободен, могут его брать...». Также сохранилось письмо присяжного маклера пермской биржи Измаила Петровича Лаврова: «прошу Вас сообщить мне, имеете ли Вы еще баржи в Галева и будете ли Вы согласны уступить одну из них в аренду за выводку до Пермского затона или на каких иных условиях» [12, л. 1].

В 1917 г. И. Н. Клыков получает промысловое свидетельство на паровое судно [13, л. 1].

Когда началась Октябрьская революция, Клыковы спешно уехали из Перми. К сожалению, в музее не сохранилось документов, которые бы достоверно подтверждали это, однако по воспоминаниям праправнучки Оксаны, «так получилось, что Иван Николаевич с сыном и дочерью Анной выехали за границу, а Лариса Гавриловна с дочерьми Софьей и Марией,

и внучкой Верой переехали в Омск...» [4]. Кроме того, возникает вопрос расхождения воспоминаний потомков и того факта, что на 1917 и 1918 гг. Иван Николаевич еще получал промысловые свидетельства.

Таким образом, в дальнейшем фокус исследования будет направлен на дополнение и систематизацию имеющихся материалов, поскольку, на наш взгляд, изучение биографии купеческих родов в отечественной историографии не только обогащает имеющиеся представления о тенденциях развития предпринимательства, но и делает большой вклад в формирование представлений о социально-бытовой деятельности.

Список литературы и источников

1. Баяндина, Н. П. Купечество и торговые дома Урала в пореформенный период, 1860-е годы - начало XX века: на материалах Пермской и Вятской губерний: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Пермь, 1999. 19 с.

2. Ермаков, В. В. Становление и развитие торгово-промышленного предпринимательства в Прикамье в конце XVIII – начале XX веков: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02. Казань, 2014. 53 с.

3. Климова, О. Г. Историография истории купеческих родов Сибири второй половины XIX – начала XX века // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 3. С. 82-90. DOI:10.21209/1996-7853-2020-15-3-82-90.

4. Бейкова, В. Семейные реликвии. Женщины рода Клыковых [Электронный ресурс] // Томский Обзор. 2018. 4 нояб. URL: <https://obzor.city/article/583687---semejnye-relikvii-zhenshchiny-roda-klykovyh> (дата обращения: 12.08.2022).

5. Окладная книга // Чердынский краеведческий музей имени А. С. Пушкина (ЧКМ)

6. Книга прихода и расхода взрывчатых материалов // ЧМ.

7. Проект договора 1915 года между И. Н. Клыковым и Добрянской заводской конторой графа С. А. Строгонова в лице управляющего А. И. Кузнецова // ЧМ. Ф. 1513. Ед. хр. 11.

8. Прошение в Главное Артиллерийское управление // ЧКМ. Ф. 1513. Ед. хр.10.

9. Промысловое свидетельство на промышленное предприятие шестого разряда на 1915 год № 246 // ЧМ. Ф. 1513. Ед. хр. 2.

10. Промысловое свидетельство на промышленное предприятие шестого разряда на 1918 год № 54 // ЧМ. Ф. 1513. Ед. хр. 5.

11. Письмо от Мстислава Павловича Мудрых от 24 ноября 1915 года // ЧКМ. ЧМ. Ф. 1513. Ед. хр. 13.

12. Письмо присяжного маклера пермской биржи Измаила Петровича Лаврова // ЧМ. Ф. 1513. Ед. хр. 1-13.

13. Промысловое свидетельство на паровое судно на тысяча девятьсот семнадцатый год № 220 // ЧКМ. Ф. 1513. Ед. хр. 3-4.

**АРЕСТОВАННЫЙ И РАССТРЕЛЯННЫЙ...
ПРОФЕССОР Н.Н. ЭЛЬВОВ**

*Васева Ирина Сергеевна
Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия*

Аннотация: В статье прослеживается судьба профессора Н.Н. Эльвова как представителя советской интеллигенции. Отмечаются основные вехи жизненного пути Н. Н. Эльвова. Отмечается важность восстановления и сохранения памяти о жертвах репрессий 1930-х гг.

Ключевые слова: история СССР, репрессии, биография

***ARRESTED AND EXECUTED...
PROFESSOR N.N. ELVOV***

*Vaseva Irina Sergeevna
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia*

Abstract: The article traces the fate of Professor N. N. Elvov as a representative of the Soviet intelligentsia. The basic marks of N. N. Elvov's life path are noted. Importance of restoration and preservation of remembrance of victims of repressions of 1930th is noted too.

Key words: history of USSR, repressions, biography

Формирование образа врага — неотъемлемая черта тоталитарного режима. Образ врага — не абсолютная абстракция. В зависимости от ситуации он приобретает вполне определенные очертания. В Советском Союзе враг мог предстать в облике буржуя, белогвардейца, кулака, шпиона и т.д. [1]

Интеллигенции в первые десятилетия после установления советской власти находилась на особом контроле, вольнодумство, неосторожное высказывание, отличная от официальной версии интерпретация исторических фактов и событий могли повлечь за собой печальные последствия [2]. Подобная участь постигла профессора Н. Н. Эльвова.

Николай Наумович Эльвов родился в 1901 в Киеве, по другим данным — в с. Мартыш, Оренбургской губ. Происходил из семьи ремесленника, казалось бы, биография Николая Наумовича вписывается в советские стандарты: историк коммунистической партии и истории Татарстана, участник гражданской войны, выпускник Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова и ИКП. Работал в Москве, преподавал в ИКП. Член научно-исследовательской группы института В. И. Ленина. Входил в состав авторского коллектива четырехтомной истории ВКП(б) под общ. ред. Е. М. Ярославского [3, с. 167-187].

В начале 1931 г. отправлен в ссылку в Свердловск, где вошел в состав редколлегии Уральской советской энциклопедии.

Спустя год на повестке дня заседания редакции УСЭ 21 января 1932 г. вопрос о тщательном подборе авторов «в смысле полного обеспечения партийности марксистско-ленинской методологии в освещении всех вопросов» [4], в связи с чем исключены из редакционного совета профессора П. С. Богословский, П. Т. Зубарев, Н. Н. Эльвов, К. В. Гребнев, А. С. Соколов.

Аргументировалось это следующим: «Тов. Зубарев, как все вы знаете из газет, выведен из состава Бюро Обкома ВКП(б) и снят с работы секретаря обкома за то, что за спиной последнего и вопреки его директивам он поддерживал буржуазные, антизаготовительные оппортунистические тенденции в отдельных совхозах и в отдельных звеньях некоторых хозяйственных организаций. Тов. Зубарев выведен из состава редсовета УСЭ. Эльвов, Гребнев и Соколов исключены из партии, как троцкистские контрабандисты и выведены из состава Редсовета. Проф. Богословский подвизался на страницах Пермских научных изданий с явно антисоветскими, поповско-мракобесническими статьями. Все вышеуказанные изменения в составе редсовета получили уже соответствующее утверждение» [5].

Вместе с тем, сведения, которые легли в основу издания, признаны и современными учеными, так во вступительной статье современной «Уральской исторической энциклопедии» сказано, что ее «авторы опирались на многочисленные исследования по истории, экономике и культуре региона, в том числе на материалы “Уральской советской энциклопедии”» [6].

В 1932 по «путевке ЦК ВКП(б)» ученый направлен в Казань. Где состоял в должности профессора кафедры истории Казанского государственного пединститута. В 1935 г. исключен из ВКП(б) за троцкистскую деятельность (ранее исключался в 1931 г. по тем же обвинениям, был восстановлен в 1932 г.) [7].

Казань для Эльвова стала местом ссылки после шумной истории с четырехтомной «Историей ВКП(б)», охватившей период с 1880 г. до Гражданской войны и вышедшей под редакцией Емельяна Ярославского. В написанной Эльвовым статье о 1905 годе обнаружилось идейные ошибки, связанные с теорией перманентной революции — знаменитой доктриной Льва Троцкого. «Книга была раскритикована Сталиным в письме «О некоторых вопросах истории большевизма», напечатанном в журнале «Пролетарская революция». Ошибки ее авторов получили квалификацию: «контрабанда троцкизма». Дело вышло серьезное. Но в ту пору — до убийства Кирова — не слишком. И Эльвова просто убрали из Москвы в Казань, где он стал профессором пединститута и членом горкома ВКП(б)... Профессор был очень эрудированным человеком. Высокий, с крупной головой и рыжей шевелюрой. Где бы он ни появлялся, на него оглядывались, ему рукоплескали» [8, с. 22].

Возглавлял коллектив ученых, готовивших к изд. «Материалы и документы по истории Татарской АССР с древнейших времен до реформы 1861 г.», вышедшие в 1937 г. без фамилий составителя и редактора. С 1934 г. работал в газете «Красная Татария», здесь началась его травля в 1935 г. после ареста в статье газеты был назван «троцкистским контрабандистом». Обвинен по ст. 58-

8, 11 УК РСФСР (в частности, в участии в «контрревол. московской группе историков»: С. А. Пионтковский, И. И. Минц, С. М. Дубровский и др.).

Относительно преподавательской работы, в частности, указывалось: «... плохо то, что ряд важнейших кафедр и отделений как в области общественных наук, так и в особенности специальных дисциплин занимают беспартийные, реакционно-настроенные профессора. Почти полное отсутствие квалифицированных выдержанных партийцев профессоров и преподавателей в первую очередь» [9].

15 октября 1935 г. ОСО при НКВД СССР приговорен к ссылке на 5 лет в Шенкурск Архангельской области, приговор заменен, и с 27 мая 1936 г. отбывал наказание в ИТЛ системы Дальстроя НКВД.

В 1937 г. в связи с открытием «новых обстоятельств» (в феврале на пленуме Татарского обкома ВКП(б) вместе с С. С. Атнагуловым, Г. Ш. Шарафом и др. назван в числе преподавателей, ведущих "подрывную" работу) этапирован в Казань. 3 апреля 1937 г. помещен в казанскую психбольницу, где пробыл несколько месяцев.

Обвинен в руководстве контрреволюционной троцкистской террористической организацией правых. Осужден 15 сентября 1937 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Приговорен к высшей мере наказания [10]. Расстрелян 15 сентября 1937 г. в г. Москва, похоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 18 марта 1958 г.

Число репрессированных в 1930-е гг. исчисляется тысячами, исследователи называют разные цифры, тем важнее восстановление и сохранение памяти о каждом из них.

Список литературы и источников

1. Суслов А. Б., Шилова, И. С. Саботажник стахановского движения как «враг народа» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2(36). С. 184-187.
2. Шилова, И. С. Политические репрессии против технической и педагогической интеллигенции в конце 1920 - конце 1930-х годов (по материалам Пермского региона): диссертация...кандидата исторических наук: 07.00.02 / Тюменский государственный университет. Пермь, 2013. Политические репрессии против технической и педагогической интеллигенции в конце 1920 – конце 1930-х годов (по материалам пермского региона): автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Тюменский государственный университет. Тюмень, 2013.
3. Литвин, А. Рыжий профессор в одиночке // Литвин А. Без права на ошибку. Казань, 1994. 191 с.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 292. Оп. 1. Д. 5. Л. 29 об.

5. Ефремова, Е. Н. Прерванный полет: несостоявшиеся издания региональных советских энциклопедий 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. с. 151–166.
6. Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 640 с.
7. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917 – 1991) // Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
8. Петров, Д.П. Аксенов. М.: Молодая гвардия, 2012. 448 с.
9. Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 530. Л. 142.
10. Архив Президента РФ. Ф. 3. Сталинские списки. Оп. 24. Д. 411. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stalin.memo.ru/spiski/>

УДК 621.3.04

ИСТОРИЗМ В БИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Тихоньких Виктор Петрович

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,

Абакан, Республика Хакасия, Россия

vtctor/tikhonkikh@mail.ru

Аннотация: В данной статье характеризуются основные особенности использования принципов историзма, исторического времени и исторического сознания в жанре биографического исследования. Учтены различия морали, ценности жизнедеятельности и психологические различия личностей прошлого и настоящего. Бытие личности рассматривается как сложное многогранное и многофункционально явление, которое имеет определенную организацию и специфическое проявление.

Ключевые слова: принцип историзма, историческое время, историческая биография, исторический факт, историческая эпоха, историческое сознание.

HISTORICISM IN BIOGRAPHICAL RESEARCH

Tikhonkikh Viktor Petrovich

N. F. Katanov Khakass State University

Abakan, Republic of Khakassia, Russia

vtctor/tikhonkikh@mail.ru

Abstract: This article describes the main features of the use of the principles of historicism, historical time and historical consciousness in the genre of biographical research. Differences of morality, values of life activity and psychological differences of personalities of the past and present are taken into account. The existence of a

personality is considered as a complex, multifaceted and multifunctional phenomenon that has a certain organization and specific manifestation.

Key words: the principle of historicism, historical time, historical biography, historical fact, historical epoch, historical consciousness.

Реальная человеческая жизнь и «биография» не одно и то же. Биография — жизненные реальности, которые получили выражения в текстах, и они не могут охватить всей многомерности реальной человеческой жизни. К тому же в работе историка органично присутствуют одновременно истина и заблуждение, не осознанное или даже сознательное искажение. И. Д. Ковальченко считает, что в исторических исследованиях необходимо учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, то, что в научном знании истина и заблуждение сочетаются органично, что и порождает внутренние противоречия, споры и разногласия независимо от теоретико-методологических позиций историков. Во-вторых, «относительный характер получаемых в исследовательской практике знаний исключает право, кого бы то ни было претендовать на конечную истинность этих знаний и окончательную завершенность изучаемых явлений и процессов» [1, с. 22]. Часто в попытках вжиться в психологию исторического лица обнаруживается подмена логики мышления и поведения исторического персонажа логикой современного исследователя.

Принято различать два значения понятия историзма: широкое — это способ мышления, узкое — принцип научного познания. Применить принцип историзма, значит проследить пространственно-временные связи конкретного взаимодействия личности и исторического процесса [2, с. 131]. Принцип историзма имеет конститутивное значение для исторической рефлексии, однако, в исторических исследованиях историзм получает различные, часто несовместимые интерпретации. Именно трактовка принципа историзма во многом обуславливает специфику конкретного описания биографии личности.

Очень важно выявить соотношение неосознанного поведения и сознательного в поведении исторической личности. Проблема в том, что становление личности происходит в начальный период ее жизни, а деятельность в более позднем периоде, когда человек от эмоционального восприятия действительности переходит к ее рациональному осмыслению, биография не может быть не связанной с конкретным периодом жизни человека, поэтому не может быть вневременной модели биографии. В этой связи весьма точно выразился К. Манхейм — говоря о необходимости избегать абстрактного понимания человека, избегать абстрактных конструкций биографий вне содержания исторического времени. Человек должен представлять не только эпоху, но периоды своей жизни [3].

Человек укоренён в истории и выступает в качестве наследника той или иной исторической традиции. Человек есть то, что он есть благодаря истории, традиции, историческому контексту, народу, сословию. История жизни всегда конкретна [4]. Одновременно необходимо показать значимость личности в формировании исторической эпохи. Дж. Леви пишет, что «Элементы биографии отдельного человека оцениваются как исторически важные, только

если они имеют более общее значение» [5, с. 197]. Необходим герой, который, будучи верен своей миссии, способен приподнять целый исторический пласт жизни общества [6, с. 106].

Серьезной проблемой является использование избыточной второстепенной и искаженной информации, которая заслоняет наиболее важные черты изучаемой личности. Информация о прошлом поступает к нам через фильтр канала исторической памяти, которая неизбежно искажается. Ее формируют либо интеллектуалы с собственными представлениями о жизни, либо институты власти в угоду идеологии или политической конъюнктуры. В результате происходит деформация исторической памяти, вплоть до полной ее утраты. Преодолеть коллизию современного восприятия исторического прошлого и реальных процессов прошлого почти невозможно. Даже если широта и глубина исторической эрудиции исследователя очень высокая, он неизбежно сталкивается с латентной ангажированностью и пределом познания. Поэтому историческое исследование не может претендовать на конечную и окончательную истинность.

Чтобы изучить биографию личности по фактам её жизненного пути, надо сначала восстановить картину исторической жизни эпохи, интеллектуальный уровень личности и значимость ее для своего времени и для будущего. Биография исторической личности получает подлинную научную оценку только тогда, когда ее жизненный путь анализируется в контексте современной для личности эпохи и степени ее включенности в жизнь этой эпохи. Чтобы достичь научной глубины историк должен отказаться от стандартов и приоритетов, лежащих вне пределов изучаемой им эпохи, проникнуться ее ценностями и попытаться увидеть события с точки зрения их участников в прошлом.

Принцип историзма требует учета различий между прошлым и настоящим, не переносить современную мораль и ценности жизненного поведения в прошлую эпоху. Задача историка состоит не просто в том, чтобы раскрыть подобные различия, но и объяснить их, погружаясь в исторический контекст.

В этой связи важна выработка чувства и понимания исторического времени. По М. Баргу время как познавательный принцип исторической науки подразделяется на календарное — «внешнее» время истории и социально-историческое «внутреннее» время. Календарное время непрерывно, абсолютно, симметрично. Историческое время — прерывно и относительно, в нем возможны цикличность и повторяемость, аритмии, остановки, движения вспять [7, с. 66-67]. Человек не может изменить календарного времени, но может изменить ценность событий исторического времени при определенном типе исторического сознания. Чем ближе событие к современности, тем больше влияние современной идеологии и политической конъюнктуры на автора исследования, тем более искажаются ценности, принятые в период определенного времени жизни личности. Это касается и роли «психологизма» в биографических исследованиях историков. Часто на поведение исторического персонажа переносится логика современного исследователя [8, с. 185]. Здесь

важна этическая сторона исторического исследования, какие факты жизни личности можно обнародовать, а какие нет.

Наиболее полно и достоверно историческая эпоха или отдельное событие представлено во времени большой длительности [9, с. 135]. Чем более масштабным является историческая личность, тем более необходим язык длительной временной протяженности для получения максимально объективной картины.

Одна из функций исторического времени заключается в обеспечении преемственности исторического развития. При изучении роли исторического времени в механизмах преемственности человеческой истории и культуры возникают специфические проблемы, связанные, в частности, с исследованием такого элемента в структуре исторического времени, как поколение. Каждое поколение воспринимает и интерпретирует прошлое на базе тех концепций и ценностей, на базе того мировоззрения, которым оно руководствуется в определении ценностей современного ему мира. Каждое поколение рождает своих собственных историков и исторических личностей.

Неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего в историческом сознании имеет последствия для организации будущего. Как было отмечено Ю. М. Лотманом, «формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации» [10, с. 344-345].

Историческое сознание не исчерпывается только объяснением прошлого: «Настоящее не может быть до конца познано без обращения к прошлому. Однако в равной мере его нельзя постичь и без обращения к будущему, т. е. без знания элементов будущего в настоящем». М. А. Барг считает, что было бы неверно сводить историческое сознание к исторической памяти и ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое — всего лишь измерение, срез второго. Согласно предложенной им яркой метафоре, «историческое сознание — это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, мост, ведущий человека из прошлого в грядущее» [11, с. 24].

В этой связи Н. И. Смоленский утверждает, что в основании исторического сознания лежит различие между прошлым и настоящим, соблюдение исторического контекста и восприятие истории как процесса, указывающее на конкретные пути извлечения полезных знаний в ходе научного исторического исследования. [12].

Суть историзма в характере обозначения целей и смыслов жизни, в отношении биографа к жизни другого человека. Максимально всестороннее и объективное изложение жизни, учитывающее в полной мере нормы и характер современного гуманитарного знания, не в силах осуществить ни один биограф. В любом случае он вынужден будет акцентировать свое внимание на чем-то одном, при этом умалчивая или недооценивая что-то другое. Историзм стал важнейшим основополагающим методологическим принципом потому, что познание исторических и общественных явлений носит характер процесса. При его нарушении факты или идеи, будучи вырванными из контекста эпохи или

помещенными в другие эпохи или системы, утрачивают свое значение и обретают извращенный смысл.

Список литературы и источников

1. Ковальченко, И. Д. Роль дискуссии в исторической науке // Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 21- 33.
2. Черненко, А. А. Причинность в истории. М., 1983. 204 с.
3. Манхейм, К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
4. Ионин, Л. Г. Апдейт консерватизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 304 с.
5. Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 191–207.
6. Лотман, Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 683. Тарту, 1986. С. 106-121.
7. Барг, М. А «Историческое время»: методологический аспект // Новая и новейшая история. № 1.1990. С. 63-76.
8. Кром, М. М. Историческая биография: Новая жизнь старого жанра // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара. Санкт-Петербург, 4 – 5 июня 2002 г. СПб., 2002.С. 182–189.
9. Хакимов, Г. А. «Время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип социально- гуманитарного познания. // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 135-146.
10. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. 464 с.
11. Барг, М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. 348 с.
12. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.

***МИКРОБИОГРАФИИ ИЗВЕСТНЫХ УЧЕНЫХ В ИСТОРИИ НАУКИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)***

Подъяпольская Анастасия Валерьевна

*Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края,
Красноярск, Россия*

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
konukhova@mail.ru*

Аннотация: В статье рассказывается о проекте «По страницам научных биографий» Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края. В рамках данного проекта с 2020 г. создаются видео о жизни известных ученых-юбиляров того или иного месяца. Изучая их биографии, можно рассмотреть подробнее визуальные, культурные и бытовые особенности конкретной эпохи. Видеосюжеты отражают важность биографии отдельной личности в истории государства, а также в истории и философии науки в целом.

Ключевые слова: биографии ученых, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, история и философия науки, популяризация науки

***MICROBIOGRAPHY FAMOUS SCIENTISTS IN THE HISTORY
OF SCIENCE (FOR EXAMPLE OF THE PROJECT FOR KRASNOYARSK
STATE SCIENTIFIC LIBRARY OF KRASNOYARSK AREA)***

Podyapolskaya Anastasiya Valerevna

*Krasnoyarsk state scientific library of Krasnoyarsk area,
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
konukhova@mail.ru*

Abstract: This article tells about the project «Through the pages of the scientist's biographies» of The State Universal Scientific Library of the Krasnoyarsk Territory. The project has been creating videos about lives of famous scientists-heros of the months since 2020 year. The videos contain such concentrated descriptions about life and scientific activity that they can be called «microbiographies». Research of these biographies demonstrates visual, cultural and everyday features in peculiarities of determine epoch. These videos show importance of individual personality's biography for the history of a state, for the history and philosophy of science in total.

Key words: the scientist's biographies, The State Universal Scientific Library of the Krasnoyarsk Territory, history and philosophy of science, popularization of science

Биография является не только собранием событий в личной жизни каждого человека, но и отдельной историей – историей жизни в определенную эпоху. У каждого хронологического периода есть свои черты, и эти черты можно проследить на примере тех или иных ситуаций, которые происходят в жизни человека. Знаменитые люди искусства становятся лицами эпохи. Описывая «золотой век» русской литературы, мы непременно начинаем говорить об А.С. Пушкине и М.Ю. Лермонтове, а упоминая «серебряный век» — о С. Есенине и А. Ахматовой. Об ученых в таком контексте говорят реже. Однако ученый всегда непосредственно связан со временем. Ученый, как правило, делает открытия, необходимые в его век. Исследует именно те области знания, которые именно сейчас (возможно, в конкретное десятилетие) нуждаются в подробном изучении, понимании и новых концепциях. Если ученый оказывается в особой экстренной ситуации, то он «вынужден» ускорять открытия, в краткие сроки совершенствовать свою профессиональную деятельность. Так было и в периоды эпидемий, и военное время [1]. Ученый в некоторых ситуациях оказывается тем человеком, который одновременно и связан с определенным историческим периодом и, возможно, даже оказывает на него некоторую степень влияния.

Говоря слово «микробиография», мы подразумеваем краткое изложение информации о жизни и деятельности ученого, которое впоследствии может послужить для кого-то из пользователей электронных ресурсов отправной точкой для более детального и глубокого изучения его научного творчества и исторического периода, связанного с жизнью ученого.

Изучая биографии ученых, можно точнее рассмотреть визуальные, культурные и бытовые особенности конкретной эпохи.

Цикл видео «По страницам научных биографий» состоит из видеосюжетов, включающих в себя рассказ о жизни и деятельности ученого-юбилера и литературный обзор книг о данном ученом, которые есть в фонде Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

В 2020 г. в Государственной научной библиотеке Красноярского края стартовал проект «По страницам научных биографий» [2], в рамках которого были сняты видео о юбилеях известных ученых и значимых научных событиях в истории Отечества. Изначально проект был создан для того, чтобы в условиях пандемии рассказать о ресурсах Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, продемонстрировать фонды, показать книги о науке и ученых. Цель проекта — популяризация науки. Предполагалось, что увлекательные рассказы об ученых смогут привлечь Интернет-пользователей. Осенью и зимой 2020 г. были сняты видеосюжеты о юбилеях различных ученых мира. За 3 месяца 2020 г. (октябрь, ноябрь, декабрь) вышли в свет видео о таких известных ученых, как Нильс Бор, Иван Владимирович Мичурин, Михаил Петрович Погодин, Николай Иванович Пирогов, Николай Иванович Кареев, Галина Петровна Диянская и др. Однако практический опыт подсказывал, что среди пользователей могли бы стать более популярными короткие видео, посвященные одному из ученых-юбилеров. 2021-й г. был

объявлен президентом РФ Годом науки и технологий. Поэтому именно с 2021 г. было принято решение посвятить проект российской науке.

В 2021 г. были сняты видео об А.Х. Востокове, С.И. Вавилове, Ю.А. Гагарине, А.А. Яковлеве, В.В. Розанове, В.Г. Белинском, А.Н. Афанасьеве, В. Беринге, Г.С. Титове, А.Г. Габричевском, Б.М. Эйхенбауме, М.В. Ломоносове и др.

Видео были популярными среди интернет-пользователей, регулярно просматривались пользователями на youtube-канале библиотеки и в группах ГУНБ Кк в социальных сетях («ВКонтакте» [2], «Rutube», ранее — в «Instagram»).

Рассказ о жизни и деятельности ученого — его биография, изложенная кратко. Делаются акценты на самых значимых моментах из жизни известного ученого, рассказывается о его самых основных научных достижениях.

Таким образом, можно сказать, что в цикле видео используются микробиографии ученого с целью быстро и доступным языком передать важную информацию и популяризировать науку.

Биографии ученых, описанные в видеосюжетах данного цикла, вне зависимости от специфики области знания, отражают эпоху.

Например, видеосюжеты по истории космонавтики созданы в разное время (в 2021 и 2022 гг.), однако, проникнутые одной общей темой, помогают воссоздать образ эпохи. Это видео о М. В. Келдыше, Ю. А. Гагарине, Г. С. Титове, В. В. Терешковой. Каждый из видеосюжетов рассказывает о разработке космической программы в СССР, подготовке космических полетов, особенностях личности космонавтов и их дальнейшей жизни и судьбе. Жизнь известных космонавтов складывалась по-разному. Но важнейшем моментом в биографии каждого из них стал полет в Космос. Это был их профессиональный старт, который принес им славу. Вскоре тема космонавтики в советском обществе приобрела невероятную популярность. Определённые детали, показанные в видеосюжетах, свидетельствуют о популярности космической тематики: стихотворения о космонавтах, марки с их изображением, а также рассказ о том, что впоследствии в космической программе приняло участие большое количество людей.

Видеосюжеты об И. В. Цветаевом, И. И. Срезневском, Н. А. Рубакине отражают особенности культурной жизни второй половины XIX – начала XX вв. Передавая информацию об их жизни и деятельности, изучая их творчество, стоит отметить актуальную для того времени необходимость улучшения работы музеев, создания новых библиотек, изучения читательских вкусов. Каждый из этих ученых сделал свой вклад в развитие науки в различных отраслях знания: искусствоведения, филологии, библиотековедения. Эти ученые выступили новаторами в своих областях знания: И. В. Цветаев ратовал за сохранение и создание музеев, И. И. Срезневский — за создание словарей, Н. А. Рубакин — за развитие библиопсихологии как науки [4]. В видео показаны не только современные переиздания наиболее значимых трудов ученых, но и старинные, представляющие особенную ценность. Это книги из Юдинского собрания Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского

края, произведения Н.А. Рубакина о самообразовании и оригинальные лингвистические сочинения И.И. Срезневского конца XIX – начала XX вв. [3, 5, 6]. У любого человека, который знакомится с творчеством этих ученых, может возникнуть желание изучать русскую историю подробнее.

Изменения в истории страны предполагают постепенные (а иногда и резкие) трансформации в ее культурной жизни.

Понять особенности отечественного исторического процесса, проследить его взаимосвязь с культурной жизнью России помогут видеосюжеты об историках — В. О. Ключевском, М. П. Погодине, Н. М. Карамзине, Б. Д. Грекове. Каждый из них представлен как специалист-профессионал, обладающий уникальным талантом. Например, в видеосюжетах отмечается педагогический дар В. О. Ключевского, особенности концепций истории М. П. Погодина, Б. Д. Грекова, направления работ Н. М. Карамзина. Продемонстрированы собрания сочинений и отдельные произведения этих известных историков из фондов Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

XX век представлен в проекте учеными-филологами и путешественниками, такими, как Ю. М. Лотман, Б. М. Эйхенбаум, В. А. Русанов, Г. Я. Седов, В. К. Арсеньев, Н. Н. Дроздов. Изучая биографии и творчество первых, можно представить, как развивались философия языка, литературоведение и семиотика.

Исследуя биографии людей, связанных с географическими открытиями, можно прийти к пониманию, почему так важна тема Арктики сегодня, исследование северных территорий, особенно Дальнего Востока и Красноярского края. Видео о путешественниках способствуют популяризации науки, привлекает внимание разновозрастных категорий пользователей.

Среди ученых-юбиляров иногда встречаются такие, которые связаны с красноярской землей. Так, в этом году было создано 2 видеосюжета — о Г. И. Кублицком и И. В. Лучицком. Несмотря на разницу направлений в исследованиях (Г. И. Кублицкий — исследование сибирских земель, И. В. Лучицкий — изучение цветных металлов) каждый из них оставил свой неповторимый след как в истории России, так и в истории Красноярского края.

Произведения (и художественные, и научные) Г. И. Кублицкого о Сибири впоследствии стали очень известными, а работы И. В. Лучицкого имеют важное значение в геологической науке. Хотя цикл «По страницам научных биографий» изначально был задуман как проект о российских учёных, в него можно добавлять информацию об известных ученых-краеоведах. Хотелось бы отметить, что данный проект планируется продолжить в ближайшие два года, в частности, добавить видеосюжет о жизни и деятельности самого В.В. Гришаева.

Стоит отметить визуально-эстетическое оформление сюжетов. Многие из них небольшими деталями помогают провести экскурс в историю, воссоздать обстановку в стиле ретро, показать детали путешествий. Так, в сюжете о Б. Д. Грекове используются песочные часы, об И. И. Срезневском, Н. А. Рубакине и юбилее РГБ — обстановка в советском стиле первой половины XX века в

отделе редких книг ГУНБ Кк, печатная машинка — в видео о филологе Ю. М. Лотмане, а компасы, карты, глобусы — в сюжетах о геологах и путешественниках.

Меняется внутренняя и внешняя политика стран, изменяются социальные условия, меняются судьбы людей. Биография известной личности может концентрировать в себе особенности и нюансы эпохи. Биография известного человека имеет колоссальное значение в истории науки. Зная биографию того или иного ученого, можно понять, какой смысл он вкладывал в свое открытие и почему он стремился сделать открытие именно в этой области знания.

Список литературы и источников

1. Подьяпольская, А. В. Воинская этика и принцип ненасилия в эпоху пандемии. XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа», межрегиональная научно-практическая конференция (Красноярск, 20-22 января 2021 г.): материалы и доклады. Красноярск, издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. 397 с.

2. По страницам научных биографий [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video/@kraevushka/playlists?z=video-29947751_456239518%2Fclub29947751%2Fpl_-29947751_6 (дата обращения 14.11.2022)

3. Рубакин, Н. А. Письма к читателям о самообразовании: как начинающие читатели должны приступать к нему и как вести его. СПб: изд. Н. П. Карбасникова, 1913. 376 с.

4. Рубакин, Н. А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977. 264 с.

5. Срезневский, И. И. Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма. [Ч.] 1-2: Обзорение русских трудов по греческой палеографии; Древние христианские надписи в Афинах. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. 84 с.

6. Срезневский, И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках : прил. к 9 т. Записок Акад. наук. № 3 / [соч.] И. Срезневского. СПб: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. 96 с.

***НОВОЕ И МАЛОИЗВЕСТНОЕ О СЕМЬЕ ГУБЕРНАТОРА
А. П. СТЕПАНОВА ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВОВ***

*Карпухина Дина Ванцетовна
Государственный архив Красноярского края, Красноярск, Россия
dina_museum@mail.ru*

Аннотация: Первый губернатор Енисейской губернии Александр Петрович Степанов во многом заложил основы дальнейшего развития нашей территории. Его жизни посвящено множество публикаций. Но о его семье известно не так много. Материалы архивов — Государственного архива Красноярского края и Государственного архива Калужской области несколько проясняют этот вопрос.

Ключевые слова: история Сибири, Енисейская губерния, биография

***NEW AND LITTLE-KNOWN ABOUT THE FAMILY
OF GOVERNOR A. P. STEPANOV
ACCORDING TO THE ARCHIVE DOCUMENTS***

*Karpukhina Dina Vantsetovna
State Archive of the Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia
dina_museum@mail.ru*

Abstract: The first governor of the Yenisei province, Alexander Petrovich Stepanov, largely laid the foundations for the further development of our territory. Many publications are devoted to his life. But not much is known about his family. The materials of the archives – the State Archive of the Krasnoyarsk Territory and the State Archive of the Kaluga Region somewhat clarify this issue.

Key words: history of Siberia, Yeniseysk Governorate, biography

Когда пишут о первом губернаторе Енисейской губернии, крайне редко упоминают имена членов его семьи. Александр Петрович Степанов — значимая личность в истории нашего края и чтобы полнее дать картину его сибирского периода жизни, было бы справедливо дополнить его биографию информацией о семье: например, раскрыть имена детей, которые были с ним в Красноярске.

Благодаря материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края», а также документам, любезно предоставленным ГКУ «Государственный архив Калужской области», приоткрывается семейная история первого губернатора Енисейской губернии.

В «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях» за №31 августа 5-го дня 1822 г. находим: «В Высочайших Его Императорского Величества указах, данных Правительствующему Сенату за собственноручным Его Величества

подписанием 1822 года, изображено между прочими июля 24-го числа: коллежского советника Степанова всемилостивейше жалую в статские советники, повелеваем ему быть Енисейским гражданским губернатором» [1, Л.18].

Александр Петрович Степанов, собираясь в далекую и суровую Сибирь, постарался сделать всё, чтобы обеспечить своим детям успешное будущее. В том числе, позаботился и о документах, подтверждающих дворянское происхождение старших.

«...како я по определению калужского дворянского депутатского собрания 1793 года июня 8-го в бытность мою гвардии сержантом внесен уже в шестую часть дворянской родословной книги здешней губернии и дана мне того же числа записанная 1794 года за №161- м грамота а потому о внесении детей моих Петра, Николая, Святослава и дочь Надежду дворянской родословной книги здешней губернии в оную же часть ...покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие с приложением представленных ... мною доказательств и списка ... следующего и выдать детям моим Петру, Николаю и Святославу на дворянство свидетельства каждому сыну особо, представить в калужское дворянство депутатского собрания и подлинные при том представляемься.

Дети мои рождены

Пётр 1805 сентября 28-го

Николай 1807 апреля 21-го

Святослав 1810 марта 20-го

Надежда 1812-го мая 10-го.

Которые крещены в городе Калуге в приходе церкви Благовещения Пресвятой Богородицы ноября ... 1822 года» [1, л.10-10об.].

Для этого было необходимо также представить документы о древности рода Степановых.

«Фамилии Степановых многие Российскому престолу служили дворянство службы в разных чинах, и жалованы были от Государя в 1597 и других годах поместьями, все сие доказывається выписями с писцовых книг и родословной Степановых» [1, л. 19об.].

Также дворянство подтверждается такой записью: *«...Лейб-гвардии Преображенского полку сержанта Александра Петровича Степанова ... аттестат в том, что покойный отец его надворный советник Петр Семенович, дед Семен Моисеевич, прадед Моисей Савельевич и прадеда его родные братья Осип, Иван и Тимофей Савельевичи дети Степановы из старых российских благородных дворян, которые пожалованы прежними государями разными поместьями»... [1, л. 11об.].*

В Сибирь, за отцом семейства, поехали не все Степановы. Один сын, Святослав, остался в имении. Старшие сыновья Степанова — Пётр и Николай были отправлены для обучения в пансион Московского университета. Надо сказать, что Александр Петрович придавал большое значение образованию, и сам являлся высокообразованным человеком: *«Господин коллежский советник и кавалер Александр Степанов на экзамене, сделанном ему в комитете, учрежденном вследствие именного его императорского величества*

высочайшего указа от 6 августа 1809-го года для испытаний при императорском Московском университете, оказал успехи: в праве римском и статистике Российского государства, очень хорошие, а в науках словесных, как то: в грамматическом познании российского языка и в сочинении ... во французском, в переложении с одного языка на российский, в правоведении, как-то: в истории всеобщей и российской хорошие; в засвидетельствование того дан сей аттестат из правления» [1, л. 17].

В воспоминаниях Парфентьева Ивана Фёдоровича – красноярца, современника А.П. Степанова говорится, что «...Степанов был человек одинокий, говаривали, что у него остались в России жена и дочь» [4, с.34].

Александр Васильевич Дружинин - литературный критик XIX в. и биограф А.П. Степанова, писал, что губернатор, взяв с собой всю семью, кроме двух старших сыновей, отправился к новому месту службы в Енисейскую губернию [5, с.728].

Кто именно с ним приехал, подсказали архивные документы. Были исследованы имеющиеся на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края» исповедные росписи Красноярской Воскресенской соборной церкви за 1823-1832 гг., благодаря чему выяснилось следующее.

В 1823 г. на исповедь пришли:

«Гражданский губернатор статский советник Александр Петрович Стефанов (так в церкви записывали фамилию губернатора Степанова) 40 лет;

Жена его Екатерина Федосьевна 30 лет;

Дети их:

Ростислав 5 лет;

Анатолий 4 лет;

Надежда 12 лет [2, л.232об.].

То есть, с Александром Петровичем отправились в трудную дорогу в Сибирь: жена Екатерина Федосьевна, два маленьких сына - Ростислав и Анатолий и дочь-подросток Надежда.

Просмотр исповедных росписей за следующие годы показал, что в Красноярске, очевидно, в 1823 же году в семье губернатора родилась дочь Лидия и в 1824 г. она упоминается и указывается ее возраст — 1 год [2, л.269]. А в 1824 г., видимо, появился сын Александр, который упомянут в возрасте 1 года в исповедных росписях 1825 г. [2, л.302]. К сожалению, нет возможности уточнить записи о рождении этих детей А.П. Степанова, поскольку метрические книги Красноярской Воскресенской соборной церкви за эти годы не сохранились.

Дружинин писал, а за ним повторили другие авторы, что в 1825 г. Степанов потерял и мать, и жену [5, л.732]. Но в исповедных росписях 1826 г. были перечислены все, указанные выше, члены семьи. Есть только отметки, что Лидия и Александр лично на исповеди не присутствовали [2, л.330].

А вот в 1827 г. Александр Петрович Степанов на исповедь отправился один. Видимо, к этому времени он уже проводил семью на свою родину, в Калужскую губернию. Так же один, без семьи, он был и в 1828 и 1829 гг. [3, л. 1об., 39об., 84об].

В 1830 г. к А.П. Степанову приехал сын. В исповедных росписях значится, что на исповеди с губернатором был его 22-летний сын Николай, который закончил к тому времени Московский университетский пансион и служил в губернской администрации коллежским регистратором [3, л. 132].

Есть интересные воспоминания Парфентьева Ивана Фёдоровича – о Николае Степанове: «...при приезде генерала (так Парфентьев называет А.П. Степанова), как я слышал, был при нём и сын его, ... когда горела больница (по Бере(говой) улице, где теперь около дома Матвеева), то я слышал от дедушки моего, что-де на пожаре сильно хорошо распорядился-де губернаторский сынок, и только его энергическими распоряжениями пожар был вскоре потушен, сгорел только один верхний этаж большого деревянного дома» [4, л. 35].

Николай Александрович писал стихи, возглавлял общество «Красноярская литературная беседа». Известный как карикатурист, Николай был иллюстратором «Енисейского альманаха». Намеревался издавать сатирико-карикатурный журнал, «Минусинский раскрыватель». Известна его карикатура, где царь изображен карликом, который тащит, видимо, устав общества «Беседы об Енисейском крае» (на что разрешение царя так и не было получено). Н.А. Степанов позже принимал участие в «Иллюстрированном альманахе», в сатирическом журнале «Искра», с 1865 г. издавал известный в те времена «Будильник»...

Очевидно, дети имели большое значение для Александра Петровича.

В 1832 г. А.П. Степанов, глубоко переживая за здоровье тяжелораненого сына Петра, служащего в Лейб-гвардии егерском полку, написал стихотворение «К сыну»:

*...Ты видел в бою Провиденье,
Ты видел как мощный орёл
Змеиные гнезда когтями расплёл:
На суд и отмщенье
Не сам ли смотрел?
Не сам ли с другими бойцами
Орудием Неба ты был;
Не ваши ли раны врачует Бог силы
И к чести с венцами
Ведёт из могилы?.. [6].*

Теплота, с которой Александр Петрович Степанов относился к своим детям, отражается и в написанном им в 1835 г. романе «Постоялый Двор», во многом автобиографичном. Герой «Постоялого двора» Горянов, умирая, произносит: «Что-то делают мои деточки? Не явлюсь ли я которому? Не зазвеню ли и о меч Петра? Не потрясу ли кисти Николая?»... [5, л. 736].

Любящий отец большого семейства – вот лишь одна из черт к портрету первого Енисейского губернатора.

Дальнейшее изучение многогранной личности Александра Петровича Степанова ждёт своих исследователей и, возможно, ещё удивит новыми открытиями.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Калужской области. Ф-66. Оп.1 Д. 595.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.592. Оп.1 Д. 475.
3. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1 Д. 628.
4. Воспоминания Парфентьева Ивана Федоровича (1777–1898): рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея / под ред. Комаровой, Т. С.: предисл. Федоровой, В. И., Красноярск, «Издательство Поликор», 2016. 360 с.
5. Дружинин, А. В. Александр Петрович Степанов, автор «Постоялого двора» / Дружинин, А. В. Собр. соч. Т. 7. СПб, 1865.
6. Степанов, А. П. К сыну / «Литературное прибавление к «Русскому инвалиду», 1832. № 6. С. 47.

УДК 908

ЭСКЕЛЬ ЛЕОНАРД ГУСТАВОВИЧ: СУДЬБА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ИСТОРИИ СТРАНЫ

Данькина Надежда Анатольевна

*Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова,
Абакан, Россия*

nadezhda.dankina@yandex.ru

Данькина Варвара Евгеньевна

МБОУ «СОШ № 10», 11 класс, Абакан, Россия

varvara.dankina@yandex.ru

Аннотация: В статье показано значение «маленького человека» Эскеля Леонарда Густавовича в истории великой страны. В ней на основе фотодокументов реконструирована биография организатора летного дела, защитника своего отечества, который в послевоенные годы ответственно и беззаветно работал на благо страны.

Ключевые слова: «маленький человек», родина, летное дело, война, мирное время, репрессии

ESKEL LEONARD GUSTAVOVICH: THE FATE OF THE «LITTLE MAN» IN THE HISTORY OF THE COUNTRY

Dankina Nadezhda Anatolyevna

*Khakass National Museum of Local Lore name of L.R. Kyzlasov,
nadezhda.dankina@yandex.ru*

Dankina Varvara Evgenievna MBOU "SOSH No. 10", 11th grade

varvara.dankina@yandex.ru

Abstract: The article shows the importance of the «little man» Eskel Leonard Gustavovich in the history of a great country. In it, reconstructed on the basis of

photographic documents the biography organizer of the aeronautics, the defender of fatherland, worked responsibly and selflessly for the benefit of the country in the post-war years.

Key words: «little man», homeland, aeronautics, war, peacetime, repression

Рис. 1. Иркутское авиатехническое училище, преподаватель Л. Г. Эксель

Имя Леонарда Густавовича Эскеля незаслуженно забыто и практически стерто из исторической памяти. А ведь он был основателем аэроклуба в городе Черногорске, на базе которого в годы Великой Отечественной войны была размещена легендарная Бирмская военная авиационная школа. Будучи начальником аэроклуба, он не мог не принимать участие в обучении будущего Героя Советского Союза Петра Акимовича Рубанова, который в 1937 г. окончил пилотное отделение аэроклуба г. Черногорска.

Л. Г. Эксель, будучи ведущим штурманом летного отряда части № 1251 в Чите, защищал восточные рубежи нашей Родины в первой половине 1930-х гг. в качестве кадрового офицера, принимая важные и ответственные решения.

Именно Леонард Густавович Эксель был одним из первых преподавателей первого в Сибири и на Дальнем Востоке Иркутского авиатехнического училища.

Но 1938 г. круто изменил жизнь этого человека, разделив ее надвое. 1 марта 1938 г. Л. Г. Эксель был арестован по обвинению в антисоветской агитации и контрреволюционной организации и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых работ. И всю войну он провел в лагерях, работая в шахтах и военном заводе.

Но репрессии не сломили этого «маленького человека» великой страны, после войны он продолжил честно и ответственно трудиться, и приносить пользу родине.

Поэтому мы должны восстанавливать память о забытых героях, которые стояли у истоков строительства нового советского государства, каковым и являлся Леонард Густавович Эксель.

Леонард Густавович Эксель родился в 1904 г. в д. Томинка Эстляндской губернии (Эстония) в семье рабочего. Однако в своей личной автобиографии он писал, что родился в 1903 г. По всей вероятности, его родители перед революцией 1917 г. переселились в деревню Верхний Суэтук или Верхняя

Буланка. Переселение эстонцев в Сибирь было связано со строительством Транссибирской магистрали и Столыпинской аграрной реформой, в результате которой в Сибирь могла и переселиться семья Эскель.

С 1925 по 1928 гг. Л. Г. Эскель был курсантом Ленинградской пехотной школы. К середине 1920-х гг. это было передовое военно-учебное заведение, «ведущее творческий поиск нового, выходящих на широкую дорогу подготовки командиров-единоначальников» [1].

С 1925 гг. была введена стажировка курсантов пехотной школы в войсках, поэтому после ее окончания он в течении двух лет командовал пехотным взводом 3-го Туркестанского полка в г. Мары (Мевр) в звании младшего лейтенанта, которая воевала с басмаческими отрядами.

В 1931 – 1932 гг. обучался в летной школе в г. Оренбурге. И это учебное заведение, как и Ленинградская пехотная школа, было передовым в подготовке кадров. В летной школе изучал также дисциплину «бомбометание», которую преподавал в Иркутском авиатехническом училище. Здесь вступил в ряды КПСС.

В 1934 – 1935 гг. проходил службу на Маньчжурской границе на станции Боржа, в 300 км от г. Читы. Он дослужился до звания лейтенанта. В 1934 г. совершил прыжок с парашютом с высоты 700 метров [2]. В 1935 г. – ведущий штурман части № 1251 в Чите на станции Боржа [3]. Часть охраняла границу СССР с Маньчжурией [4].

Л. Г. Эскель стал одним из первых преподавателей Иркутского авиатехнического училища, с 1935 по 1936 гг. преподавал там бомбометание. Иркутское авиатехническое училище было первым в Сибири и на Дальнем Востоке учебным заведением, которое готовило инженерные кадры для авиации.

Как Л. Г. Эскель писал в автобиографии в 1937–1938 гг. он был начальником Черногорского аэроклуба. Именно на 1937 г. приходится его создание. Имеются сведения без уточнения конкретной даты, что в 1930-е гг. при Доме обороны в г. Черногорске был планерный кружок. Его первым руководителем стал Л. Г. Эскель. Курсанты изучали аэродинамику летальных аппаратов [5].

Черногорский аэроклуб рождался дважды. Первый раз он был организован в 1935 г. на базе авиамodelьного и планерного кружков, которые имели свои помещения и деревянный ангар в районе парка шахтеров по ул. Советской, где сейчас расположена церковь. Но просуществовал аэроклуб недолго.

В 1935 г. в газете «Комсомол Хакасии» (на хакасском языке) была напечатана статья «Учиться искусству планеризма», в которой отмечалось, что «комсомольская рабочая молодежь Черногорска хорошо поняла значение планеризма, они серьезно взялись за работу по подготовке летчиков 1-й ступени и планеристов...» [6].

Однако в 1935 г. при неудачной посадке во время буксировочного перелета в Красноярске погиб черногорец пилот Костя Иванов. Поэтому аэроклуб закрылся.

3 октября 1936 г. в городе открылся аэроклуб, как филиал красноярского аэроклуба. Из Красноярска был командирован летчик-инструктор, а также послан учебный самолет. Вновь созданный актив начал собирать разоренное имущество старого клуба, застеклили и подготовили к зиме ангар, привели в порядок материальную часть. По инициативе клуба при каждой Черногорской школе были созданы кружки юных авиамodelистов.

Вскоре после открытия в Черногорске аэроклуба был объявлен набор курсантов на пилотское отделение с годичным сроком обучения, привлечший большое внимание местной молодежи. Желавших обучаться было столько, что принимали учиться летному мастерству только по комсомольским путевкам, так как материальная база на первых порах значительно отставала. В итоге, первый набор на пилотское отделение аэроклуба состоялся в 1937 г., было принято всего 14 человек со всей Хакасии и юга края. Первый выпуск летчиков состоялся в 1938 г. Выпускники-отличники сразу же были зачислены в штат аэроклуба в качестве летчиков-инструкторов. Это — Кукушкин, Бурцев, Урыбин, Коченаев, Дудуев, Рубанов. Каждый из них скомплектовал в следующем наборе свои группы курсантов. Так началась дальнейшая работа аэроклуба [7, с. 32-33].

Военный летчик Петр Рубанов вспоминал: «Когда нам пообещали полеты на планерах, я окончательно решил записаться в этот кружок. В 1935 г. сделал подлет на планере, впервые «оторвался» от земли, оказался в воздухе и стал парить в небе, как птица. Это было просто чудо! Красота высоты, ощущение скорости и возможность преодоления пространства остались незабываемыми на всю жизнь...» [8]. В 1937 г. будущий Герой Советского Союза, военный летчик закончил пилотное отделение Черногорского аэроклуба.

С 1942 г. в г. Черногорске была дислоцирована Бирмская (п. Бирма под Хабаровском) военная авиационная школа пилотов.

Таким образом, г. Черногорск и Л.Г. Эскель стоял у истоков зарождения авиации в Хакасии. Но, к сожалению, из-за последующих событий в жизни Л.Г. Эскеля его имя была предано забвению.

1 марта 1938 г. Л. Г. Эскеля арестовали, ему предъявили обвинение в контрреволюционной организации и антисоветской агитации. Осужден только 11 мая 1940 года Красноярским крайсудом. На момент ареста работал учителем Суэтульской средней школы в Каратузском районе Красноярского края. Приговор был отменен 19 ноября 1958 г.

Что могло стать действительной причиной репрессий, неизвестно. По-видимому, основной причиной стало эстонская национальность, которая с начала XIX века подвергалась гонениям.

Как указывал историк И.В. Лоткин, эстонцы, жившие в СССР, значительно пострадали в ходе коллективизации и от репрессий 1937 – 1938 гг. Например, в конце 1937 г. УНКВД по Новосибирской области было сфабриковано дело крупной повстанческой организации, объединившей «эстонских перебежчиков» и «националистов» [9].

С 1938 по 1946 гг. Л. Г. Эскель находился в лагерях. Три года работал в шахте. Три года на военном заводе в Харькове. По всей вероятности, Л.Г.

Эскель работал на Хабаровском авиационном заводе им. Горького – завод № 83. Во время войны на заводе изготавливались запалы для гранат, развернулась сборка автомобилей «Студебеккер» и «Додж» из узлов и агрегатов, поступавших по ленд-лизу — американской программе помощи союзникам [10].

В Хакасию Л. Г. Эскель вернулся в 1956 г., стал работать агентом фотографии (фотографом) г. Черногорска. В 1964–1965 гг. работал механиком отопления Абаканского педагогического института. В 1960 г. заочно закончил курсы садоводов при Центральном Совете общества охраны природы, являлся инспектором общества охраны природы с 1964 по 1969 г. Был членом Хакасского областного общества охотников и рыболовов.

В 1960-е гг. Л. Г. Эскель увлекся цветоводством. Вместе с женой Эскель Ниной Мартиновной, Леонард Густавович принимал участие в озеленении города Абакана. Они награждались грамотами Исполкома Абаканского городского совета депутатов и за активное озеленение города Абакана. В одной из таких грамот Л.Г. Эскель — любитель-цветовод награждается и за хорошую подготовку к городской выставке цветов.

Л. Г. Эскель являлся член-корреспондентом Московского общества испытателей природы (МОИП). Так, в 1967 г. в газете «Советская Хакасия» в рубрике «Уголок любителя природы» была опубликована статья члена-корреспондента МОИП Л. Г. Эскеля «Лилия». Он хорошо знал историю появления лилий. Проводил аналогии с лилиями, которые растут в Хакасии — мартогон (местное название — саранка). Он также проводил аналогии изображений лилий на предметах древности и этнографии [11].

В эти годы Л. Г. Эскель также работал руководителем группы цветоводов школы № 7 г. Абакана.

Был награжден Министерством просвещения РСФСР и ЦК ВЛКСМ за высокие показатели во Всероссийском конкурсе на лучшую постановку в школах и внешкольных учреждениях РСФСР опытнической работы.

Умер Л.Г. Эскель в 1974 г.

Таким образом, вклад Леонарда Густавовича Эскеля – этого «маленького человека» в историю страны не оценим. В довоенный период был организатором летного дела, защищал рубежи родины. В годы войны, будучи репрессированным, работал на оборонную промышленность страны. Но несмотря на пережитые им репрессии, Эскель вернулся в Хакасию, достигнув больших успехов в мирных профессиях. Имя такого героя не должно быть забыто.

Список литературы и источников

1. История Ленинградского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени С. М. Кирова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenpeh.ru/history>
2. Документальный фонд ХНКМ им. Л.Р. Кызласова (ХНКМ КП) 4263/35.
3. ХНКМ КП 4263/13.
4. ХНКМ КП 4263/24.
5. Мастер планерного дела // Черногорский рабочий. 2016. 28 января.
6. Учиться искусству планеризма // Комсомол Хакасии. 1935. 10 апреля
7. Чубриков, В. Июнь 1937 года В Черногорске был организован Хакасский областной аэроклуб (80 лет со дня образования) // Черногорск. 2017: календарь знаменательных и памятных дат / Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина; сост. С.И. Карамашева. Черногорск, 2016. С. 32-33.
8. Книга памяти Красноярского края. Т. 9. Красноярск. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bessmertnybarak.ru/books>.
9. Лоткин, И. В. Эстонцы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/estoncy_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.
10. Карпач, М. Хабаровские «горьковчане». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dalgazeta.ru/index.php?option=com_content&view.
11. ХНКМ КП 4263/1-36.

УДК 93

ЭНТУЗИАЗМ, ГЕРОИЗМ, РОМАНТИКА: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИЙ ПЕРВОСТРОИТЕЛЕЙ БРАТСКОЙ ГЭС

Лебедева Надежда Николаевна

Братский государственный университет, Братск, Россия

naumova_bratsk@mail.ru

Рябов Юрий Владимирович

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ryabov.yu@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные аспекты изучения биографий первостроителей Братской ГЭС. Авторами предпринята попытка выявить общие жизненные сюжеты, объединяющие первостроителей и объясняющие их поведенческие паттерны и нравственные ориентиры. В результате делается вывод о необходимости привлечения различных методик работы с источниками мемуарного характера для более полного понимания логики поступков людей изучаемой исторической эпохи.

Ключевые слова: устная история, мемуары, биография, образ поколения, Ангарский каскад ГЭС

***ENTHUSIASM, HEROISM, ROMANCE: TO THE QUESTION
OF STUDYING THE BIOGRAPHIES OF THE PIONEER BUILDERS
OF THE BRATSK HYDROELECTRIC POWER PLANT***

*Lebedeva Nadezhda Nikolaevna
Bratsk State University, Bratsk, Russia
naumova_bratsk@mail.ru*

*Ryabov Yuriy Vladimirovich
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
ryabov.yu@gmail.com*

Abstract: The article deals with some aspects of the study of biographies of the first builders of Bratsk Hydroelectric Power Station. The authors have made an attempt to identify common life plots that unite the first builders and explain their behavioral patterns and moral guidelines. As a result, the conclusion is made about the need to attract different methods of working with memoir sources for a fuller understanding of the logic of the deeds of the people of the historical era under study.

Key words: oral history, memoirs, biography, image of generation, Angara cascade of HPP

Добросовестному исследователю, а также всем, кто в той или иной степени интересуется историей, всегда следует помнить о том, что в любую историческую эпоху жили и создавали живые люди — из плоти и крови, со своими чаяниями, надеждами, любовью и страхом. В чем-то похожие на нас сегодняшних, в чем-то отличающиеся. Одна из основных задач историка — понять, почему люди прошлого жили так, а не иначе, что определяло их повседневность.

В выявлении таких причинно-следственных связей в числе многообразных источников, особую ценность представляет обширный корпус мемуарных источников — (авто-)биографии, письма, дневники и т.д. Такие материалы могут не только дополнить уже существующие источники по той или иной проблеме, но быть иногда практически единственным видом свидетельств об изучаемой проблеме, и даже, в силу ее специфики, выходить на первый план [1, с. 108].

Ценность таких источников, методы их интерпретации и в широком смысле методологии устной истории являются предметом многочисленных дискуссий и заслуживают отдельного большого исследования.

В рамках изучения энергетического освоения Восточной Сибири, а конкретно возведения Ангарского каскада гидроэлектростанций, исследователь неизбежно столкнется с уже сложившимся канонем описания жизненного пути создателей сибирских энергогигантов — начальников стройки, главных

инженеров, проектировщиков, строителей и других представителей рабочих профессий.

Различные аспекты повседневной жизни каждой из этих групп — неисчерпаемый источник для изучения и более полного понимания специфики 1950-х – 1970-х гг.: от бытовых условий первостроителей до социальной характеристики региональной технократической элиты [2].

Авторов данной статьи интересуют, прежде всего, составляющие биографического канона, то, из чего складываются общие места, стереотипы и мифология, которые отчасти размывают важные детали истории ударных строек социализма.

Источниковую базу здесь составляют мемуары, записанные и изданные в разное время. Е.Б. Волосова выделяет три периода создания и выхода в свет таких мемуаров: 1) 1960-е гг.; 2) 1990-е гг.; 3) начало XXI в. [3, с. 94], отмечая, что оценки одних и тех же событий могли меняться в течение жизни конкретного первостроителя.

Как уже отмечалось выше, роль и место на стройке могли существенно отличаться. Начальники стройки, проектировщики и строители ГЭС имели разный возраст, жизненный и профессиональный опыт, культурный уровень и т.д. В силу требований к объему статьи, ограничимся рассмотрением лишь одной категории — строителей.

Несмотря на определенную разницу между мемуарами разных периодов, все они позволяют выявить общие сюжеты и точки соприкосновения, объединяющие миллионы людей, вовлеченных в возведение Братской ГЭС.

Попытаемся выстроить эти сюжеты не в порядке упоминаний их самими авторами мемуаров, а скорее в хронологии событий 1950-х – 1970-х гг. Следует начать с условий формирования личности будущих первостроителей. Учитывая то, что подавляющее большинство людей, задействованных на строительномонтажных работах, были молодыми комсомольцами, можно сделать вывод, что их детство выпало на повоенный и послевоенный период. Из особого отношения к Великой Отечественной войне и ее последствий вытекают и особенности характера комсомольской молодежи 1960-х гг.

В массе своей это было поколение, потерявшее на войне отцов и одновременно «опоздавшее» на эту войну. Такое сочетание толкало на поиск жизненных стратегий, наделенных четким смыслом и предназначением, на реализацию героических устремлений, на подвиг, пусть не военный, но трудовой. Многие мужчины приезжали на строительство сразу после прохождения службы в армии — получив там необходимую нравственную и дисциплинарную закалку, они стремились реализовать ее в созидательном русле. Само возведение Братской ГЭС и ее строители нередко сравнивались в художественной литературе и публицистике с битвой и солдатами.

Отдельной острой темой стояли понятия трусости и дезертирства, презираемые как в военное, так и в мирное время — в сочетании с вышеописанным многие первостроители следовали героической модели поведения, преодолевая любые трудности, не пасуя перед ними ни при каких условиях и обстоятельствах. Одна из работниц стройки в письме подружке

отмечает прямо: «Вообще такое впечатление, что над всей стройкой незримый лозунг: «Не пицать!» [4, с. 26]. Тем не менее, не все воспоминания соотносятся с героикой — встречаются среди первостроителей и те, кто в силу разных обстоятельств не разделял лозунгов о героизме и энтузиазме.

Следует отметить, что культура и искусство чутко реагировали на проблемы и специфику героизации труда. Так, герой повести А. Кузнецова «Продолжение легенды» (1957) [5] едет на строительство Братской ГЭС как раз в поисках чего-то настоящего, героического, однако, оказываясь в условиях реальной стройки сталкивается с целым рядом трудностей и его пыл угасает — в какой-то момент герой ловит себя на мысли, что абсолютно не понимает смысла своей работы и нахождения на строительстве. Тем не менее, отступить ему не позволяют вышеуказанные факторы, в т.ч. боязнь прослыть трусом. В конечном счете герой обретает смысл в коллективе, новых друзьях и радости от участия в общем большом созидательном деле.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой определения аспектов героизма — всегда ли герой только тот, кто осознает это или же важнее поступок и его конечный итог, нежели мотивы, которые двигают человеком. Разве ошибкой будет назвать героем того, кто не разделял ударных лозунгов, но при этом усердно трудился, исходя, допустим, из сугубо материальных интересов? Данная проблема является темой отдельного исследования.

Так или иначе, именно о героизме и энтузиазме в преодолении трудностей вспоминают многие первостроители в своих письмах, дневниках и мемуарах [4, 6-8]. Производство строительных работ в тяжелейших природно-климатических условиях, отсутствие на начальных этапах инфраструктуры, культурно-бытового обслуживания — все это подвигало первостроителей к поиску новых решений, полной самоотдаче в работе и умению находить радости в малом.

Из бытовых трудностей происходит еще один объединяющий сюжет — уникальность опыта коллективного проживания в суровых природных и бытовых условиях строительства Братской ГЭС. Немало первостроителей вспоминает об искренней открытости людей: «Честность была поразительная. Чемоданов не закрывали, замков не знали. <...> За 6 лет ни одной кражи» [4, с. 52], «...что блок, что дружбу свою складывали» [4, с. 105]. Общими усилиями возводили все нужное для жизни и отдыха: магазины, клубы (в том числе спортивные), танцплощадки; вместе поддерживали порядок и дисциплину, нарушения которой также отражены в воспоминаниях современников.

Жилищный вопрос также оборачивался различными ситуациями — на раннем этапе строительства Братской ГЭС нередкой была ситуация, когда в одной палатке могло проживать по 6-8 семей [4, с. 26]. Несмотря на принятые меры, ситуация оставалась непростой и к началу 1960-х гг. [10, с. 94]. Не миновали трудности в поисках жилья бабушку и дедушку одного из авторов данной статьи: молодые тогда люди, бетонщик и обмотчица электродвигателей, поженившись в 1962 г., вынуждены были для совместного проживания купить землянку, чему очень радовались — отдельная комната или дом все еще не были широко доступны.

В связи с бытовыми и жилищными затруднениями, подавляющее большинство первостроителей отмечает неиссякаемый оптимизм и коллективизм — стремление поделиться не только редкими в бытовых условиях стройки предметами, но также жизненным и профессиональным опытом. Здесь мы можем наблюдать широкий демократизм опытных руководителей в лице И.И. Наймушина, А.М. Гиндина, М.С. Ротфорта и других, постоянно контактировавших с молодыми кадрами. Сохранилось немало воспоминаний первостроителей о своеобразном сочетании строгости и юмора таких руководителей, при этом неизменно подчеркивается их мудрость и справедливость в отношении трудового коллектива [4, с. 24]. Такое восприятие относится даже к спорным ситуациям. Вышеупомянутая бабушка одного из авторов статьи, в попытках решения жилищного вопроса удостоилась личного приема И.И. Наймушина, о чем ныне вспоминает без особой радости, отмечая, однако, что отказ в помощи был обусловлен необходимостью решения начальником строительства более важных вопросов.

Объединяющим свойством для первостроителей был еще и тот факт, что при возведении Братской ГЭС не использовался труд заключенных, равно как и сами работы не носили функции «перековки» — строя Братскую ГЭС, молодежь буквально строила социализм, что придавало дополнительной мотивации в силу большей ответственности. Тема ответственности за настоящее и будущее нашла продолжение также в восприятии нового города Братска, построенного по обоим берегам Ангары. Все, кто так или иначе приложил руку к его созданию, считали город в полном смысле своим, стараясь облагородить его как внешне, так и в культурном отношении.

Еще один объединяющий сюжет для многих строителей Братской ГЭС — школа Братскгэсстроя: многие строители продолжили свой трудовой путь на возведении следующих ступеней Ангарского каскада: Усть-Илимской и Богучанской ГЭС.

Таким образом, говоря о некоем коллективном биографическом портрете рабочих-строителей Братской ГЭС, можно заключить, что складывается он как минимум из вышеупомянутых общих мест и сюжетов. Очень удачной видится более масштабная разбивка сюжетов, предложенная Е.Б. Волосовой: 1) масштабность исторической судьбы поколения первостроителей и его включенность в контекст своего времени; 2) особый жизненный сценарий; 3) позитивный образ поколения; 4) особая атмосфера, присущая молодежным стройкам Восточной Сибири [3, с. 94].

Безусловно, настоящая статья не претендует на полноту исследования, а лишь обозначает круг проблем, перспективных для дальнейшего изучения. В работе с источниками мемуарного характера важно учитывать множество факторов и привлекать различные методики вплоть до выработки новых и уникальных, не ограничиваясь уже ставшими традиционными соотношением устных источников с другими типами, а также сопоставлением воспоминаний в рамках тех или иных аспектов.

Вдумчивый и тщательный подход в изучении данной темы позволит в наибольшей полноте раскрыть все стороны невероятно насыщенной, сложной и

многогранной реальности ударных строек социализма в Восточной Сибири, не ограничиваясь массово-культурными и стереотипизированными образами. Это особенно важно сегодня, в условиях разрыва преемственности и определенного размывания историко-культурной идентичности целого поколения братчан.

Список литературы и источников

1. Волосова, Е. Б. Возможности устной истории как методологии социального познания (на примере воспоминаний А. Максимчука) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 4(42). С. 107-112.
2. Волосов, Е. Н. Технократическая элита Ангаро-Енисейского региона в 1964 – 1991 гг.: опыт исторического анализа: Монография. Иркутск: Изд-во Иркут. гос.ун-та, 2010. 433 с.
3. Волосова, Е. Б. Мемуары и историческая реальность: проблема верификации (анализ мемуаров участников и свидетелей комсомольских ударных строек Восточной Сибири 50-70-х гг. XX в.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 3(25). С. 93-98.
4. Это было на Ангаре. Сборник / Сост. В. Енишерлов, Д. Иванов. М.: Молодая гвардия, 1974. 208 с.
5. Кузнецов А. Продолжение легенды. М.: Государственное издательство детской литературы, 1959. 208 с.
6. Летопись дел Братскгэсстроя. 1954–2004 / отв. ред. В. С. Викулов. Иркутск, 2004. 460 с.
7. Полнос мужества / сост. Е. Бандо, Б. Костюковский. М.: Советская Россия, 1963. 636 с.
8. Свет Ангары. Очерки истории ордена Ленина и ордена Октябрьской революции специального управления Братскгэсстрой / ред. А. В. Глюк. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980. 400 с.
9. Свет негасимый. Иркутск, 2004. 342 с.
10. Королева, Т. М. Решение жилищного вопроса в городах Иркутской области в 1960-1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-2(17). С. 94-98.

**ВКЛАД М.В. ЛАРИНА В РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО
АРХИВНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ВНИИДАД**

*Мордвинова Валерия Юрьевна
Ипеева Анастасия Александровна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
valeriyamordvinova@bk.ru*

Аннотация: В статье рассматривается вклад М.В. Ларина, возглавлявшего работу Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) более 23 лет, в развитие взаимодействия и сотрудничества с международными архивными организациями.

Ключевые слова: мировое архивное сообщество, международные архивные организации, сотрудничество, ВНИИДАД, вклад в развитие.

**CONTRIBUTION OF M.V. LARIN TO THE DEVELOPMENT OF
INTERNATIONAL ARCHIVAL COOPERATION OF VNIIDAD**

*Mordvinova Valeriia Yurievna
Ipeeva Anastasia Alexandrovna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
valeriyamordvinova@bk.ru*

Abstract: The article examines the contribution of M. V. Larin, who headed the work of the All-Russian Scientific and Research Institute for records and archives management (VNIIDAD) for more than 23 years, to the development of interaction and cooperation with international archival organizations.

Key words: the world archival community, international archival organizations, cooperation, VNIIDAD, contribution to development.

Международное сотрудничество в области архивного дела имеет долгую историю, берущую своё начало еще до Первой Мировой войны. Опыт взаимодействия с международными архивными организациями позволяет выявить наиболее значительные для российского и мирового сообщества проблемы и перспективы в архивном деле, которые были актуальны в прошлом и продолжают сохранять актуальность.

На протяжении второй половины XX в. российские архивисты активно взаимодействовали с международными архивными организациями и принимали участие в совместной деятельности в области развития науки об архивоведении. Данная тенденция сохраняется и в XXI в. Одним из видных деятелей в области архивного дела на российском и международном уровне является М.В. Ларин.

М.В. Ларин – советский и российский историк-архивист. С 1993 г. по 2016 г. возглавлял Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела Федеральной архивной службы России [1].

Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела – ведущий научный центр исследований в области документоведения и архивоведения, где сосредоточились ведущие учёные и специалисты архивного дела. Созданный в 1966 г. в связи с неспособностью оперативно решать проблемы увеличивающегося документопотока в стране, на сегодняшний день ВНИИДАД сохраняет свои лидирующие позиции. [2, с. 8].

Годы работы М.В. Ларина ознаменовались вступлением ВНИИДАД в новую «эпоху» международного архивного взаимодействия – более масштабную и эффективную. Это время можно отметить необычайной продуктивностью и реализацией важных проектов в области архивного сотрудничества между Россией, Европой и Азией. В частности, М.В. Ларин поспособствовал необычайному укреплению сотрудничества ВНИИДАД с Международным советом архивов и «ЕВРАЗИКОЙ» - его Евро-Азиатским отделением. Институт активно устанавливал международные контакты, участвовал в международных обсуждениях и представлял свои интересы и взгляды на различные области в архивном деле, доводил свои позиции до сведения профессионального архивного сообщества.

Под руководством М.В. Ларина во ВНИИДАД начал действовать «Отраслевой международный центр повышения квалификации специалистов по архивному делу» [3], где получают новые знания по усовершенствованию управлению архивами учёные и практики из России, СНГ и многих других стран. На базе центра ВНИИДАД провёл множество международных научно-практических конференций и обучающих семинаров, помогающих специалистам из России и других стран обмениваться знаниями и навыками. Интерес к участию в конференциях ВНИИДАД на протяжении более 20 лет демонстрируют архивисты Европы и Азии. Российские представители ВНИИДАД также стали активными участниками международных архивных конференций, таких как «Международный архивный день» Института архивоведения в Триесте и Мариборе [4]. За время работы научно-практических конференции международного уровня были налажены полезные контакты в области профессионального архивоведения, а также были обсуждены перспективные проекты международного сотрудничества.

В 2014 г. от России М.В. Ларин принял активное участие в международных архивных конференциях, заседаниях и ассамблеях в Европе, где были затронуты вопросы архивного законодательства в разных странах, вопросы нормативно-правового регулирования деятельности архивов, а также вопросы создания архивных сайтов. Участие в этих событиях дало возможность российской стороне познакомиться с зарубежным опытом в архивном деле в различных аспектах, определить перспективные направления развития российского архивоведения исходя из современных тенденций. Также у ВНИИДАД появилась возможность отправлять российских специалистов на обучение архивному делу в другие страны, где существует более развитая

архивная деятельность. На основе заключённого двустороннего договора в 2015 г. с Международным институтом архивоведения в Триесте и Мариборе [4], такой же возможностью обучения смогли воспользоваться и зарубежные учёные. Такие же договоры о международном сотрудничестве были заключены с Ханойским университетом внутренних дел [5], Белорусским НИИ документоведения и архивного дела [6], Европейским центром АМЕУ ЕСМ Университета Alma Mater [7], а также с Европейской Академией наук и искусств [8].

У международных институтов архивного дела, архивных организаций и ВНИИДАД обозначились общие цели: расширение знания об архивной деятельности, развитие кооперации в области улучшения базы знаний об архивоведении, продвижение идей и инициатив в исследованиях тех или иных стран, кооперативная работа в области архивного дела на мировом уровне.

К 2015 г. в рамках «Осенней архивной школы» Международного совета архивов, активно участие в которой принимали представители ВНИИДАД, появился расширенный словарь терминов архивоведения, переведённый на русский язык [9]. Также, при М.В. Ларине институт нашел еще одну нишу в новой форме международного сотрудничества: разработка и реализация совместных выпусков информационных журналов и публикаций. Сам М.В. Ларин является членом редколлегии международных журналов и сборников «АРХЕОН» и «ATLANTI», что позволяет продвигать перспективные проекты и идеи российских архивистов.

Анализируя вклад М.В. Ларина в укрепление и развитие международного сотрудничества ВНИИДАД в области архивного дела, можно сделать вывод, что была проделана колоссальная работа по установлению стабильных взаимоотношений и укреплению позиции российских архивистов в мировом архивном сообществе: достигнуты важные взаимовыгодные соглашения, заключены двусторонние договоры в образовательной сфере архивного дела, что является главным результатом в международной научно-образовательной деятельности ВНИИДАД. К тому же, благодаря успешному международному взаимодействию был повышен уровень престижа и востребованности ВНИИДАД как архивной организации в мировом профессиональном сообществе.

В два последних десятилетия наука об архивном деле получила мощный толчок для развития на международном и российском уровне благодаря обмену опытом и внедрению знаний в архивное дело. Последующее укрепление сотрудничества позволяет российской архивной науке и ВНИИДАД развивать свою материальную базу, достигать целей, соответствующих мировым тенденциям, открывает доступ к обмену информацией и передовым носителям информации, современным технологиям.

Список литературы и источников

1. История ВНИИДАД. URL: http://history.vniidad.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=5:larin-mihail-vasilevitch (дата обращения: 13.11.2022)

2. Ларин М.В. ВНИИДАД: Этапы развития и направления деятельности в 1966-2006 гг. М., 2006.
URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_9161454_53300912.pdf
3. Всероссийский НИИ документоведения и архивного дела: Информация об ОЦПК. URL: <https://vniidad.ru/805/?ysclid=lai86cwnbu870266003> (дата обращения: 13.11.2022)
4. Международный институт архивных наук Триеста и Марибора. URL: <http://www.iias-trieste-maribor.eu/chi-siamo/> (дата обращения: 13.11.2022)
5. Ханойским университетом внутренних дел. URL: <http://internationaloffice.hanu.vn/> (дата обращения: 13.11.2022)
6. Белорусский НИИ документоведения и архивного дела. URL: <https://belniidad.by/> (дата обращения: 13.11.2022)
7. Европейский центр АМЕУ ЕСМ Университета Alma Mater. URL: <https://www.almamater.si/> (дата обращения: 13.11.2022)
8. Европейская Академия наук и искусств. URL: <https://euro-acad.eu/> (дата обращения: 13.11.2022)
9. Многоязычная архивная терминология. URL: <http://www.ciscra.org/mat/> (дата обращения: 13.11.2022)

УДК 119.06.94

Ф.В. КОРНИЛОВА. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦЫ

Просвиркина Валерия Владимировна

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

lerka_19_06@mail.ru

Аннотация: В развитии предпринимательства на территории Тобольской губернии хорошо себя показали не только мужчины, но и женщины. Купчиха Ф.В. Корнилова смогла развернуть бурную деятельность, укрепить пароходную компанию и расширить торговлю. Она своим поступком дала своему региону возможность к более крупному экономическому развитию.

Ключевые слова: Ф.В. Корнилова, предпринимательство, пароходство, торговое дело.

F.V. KORNILOVA. THE STORY OF A BUSINESSWOMAN

Prosvirkina Valeria Vladimirovna

Surgut State University, Surgut, Russia

lerka_19_06@mail.ru

Abstract: In the development of entrepreneurship on the territory of the Tobolsk province, not only men, but also women have shown themselves well. The merchant's wife F.V. Kornilov was able to launch a stormy activity, strengthen the

shipping company and expand trade. By her act, she gave her region the opportunity for greater economic development.

Keywords: F.V. Kornilova, entrepreneurship, shipping, trade.

Рассматривая историю «маленького человека» можно увидеть данный случай в лице женщины в области предпринимательства в одной из территории Российской империи. Корнилова Феликитата Васильевна является ярким представителем женщины, которая традиционно была матерью, женой, сестрой, дочерью, но разрушив стереотипы стала успешной предпринимательницей, которая достойно конкурировала с мужчинами.

Феликитата Васильевна вышла замуж за Ивана Николаевича Корнилова, который известен как владелец кирпичного завода мощностью 30 тысяч кирпичей в год. В 1864 году он создал Торговый дом «Наследники И.Н. Корнилова». Он занимался торговлей зерном, рыбой и солью, торговал пушниной на Ирбитской ярмарке (он был главой Ярмарочного комитета), затем приобрел несколько пароходов, занимался золотодобывающей промышленностью на Алтае, брал подряды на строительство. Ф.В. Корнилова родила трех сыновей и двух дочерей: Василия, Ефрема, Ольга, Александра и Иван [6, 320].

В 1892 году, при Иване Николаевиче, фирма Корнилова была одной из самых влиятельных и конкурентоспособных в Сибирском регионе, у компании было 10 собственных паровых судов, самым мощным было судно «Сын» — 160 л.с., и 40 барж. Торговый дом открыл собственную верфь в Тюмени, где строились грузовые баржи, гусянки и небольшие суда. К 1895 году чистая прибыль от всех видов деятельности составила 120 тысяч рублей [3,190].

После смерти Ивана Николаевича все дела перешли к его жене Феликитате Васильевне. Ф.В. Корнилова понимала, что на нее ложится большая обуза, она должна была встать у руля семейного бизнеса, чтобы семейный бизнес не канул в пропасть. Поэтому она возглавила контору «И. Корнилов и наследники», а трое ее сыновей, Иван, Ефим и Василий, получили статус полноправных товарищей, дочери Ольга и Александра и невестка купца внесли взносы в виде своего приданого. Главный офис партнерства располагался в Тюмени в собственном доме. Компания состояла из главного офиса и 12 филиалов по берегам судоходных рек, в городах Тобольск, Тара, Томск, Евгашинск, Красноярск, Ново-Николаевск, Омск, Павлодар, Бийск, Семипалатинск, Барнаул, Камень, а во время ярмарок — в Ирбите. Феликитата Васильевна пользовалась авторитетом в городе — она принимала участие в выборах в городскую думу и числилась под номером 1 в избирательном списке 1893 года [5, 203].

В 1910 году Торговый дом Корнилова вошел в состав Западно-Сибирского товарищества торговли и пароходства, Корниловы стали владельцами 23,85% компании, с 1913 по 1917 год. Председателем правления товарищества был Иван Иванович Корнилов. [2, 46].

В своих воспоминаниях Д.И. Менделеев, учитывая ее характер и деятельность характеризует ее: «я познакомился с приветливейшей, но

деловитой, как настоящая сибирячка, хозяйкою дома и главою фирмы...». В Так, можно сказать, что в Сибири женщины были более предприимчивыми, самостоятельными, энергичными и активными [4, 123].

Так, для детского приюта имелись попечители, в числе наиболее, которых активную деятельность проявили: Ф. В. Корнилова, С. М. Трусов, М. М. Гондatti и т.д. Приют является самым крупным в губернии на протяжении 50 лет.

Либеральные реформы 1860-1870-х гг. стали причиной пробуждения общественной активности в стране. Отголоски общественного подъема в центре страны доходили и до таких отдаленных окраин, как Сибирь. Носителем новых настроений и идей была местная интеллигенция. Она стояла во главе всех прогрессивных начинаний, в ее деятельности проявлялось влияние лучших демократических традиций. Благодаря интеллигенции в Тобольской губернии начали формироваться элементы гражданского общества в виде самостоятельных общественных инициатив и организаций - благотворительных, просветительских, художественных и др. Большую роль в их деятельности сыграли женщины [1, 104].

Женщина - прежде всего мать, поэтому традиционно предметом ее заботы были дети, особенно сироты. Женщины принимали участие в создании детских приютов, учебных заведений, больниц. Так, в начале XX в. был образован женский благотворительный комитет по оказанию помощи переселенцам. Во главе его стояла М. Д. Лаппа-Старженецкая, жена тобольского губернатора. Состав его колебался от 15 до 20 человек, среди которых была Ф. В. Корнилова, а также Л. Ф. Афонская, А. И. Бронникова, Е. В. Дементьева В. И. Лебедева, А. Д. Панова. Они делали членские взносы для содержания Комитета. Финансовая помощь оказывалась тобольскими и тюменскими купцами и заводчиками: Г. Д. Смолиным, И. Е. Ятесом, Н. И. Давыдовским, В. А. Поклевским-Козелл, Ф. Ф. Колмагоровым, Г. Г. Игнатовым и другими.

Комитет оказывал помощь наиболее нуждающимся мигрантам; он поддерживал более обеспеченных кредитами. За счет комитета был открыт учебный семинар по женскому рукоделию (навыки плетения кружев и ковров), предназначенный для дочерей иммигрантов [6, 321].

В заключение можно сказать, что женское предпринимательство оказало большое влияние на ход социально-экономических процессов, культурное развитие сибирского общества во второй половине XIX - начале XX вв. Участницы женского предпринимательства были, как правило, яркими личностями, своей деятельностью и примером они способствовали становлению нового образа женщины: независимой, предприимчивой, образованной, обладающей широким кругозором, чувством гражданской ответственности за судьбу родного края. Они создавали модель инициативного поведения в различных общественных сферах, удовлетворяли потребность в самореализации и творческом проявлении личности. Ф. В. Корнилова, как одна из представительниц предпринимательства, после смерти мужа смогла взять на свои плечи семейных бизнес и продвинула его. Закрепив статус одной из самых

влиятельных и конкурентоспособных фирм в Сибирском регионе. Широко участвовала в предпринимательской, благотворительной деятельности приводило к формированию у них гражданского самосознания.

Список литературы и источников

1. Комлева Е.В. Сибирское купечество как источник формирования региональной интеллигенции (конец XVIII – начало XX вв.) // История Сибири, 1583-2006. Проблемы и перспективы: сб. материалов рег. молодежной науч. конф. Новосибирск: Сова, 2006. - С. 96-105
2. Сорокина Н. Л. Участие женщин в торговых домах Западной Сибири Конце XIX – начала XX вв. // Вестник Югу, 2012 г. Выпуск 1 (24). — С. 45–50
3. Старцев А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.): учеб. пособие ; АлтГУ. - Барнаул : Изд-во АГУ, 1999. — 215 с.
4. Счастливцев В.М. Уральская железная промышленность конца XIX века глазами Д.И. Менделеева // XX Менделеевский съезд по общей и прикладной химии. Тезисы докладов. 2016. Т. 3. – 387 с.
5. Тамбовския Епархиальныя Ведомости (ТЕВ). В 24 номерах. № 7.1-го апреля 1882 года / ред. Ректор Семинарии, Протоиерей Д. Певницкий, помощник ред. Капитон Ястребов. – Тамбов : Тамбовская Губернская тип., 1882. – о.ч.: С.199-234.
6. Тобольский биографический словарь / [Авт.-сост.: Софронов В. Ю., Прибыльский Ю. П.]. - Екатеринбург : Уральский рабочий, 2004 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). - 575 с.

СЕКЦИЯ 3. МАЛЫЕ ТЕРРИТОРИИ И ПОПУЛЯЦИИ

УДК 728.6(571.53)

ВЛИЯНИЕ ЛАНДШАФТА НА ПЛАНИРОВКУ СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ И АРХИТЕКТУРУ СТРОЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПРИЛЕНЬЯ

*Алексеева Елизавета Олеговна
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
alekseevaliza150@mail.ru*

Аннотация. В данной статье описываются причинно-следственные связи взаимодействия окружающего ландшафта с планировочной структурой и архитектурой сельского поселения на территории Верхнего Приленья. Описано происхождение особенностей рельефа данной территории, а также описаны материалы для строительства домов и хозяйственных построек. На основе приведенных фактов в статье рассмотрены особенности Верхоленской деревни от других поселений Восточной Сибири.

Ключевые слова: сельская архитектура, ландшафт, планировочная структура, архитектура, Верхнее Приленье.

INFLUENCE OF THE LANDSCAPE ON THE PLANNING OF THE RURAL SETTLEMENT AND THE ARCHITECTURE OF THE UPPER PRILENYE BUILDINGS

*Alekseeva Elizaveta Olegovna
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
alekseevaliza150@mail.ru*

Abstract. This article describes the cause-and-effect relationships between the interaction of the surrounding landscape with the planning structure and architecture of a rural settlement on the territory of Upper Prilenye. The origin of the relief features of this territory is described, as well as materials for the construction of houses and outbuildings. Based on the above facts, the article discusses the features of the Verkholskaya village from other settlements in Eastern Siberia.

Key words: rural architecture, landscape, planning structure, architecture, Upper Prilenye.

Для изучения темы, связанной с взаимоотношением человека и окружающей среды стоит вспомнить ведущий принцип экологической антропологии, а именно принцип регионализма, который предполагает «...учет особенностей природно-географической среды в адаптационных процессах людей, живущих на конкретных территориях [9]. Основа этого принципа в современности используется в архитектуре и градостроительстве. Так называемый «ландшафтный» подход градостроительства, позволяет структурировать систему города таким образом, чтобы повысить комфортность

проживания населения. Свойства естественных ландшафтов и урбандшафтов¹, важные с точки зрения решения конкретных задач территориального планирования и архитектуры, раскрываются с использованием:

1. Функционального подхода, который опирается на выявление особенностей и закономерностей функционирования природных ландшафтов и урбандшафтов как сложных геосистем.
2. Историко-генетического подхода, который дает возможность воспроизвести изучаемый объект в контексте времени, на фоне исторического движения.
3. Морфотипного подхода, суть которого в детальном анализе планировочно-пространственной организации городской застройки в результате развития урбанизированной территории в пространстве и во времени.
4. Геоэкологического подхода, который определяет городской ландшафт как сложную природно-техногенную систему.
5. Визуального подходов, который базируется на восприятии человеком городского пространства и архитектурной среды города [6].

Для точного понимания того, как именно ландшафт влияет на планировку какого-либо сельского поселения и архитектуру его строений необходимо точно определить особенности самого ландшафта на конкретной, изучаемой нами территории.

Под Верховеньем мы понимаем территории, северо-восточной части Иркутской области по системе притоков верхнего течения р. Лены в границах Байкальского хребта – современные Качугский и Жигаловский район.

Над описанием данной территории в 1920-ые гг. работал В. А. Накипелов, он приводит результаты экспедиции 1927г. в работе «Лено-Киренгский колониционный район».

Накипелов отмечает, что основой ландшафта является великая Сибирская платформа² на части которой располагается Верховенский район. Благодаря ей рельеф данной территории изменялся под влиянием ветров, осадков и ледников, а не горообразовательных процессов. Коренные осадочные породы состоят преимущественно из красных мелкозернистых плоских песчаников, результатом разрушения которых является красная глина, которая является основным видом почвы района. Таким образом район имеет сглаженный рельеф, здесь нет ярко выраженных хребтов, а возвышения являются хребтообразными водоразделами с широкими плоским вершинами [8].

Район довольно густо орошается водной системой. Общее течение рек быстрое, но спокойное, без порогов и каскадов. Дно, в большинстве случаев, каменистое (жители Верхнего Приленья используют речной плитняк³ в качестве основного строительного материала для русской печи). Все реки

¹ Урбандшафт - это городской ландшафт, сформировавшийся в результате градостроительного преобразования территории, характеризующийся однородной природной основой и определенным типом градостроительного использования.

² Сибирская платформа - древняя платформа (кратон) в средней части Северной Азии, на северо-востоке Евразийской плиты.

³ Плитняк – пластины природного камня.

мелководные, но от дождей быстро прибывают, а от солнца так же быстро скатываются. Большие реки использовались как пути сообщения (одна из причин почему оседлое население живет именно у них), а в советское время для сплавки леса. Помимо транспортной функции у рек так же есть хозяйственное назначение. Поселения строятся по берегам так же из-за близости воды, что удобно для ведения оседлого сельского хозяйства (в том числе традиционная практика – рыбалка, которая благодаря простоте технологий была по силам и детям и взрослым). Планировка двора при этом часто строится по однотипной схеме. К реке выходят утуги⁴, за ним находятся постройки для скота, после хозяйственные постройки для сельскохозяйственных нужд и амбары, затем дом, который фасадом выходит на дорогу (зачастую трактовую) [3]. Утуги могли использовать в качестве места выгула «молодняка»⁵ и покоса⁶.

Почти вся поверхность возвышенностей района покрыта лиственничными лесам. Часто они смешаны с кедром и елью, реже с сосной и почти никогда с пихтой. Березы встречаются крайне редко, в угнетенном хвойным лесом состоянии.

Лиственница не является удобным для строительства материалом. У лиственницы высокая переносимость влаги, что делает ее удобной, когда на просушку древесины мало времени, но, к сожалению из-за своего строения сушка проходит неравномерно и ее теплопроводимость ниже, чем у сосны – наиболее удобного для строительства материала. Также лиственница из-за своей плотности гораздо тяжелее той же сосны. Она становится основным строительным материалом благодаря своему количеству в Верхоленинских лесах [5].

Заготовка строительного леса была не легким процессом. Его заготавливали осенью, когда из древесины уходит часть сока. Сначала лес просыхает, после его отшкуривают и складывают штабелями. За зиму из древесины уходит оставшийся сок и в процессе строительства не образуются трещины [4].

Травяной покров в лесах крайне беден. Основу покрова составляют мхи. В речных долинах и нижних частях склона занимают ерники⁷, в составе которых преобладают ивы или карликовые березы, которые при строительстве домов из-за своих особенностей не используются совсем. Березовые срубы чреваты образованием плесени из-за своей способности хорошо впитывать влагу. Ее обычно используют для изготовления посуды. Ивовыми жердями выгораживают покосы.

---

⁴ Утуги – сенокосные места у рек, которые расчищались, удобрялись, огораживались и орошались посредством канав, проведенных от рек. Такая система позволяла обеспечить кормом скот в зимнее время, осушить болотистую местность, а в случае разлива реки сократить для себя неблагоприятные последствия.

⁵ Молодняк – условная возрастная группа животных (обычно птиц или млекопитающих) объединяющая всех неполовозрелых особей.

⁶ Покос (сенокос) – процесс кошения травы для заготовки сена для корма скоту. Обычно проходит в конце лета – начале осени. Траву косят косой или серпом (в настоящее время чаще с помощью косилок), просушивают на месте ее скоса, прессуют для уменьшения объема с помощью укладывания сена в копны, стога или др.

⁷ Ерник – малорослый кустовой лес или растительная формация с преобладанием карликовых, высотой от 0,2 до 1—2 м, берёз.

Часто говоря о планировке двора, мы вспоминаем про типичный для Восточной Сибири «закрытый» тип двора (в общих чертах описанный выше). Такие дворы обычно имеют прямоугольную форму, меньшая из сторон которой выходит на улицу. Жилой дом здесь стоит на улицу торцом. Напротив дома располагаются хозяйственные постройки, а сам двор закрывается постройками для большого скота, что удобно для выноса навоза в поле. В некоторых случаях к избе примыкали навесы, где располагались хозяйственные постройки. С улицы двор закрывался массивными воротами с двускатной крышей и заплотом⁸. Были и другие виды планировки, в некоторых грязный (скотный) двор не закрывал основной, а находился от него отдельно. В таких случаях дом был разделительной чертой для чистого и грязного двора. Планировка самих изб не особо разнообразна. Основными видами планировки домов являются «клеть» и «пятистенок», реже «связь» и «крест». Клеть представляет собой четырехугольник, соответствующий размерам «ходового бревна». В центре которого стоит печь (или она имеет маленькую и большую комнату, в которой стоит печь). «Пятистенок» называется так благодаря дополнительной пятой несущей стене. Их обычно можно отличить по четырехскатной крыше. Дом на «связи» представляет собой две клетки, соединенные между собой сенями, которые соединял между собой клетки разного назначения – горницу и избу, каждая из которых имеет «чистую» и «бабью» куть. «Крестовая» изба или «шестистенок» представляет собой клеть с двумя дополнительными несущими стенами, пересекающимися друг друга в форме креста. По ходу роста общины дома увеличиваются за счет пристроек, крытых сеней, навесов и др. Двухэтажные дома в Верхнем Приленье не встречаются вовсе.

Говоря о планировке самого поселения, мы не можем не отметить историческую особенность освоения данной территории. Первые поселения появляются в виде острогов, вокруг которых в дальнейшем появляются деревни. Старейшие из них строятся без учета будущего роста в виде «гнезд». В таких селах нет четко выделенных улиц, а жители старались поставить избу так, чтобы из окон (обычно на 2-3 врубочных бревна) открывался хороший вид. Крупнейшие из поселений ставятся вдоль трактовых дорог. Обычно это протяженные деревни в одну улицу. Дополнительные улицы зачастую появляются под влиянием колхоза в советское время.

В тех случаях, когда поселение ставится на трактовой дороге, а река находится слишком далеко для удобного подведения к полю, местные роют колодцы – журавли⁹. Это значительно влияло на внешний вид поселения с учетом того, что в Верхнем Приленье мы не найдем таких же богатых на украшения домов, как в Западной части России. Колодцы-журавли могли быть личными в каждом дворе, как это происходит в д. Алексеевке, или общественными, стоящими на улице, как в д. Гогон и д. Шейна.

---

⁸ Заплот – вид забора, который представляет собой сплошную ограду из досок или бревен. Ставили, как защиту от медведя. В советское время между бревнами в заплоте начинают подкладывать кирпичи или другие подручные вещи для продувания двора.

⁹ Колодец-журавль - колодец с особой разновидностью подъёмного механизма, называемой журавлём. Представляет собой толстую жердь (журавль) на раскохе (бабе) у колодца, с бадьёй или цепней на одном конце и грузом на другом.

Таким образом подводя общие итоги мы можем сделать вывод о том, что планировочная структура и архитектура сельского поселения довольно сильно зависит от окружающего ландшафта. Окружающая среда задает принцип планировки и дальнейшего расширения деревни, дает материалы для строительства, а также возможности для человека на пропитание, а соответственно и проживание на данной территории.

Список литературы и источников

1. Азадовский М.К. Сибирская живая старина: этнографический сборник / Восточно – Сибирское отделение Русского географического общества/ [под ред. М.К. Азадовского и Г.С.Виноградова] Вып. 2. Иркутск, 192. С. 5-20.
2. Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Прилень», Материалы историко-этнографических экспедиций 2021-2022, Качугский р-н, Иркутская обл.
3. Ащепков А.Е. Русское народное зодчество в Восточной Сибири / Е.А. Ащепков. – М.: Изд-во Акад. Архитектуры СССР, 1953. 276 с.
4. Исследовательская краеведческая работа Жигаловской МЦБ // История Жигаловского района в говорах, наречии местного населения: [электронный ресурс] 2016-2017 URL: <https://jiglib.ru/study-of-local-lore/research-work/research-local-job-zhigalovskoj-1935-zhigalovskogo-history-area-in-the-dialects-dialect-of-the-local-population> (дата обращения: 24.08.2022).
5. Дюрндаум Н.С. Справочник архитектора. Том 9, 1-й полутом. Строительные материалы/ Н.С. Дюрндаум – М.: Изд-во Академия Архитектуры СССР, 1950. – 528с.
6. Кочуров Б.А., Хазиахметова Ю.А., Ивашкина И.В., Сукманова Е.А. Ландшафтный подход в градостроительном проектировании // Юг России: Экология, развитие. 2018. Том 13. №3
7. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество / А.В. Ополовников; [ЦНИИ теории и истории архитектуры]. – Москва: Искусство, 1986. 310 с.
8. По верховьям Лены Киренги. Отчет землеустроителя. Воспоминания Бухгалтера эвенкийского колхоза (1920 - 1940-е годы) / Отв. ред. А.А.Сирина, М.В. Рагулина. Вып. 2. М., Иркутск, 2019. – 348 с.
9. Щеглова Т.К., Гоппе А.А. Экологическая антропология: адаптация повседневных практик крестьянской семьи к особенностям водных ресурсов степных территорий юга Западной Сибири в 1930-1950-е гг. // Региональные аспекты истории повседневности. с. 51-62

***СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАБАНСКОГО
РЫБОЗАВОДА В 1930-1999-Е ГГ.***

Ангадаева Юлия Юрьевна

*Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Россия
yulee@mail.ru*

Аннотация. На примере Кабанского рыбозавода рассматривается исторический опыт становления деятельности перерабатывающих предприятий, отмечается роль мобилизационных решений советского государства в этом процессе. Анализируется действовавшее советское законодательство об организации деятельности перерабатывающих предприятий, история создания, ассортимент продукции, основные показатели деятельности рыбозавода. На основе архивных данных приведено количество выпущенной рыбопродукции. Особое место отводится рыбпунктам и рыбозаводам, которые осуществляли планы по выпуску рыбопродукции в годы ВОВ. Обращается внимание на техническое оснащение рыбозаводов.

Ключевые слова: Байкал; рыбная промышленность; рыбозаводы; Госрыбтрест; рыбная отрасль.

***THE FORMATION OF THE ACTIVITIES OF PROCESSING ENTERPRISES
IN THE BAIKAL REGION IN THE 1941-1980S.***

Angadaeva Yulia Yurievna

*Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia
yulee@mail.ru*

On the example of the Kaban fishery, the historical experience of the formation of the activities of processing enterprises is considered, the role of mobilization decisions of the Soviet state in this process is noted. The current Soviet legislation on the organization of the activities of processing enterprises, the history of the creation, the range of products, and the main indicators of the fishery are analyzed. Based on archival data, the number of released fish products is given. A special place is given to fish stations and fish factories that implemented plans for the production of fish products during the Second World War. Attention is drawn to the technical equipment of fish factories.

Key words: Baikal; the fishing industry; fish factories; Gosrybtrest; fishing industry.

История Кабанского рыбозавода – это история развития района и республики Бурятии в целом. Кабанский рыбозавод один из первых государственных предприятий Прибайкалья, здесь первым в районе начал формироваться рабочий класс. Кабанский рыбозавод считался одним из

лучших предприятий не только на Байкале, но и в Сибири. На этом рыбозаводе впервые начали внедряться передовые способы лова рыбы, в частности, такие, как ставные невода. Рыбопродукция, выпущенная на Кабанском рыбозаводе, всегда пользовалась повышенным спросом покупателей.

В октябре 1930 г. организован Кабанский рыбный промысел (Гослов) на базе личных рыболовецких хозяйств. Сразу были созданы пункты Энхалук, Харауз, Северный, Посольск, Поворот, а позднее Болдаковская, Шаманка, Исток, Сухая. Контора завода находилась в с. Кабанск. Подчинялся завод Наркомату пищевой промышленности Бурят-Монгольской АССР. В это же время организованы рыболовецкие колхозы в прибрежных селах, всех их в районе было около десяти. Кроме того, даже сельскохозяйственные колхозы имели план добычи рыбы и занимались ловом омуля в летнее время и отловом отнерестившегося омуля на реке Селенге [1].

Все орудия лова делали из хлопчатобумажных ниток, их вязали зимой, по домам, почти все население прибрежных сел. Веревку и сеточник вязали из конопли, которую сеяли все колхозы, делали деревянные наплавья, заготавливали бересту для грузил. Весь несамоходный флот изготавливали на месте своими мастерами. Организовывали свое бондарное производство. На участке Энхалук начинают работать бондари и лодочники: Березовский Семен Алексеевич, Перевозников Семен Петрович, Баиров Андрей Семенович, Бахаев Василий Коменданович, братья Кожевниковы Тимофей Григорьевич и Александр Григорьевич [2].

На первых порах под цеха рыбообработки переоборудовали старые амбары. Не хватало соли, бочек, чановых емкостей. Мастера не имели опыта работы, а рыбы поступало много, приходилось солить даже прямо в лодках. В качестве транспортных средств использовались лошади.

В 1937-1938 гг. начали строить рыбообработывающие цеха в Посольске, Повороте, Энхалуке, Хараузе. В это же время были построены льдохранилища временного типа емкостью до 300 кубов, куда заготавливали колотый лед. У каждого рыбоприемного пункта сооружались мостки для подхода гребного флота, а большинство бригад сдавали улов прямо с лодок, причаленных к берегу. Главным рабочим инвентарем были носилки, ведра, сачки.

В 1934-1940 гг. стали учить мастеров-засольщиков. Выпускалась продукция двух видов - соленая на пласт и мороженая. При массовом поступлении рыбы все местное население мобилизовывалось для разделки рыбы, в основном на этой работе трудились женщины и подростки. Рыбу в бочки укладывали под прессом и заливали тузлуком, мороженую убирали в плетеные корзины. Готовую продукцию баржами переправляли в Мысовую и грузили в вагоны. В таких трудных условиях шло становление рыбозавода [3].

Коллектив завода формировали из местного населения. На базе Усть-Баргузинского и Кабанского рыбозаводов рабочие учились на курсах по подготовке мастеров, бригадиров, мотористов. Их окончили Каргапольцева Ульяна Федоровна, Березовские Екатерина Семеновна, Евдокия Семеновна, Клавдия Семеновна, Марченок Анна Петровна, Суворова Анисья Николаевна, Шешурихина Евдокия Панкратьевна [4].

В годы Великой Отечественной войны рыболовецкие бригады и флот комплектовали в основном из женщин и подростков. Так, например, бригадиром лова была Колмынина Елена Федоровна, капитаном катера Воронова Екатерина Ивановна. Много было эвакуированных с запада на промысел рыбы на Байкале.

Лучшие образцы труда показывали работники Кабанского рыбозавода. Это, в частности, механик моторного флота Чумаков, который на митинге заявил: «В ответ на наглое нападение фашистских агрессоров я буду работать за двоих, отдав все силы тому, чтобы моторный флот работал безаварийно и по графику». Он так и работал, сдержав данное слово. Люди понимали обстановку военного времени и работали самоотверженно [5].

В сентябре 1941 г. Наркомат рыбной промышленности СССР предложил руководству треста решить вопрос с размещением на Байкале демонтированного завода системы рыбной промышленности. В поселок Ключевка эвакуировалась Керчинская судостроительная фабрика. Она строила малый моторный флот для гослова и колхозов [6].

В 1942 г. Кабанский рыбозавод был реорганизован, а на его базе образованы: Посольский рыбозавод с конторой заводоуправления в с. Творогово (на берегу Селенги, место называлось МРС). Там был построен поселок из двухквартирных домов, в которых проживали работники аппарата управления и шофера. Посольский рыбозавод работал с 1942-1945 г. Но как только окончилась война, завод был упразднен, а все его имущество было передано Кабанскому рыбозаводу. Мысовский рыбозавод был закрыт в конце 1946 г., а все его имущество было передано Кабанскому рыбозаводу [7].

В 1942 г. для рыбной промышленности и отдельно для Байкала было поставлено большое количество стандартных брусчатых одно и двухквартирных домиков. Силами женщин эти дома были собраны на рыбоприемных пунктах Посольск, Харауз. Был построен почти целиком поселок МРС на реке Селенге около села Творогово, где позднее разместилась контора Кабанского рыбозавода. В эти дома расселялись эвакуированные из прифронтовой зоны, которые обеспечивались работой. Завод был на военном положении и значился как дивизион. В это же время, в 1942 г., прибыли рыбаки с Каспийского и Азовского морей. Они стали внедрять лов омуля ставными неводами. В 1945 г. было 20 ставных неводов, инициатором этого лова был рыбак с Приморск-Ахтарского рыбзавода Цыбан Петр Захарович, который работал на заводе до 1961 г. По-настоящему переработкой рыбы, посолом и копчением начали заниматься в 1942-1943 гг. - эту технологию внедрил эвакуированный из Астрахани мастер Арефьев. Для холодного копчения рыбы на Посольском участке построили коптильные камеры, провялочный сарай и помещение для уборки готовой продукции. Все было сделано временно и прослужило до 1961 г. В связи с подъемом уровня воды в Байкале для Иркутской ГРЭС, начался перенос жилья и производственных цехов на новое место. Заново началось строительство рыбообрабатывающих пунктов, складских и вспомогательных помещений на рыбпунктах Посольск, Истомино, Оймур [8].

В 1953 г. на участке Поворот впервые на каждой тони были установлены лебедки ЛМН-1. С 1956 г. стали внедрять промысловые механизмы, в первую очередь лебедки ЛМН-1. В 1961 г. были построены и запущены в эксплуатацию холодильники на участках Посольск и Оймур, внедрили машинную заморозку рыбы, параллельно шло строительство производственных цехов. В 1971 г. были внедрены льдобуры, что значительно облегчило труд рыбаков [9].

Из архивных данных видно, что с 1947-1951 г. в Кабанский завод влилось 15 больших и малых рыбных организаций, ОРСы, номерные заводы, а также Мысовский, Корсаковский и Дубининский рыбозаводы [10].

На Кабанском рыбозаводе, как и на всех байкальских предприятиях рыбной промышленности, произошли изменения в период переноса всех зданий и сооружений из зоны затопления в связи со строительством Иркутской ГЭС (в конце 1950-х гг.). В это время закрываются такие пункты, как Поворот, Харауз, МРС, строения пункта Посольск были перенесены с берега Байкала на возвышенность, все перевезенные строения с Поворота, Харауза, МРС размещаются в Посольске. Идет строительство жилья, объектов соцкультбыта, производственных помещений, работают не только специальные строительные организации, но и само население. Каждая рыболовецкая бригада, возвращаясь с рыбалки, сразу шла на строительный объект и выполняла ту работу, что ей поручали. В основном же перевозили жилье и строили его для рыбаков [11].

В начале 1960-х г. на промышленную переработку стало поступать океаническое сырье, тем самым была обеспечена занятость рабочих на протяжении всего года. К этому времени сложился стабильный коллектив опытных квалифицированных мастеров рыбообработки, которые прошли военную закалку - это Орлова Клавдия Семеновна, Марченко Анна Петровна, Суворова Анистья Николаевна, Ненашева Надежда Григорьевна. Все рыболовецкие бригады имели орудия лова из синтетических материалов. Во главе стояли опытные бригадиры Куриганов Борис Куриганович, Сагалов Сергей Сергеевич, Дарханов Борис Иванович, Темников Иван Афанасьевич, Суворов Иван Андреевич, Конев Иван Александрович, Ермаков Иван Семенович, Гашов Афанасий Захарович, Гашов Михаил Захарович. Выловы рыбы достигали максимальных значений. Свои знания и опыт старейшие бригадиры передавали молодым специалистам. Бригадирями в 1970-е гг. назначаются Дружинин Петр Филиппович, Голиус Леонид Евгеньевич, Бадурев Петр Госбоевич. В 1960-1970-е гг. на Кабанском рыбозаводе была проведена реконструкция. Вместо ветхих деревянных цехов обработки рыбы в Посольске и Оймуре были построены цеха посола и копчения в шлакоблочном исполнении. Появились холодильники: в Оймуре на 150 тонн, в Посольске - на 500; были построены автогаражи, котельные системы, очистные сооружения, водоснабжение и другие объекты. После проведенной реконструкции увеличилась производственная мощность цехов, улучшились условия труда рабочих, повысилась культура производства. После расширения производственных мощностей в Посольске и Оймуре рыбозавод смог сконцентрировать всю обработку рыбы на этих пунктах. В 1960-1980-е гг. идет бурное строительство объектов соцкультбыта, реконструкция

производственных помещений. В эти годы была произведена реконструкция копильного производства, построен холодильник на 400 тонн, гавань для захода судов, автозаправочная станция, бытовые помещения в Посольске и в Оймуре. Шло освоение новых видов обработки рыбопродукции, выпущен в эксплуатацию цех мелкой расфасовки, который возглавлял мастер рыбообработки Благодетелева Нелли Адольфовна. На участках Посольск и Оймур в цеха рыбообработки пришла молодая, грамотная смена - старшие мастера Попова Тамара Анатольевна, Челпанова Ольга Ивановна [12].

Из поколения в поколение совершенствовалось мастерство, опыт передавался от родителей к детям. Необходимо отметить четыре большие династии, корни которых идут от 1930-х гг. - это Орловы, Якушевы, Благодетелевы, Гошovy, также зарождались новые семейные династии Неплановых, Пастушенко [13].

Особо нужно отметить всех тех, кто начинал свою трудовую деятельность с первых десятилетий, в военные годы. Среди ветеранов рыбной промышленности числятся: Темников Иван Трофимович, Дружинин Петр Филиппович, Матвиенко Петр Владимирович, Филонов Александр Иванович, Буторин Михаил Филиппович, Пушкарев Семен Иннокентьевич, Калапова Клавдия Ефимовна, Кыштымова Валентина Федоровна, Тахинаева Анна Борисовна, Вещев Николай Илларионович, Кыштымов Григорий Иванович, Суворов Иван Андреевич, Каргапольцев Георгий Михайлович, Суранов Евгений Иванович [14].

Коллектив Оймурского участка под руководством Горковенко Виктора Ивановича, принимал все меры, чтобы выжить - они установили минипекарню и выпекали хлеб для работников завода, открыли магазин, заготавливали лес, обеспечивали древесиной не только свой участок, но и участок Посольск, занимались добычей и переработкой рыбы. Это был дружный коллектив. Всегда приходил на помощь Папинский Анатолий Геннадьевич, Ягунов Виктор Николаевич, Ахмадеев Александр Владимирович, Нороев Владимир Павлович. Не считался с личным временем Вторушин Василий Афанасьевич, Черенцов Геннадий Иванович, Черниговский Анатолий Семенович. С большой отдачей и желанием работали специалисты - Степанов Алексей Васильевич, Березовский Андрей Владимирович, братья Челпановы Павел и Николай, братья Пастушенко Андрей и Алексей, Левин Алексей Анатольевич. Направлял и поддерживал молодых специалистов ветераны завода Челпанов Петр Павлович, Орлов Павел Николаевич, Обросова Валентина Артемовна, Снегирева Тамара Ивановна, Папинская Татьяна Николаевна [15].

Одним из первых директоров Кабанского рыбозавода был Лазарев. Длительное время директором работал Шангин А. Н., после него завод принял Крюков И. Е., затем директором был назначен Татарников Г. А., потом Лисицкий И. Ф., Остапенко Н. М., Пестерев И. Т., Григорьев А. А., Черниговский А. С.

На должности главного бухгалтера работали: Кашеев, Моторин, Воробьев А. В., Матушкин Я. И., Осетров В. И., Гашова Л. И.

В прошлом на Кабанском рыбозаводе выпуск продукции в течение года проводился с большими сезонными отклонениями. С 1966 г. предприятие стало получать на промышленную переработку океаническое сырье. Это позволило создавать запас сырья и организовать круглогодичную работу завода на полную мощность. В это время осваивались новые технологии по обработке рыбы: баночный посол омуля (пресервы), посол рыбы в контейнерах, выпивка рыбы из чанов при помощи тельфера, механическая перекачка тузлуков, цех мелкой расфасовки готовой продукции, выпуск пряной, соленой, провесной, вяленой (искусственной и естественной вялки) продукции. Осваивался и выпуск продукции горячего копчения, балычных изделий из океанического сырья, в обработку поступали сельдь, ставрида, скумбрия, нототения, морской окунь, пристипома, минтай, хек, мойва и др. [16].

Рабочей силы не хватало, и этот вопрос решался путем привлечения рабочих рук со стороны. Привлекались к работе служащие воинских частей, вербованные, рабочие колхозов им. К. Маркса и «Байкал». Трудились в две, а то и в три смены, в дневную смену работало до 60 человек (это во время осенней путины, когда кроме океанического сырья поступало сырье местного вылова - омуль, плотва, окунь и т. п.) [17].

Хозяйственным способом велось строительство жилья. Ежегодно сдавались в эксплуатацию одно и двухквартирные дома. Одновременно с этим теплофицировались рабочие поселки в Посольске и Оймуре, были построены бани, клуб, фельдшерский пункт. И можно по праву сказать, что это были лучшие годы в развитии завода [18].

В декабре 1992 г. завод был преобразован в открытое акционерное общество, за это время с баланса завода были переданы в муниципальную собственность детсады, клуб, котельная на Новостройке, закрыта баня, приостановилось строительство жилья, а имеющееся ранее было приватизировано [19].

Завод пережил тяжелые годы, когда были огромные процентные ставки кредитов, когда высокие налоги душили производство. Завод сократил коллектив до минимума - 110 человек на двух участках, однако выжил. Основные работы по добыче и обработке рыбы не прекратил, вел работы по заготовке леса для тарного производства, строительство бондарного корпуса на Посольском участке. В марте 1996 г. общее собрание акционеров приняло решение объединиться с колхозом «Байкал». Численность коллектива увеличилась на 123 человека. Несмотря на сложившиеся трудности, благодаря слаженному труду, завод заработал: по договору лизинга купили новый комбайн, минипекарню (пекли хлеб сначала из покупной муки, а затем и из муки своего помола), приобрели пельменный автомат, был начат выпуск кулинарной продукции. В 1999 г. установили минипекарню на Оймурском рыбучастке, обеспечение мукой осуществлялось с Посольска, где на землях присоединившегося колхоза «Байкал» выращивалась своя пшеница. В течение ряда последующих лет завод работал с небольшой, но прибылью, которая в основном приходилась на пополнение оборотных средств [20].

Информационный центр «Бизнес-Б» проводил рейтинг эффективно работающих компаний на рынке Бурятии. Исследования проводились по данным Госкомстата, было исследовано более 3000 предприятий промышленности, сельского хозяйства и других отраслей по следующим показателям: оценка деловой активности, оценка ликвидности, оценка финансовой устойчивости, рентабельность и другие. На основе этих показателей был составлен рейтинг 100 компаний, эффективно работающих на рынке Бурятии, Кабанский завод занял девятое место в этом списке, в 1999 г. – пятое место в том же рейтинге [21].

Заключение. Таким образом, руководители Кабанского рыбозавода принимали меры по налаживанию собственного промысла в низовьях рек, озер, отличавшихся высокой рыбопродуктивностью. За годы войны, несмотря на предпринимаемые меры, не удалось провести полную механизацию промыслов, обеспечить предприятия отрасли квалифицированными управленцами и специалистами по добыче и переработке рыбы. Тем не менее, рыбаки Кабанского рыбозавода внесли свой вклад в продовольственное обеспечение страны.

За годы первой послевоенной пятилетки в основном была проведена реорганизация рыбной промышленности, обусловленная переводом экономики страны на мирные рельсы и изменением задач, стоящих перед отраслью. Была создана централизованная система управления и оптимизирована структура предприятий рыбной промышленности.

В 1970–1980-х гг. начался завоз на некоторые рыбозаводы океанической рыбы с Атлантического и Тихого океанов для переработки и изготовления рыбной продукции, а также ее реализации через торговую сеть.

Кабанский рыбозавод имел в своем распоряжении необходимую по тем временам материально-техническую базу. Масштабы рыбных уловов не позволяли обеспечить продовольственные нужды местного населения из-за вывоза продукции в другие регионы страны.

Список литературы и источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ОГКУ ГАНИИО). Протоколы общих собраний коммунистов за 1951 г. ГАНИИО. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

2. Материалы о работе секции охраны леса, рыбных запасов, диких животных, садоводства. ГАНИИО. Ф. р-3018. Оп. 1. Д. 49. Л. 36. Л. 63.

3. Материалы о работе секции охраны рыбных ресурсов. ГАНИИО. Ф. р-3018. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

4. Сводный годовой отчет о работе совета и справки о дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранения природных богатств в бассейне оз. Байкал за 1977 г. ГАНИИО. Ф. р-3018. Оп. 1. Д. 224. Л. 40.

5. Государственный архив Иркутской области (ОГКУ ГАИО). Постановления и переписка о мероприятиях по охране и ловле соболя, нерпы,

омуля (1926-1927 гг.). Постановление Иркутского губисполкома от 4.06.1926 г. №41. Ф. р-218. Оп. 1. Д. 30. Л. 11-13, 2, 4, 7, 16.

6. Переписка с госрыбохраной, с Облпотребсоюзом по охране рыбных запасов и регулированию водоемов. ГАИО. Ф. р-2739. Оп. 1. Д. 62. Л. 49.

7. Положение о Байкальском и Прибайкальском охотничьем хозяйстве. Постановления об утверждении промыслово-рыбачьих угодий 1928-1930 гг. ГАИО. Ф. р-218. Оп. 1. Д. 136. Л. 68, Л. 93.

8. Государственный архив Республики Бурятия (ГАУК ГАРБ). Годовые планы работы инспекций рыбоохраны. ГАРБ. Ф. р-1712. Оп. 1. Д. 515. Л. 64.

9. Документы по охране нерестового омуля за 1976 г. ГАРБ. Ф. р-1712. Оп. 1. Д. 541. Л. 1-2.

10. Протоколы заседаний. ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3986. Л. 124.

11. Социальные обязательства Усть-Баргузинского рыбокомбината за 1947-1950 г. ГАРБ. Ф. п-876. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; Л. 29.

12. Голубая нива Бурятии. М-во сельского хозяйства и продовольствия РБ. – Улан-Удэ : Респ. тип., 2001. С. 78-82.

13. Гайдин С. Т. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015. – 370 с.

14. Аргунова Ю. Ю. Проблемы комплектования руководящих и инженерно-технических кадров на предприятиях рыбной отрасли Иркутской области в первой половине 1950-х гг. // Вестник ИРГТУ. 2015. № 6 (101). С. 307.

15. Аргунова Ю. Ю. Развитие рыбной отрасли Иркутской области в 1950–1960-х гг. // Известия ИГЭА. 2014. № 3 (95). С. 124.

УДК 94(571)

***КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ИСКОРЕНЕНИЯ
ШАМАНИЗМА В НАНАЙСКОМ ЭТНОСЕ)***

Бакшеев Андрей Иванович

*Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого МЗ РФ, Красноярск, Россия
baksh-ai@yandex.ru*

Аннотация. Нанайцы – основной коренной народ, населяющий Нижний Амур. Вместе с ульчами, удэгейцами, негидальцами, ороками и орочами они принадлежат к южной ветви маньчжуро-тунгусской языковой группы. В статье рассмотрено, каким образом в 1920-х гг. осуществлялось искоренение шаманизма в среде коренных народов Сибири и Дальнего Востока на примере нанайских шаманов на территории современного Хабаровского края. Сделан вывод, что официальной политикой партии и советского государства было то,

что шаманизм должен быть ликвидирован с помощью антишаманской пропаганды, образования, современной медицины и законодательства.

Ключевые слова: шаман, шаманизм, коренные народы, советская власть, нанайцы.

CULTURAL TRANSFORMATION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE 1920S (ON THE EXAMPLE OF THE ERADICATION OF SHAMANISM IN THE NANAI ETHNIC GROUP)

Baksheev Andrey Ivanovich

*Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voino-Yasenetsky
of the Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia
baksh-ai@yandex.ru*

Abstract. The Nanais are the main indigenous people inhabiting the Lower Amur. Together with the Ulchi, Udege, Negidals, Oroks and Oroks, they belong to the southern branch of the Manchurian-Tungusic language group. The article discusses how in the 1920s. Shamanism was eradicated among the indigenous peoples of Siberia and the Far East on the example of the Nanai shamans in the territory of the modern Khabarovsk Territory. It is concluded that the official policy of the party and the Soviet state was that shamanism should be eliminated with the help of anti-Shamanic propaganda, education, modern medicine and legislation.

Keywords: shaman, shamanism, indigenous peoples, Soviet power, Nanais.

Введение. На 10-м съезде РКП (б) в 1921 году было принято решение о предоставлении помощи коренным народам совершить скачок от «примитивного», «доклассового» общества к социалистическому. Экономический, политический и культурный уровень коренных сообществ должен был быть повышен за счет внедрения советской администрации, законодательства и экономики, а также за счет развития школ, газет и других культурных учреждений. Не в последнюю очередь, как необходимое условие улучшения условий жизни, рассматривалось распространение современной медицины и информации о важности гигиены. Целью советской политики в отношении коренных народов декларировалась борьба с бедностью и отсталостью, а также с тем, что коммунисты считали несправедливыми социальными и экономическими отношениями в традиционных сообществах коренных народов.

По мнению М.М. Бальцера [1, с. 57], в этой революционной атмосфере, наряду с ликвидацией экономической эксплуатации, нищеты, невежества, плохой гигиены, болезней, патриархализма и жестокого обращения с женщинами и детьми также должен быть вытеснен шаманизм.

Официальные методы борьбы с шаманами и шаманизмом включали пропаганду, просвещение и модернизацию в форме антирелигиозной и материалистической агитации, организации школ и отправки врачей и акушерок на окраины страны. Наиболее хорошо организованным проектом по

внедрению социализма и дальнейшей модернизации были создаваемые культурные базы, предназначенные для народов Советского Севера и управляемые Комитетом Севера [2, с.209].

Кроме этого, в 1920-х годах были введены юридические ограничения с целью маргинализации влияния шаманов и некоторых видов их деятельности. П. Витебский [3, с. 324] утверждает, что советская власть начала «цивилизировать» коренные народы, строя им постоянные деревянные поселения, предоставляя базовое школьное образование и медицинское обслуживание, внедряя государственную бюрократию, одновременно уничтожая духовную поддержку коренных народов шаманами. Нанайских шаманов, как и других шаманов коренных народов Сибири и Дальнего Востока, называли врагами народа, и многие из них были не просто изолированы, а казнены во время репрессий 1930-х годов. Вместе с ними была ликвидирована целая эпоха нанайской духовной жизни и нанайского мировоззрения [4, с. 214].

Цель статьи – анализ процесса искоренения шаманизма в среде коренных народов Сибири и Дальнего Востока в 1920-х гг. на примере нанайских шаманов на территории современного Хабаровского края.

Основная часть. В начальный период своего становления советская власть стремилась вовлечь сами коренные народы в строительство социализма и в политическую борьбу против старого общества. До того, как начались репрессии против шаманов и шаманизма, не только некоторые представители коренного населения, но и некоторые шаманы были активно вовлечены в руководящие органы на местах. Те из них, кто занимал ведущие позиции среди групп коренного населения до революции, часто избирались лидерами в недавно созданных т.н. «родовых советах», которые должны были осуществлять управленческие, хозяйственные и судебные функции, частично ориентируясь на местные обычаи коренных народов [5].

Возможно, что шаманы, сотрудничая с советской властью, возлагали на нее надежды и видели шанс выступить против православной церкви, которая по-своему боролась с шаманизмом и традиционализмом среди аборигенов Сибири. Следует отметить, что эти надежды изначально оправдались, по крайней мере, частично [6, с. 308].

Одной из важных причин всплеска популярности шаманизма после революции, вероятно, было то, что антирелигиозные меры вначале были направлены на ликвидацию влияния, в основном, русского православного христианства. Поэтому гонения в начале 1920-х годов в первую очередь обрушились на православных миссионеров и священников, а также на тех представителей коренных народов, которые уже были христианами. Поскольку к началу 20-х гг. большинство коренных народов официально и номинально были христианами [1, с.136], первые антицерковные меры имели последствия и для них. Так, Ю. В. Аргуцева [7, с. 38] утверждает, что к 1916 г. христианизация нанайцев была почти завершена и что уже было несколько священников-нанайцев. Многие нанайцы посещали церковные службы, учились в приходских школах и имели дома православные иконы.

Когда священники и другие служители церкви были вынуждены покинуть эти места, советская власть захватила эту инфраструктуру во второй половине 1920-х годов. Бывшие церковные здания часто превращались в советские школы или клубы, где проводились собрания, концерты и театральные постановки, посвященные пропаганде новой идеологии и политической системе [8, с. 55].

Поскольку Православная церковь с помощью государственных властей ранее преследовала шаманов и шаманизм (запрещая ритуалы и барабаны, разрушая священные места и заключая сопротивляющихся шаманов в тюрьму), нападки большевиков на церковь позволили местным религиям практиковаться более открыто и в 1920-х годах завоевать прочные позиции в национальных сообществах [9, с. 202]. Как предположил Бальцер [1, с.203], шаманизм 1920-х годов был не столько «возрождением» в смысле всплеска сохранившихся древних идей и ритуальных практик, сколько реакцией на конкретную историческую и социальную ситуацию.

То, что ранние антирелигиозные кампании были нацелены в основном на Православную церковь, также означало и то, что меры, которые были использованы для борьбы с религией, были разработаны с учетом структуры этой церкви (и других институционализированных религий, таких как иудаизм, ислам и буддизм). А. Леет [10, с. 98] утверждает, что эти меры оказались не применимы в случае шаманизма, поскольку у последнего не было организаций, которые можно было бы распустить, храмов, которые можно было бы закрыть или уничтожить, литературы, которую можно было бы подвергнуть цензуре или запретить, и установленного календаря служб, в который можно было бы вмешаться.

Примерно на рубеже 1930-х гг. риторика против шаманов и шаманизма изменилась в сторону их категоризации вместе с другими религиозными деятелями и религиями. В первоначальной конституции страны 1918 года «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов» были лишены избирательных прав и им было запрещено избираться в руководящие органы. Поскольку шаманы обычно не рассматривались как эквиваленты монахов и священников, а шаманизм не считался религиозным культом, в начале 1920-х гг. им, как правило, не отказывали в этих гражданских правах. Однако в ноябре 1926 года, перед перевыборами в местные советы было издано распоряжение ЦК ВКП (б), в котором шаманы были причислены к «служителям религиозных культов» [11, с.243].

Таким образом, шаманам вместе с членами их семей было отказано в праве голосовать или быть избранными. Лишенные избирательных прав также были отстранены от участия в колхозах и кооперативах, им не выделялись охотничьи или рыболовные угодья, а также земли для ведения сельского хозяйства. Более того, понятие «шаман» стало связываться с понятием «кулак», иногда объединяемым в обвинение «кулак-шаман». Даже если шаманы сами не были богатыми и состоятельными, они воспринимались как идеологические сторонники кулаков и, следовательно, по сути «эксплуататоры», враги советской власти [12, с. 82].

Новый акцент на шаманизме как на религии коренных народов, а не просто как на «суеверии» и «шарлатанстве», означал два важных изменения в отношении к нему советской власти. Во-первых, это сделало так называемую борьбу с шаманизмом частью общей борьбы с религией. Во-вторых, это означало, что шаманизм рассматривался как целая система идей и практик, в рамках которых и в соответствии с которыми жили люди. Таким образом, его нельзя было преодолеть, просто конфисковав барабаны и запретив ритуалы и определенные практики.

В дневниках А.П. Путинцевой [13, с. 86], которая занималась обеспечением здравоохранения и просвещением коренных народов в нанайских деревнях Нижне-Тамбовского района в период с 1929 по 1932 год, содержатся непосредственные отчеты о борьбе с шаманизмом. В конкретном плане работа заключалась не только в проведении программ вакцинации и обучении основам личной гигиены, чтению, письму, арифметике и т.д., но и в обучении новой советской идеологии, этике и праву - особенно в отношении прав женщин и детей в патриархальном и геронтократическом нанайском обществе. В своих лекциях, стенгазетах, театральных постановках и индивидуальных беседах с жителями Путинцева агитировала против того, что она считала патриархализмом и суевериями традиционного нанайского образа жизни.

В одном из своих заключительных отчетов Путинцева отметила, что шаманы постоянно пытались помешать ее работе, изображая все советские просветительские меры и реформы как русификацию и постоянно пытались защитить нанайские традиции и местную культуру. Однако она пришла к выводу, что, если в начале ее работы влияние шаманов среди нанайцев было очевидным, впоследствии авторитет шаманов резко уменьшился. После нескольких успешных исцелений, проведенных врачом, нанайцы начали верить в русскую медицину, а сами нанайцы начали писать антишаманские лозунги в своих стенгазетах [13, с. 173].

По мнению Т.В. Мельниковой [14, с. 74], молодое поколение коренных народов встало на сторону советского строя и восстало против шаманов и традиционалистов. В некоторых случаях дети шаманов пытались убедить своих родителей, устно или даже с помощью насильственных средств, отказаться от шаманизма. Согласно исследованиям, проведенным советскими этнографами в начале 1930-х гг., также делался вывод об упадке влияния нанайской религии и о том, что туземцы отворачивались от своих шаманов. Они объясняли этот упадок советской модернизацией и атеистическим просвещением.

Заключение. Официальной политикой партии и советского государства было то, что шаманизм должен быть ликвидирован с помощью антишаманской пропаганды, образования (распространение материалистического, научного и марксистского мировоззрения среди коренных народов), современной медицины (устаревание неэффективных шаманских методов исцеления) и законодательства (лишение гражданских прав и, следовательно, маргинализация шаманов, а также запрет определенных ритуальных практик, которые считаются шарлатанством и мошенничеством). Местные власти и активисты - часто коренного происхождения - иногда также проводили

кампании, в ходе которых они силой конфисковывали предметы шаманского ритуала. В целом, выступления против шаманов стали логическими последствиями их стигматизации, вызванной официальной антишаманской пропагандой и законодательством.

Список литературы и источников

1. Balzer M.M. Shamans, Spirituality, and Cultural Revitalization. Explorations in Siberia and Beyond. - New York: Palgrave Macmillan, 2011. 287 p.
2. Toulouze E., Vallikivi L., Leete A. The Cultural Bases in the North. Sovietisation and Indigenous Resistance// Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union. Ed. By A.Kotljarchuk & O.Sundstrom. – Stockholm, 2017. pp.199-224.
3. Vitebsky P. Reindeer People. Living with Animals and Spirits in Siberia. - London: HarperCollins, 2005. - 496 p.
4. Березницкий С.В. Современная обрядовая практика// История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. - С-Пб.: Наука, 2003. - С. 212-218.
5. Baksheev A.I., Novikov P.A., Rakhinsky D.V., Safronov S.A., Burtasova N.S., Yatsenko M.P. Economic Reconstruction in the Russian Far East after the Civil War (1923–1926) // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2021. № S1. - Pp. 74.
6. Znamenski A. The Beauty of the Primitive. Shamanism and the Western Imagination. - New York: Oxford University Press, 2007. - 434 p.
7. Аргуцьева Ю.В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди коренных народов Дальнего Востока// Религиоведение. 2009. №4. - С. 32-41.
8. Бакшеев А.И., Рогачев А.Г., Андренко О.В. К вопросу освоения Дальнего Востока в начале XX века // Казачество. 2021. № 57 (7). - С. 51-59.
9. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. - 321 с.
10. Leete A. Reconsidering the role of shamans in Siberia during the early Soviet era// Shaman. 2015. Vol. 23(1-2). pp. 89-108.
11. Bulgakova T., Sundstrom O. Repression of Shamans and Shamanism in Khabarovsk Krai. 1920s to the early 1950s// Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union. Ed. By A.Kotljarchuk & O.Sundstrom. – Stockholm, 2017. pp.225-262.
12. Бакшеев А.И., Андренко О.В. Политика ВКП (б) в отношении крестьянства в период свертывания НЭПа (1928-1929 гг.) // Казачество. 2018. № 32 (8). - С. 78-88.
13. Путинцева А.П. Дневники Красной Юрты (к 80-летию организации Красных Юрт в Приамурье). - Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2010. - 349 с.
14. Мельникова Т.В. Шаманы под запретом власти // Словесница искусств. 2006. №17. - С. 73-76.

***КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С «ПОКРОВИТЕЛЯМИ ПРОГУЛЬЩИКОВ»:
ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 26 ИЮНЯ 1940 Г.
В МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ***

Белоногов Юрий Геннадьевич

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия
ugb78@mail.ru*

Аннотация: Рассмотрен резонансный случай в Молотовской области в 1940 г. по привлечению к уголовной ответственности и исключению из партии руководителя небольшой хозяйственной организации в рамках кампании по борьбе с «покровителями прогульщиков». Анализируются причины, по которым народный суд и местный партийный комитет вынесли столь суровые наказания.

Ключевые слова: Указ от 26 июня 1940 г., «покровительство прогульщикам», член ВКП (б), Пермский край.

***CAMPAIGN AGAINST "PATRONS OF TRUANTS":
PERSONAL ASPECT OF THE IMPLEMENTATION
OF THE DECREE OF JUNE 26, 1940 IN THE MOLOTOV REGION***

Belonogov Yuri Gennadievich

*Perm National Research Polytechnic University, Perm
ugb78@mail.ru*

Abstract: A resonant case was considered in the Molotov region in 1940 to prosecute and expel from the party the head of a small economic organization in the context of a campaign to combat "patrons of truancy." The reasons why the people's court and the local party committee imposed such harsh punishments are analyzed.

Key words: Decree of June 26, 1940, "patronage of truants," member of the CPSU (b), Perm region.

В конце 1930-х гг. развитие трудового законодательства коррелировало с переводом экономики на военные рельсы. Президиум Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г. принял Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семичасовую рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Данный нормативно-правовой акт вводил важную новацию: за прогул и самовольный уход с работы трудящиеся отныне подлежали уголовному наказанию в виде исправительно-трудовых работ по месту работы (максимальный срок – до 6 месяцев) и вычету до 25% от зарплаты, при этом было отменено обязательное увольнение за прогул.

Кампания по борьбе с «покровителями прогульщиков» стала составной частью реализации данного Указа. «Покровительство прогульщикам» стало отражением очевидного как не явного, так и открытого сопротивления, которое оказывалось в силу разных причин представителями руководящего состава предприятий истроек. Спектр сопротивления со стороны представителей хозяйственной администрации на первом этапе реализации Указа был весьма разнообразным.

Руководители администраций предприятий и учреждений пытались определенными способами смягчить действие Указа. По их инициативе в режиме т.н. «ручного управления» предпринимались попытки просто «замять» дела на наиболее ценных работников, не доводя до передачи в следственные органы и суд. За опоздание и прогулы администрация все еще привлекала работников к дисциплинарной ответственности, а не направляла дела в суд. Фиксировались случаи внесения «задним числом» по инициативе руководителей среднего уровня управления (начальников цехов) в табеля исправлений о времени явки и ухода с работы, что позволяло работнику избежать уголовного преследования. Весьма распространенным явлением было предоставление работникам отгулов без содержания (т.н. «административных отпусков»), причем подчас оформленных «задним числом» и с нарушениями трудового законодательства.

Можно говорить и о более активной форме сопротивления, когда представители администрации открыто брали под защиту работников, представлявших ценность для предприятия. Так, во многих личных делах, направляемых в прокуратуру или суд автор находил положительные характеристики за подписью «треугольника» организации (руководитель администрации предприятия или учреждения, секретаря первичной парторганизации, председателя профкома) об удовлетворительном поведении и добросовестной трудовой деятельности правонарушителя, явно предназначенные для смягчения приговора. Фиксировались редкие случаи, когда руководители небольших хозяйственных организаций открыто выступали на судебных заседаниях в защиту своих подчиненных и просили суд о смягчении приговора, так как нарушитель трудовой дисциплины «хорошо работает».

Решения июльского (1940 г.) пленума ЦК ВКП (б) актуализировали начавшуюся «сверху» кампанию по борьбе с «покровителями прогульщиков» среди представителей хозяйственной администрации [1]. Хотя наибольшее количество нарушителей Указа фиксировалось на крупных промышленных предприятиях (районообразующих и градообразующих объектах, т.к. именно там работало наибольшее количество городских трудящихся), тем не менее их высокопоставленных руководителей кампания почти не затронула. Объектом уголовного преследования стали как немногочисленные руководители небольших по численности организаций, так и представители нижнего и среднего уровня управления крупных хозяйственных объектов.

Согласно изученным автором архивным материалам, в Молотовской области в 1940 г. известным случаем привлечения самого высокопоставленного

«покровителя прогульщиков» к уголовной ответственности и уголовным наказанием в виде реального тюремного срока стало дело заведующего лесопильного заводом 29-го стройтреста 42-летнего Ахметяна Ахметовича Ахметшина.

А.А. Ахметшин по социальному происхождению был выходцем из крестьян – бедняков. В 1917-1922 гг. он состоял гг. в партии, но был исключен Елабужской парторганизацией «за систематическое пьянство», однако в 1924 г. вновь вступил в ряды партии. На протяжении 1937-1938 гг. его партийная карьера переживала очевидные падения и взлеты. Так, в феврале 1937 г. он стал членом парткома на заводе №98 им. С.М.Кирова и, будучи заместителем секретаря парткома завода, действовал в русле тенденций эпохи «Большого террора»: по партийной линии расследовал факты «вредительства» на заводе и конкретно его директора А.Г. Малышева. Однако уже в июле 1937 г. был снят с должности замсекретаря парткома и выведен из членов пленума парткома за «притупление бдительности» (несвоевременное реагирование на «контрреволюционное» выступление «врага народа» на занятии вечерней партшколы по истории партии на заводе). Решением парторганизации завода А.А. Ахметшин был даже исключен из партии, поэтому и был вынужден сменить место работы. Однако 8 октября 1937 г. на заседании бюро Краснокамского городского райкома ВКП(б) г. Перми наказание было смягчено: «решение парторганизации завода №98 было совершенно правильно, но, принимая во внимание его хорошую работу на лесозаводе и активное разоблачение врагов народа и систематическое выполнение производственной программы лесозавода, в членах партии восстановить». В результате А.А. Ахметшину «за политическую близорукость» был объявлен строгий выговор с предупреждением, а сам он был выведен из состава пленума Пермского горкома ВКП(б). Сохранение членства в партии позволило продолжить карьеру: в декабре 1937 года он был отозван с работы в стройтресте №29 и рекомендован на работу помощником директора завода №98 по административно-хозяйственной части. В январе 1938 г. строгий выговор был снят, а в конце года А.А. Ахметшин был утвержден в качестве внештатного инструктора Краснокамского горкома ВКП(б). На момент принятия Указа от 26 июня 1940 г. он занимал должность заведующего лесопильного заводом 29-го стройтреста [2, л. 166, 261; 3, л. 195, 256; 4, л. 89-90].

Анализ биографии А.А. Ахметшина позволяет предположить, что с таким «жизненным бэкграундом» и имевшимся достаточно высоким социальным статусом начало кампании по борьбе с «покровителями прогульщиков» не сулило ему серьезных неприятностей для дальнейшей карьеры. 15 июля 1940 г. три работника его предприятия (мастер, станочник, помощник мастера) совершили прогулы, которые он (в нарушение Указа) пытался «скрыть» под видом разрешенных отгулов и увольнения по собственному желанию. На беду хозяйственного руководителя, его дело рассматривалось на судебном заседании в самом начале второго этапа реализации Указа от 26 июня 1940 г. после решений июльского Пленума ЦК ВКП(б) о «покровительстве прогульщиков».

На суде А.А. Ахметшин, пройдя жизненную закалку в период «Большого террора», выбрал тактику агрессивной защиты. Факт укрывательства прогульщиков он не только не отрицал, но и в весьма жесткой словесной форме пытался доказать свою правоту. Но А.А. Ахметшин, видимо, явно переоценил свои ресурсные возможности. Его позиция не могла не повлиять на тяжесть уголовного наказания: народный суд 2-го участка Краснокамского района приговорил его по ст. 109 УК РСФСР к лишению свободы на один год без поражения в правах, причем мерой пресечения было избрано тюремное заключение. Поскольку А.А. Ахметшин был внештатным инструктором горкома, после судебного решения на бюро Краснокамского городского комитета ВКП(б) 15 августа 1940 г. был рассмотрен вопрос о его партийности, по итогам которого местный партком исключил его как «злостного нарушителя партийной и государственной дисциплины» из рядов из партии [5, л. 240].

На приведенном выше примере видно, что уголовное наказание предопределило привлечение коммуниста к высшей партийно-дисциплинарной ответственности по линии местных парткомов. На практике формулировка «за организацию прогулов и дезорганизацию трудовой дисциплины на производстве» при исключении из партии в августе – сентябре 1940 г. полагалась за дачу разрешения подчиненным работникам преждевременно покинуть рабочее место, предоставление отгулов за сверхурочно отработанное время, выдачу для оправдания опоздания на работу на 15 минут справки о том, что работники-нарушители в предыдущий день были задержаны на работе и им было разрешено явиться на работу позднее [4, л. 154; 6, л. 80, 98]. При этом никакие оправдания и объяснения в невиновности ни судом, ни местным парткомом на данном этапе реализации Указа вовсе не учитывались.

Итогом таких «показательных» чисток и административного давления стало то, что хозяйственные руководители на втором этапе реализации Указа шли по пути наименьшего сопротивления и выполняли изменившиеся требования в карательной политике. Закономерным результатом стали многочисленные случаи, когда часть руководителей, желая «перестраховаться» и избежать судебной ответственности за «гнилой либерализм», отдавали дела в суд без предварительного разбирательства и установления факта нарушения. По приводимым в работе О.В. Хлевнюка данным, за первый месяц реализации Указа от 26 июня 1940 г. было возбуждено около 100 тысяч уголовных дел на нарушителей трудовой дисциплины, а спустя еще полтора месяца (к 15 сентября 1940 г.) их количество перевалило уже за миллион [7, с. 92]. Резкий рост количества материалов, подготавливаемых для отдачи под суд, порой приводила к многочисленным «перегибам»: работники юстиции часто жаловались на некачественное оформление материалов на прогульщиков, в результате чего в суды попадали некачественно оформленные материалы (неточное оформление без имени и отчества обвиняемых, без указания точного адреса местожительства). По злой иронии, на третьем этапе реализации Указа (с середины октября 1940 г.) уже большое количество передаваемых в суд уголовных дел и недостатки в их оформлении стали основанием для привлечения хозяйственных руководителей к уголовной ответственности. Во

многих случаях руководители небольших хозяйственных организаций по независимым от них обстоятельствам стали заложниками изменений в законодательстве.

Список литературы и источников

1. Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О контроле над проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Статья 6. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010738>.

2. ПермГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 54.

3. ПермГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 91.

4. ПермГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 167.

5. ПермГАСПИ. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 182.

6. ПермГАСПИ. Ф. 106. Оп. 1. Д. 61.

7. Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С.86–96.

УДК 93/94

ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА АЧИНСКО-МИНУСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Гайдин Сергей Тихонович

Бурмакина Галина Александровна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

gaydinsergey@rambler.ru

Аннотация: В статье показаны причины и сложности строительства Ачинско-Минусинской железной дороги в императорский и советский периоды, роль конкретных людей в создании условий для строительства, влияние дороги на развитие Енисейского региона.

Ключевые слова: Минусинский уезд, округ, Акционерное общество Ачинско-Минусинской железной дороги, Баландина В.А, Путилов А.И., Кржижановский Г.М., Госплан, акции, концессия, банды Соловьева.

FEATURES OF THE CONSTRUCTION OF THE ACHINSK-MINUSINSK RAILWAY AT THE TURN OF THE EPOCHS

Gaidin Sergey Tikhonovich

Burmakina Galina Alexandrovna

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

gaydinsergey@rambler.ru

Abstract: The article shows the reasons and difficulties of the construction of the Achinsk-Minusinsk railway in the imperial and Soviet periods, the role of specific people in creating conditions for construction, the influence of the road on the development of the Yenisei region.

Keywords: Minusinsky uyezd, district, Joint-Stock Company of the Achinsk-Minusinsk Railway, Balandina V.A., Putilov A.I., Krzhizhanovsky G.M., Gosplan, shares, concession, Solovyov gangs.

Микроистория, как направление исторической науки, дает возможность выявлять историю создания малых объектов с учетом региональной специфики общероссийских социально-экономических и культурных процессов, с выявлением роли конкретных личностей и их мотивации в процессе работы. Мы попытались применить микроисторический подход к исследованию истории строительства Ачинско – Минусинской железной дороги (Ачминдор).

«Ачминдор» с протяженностью 460 км можно отнести к категории малых дорог, так как она составляла 5% от протяженности материнской для нее Великой Сибирской железной дороги. Это была малая, но немаловажная транспортно-пассажирская магистраль, которая сегодня является составной частью железнодорожной системы Красноярского края и Российской Федерации.

Инициатором строительства дороги стала семья сибирских предпринимателей Баландиных, которые в 1912 г. создали Акционерное общество Ачинско-Минусинской железной дороги и получили от государства земли под ее прокладку [12]. Поддержку государством частной инициативы можно рассматривать как проявление государственно-частного партнерства в развитии транспортной системы страны.

Причем биографы пишут об особой роли Веры Арсеньевны Баландиной в создании и работе общества. Ее вполне можно считать символом меняющейся Российской империи. Она родилась в феврале 1871 г. в с. Новоселово Енисейской губернии, в 1887 г. окончила Красноярскую женскую гимназию с золотой медалью, затем физико-химическое отделение Бестужевских Высших женских курсов в Санкт-Петербурге, слушала лекции в Сорбонне в Институте Пастера, училась в Женевском университете [8, с. 160].

После переезда с мужем в Минусинский уезд Вера Арсеньевны занялась исследовательской и образовательной деятельностью, организацией добычи угля в Черногорке. Ее биографические данные, воспоминания людей, с которыми она общалась, свидетельствуют о ней как об очень талантливой, многогранной женщине с широким кругозором, высоким интеллектом и талантом организатора.

Баландины, которые построили в Минусинском уезде одну из самых крупных в губернии мельниц, были заинтересованы в круглогодичной доставке минусинской муки по железной дороге до Красноярска с ее дальнейшей перевалкой на гужевой Енисейский тракт. Их интерес был обусловлен тем, что доставка муки из осеннего урожая водным транспортом на Енисейский Север

осложнялась коротким промежутком времени между производством муки и началом осеннего ледостава.

Потребность в железной дороге выросла после того как В.А. Баландина в 1907 г. наладила добычу угля на Черногорских коях, в котором нуждались Красноярская железная дорога и енисейский паровой флот. Для доставки угля Баландины построили узкоколейную железную дорогу до пристани на Енисее, приобрели три большегрузные баржи и пароход [2].

Было очевидно, что строительство Ачинско-Минусинской железной дороги будет приносить прибыль за счет вывоза муки, угля, освоения природных богатств Минусинского горного района. Тем более что в 1907 г. акционерное общество „Сибирская медь“ начало выплавку меди на заводе «Юлия», продукцию которого вывозили водным транспортом. Велась разработка проектов строительства в Минусинском округе железоделательного завода на 30 млн пудов чугуна и медного завода – на 500 тыс. пудов меди.

Строительство примыкающей к Транссибу железной дороги создавало условия для развития хозяйственной деятельности, как в самом южном хлебородном и промышленно-развитом Минусинском уезде Енисейской губернии, так и на территории всей губернии.

Ожидаемая высокая окупаемость финансовых затрат на строительство дороги позволила в 1913 г. привлечь к проведению строительных работ консорциум Петроградских банков, председателем которого являлся А.И. Путилов. Консорциум выделил кредит в размере 36 млн золотых рублей и А.И. Путилов возглавил правление Акционерного общества Ачинско–Минусинской железной дороги [12].

Особенностью строительства дороги было то, что в условиях мировой войны к строительным работам, в которых было занято более 5 тыс. человек пришлось привлекать ссыльных и около 1500 военнопленных [12].

Однако, несмотря на поддержку частной инициативы со стороны государства и банковской системы страны, Ачминдор стал одним из последних железнодорожных проектов императорской России. Дорога строилась на переломе эпох от императорской к советской России и испытала на себе все превратности переходного времени, связанного с первой мировой войной, революцией, гражданской войной, проведением новой экономической политики советской власти.

В частности, в мае 1918 г. после прокладки 80 км дороги от г. Ачинска до станции Ададым, строительные работы пришлось прервать из-за начала гражданской войны. Но Сибирское правительство Колчака, по утверждению инженера Н.К. Шестова на 4–м Енисейском губернском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в декабре 1922 г., выделяло средства на эксплуатацию вышеназванного участка, а также на содержание охраны всего законсервированного строительства до ст. Абакан. Размеры выделенных средств не удалось установить, так как документы колчаковской администрации не сохранились [1, с.176].

С января по октябрь 1920 г. функцию поддержания эксплуатации головного участка линии и содержания охраны на всем ее протяжении

выполняло Управление Томской железной дороги. Осенью 1920 г. Ачинско – Минусинская железная дорога со статусом новостройки была передана в ведение Сибирского отделения Главного Управления государственных сооружений ВСНХ (Сибкомгосоора).

Исследовательница истории Ачминдора Н. Клеменева, предположила, что инициатором рассмотрения вопроса о продолжении строительства дороги на заседании Совета Труда и Оборона 22 июня 1921 г. мог стать председатель Госплана Г.М. Кржижановский, который вместе с В.И. Лениным отбывал ссылку в Минусинском уезде. С осени 1899 г. он работал на Сибирской железной дороге слесарем, помощником машиниста, машинистом, помощником начальника участка службы тяги. Не исключено, что у Г.М. Кржижановского, как возможно и у В.И. Ленина, кроме фактора экономической целесообразности строительства дороги в далекой Сибири, сработало чувство «внутренней памяти и душевного соучастия», которое по утверждению психологов, нередко возникает у людей в отношении мест, где по стечению обстоятельств, прошла часть их жизни.

В 1921 г. НКПС отправил на строительство дороги рельсы, снятые с неостребованных технологических ответвлений Сибирской магистрали. За счет средств, отпущенных Сибкомгосоором и Енисейским губернским экономическим совещанием, к январю 1922 г. удалось продлить железнодорожное полотно Ачинско – Минусинской железной дороги еще на 37 км. Но до июля 1922 г. никаких работ на строительстве не велось из-за полного отсутствия финансовых средств [1, с.177].

С начала 1922 г. не взималась оплата за перевозку грузов с предприятий и организаций и дорога могла работать только потому, что уголь для нее отпускался по нарядам Сибкомгосоора. Эта организация выделяла Управлению дороги от 200 до 300 пайков на охрану линии, и от 400 до 500 пайков на организацию ее работы, а также около до 500000 р. в месяц на неотложные расходы, связанные с ее функционированием. С весны 1923 г. движение поездов было сведено до минимума и произведено сокращение штата служащих и рабочих на дороге до 230 человек [1, с. 178].

Но в первые годы советской власти потребность в Ачинско-Минусинской железной дороге на юге Енисейской губернии продолжала возрастать, так как Енисейский губисполком изучал возможность строительства гидроэлектростанции для энергоснабжения Минусинского промышленного района [3, л. 25]. Геологическая экспедиция под руководством инженера Слесарева Р.Н., в 1922 г, выявила в Минусинском округе крупные месторождения железной руды, меди, свинца, золота, большие залежи угля в Изыхском и Черногорском бассейнах [4, л. 302].

Для достройки дороги, по аналогии с императорским периодом, в губернии в январе 1922 г. было создано Акционерное общество, которое рассчитывало получить средства за счет выпуска акций и привлечения иностранных компаний через сдачу им в концессию горнодобывающих и металлургических предприятий округа [6].

В январе 1923 г. оно выпустило 18000 акций, которые были предложены частным лицам и хозяйствующим субъектам, среди которых были Кожкомбинат, Хлебопродукт, Губкоммунхоз, а также Ачинский, Канский, Енисейский, Красноярский уездные исполкомы. Но размещение шло с большим трудом, так как органы управления и хозяйствующие субъекты губернии в условиях строжайшей экономии финансовых средств не имели свободных денег [1, с. 179].

В апреле 1923 г. был произведен выпуск 13500 новых акций, которые также не удалось распространить [5]. От идеи организации концессии пришлось отказаться, так как зарубежные компании в тот период не собирались восстанавливать свою работу в Енисейской губернии. Поэтому губернская плановая комиссия обратилась за поддержкой к Сибревкому.

Президиум Сибревкома 20 июня 1923 г. поддержал идею создания Временного Правления Акционерного общества и вынес на обсуждение СТО «Основные положения акционерного Общества Ачинск–Минусинской ж.д.», которые и были утверждены на заседании Главконцесскома 29 сентября и СТО 6 октября 1922 года. Был утвержден основной капитал Общества в размере 9000000 золотых рублей, который формировался за счет выпуска акций стоимостью в 50 золотых рублей. 51 % общего количества акций должно было находиться в распоряжении государственных учреждений, 49 % были предназначены для распространения среди частных акционеров [1, с. 178].

В отличие от акционерного общества губернского масштаба, акционерное общество сибирского масштаба распределяло акции среди сибирских органов хозяйственного управления и таких крупных хозяйствующих субъектов как Сибпромбюро, Сибцемент, Сибдальвостторг, Алтайский, Енисейский, Иркутский, Омский, Новониколаевский ГСНХ.

За счет реализации акций удалось обеспечить нерегулярный приток средств, необходимых для продолжения строительства и создать строительное Управление в г. Ачинске. Но частные предприниматели опасались строить отношения с органами советской власти на долговременной основе.

В связи с тем, что акционеры делали взносы не деньгами, а продукцией своей деятельности, которую нельзя было непосредственно использовать для строительных работ, то при Временном управлении пришлось создавать Торговый отдел, который занимался ее оптовой продажей и магазином в Ачинске с розничной реализацией продукции, поступившей в счет оплаты акций [1, с. 180].

Заработную плату строителям выдавали товарами и продуктами по ценам ниже рыночных, так как они отказывались брать денежные знаки с низкой покупательной способностью.

Большой проблемой для строительства являлась хроническая нехватка рельсов и, особенно, металлических подкладок, костылей и болтов, которые терялись при разборке железнодорожных путей и доставке рельсов к месту их укладки.

Строительство дороги сдерживалось нападением банд, возглавляемых И.Н. Соловьевым, которые грабили склады строительных подразделений,

уничтожали телеграфные линии. Местное население, вынужденное защищаться от бандитов, отказывалось от участия в прокладке дороги и заготовке леса для строительства. Регулярно привлекаемые для преследования бандитов лошади, принадлежавшие строительным подразделениям, были настолько измотаны, что не могли в полную силу использоваться при проведении строительных работ.

Одним из новых факторов, потребовавшим ускорения строительства Ачинско - Минусинской железной дороги, стало принятие в декабре 1923 г. решения Президиума ВЦИК о выделении из территории Минусинского уезда, самостоятельного национального Хакасского уезда Енисейской губернии с центром в с. Усть-Абаканское. Это должно было создать условия для социально-экономического и культурного развития коренного населения южной части губернии и усиления борьбы с бандитизмом [7, л. 70].

Енисейский губисполком рассматривал Минусинский уезд как продовольственную и индустриальную базу Енисейской губернии и стремился ускорить строительство железной дороги. Но Госплан уже в 1923 г. видел будущее Минусинского уезда в качестве одной из продовольственных баз индустриальной Кузнецко – Алтайской экономической области и территории развития золотой, металлургической и угольной промышленности [11, с. 160]. В начале 1924 г. он отнес Кузнецко – Минусинский регион к числу важнейших промышленных районов Сибири и Урала, требовавших ускоренного развития [13, с. 5].

Несмотря на различия во взглядах на будущее Минусинского уезда, усилия Енгубисполкома по строительству железной дороги увенчались успехом. В конце ноября 1925 г. поезд прошел по трассе до своего конечного пункта поселка Усть – Абаканского. Но это было уже в другой административно-территориальной реальности.

В мае 1925 г. Енисейская губерния прекратила свое существование. Ее Минусинский уезд, Хакасский уезд, были преобразованы в одноименные округа, которые вошли в состав Сибирского края. В Минусинском округе по переписи населения 1926 г. проживало 317,5 тыс. человек [10, с. 467].

После разделения в 1930 г. Сибирского края, Минусинский округ вместе, с созданной в октябре 1930 г. Хакасской автономной областью, вошли в состав Западносибирского края.

Несмотря на изменение административно-территориального статуса Минусинской земли, Ачинско – Минусинская железная дорога сыграла важную роль в развитии территорий, входивших в состав бывшей Енисейской губернии. Большую часть вывозимой на первых порах продукции, как и предполагалось при начале строительства дороги, составляли зерно, мука и каменный уголь.

Железная дорога обеспечила круглогодичную перевозку с юга на север важных для Приенисейского региона грузов, но это больно ударило по сезонному водному транспорту. В частности, Енисейское государственное пароходство потеряло в навигацию 1926 г. половину всего объема грузоперевозок по Енисею. Если в 1925 г. пароходство в навигацию перевезло

почти 70 тыс. т грузов, то в 1927 г. объем грузов составил только 29 тыс. т. Через десять лет после этого, в 1938 г. объем речных перевозок в Красноярском крае удалось довести только до 45 тыс. т [14, л. 139].

После создания в декабре 1934 г. Красноярского края Минусинский район вместе с Хакасской автономной областью, и действующей на их территории железной дорогой, были переданы в состав края.

Как показывает проведенный нами анализ источников и публикаций разных авторов по проблеме строительства малой по протяженности Ачинско-Минусинской железной дороги, ее строительство было обусловлено необходимостью развития железнодорожной системы Енисейской губернии, как в императорский, так и в советский период в контексте государственной политики по транспортному освоению Сибири. У истоков идеи и программы создания Ачминора стояли финансовые интересы конкретных людей, поддержанные государством и банковской системой страны. Такой подход к строительству железных дорог провозгласил еще министр финансов императорской России С.Ю. Витте. Колчаковский режим в период гражданской войны и, впоследствии советская власть исходили из осознания необходимости завершения строительства дороги.

В строительстве дороги хорошо просматривается роль Баландиной В.А., Путилова А.И., предполагается участие Кржижановского Г.М. Формат микроистории позволяет отслеживать роль многих людей, вплоть до рабочих – участников строительства. Достраивать дорогу пришлось в условиях борьбы с бандитизмом в районах ее строительства. Необычной оказалась практика использования в советский период акционерной формы строительства, с предоставлением в счет акций продукции разных предприятий, которую нужно было «конвертировать» в деньги, инструменты и материалы, необходимые для строительства.

Построенная и введенная в эксплуатацию Ачинско – Минусинская железная дорога позволила решить многие социально-экономические, политические и культурные проблемы развития Енисейской губернии в рамках единого экономического пространства страны, она создала условия для развития хакасского народа, а также обеспечила жителям края транспортную доступность к лечению на курорте озера Шира.

Список литературы и источников

1. 4-й Енисейский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 5-9 декабря 1922 года. Стенографический отчет. Красноярск, Государственная типография, 1923. 198 с.
2. Антонова В. Угольные копи Веры Баландиной //Сокровища культуры Хакасии. М.: НИИЦентр, 2008. - С. 234-240.
3. ГАКК. (Государственный архив Красноярского края) Ф. Р.-1006. Оп.1. Д. 5 Л. 25.
4. ГАКК. Ф. Р.-1006. Оп.1. Д. 8 А, Л. 302.
5. ГАКК. Ф. Р.-1006. Оп.1. Д. 8а.
6. ГАКК.Ф. Р.- 1006. Оп.1. Д. 7.

7. ГАКК.Ф.Р-1006. Оп.1.Д.15 Л. 70.
8. Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х томах. Т. 1. А – И /Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т истории /Гл. ред В.А. Ламин; редколлегия С.С. Букин и др.–Новосибирск: историческое наследие Сибири, 2009.-717 с.
9. Калеменева Н. Ачминдор – путь к сибирским богатствам//Сокровища культуры Хакасии. М.: НИИЦентр, 2008. - С. 241-245.
10. Минусинский округ// Сибирская Советская энциклопедия ТЗ. Л-Н: В 4-х томах/Ред. Б.З. Шумяцкий.–Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. – 474 с.
11. Миротворцев Н. Районирование Западной Сибири// Бюллетени Госплана. 1923 г. Вып. № 8-9. С. 160-168.
12. Муниципальное казенное учреждение "Архив города Ачинска".Фонд № Р-52. Управление по постройке Ачинск-Минусинской железной дороги Томской железной дороги. 1920-1926 <https://alertino.com/ru/1445522>
13. Основы планирования строительства. Л.Н. Бернацкий // Бюллетени Госплана. 1924. Вып. № 1-2. – С. 3-9.
14. ГАКК. Ф. Р.-1301. Оп.1. Д. 9, Л. 139.

УДК 930.25+314.42

СМЕРТНОСТЬ ПРИХОЖАН ВСЕХСВЯТСКОЙ ЦЕРКВИ КРАСНОЯРСКА В 1830-Х – НАЧАЛЕ 1840-Х ГОДОВ

*Гуляева Наталья Павловна
Независимый исследователь, Дивногорск, Россия
carnivora@list.ru*

Аннотация: Изучены показатели смертности прихожан Всехсвятской церкви г. Красноярска в 1830-е – начале 1840-х годов. Источниковая база - метрические книги данного прихода из фондов Государственного архива Красноярского края. Выявлены сезонность смертей, распределение по причинам смерти, построена возрастно-половая пирамида населения прихода, рассмотрен вопрос об инфантициде по половому признаку.

Ключевые слова: смертность, причины смерти, сезонность, возрастно-половая пирамида.

THE MORTALITY OF THE PARISHIONERS OF VSECHSVYATSKAYA CHURCH IN KRASNOYARSK IN THE 1830s - EARLY 1840s

*Gulyaeva Natalia Pavlovna
Independent researcher, Divnogorsk, Russia,
carnivora@list.ru*

Abstract: Mortality rates of parishioners of the Church of All Saints in Krasnoyarsk in the 1830s – early 1840s were studied. The source base is the birth registers of this parish from the funds of the State Archives of the Krasnoyarsk Territory. The seasonality of deaths, distribution by causes of death were revealed, the age-sex pyramid of the population of the parish was built, the issue of infanticide by gender was considered.

Keywords: mortality, causes of death, seasonality, age-sex pyramid

Всехвятская церковь Красноярска, освященная в 1798 году, долгое время была не приходской, а кладбищенской. Только в конце 1820-х годов, в связи с ростом населения города и расширением его границ поднимается вопрос о формировании нового прихода. Из переписки священника Всехвятской церкви известно, что это был очень бедный приход. На 1846 год в составе «сего прихода, кроме военнослужащих и поселенцев мещане и крестьяне мужеска полу 136 женская 133, в том числе разумея престарелых и малолетних» [1, л. 421об.]. В связи с тем, что прихожане не в состоянии содержать даже церковного сторожа, подается прошение: «... составить из отчисленных от Благовещенской домов 103 и жителей в них мужеска пола 208 и женская 213 и от Покровской домов 110 и жителей в них мужеска пола 507 и женская 535 оставив и впредь состоять в приходе тоже церкви военный батальон, роту кантонистов, команду жандармов и внутреннюю стражу в коих всего мужеска пола 1055 и женская 163...» [1, л. 390об.]. Кроме того, с начала 1840-х годов к приходу относились деревни поселенцев, красноярский тюремный замок и т.д. Таким образом, в первой половине 1840-х годов, по официальным данным в приходе числилось около 1700 мужчин и менее 1000 женщин, принадлежащих в основном к военному сословию и поселенцам.

К сожалению, аналогичные данные за начало 1830-х годов отсутствуют, тогда как самые ранние записи в метрических книгах Всехвятской церкви относятся к 1832 году. В данной работе приведены результаты, полученные при обработке записей о смертях за 1832-1836 гг. и 1840-1841 гг. [2].

Общее количество учтенных записей – 869. Анализ смертности проводился с учетом пола, возраста, социального статуса, причин смертности (выделение и размер групп по двум последним признакам см. в табл. 1.)

Очевидно, что, исключая младенческую смертность (от родимца), основными причинами являлись заболевания дыхательной системы (чаще всего обозначенные в источнике как чахотка) и воспалительные процессы различного происхождения (обозначены как горячка, лихорадка, воспаление). Обращает внимание малое количество смертей вследствие заболеваний ЖКТ (9 случаев с разнообразным описанием) и родами (8 случаев). При этом насильственных смертей зафиксировано всего 5 (убит/а, удушен, зарезан разбойниками), а смертей по причине несчастного случая – 2.

Таблица 1. Группировка по социальному статусу и по причинам смерти

Группировка по социальному статусу	Количество случаев	Группировка по причинам смерти	Количество случаев
военные	440	от родимца	505
поселенцы	114	от заболеваний дыхательной системы	123
мещане	111	от воспалительных процессов	80
чиновники/служащие	66	от старости	41
крестьяне	50	корь, скарлатина	19
ремесленники/цеховые	20	водянка (асцит?)	12
дворовые	13	скоропостижно	12
священники	5	цинга	10
		от заболеваний ЖКТ	9
		родами	8

При сопоставлении причин смертности и сезонности (табл. 2) заметно, что число смертей увеличивается с мая по июнь/июль и падает с ноября по январь. Таковую картину, учитывая общее малое количество смертей от заболеваний ЖКТ и большое от заболеваний органов дыхания, трудно назвать типичной. Напрашивается объяснение, что увеличение количества смертей в летние месяцы вызвано физиологическим стрессом от тяжелых полевых работ, обострявших все возможные заболевания. Но смертей крестьян зафиксировано только 50, тогда как военных – 440. Соответственно, такая интерпретация тоже маловероятна. Возможно, сезонность смертности связана со стрессом, возникавшим вследствие соблюдения постов, усугубленных выходом в летние лагеря и/или на манёвры.

Таблица 2. Сезонность смертей с учетом причины

	Все причины	В том числе			
		от родимца (младенческая)	по старости	от заболеваний дыхательной системы	от воспалительных процессов
январь	58	36	6	6	7
февраль	78	42	4	14	9
март	72	40	3	15	6
апрель	52	25	5	7	5
май	100	52	5	17	14
июнь	120	95	3	9	10
июль	99	70	1	12	5

август	51	32	1	5	8
сентябрь	38	21	4	7	3
октябрь	63	41	3	9	5
ноябрь	46	27	3	9	1
декабрь	44	24	1	10	7

Анализ причин смертности по социальным группам не выявил каких-либо принципиальных различий, связанных со статусом умершего (см. табл. 3.). Значит, можно предполагать, что причины смертности мало зависели от общественного положения и в большей мере отражают условия жизни, характерные для всех прихожан.

Таблица 3. Распределение по социальным группам с учетом причины смерти

	Все причины	В том числе			
		младенческая	по старости	заболеваний дыхательной	от воспалительных процессов
священники	5	3	1	0	1
военные	440	228	10	90	50
чиновники/служащие	66	49	5	7	2
мещане	111	72	13	10	9
ремесленники/цеховые	20	16	0	1	0
крестьяне	50	29	6	6	3
поселенцы	114	74	4	9	12
дворовые	13	11	2	0	0

При анализе смертности с учетом пола и возраста выявлены показатели, представленные в таблице 4 (в разрезе социального статуса данные рассчитывались только для групп, включающих более ста единиц).

Очевидно преобладание детской смертности как по всей совокупности, так и по отдельным социальным группам. При этом большая часть наблюдений сосредоточена в группе с возрастными менее пяти лет.

Таблица 4. Возраст смерти с учетом пола

Возраст смерти	все		военные		мещане		поселенцы	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
до 5 лет	282	251	126	106	39	36	48	32
6-10 лет	15	3	11	1	1	0	0	1
11-15 лет	23	2	17	0	2	1	2	0
16-20 лет	18	4	17	0	0	1	1	2

21-25 лет	19	9	18	6	0	0	0	0
26-30 лет	27	9	25	4	1	0	0	2
31-35 лет	23	12	15	5	0	2	2	2
36-40 лет	20	12	14	7	2	1	3	3
41-45 лет	22	8	18	4	1	1	1	1
46-50 лет	21	8	16	3	1	1	2	2
51-55 лет	8	2	4	1	3	1	0	0
56-60 лет	11	9	6	3	2	2	3	1
старше 60 лет	25	18	8	3	6	5	5	0
Всего	514	347	295	143	58	51	67	46

При более детальном изучении данной группы выявлено, что максимальные значения сосредоточены в возрасте до года (см. табл. 5).

Таблица 5. Смертность в возрасте до пяти лет

	священники	военные	чиновники/ служащие	мещане	ремесленни ки/цеховые	крестьяне	поселенцы	дворяне
до года	3	194	43	62	3	13	65	11
от 1 до 5 лет	0	23	3	7	0	3	12	0

Примечательно, что в следующей возрастной группе (от 6 до 10 лет самые низкие показатели смертности по возрастам до 50 лет включительно). Группа от 11 до 15 лет демонстрирует резкое преобладание смертности мальчиков. Основной вклад (17 единиц из 23) представляют военные. Все они – кантонисты. Женских смертей всего две. Одна из них, 14-летняя дочь крестьянина, умерла родами (учитывая, что прочие смерти от родов приходятся на замужних женщин в возрасте от 23 до 32 лет, видимо, следует считать этот случай экстраординарным).

В возрастной группе от 16 до 20 лет тоже наблюдается абсолютное преобладание смертности мужчин. Причем из 18 случаев 17 относятся к военному сословию, а 12 из них – кантонисты. Женских смертей всего четыре.

В следующих возрастах показатели смертности увеличиваются и для мужчин, и для женщин. Причем, для мужчин наибольшее количество смертей приходится на возраст от 26 до 30 лет, тогда как для женщин – от 31 до 40 лет. При этом группа от 51 до 55 лет демонстрирует самые низкие показатели среди старших возрастов.

По всем социальным группам кроме военных количество наблюдаемых случаев в возрастах старше пяти лет недостаточно для статистического анализа. В свою очередь, так как военные вносят наибольший численный вклад, их

распределение по полу и возрасту практически не отличается от общей совокупности. Исключение составляют самые старшие возраста. В группе старше 60 лет, из 25 мужчин военными являются только 8, а из 18 женщин – три.

Можно предположить, что самая многочисленная группа военных к старшим возрастам резко сокращалась и по количеству становилась сопоставимой с группами мещан и поселенцев.

Проверить это предположение можно, пересчитав исходные данные по смертности, т.е. превратив числа умирающих в числа живых (см. табл. 6; о методике расчетов см.: [3, 4]).

Таблица 6. Расчет чисел живых по возрастам с учетом пола

	все		военные		мещане		поселенцы	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
до 5 лет	514	347	295	143	58	51	67	46
6-10 лет	232	96	169	37	19	15	19	14
11-15 лет	217	93	158	36	18	15	19	13
16-20 лет	194	91	141	36	16	14	17	13
21-25 лет	176	87	124	36	16	13	16	11
26-30 лет	157	78	106	30	16	13	16	11
31-35 лет	130	69	81	26	15	13	16	9
36-40 лет	107	57	66	21	15	11	14	7
41-45 лет	87	45	52	14	13	10	11	4
46-50 лет	65	37	34	10	12	9	10	3
51-55 лет	44	29	18	7	11	8	8	1
56-60 лет	36	27	14	6	8	7	8	1
старше 60 лет	25	18	8	3	6	5	5	0

Действительно, если в возрастах до пятидесяти лет включительно, численность военных значительно выше, чем численность представителей иных групп, то в более старших возрастах разница уже не столь велика.

Соответственно, можно предполагать, что возраст смерти и продолжительность жизни были связаны с социальным статусом и, скорее всего, условиями жизни. При этом наиболее многочисленная группа (военные) демонстрирует самые высокие показатели смертности в подростковых, юношеских и старших возрастах.

На основании полученных данных построена возрастно-половая пирамида населения прихода Всехсвятской церкви, которая является графическим представлением модели соотношения половозрастных групп прихожан в 1830-х – 1840-х годах (рис. 1).

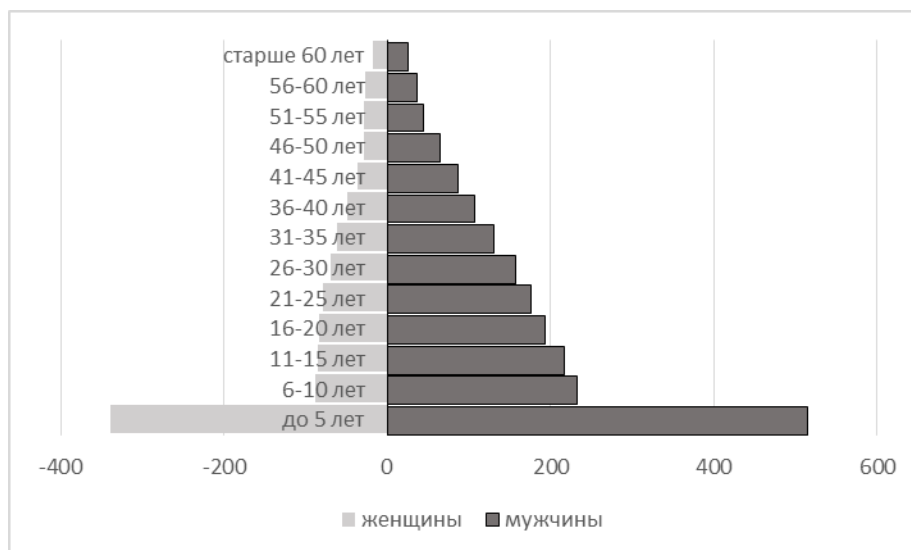

Рис. 1. Возрастно-половая пирамида населения Всехсвятского прихода

На данной модели наглядно представлена диспропорция полов, особенно в возрастах младше 55 лет.

В то же время изменения в численности и соотношении мальчиков и девочек в возрастах до пяти лет и 6-10 лет наводят на мысль об инфантициде по половому признаку. Однако более пристальное изучение данного вопроса (см. табл. 7) опровергает это предположение.

Таблица 7. Числа умирающих в возрасте до пяти лет с учетом пола

	Числа умирающих	
	мальчики	девочки
до года	236	207
от 1 до 2 лет	15	16
от 2 до 3 лет	10	13
от 3 до 4 лет	9	8
от 4 до 5 лет	8	6
5 лет	4	1

Очевидно, что числа умирающих для мальчиков и девочек не имеют кардинальных различий, в том числе на первом году жизни. Более того, к четырем – пяти годам количество смертей мальчиков несколько превышает аналогичный показатель у девочек. Значит нет оснований предполагать осознанный инфантицид по половому признаку.

Таким образом, представленные выше данные свидетельствуют о картине заболеваемости, в которой в качестве причин смерти чаще всего выступали заболевания дыхательной системы и воспалительные процессы различного происхождения при малой доле смертей вследствие заболеваний ЖКТ, родов и насилия. Поскольку не выявлено зависимости между причинами смерти и социальным положением, представляется обоснованным предположение о том, что причины смертности отражают условия жизни, характерные для всех

прихожан. Вместе с тем зафиксирована слабая связь социального положения и возраста смерти; отвергнута гипотеза об инфантициде по половому признаку.

Список литературы и источников

1. ГАКК. Ф. 212. О.1. Д. 2.
2. ГАКК. Ф. 212. О.1. Д. 4. Л. 22-40, Л. 66-84; Д.7. Л. 8-10, Л. 28-32, Л. 47-51. Л. 72-79; Д. 9. Л. 18-27.
3. Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропологическое исследование (по материалам средневекового могильника Мистихали) М.: Научный мир, 2003. 132 с.
4. Гуляева Н.П. О методике палеодемографических реконструкций// Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 6-7.

УДК 93/94

СИМФЕРОПОЛЬ 1930-Х ГОДОВ: ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ И ПОДГОТОВКА «МОЛОДОЙ РАБОЧЕЙ СМЕНЫ»

*Дозморов Валерий Александрович
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия
Dozmorov-Valeriy@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проведению индустриализации в столице Крыма – Симферополе в 1930-е годы, а также истории становления и развития системы подготовки рабочих кадров для отраслей региональной экономики.

Ключевые слова: индустриализация, профессионально-техническое образование, школы фабрично-заводского ученичества, техникумы, Симферополь, Крым, Советский Союз

SIMFEROPOL OF THE 1930S: SOVIET-STYLE INDUSTRIALIZATION AND THE PREPARATION OF A "YOUNG WORKING SHIFT"

*Dozmorov Valeriy Aleksandrovich
Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,
Dozmorov-Valeriy@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the industrialization in the capital of Crimea – Simferopol in the 1930s, as well as the history of the formation and development of the system of training workers for the branches of the regional economy.

Keywords: industrialization, vocational education, factory apprenticeship schools, technical schools, Simferopol, Crimea, Soviet Union

Только вдохновленным трудом людям, как показывает ретроспективный анализ, оказалось под силу решение важнейших хозяйственных начинаний в эпоху индустриализации. Всегда были значимы и почетны особые трудовые заслуги, связанные с достижением выдающихся результатов в государственной, общественной и хозяйственной деятельности. Как правило, эта деятельность всегда была направлена на обеспечение благополучия граждан и процветание государства.

С учетом географического положения и природного потенциала Крым всегда в нашей истории был территорией пристального внимания. Бурная трудовая деятельность, направленная на развитие и преобразование природы, создание материальных и духовных ценностей, способствовала хозяйственному освоению территории полуострова. На сегодняшний день в Крыму есть примеры реализации успешных проектов и результатов доблестного труда, достойных внимания и изучения во многих сферах деятельности. Это масштабные проекты, вобравшие в себя лучшие достижения науки и техники своего времени, иллюстрируют грандиозность решаемых задач, а также исключительную силу, смелость, и наряду с изобретательностью и трудолюбием, настоящие подвиги людей, реализовавших эти проекты [9, с. 73].

Безусловно, это также можно отнести к эпохе индустриализации отечественной промышленности (1930-е годы). Рассмотрим особенности промышленного развития и подготовки квалифицированных кадров Крыма в эпоху индустриализации на примере Симферополя.

Симферополь – столица Республики Крым. В 1930-х годах в результате проведения политики индустриализации город, как и весь регион, был охвачен буйным подъемом экономики и культуры [7, с. 93]. Первый пятилетний план (с октября 1928 года по 1932 год) промышленность Симферополя выполнила за 4 года [2, л. 13], за вторую пятилетку (1933 по 1937 годы) производство валовой продукции на предприятиях города возросло более чем в три раза [3, л. 119].

Так, в различных отраслях промышленности создавались новые и реконструировались старые предприятия. Были построены заводы пищевой, кожевенно-обувной, машиностроительной промышленности (консервный завод им. 1 Мая, табачно-ферментационный завод, кожевенно-обувной комбинат им. Ф.Э. Дзержинского, обувная фабрика им. В.П. Чкалова, заводы электромотороремонтный и автомобильного оборудования, авторемонтный им. В.В. Куйбышева). Кроме этого, современные механизированные предприятия были созданы в системе промысловой кооперации на месте кустарных мастерских (обувная фабрика промартели им. Ильича, деревообрабатывающий завод «Деревообделочник», стеклозавод «Химсиликат»).

В Симферополе к началу 1941 года работало 68 государственных промышленных предприятий и 61 промысловая артель [1, л. 63]. На них занято в общей сложности свыше 20 тысяч рабочих. Более трети всей промышленной продукции региона производилось на предприятиях города.

В промышленное производство постоянно внедрялись новые методы труда. Большое значение для выполнения первых пятилетних планов в 1930-е

годы в Симферополе сыграло развитие стахановского движения. 4,5 тысячи стахановцев работало на 45 предприятиях государственной и кооперативной промышленности к началу 1937 года, а к июню – уже до 5 тысяч. Таким образом, в стахановском движении было занято 40 % всех рабочих города [7, с. 94].

Высокие темпы роста промышленности, постоянный спрос на рабочие кадры для предприятий истроек спровоцировали стремительное увеличение численности населения Симферополя. Если в 1930 году число жителей города составляло 96, 3 тысяч человек, то в 1939 году численность населения выросла до 143 тысяч человек [4, л. 3].

За период индустриализации Симферополь превратился в крупный промышленный и культурный центр Крыма. Расходная часть бюджета города в 1940 году превышала 34 млн. рублей, из них на социально-культурные мероприятия выделялось почти 27 млн. рублей. Благоустройству города также уделялось большое внимание. Общий жилищный фонд города к концу второй пятилетки составлял 629 тысяч квадратных метров. С середины 1930- годов вокруг Симферополя началось устройство зеленой зоны. Общая площадь насаждений составила 25, 5 гектар. Также решение проблемы водоснабжения города способствовало росту его населения и экономики. Водопроводная сеть составила 63 км.

Три трамвайные линии соединили окраины Симферополя с его центром и железнодорожным вокзалом. От Севастопольской ГРЭС в город шла высоковольтная линия электропередач. Расширился автобусный парк, появились такси, исчезли извозчики. Были сооружены два стадиона, спортивные площадки, стрелковый клуб. В 1939 году открыт банно-прачечный комбинат. Насчитывалось 186 магазинов, пять гостиниц на более чем тысячу мест [7, с. 93].

Бурному промышленному развитию Симферополя соответствовала и система подготовки квалифицированных рабочих кадров.

Можно выделить следующие характерные черты развития профессионально-технического образования в 1930-е годы:

- нестабильность, подвижность и изменчивость данной системы образования как следствие больших групп факторов социально-экономического и политического характера;
- развертывание широкой сети подготовки рабочих и технических кадров для индустриализации Крыма и Симферополя;
- поиск новых форм управления учебно-воспитательным процессом;
- создание отдельной системы подготовки управленческих кадров со средним профессиональным образованием для партийно-советских структур и профсоюзов, а также военных кадров;
- углубление так называемой «коренизации», прежде всего в форме татаризации [8, с. 348].

Система подготовки квалифицированных рабочих кадров Симферополя в 1930-е годы включала в себя следующие учебные заведения:

- профессионально-технические школы на базе школ 1 ступени. Они готовили слесарей, столяров, швей, токарей, кузнецов, помощников машинистов;

- школы фабрично-заводского ученичества на базе школ 1 ступени с предоставлением среднего 7-летнего образования, где 35-40 % времени отводилось на общеобразовательное и теоретическое, а 60-65 % – на практическое обучение на базе мастерских или в цехах заводов и фабрик. Они работали при Механической городской обувной фабрике, Государственном кожевенном заводе, Швейной фабрике;

- школы бригадного ученичества;
- профессионально-технические курсы;
- группы индивидуального обучения.

При этом усиленными темпами шел процесс татаризации всей системы фабрично-заводского ученичества. В Вечерней рабочей школе строительных десятников при Наркомате труда Крымской АССР на учебный 1930/1931 год вводился в обязательном порядке татарский язык, причем в результате нововведения было сокращено число недельных уроков по другим учебным предметам, прежде всего общеобразовательным [5, л. 1]. А в 1936 году в школах ФЗУ Симферополя наблюдалась следующая картина: в школе треста «Главхлеб» из 60 учащихся было 5 татар, в школе швейпрома из 32 учениц – 18 татарок, в гостипографии из 47 учеников – 8 татар, в областной бригаде механиков и водителей из 322 человек – 62 татарских ученика, в автошколе дорожного транспорта из 27 учащихся – 5 татар, в школе связи из 84 учащихся – 15 татары, в школе электротранспорта из 40 учащихся – 9 татары [8, с. 250].

Главную базу для всей нарождающейся индустриализации Крыма и Симферополя составляли техникумы, готовившие специалистов на основе 7-летки. В первой пятилетке в Симферополе работали техникумы: Татарский педагогический, переведенный затем в Ялту; Художественный, готовивший инструкторов-руководителей художественных кружков; Татарский фельдшерско-акушерский; Фармацевтический; Промышленно-экономический; Железнодорожный; Музыкальный. И в этой системе основой основ также являлась коренизация, прежде всего в форме татаризации. Активно шла в нее еврейская молодежь, прежде всего из числа переселенцев.

В 1933 году из Симферополя перевели: в Ялту – Фармацевтический, Педагогический техникумы, техникум дорожного строительства, в Феодосию – Строительный техникум и школу ФЗУ кулинаров. Прошел интенсивный процесс укрупнения учебных заведений. В то же время, в 1934 году организуется Татарский театрално-музыкальный техникум из 4х отделений: актерского, клубно-режиссерского, музыкального и балетного с общим числом учащихся 100 человек.

Во второй половине 1930-годов успешно работал Симферопольский техникум консервной промышленности. В 1934 году из 125 студентов 96 – рабочие, 13 – колхозники, 16 – служащие. Техникум имел собственное общежитие, обеспечивающее всех нуждающихся, прачечную, починочную

мастерскую и парикмахерскую, библиотеку с читальным залом. Из добровольных общественных организаций в нем функционировали Осовиахим, МОПР. При техникуме были оформлены военизированная химическая полурота на 70 человек, военно-санитарная дружина на 35 человек. Активно работали кружки: текущей политики, истории партии, истории ленинизма [8, с. 351].

Всего в городе функционировало 8 техникумов с охватом 1281 человек. Всеми формами обучения в Симферополе были охвачены 35489 человек.

Крымская система профессионально-технического образования гордится своим прошлым. На всех этапах развития и в довоенное время, и в годы войны, и в послевоенный период, она подтверждала и подтверждает свою необходимость и значимость для экономики и общества региона. История профессионально-технического образования в Симферополе – это, безусловно, тоже «история тысяч юношей и девушек, которые смогли добиться успеха в качестве высококвалифицированных специалистов» [6, с. 9].

Таким образом, завершая разговор об экономическом развитии и подготовке квалифицированных рабочих в Симферополе в эпоху индустриализации можно сделать несколько обобщений. Ключом к решению сложных и неоднозначных задач жизни и трудовой деятельности являлось использование духовной силы каждого трудящегося человека, что подтверждает объективная оценка. Обращенность к человеку, его умственным и физическим возможностям, основанным на таких способностях, как одаренность, самобытность, мастерство. является исходным фактором реального движения к решению социально-экономических проблем общества.

В современном российском обществе происходит формирование нового облика квалифицированного работника с учетом предъявляемых производством требований к профессиональной подготовке специалиста. Современный работник должен знать новейшие технологии. Кроме того, стремиться к дальнейшему самообразованию, расширению и изменению профессиональной деятельности с учетом собственных потребностей и потребностей экономики. Поднимает достоинство человека, раскрывает его лучшие черты, все богатство характера возможность трудиться, творить, создавать ценности для общества и быть полезным ему. Значительную роль в этом играет система среднего профессионального образования.

И сегодня остаются своевременными и актуальными вопросы экономического развития региона, подготовки квалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Республики Крым (ГРАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2032.
2. ГАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 47.
3. ГАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 174.
4. ГАРК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 167.

5. ГАРК. Ф. Р-2066. Оп. 1. Д. 3.
6. Дозморов В.А. К истории системы профессионально-технического образования (на примере учебных заведений Западного Крыма и Севастополя второй половины XX - начала XXI столетия) // История науки и техники. – 2022. – № 6. – С. 3-9.
7. История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. – К.: Главная редакция Украинской советской энциклопедии АН УССР, 1971. – 624 с.
8. Пащенко В.Н. История Симферополя (к 235-летию рождения города): в 3 ч. Ч. 2: (С 1920 по 1991 гг.). - 2019. - 622 с.
9. Цехла С.Ю., Симченко Н.А., Потеев А.Т. Трудовые подвиги в экономическом развитии Крыма. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. – 202 с.

УДК 947:39(571.54)

***ИЗ ИСТОРИИ ОСЕДЛЫХ БУРЯТ-СТАРООБРЯДЦЕВ
XIX – НАЧАЛА XX ВВ.***

Иванов Виктор Филиппович

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия

им. В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия

klio1976@mail.ru

Аннотация: В статье повествуется история жителей одного из бурятских родов Хоринского ведомства и семейских крестьян-старообрядцев Кульского отдельного общества Забайкалья XIX – начала XX вв. Статья подготовлена на основе архивных документов, позволяющих проследить взаимоотношение населения, основанных на религиозных, хозяйственных, семейных взглядах и истории метисации жителей Восточного Забайкалья; рассказывается о взаимоотношении субэтнических групп. Рассматриваются причины принятия бурятами православия, среди которых освобождение от уплаты ясака, государственных податей и повинностей, поддержка царского правительства в культурной и экономической жизни бурят.

Ключевые слова: миссионер, тайша, ясашный, инородец, семейские, старообрядцы, ясак, карым, Забайкалье.

***FROM THE HISTORY OF THE SET BURYAT OLD-BELIEVERS XIX - EARLY
XX CENTURIES***

Ivanov Viktor Filippovich

Buryat State Agricultural Academy. V.R. Filippova, Ulan-Ude, Russia

klio1976@mail.ru

Abstract: The article tells the story of the inhabitants of one of the Buryat clans of the Khorinsky department and Semey Old Believer peasants of the Kul separate society of Transbaikalia in the 19th - early 20th centuries. The article was prepared on the basis of archival documents that allow us to trace the relationship of the population, based on religious, economic, family views and the history of miscegenation of the inhabitants of Eastern Transbaikalia; tells about the relationship of sub-ethnic groups. The reasons for the adoption of Orthodoxy by the Buryats are considered, including exemption from paying yasak, state taxes and duties, support for the tsarist government in the cultural and economic life of the Buryats.

Key words: missionary, taisha, yasashny, foreigner, Semey, Old Believers, yasak, karym, Transbaikalia.

Стремление Российского государства укрепить свои границы на Востоке империи и усилить свое влияние на местное население, привело к распространению христианства среди многочисленных этнических групп, проживающих на просторах Сибири и Дальнего Востока. Не исключением были и буряты Прибайкалья и Забайкалья, которые по вероисповеданию делились на шаманистов и ламаистов.

В конце XVIII начале XIX вв., благодаря активной миссионерской деятельности православных священников, производилось массовое крещение инородцев. Активную миссионерскую деятельность, по обращению хори-бурят в официальное православие проводили старейшие храмы Забайкалья: Селенгинский монастырь, Градо-Верхнеудинская Спасская, Кульская Спасская, Укырская Спасская, Мухоршибирская Никольская, Куйтунская Николаевская церкви, позднее Анинская Никольская и Новокурбинская Николаевская церкви. Желаящие войти в лоно русской православной церкви «ясашные» привозились в Верхнеудинск, где их и крестили при здешнем городском храме [1, с. 9]. Или же, при скоплении большого количества «оглашенных», священник сам выезжал к месту сбора таковых, и совершал обряд в походных условиях.

Большое содействие в христианизации хори-бурят оказывал главный тайша Хоринской Степной думы Ринчин-Доржи Дымпилов. В 1841 году он побывал в Санкт-Петербурге. Там он был крещён, вернулся в звании есаула, стал именоваться Николаем Николаевичем Дэмпиловым [2, л. 188].

Исследователи отмечают, что христианизация проводилась принудительно, но поскольку она была малоэффективной, правительство вынуждено было заманивать инородцев в лоно православной церкви соблазнительными мероприятиями: освобождением от налогов, наделением дополнительным земельным участком, выделением денежной ссуды.

В конце XVIII века в Градо-Верхнеудинской Спасской церкви был окрещён один из хоринских кочевых бурят, которому было дано русское имя Семён, а фамилию ему свою дал священник Малков. Женившись на русской женщине, он кочевал по бескрайним просторам хоринской степи, его жизнь и быт ничем не отличались от своих бурят-сородичей. Но при рождении детей, Семен Малков исправно привозил своих младенцев к попу в Кульскую церковь

для крещения. Об этом свидетельствуют многочисленные записи в церковных метрических книгах [3, л. 17-20].

Чуть позднее, в 1804 году, в Градо-Верхнеудинской Спасской церкви был крещен ещё один хори-бурят, по крещению которого нарекли Андрианом. А фамилию ему свою дал русский казак Верхнеудинской казацкой команды, прихожанин этой церкви Данило Иванович Вахрушев. Согласно «Исповедной ведомости Градо-Верхнеудинской Спасской церкви» за 1789-1813 гг. православный казак Вахрушев регулярно был на исповеди и, дожив до 54-х лет, семьи своей не имел и жил бобылём [4, л.34]. От того может и стал крёстным отцом крестившемуся буряту, дав ему свою фамилию.

Потомки рода Вахрушевых постепенно обрусели, крепко приобщились к православию, выделялись умом и высоким интеллектом среди односельчан. Пётр Андрианович Вахрушев был обучен грамоте частным путём, на дому. Долгое время односельчане избирали его инородческим сельским старшиной. У Петра Андрияновича Вахрушева, от брака с русской крестьянкой Верхнеталецкой деревни Прасковьей Власовной Павловой, родилось и выросло четыре сына и две дочери, от которых и пошёл весь огромный и многочисленный род Вахрушевых. Благодарными потомками была установлена чугунная плита, литая в Петровском Заводе, на могиле своего прародителя, со словами: «Упокой Господи душу усопшего раба инородца Вахрушева Петра Андриановича, умершего 7 сентября 1876 года и оставившего после себя 42 человека обоего пола. Коими и с признательностью поставлен этот памятник». Это надгробие стоит и до сих пор на Хасуртайском православном «карымском» кладбище, куда на родительские дни собираются его многочисленные потомки.

К 1815 году крещенных бурят стало так много, что возник вопрос об их объединении и отчислении в особое отдельное родовое общество. Начальству было удобнее ими управлять административно, а миссионерам позволяло контролировать приверженность к православной вере.

29 июля 1815 года состоялось заседание старшин Хоринского ведомства, где единогласно был вынесен «Приговор об отводе земель для крещеных ясашных»[5, л. 1 об.]. Так, согласно приговору хоринских родовых старшин, в 1815 году группу крещеных бурят из разных родов Хоринского ведомства «привели к оседлости» и поселили по долине реки Курбы, в урочищах Ара-Хасуртай, Уныгытей и речки Ташеланки, образовав особое родовое управление – Курбинское отдельное общество. Старшими над оседлыми инородцами были назначены из их среды Матвей Екимовский, Василий Озеров и Иван Зайцев. Крещёных ясашных собирали по всему Забайкалью и переселяли на берег реки Курбы [6, л.11].

Так постепенно, с подселением всё новых и новых семей ясашных, в административном правлении Хоринской Степной думы образовалось ещё одно родовое управление, являющееся переходным звеном в процессе метисации хоринских бурят. В документе за 1870 год, приговором оседлых инородцев вышестоящему начальству, пояснялось: «деды и отцы наши совершили принятие святого крещения по распоряжению Высшего начальства, отчислены были от родов Хоринского ведомства, которые состояли под

ведением особого избрания из среды их утверждённых высшим начальством старшин, а именно Зайцова и Екимовского. Предки наши, состоя в зависимости сего последнего, и по 1826 года были обложены осёдлою податью и с того времени названы они осёдлыми инородцами Курбинского отдельного общества, коих по 1834 год считалось 160 душ» [7, л. 731].

Образованные поселения на отведённых территориях Курбинского общества имели бурятские названия. Хасурта – в переводе, означает «Еловка». Хасури(бур.) – ель, Хасуртай – ельник. Унэгэтэй – место обитания лисиц, лисья долина [8, л. 427].

В донесениях Верхнеудинскому Земскому Суду от 9 сентября 1858 года за №4365, Хоринская Степная Дума даёт подробные сведения о поселениях ясачных инородцев по Хоринскому ведомству: «По реке Курбе, речкам Хасуртаю, и Новоилькинском селениях постоянными домами проживают одне только оседлые инородцы, ведения Хоринской степной думы. А некрещёные кочевые инородцы в разные времена со скотоводством откачёывают на ветошные места, токмо для свободного прокармливания своего скота; 2-е. Хотя и откачёывают в отдалённые места, но, во всяком случае, для поклонения прибегают всяк к своим дацанам; 3-е. Крещёные кочевые и оседлые инородцы тоже являются для богомолия по приходам, всяк к своим церквам» [9, л. 363].

Курбинское отдельное общество состояло из трёх основных населённых пунктов: Курбинское (Унэгэтэй), Хасуртаевское и Новоилькинское (Ташелан).

Оседлые инородцы пользовались теми же правами и подлежали тем же податям, как и государственные крестьяне, но были навсегда освобождены от рекрутской повинности. Вместо ясака, оседлые инородцы выплачивали оброчную подать. В административных бумагах эта категория людей называлась метисами, а в народе за ними закрепилось название – «карымы», от бурятского «харым» - ушедший от своего народа [10, с. 156]. Эти термины сохранились и до сих пор.

Таким образом, население Курбинской долины разделилось на два земельных общества:

- православных «ясачных», принадлежащих Курбинскому отдельному обществу Хоринской степной думы;

- «хрисьян» старообрядцев, государственных крестьян, принадлежащих Кульскому отдельному обществу Верхнеудинского уезда.

Оба общества Хасуртаевского и Унэгэтэского селений имели по два старосты (крестьянского и инородческого), отдельно решали хозяйственные и земельные вопросы, которые нередко приводили к междуособным конфликтам и постоянным спорам о земле.

Материальная культура и быт семейских инородцев ничем не отличались от семейских крестьян-переселенцев. По их примеру оседлые инородцы строили такие же добротные просторные дома, с высокими окнами и кружевными наличниками, крепкие амбары, завозни, рубленые стайки. Женщины также любили яркие пышные семейские наряды. Зажиточные хозяева покупали своим женам дорогие атласы, кашемир на сарафаны, связки янтарных ожерелий (дорогие монисты). Мужчины носили на выпуск длинные

рубахи-косоворотки, перехваченные разноцветными самоткаными поясами. По старообрядческим канонам обязательным было ношение бороды.

Год от года, от поколения к поколению оседлые инородцы полностью обрусели и отделились от бурят. Как и все старообрядцы, для своих знакомых друзей из улусов, они держали отдельную посуду, угощали заезжих бурят на табуретах возле порога. Не употребляли в пищу конское мясо. Не допускали брачных связей с иноверцами. Но вместе с этим хасуртайцы переняли у своих соседей-бурят приемы ведения хозяйства, некоторые покрои верхней одежды, в своём говоре использовали множество бурятских слов и диалектов, особенно в названии животных, местностей. Жители Курбинской долины легко овладевали разговорным бурятским языком и общались с коренным населением края.

Результатом упорной, многотрудной и целенаправленной деятельности православных священников-миссионеров образовалась своеобразная этническая группы населения Забайкалья – карымы. А особенностью жителей Курбинского отдельного общества Хоринского ведомства стало и то, что крещёные в официальном православии буряты, были впоследствии переведены в старообрядчество.

Сегодня нет деления на крестьян и инородцев, нет административных единиц – Хоринская степная дума и Кульское отдельное общество. Теперь лишь только легендой живёт в памяти народной история основания старинных селений, на живописных берегах таёжной реки Курбы и её маленьких притоках – Унэгэтэйка и Хасуртайка.

Список литературы и источников

1. Орлов Л.Г. Верхнеудинская Спасская церковь (1696-1930 гг.). Исторические сюжеты – Улан-Удэ – Иркутск, 2012. – 216 с.
2. История Бурятии. В 3-х т. Т. II. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. – 624с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 237. Оп.1. Д.2.Л.17-20.
4. ГАРБ. Ф.213. Оп.1. Д.109. Л.34
5. Личный архив Цыбена Жамцарановича Жамцарано (1881-1942 г.г.) – российского учёного-востоковеда первой половины XX в. // Архив СО РАН. Ф.6. Оп.1. Д.14. Л.1 об.
6. Метрические книги Кульской Спасской церкви // ГАРБ. Ф.237. Оп.1. Д.2. Л.17
7. ГАРБ. Ф.237. Оп.1. Д.2. Л. 731.
8. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М.: Наука, 1980. – 421 с.
9. ГАРБ. Ф.8. Оп.2. Д.96. Л.363
10. Болонев Ф.Ф. Семейская живая старина за Байкалом: Оседлые буряты и ясачные в русских волостях Забайкалья. – Улан-Удэ, 2015. – 424 с.

**«ФОНАРЬ ТУСКЛЫЙ СВЕТИТ ОДИН НА ОКРУГУ...»: СИБИРСКИЕ
ГАЗЕТЫ О ПРОБЛЕМАХ ОСВЕЩЕНИЯ ГОРОДСКИХ УЛИЦ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

*Кискидосова Татьяна Александровна
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории, Абакан, Россия
tak_74@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема освещения городских улиц Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Автор основывается на материалах сибирских газет того времени. Благодаря многочисленным публикациям периодики городские власти принимали меры по улучшению освещения городских улиц.

Ключевые слова: город, Енисейская губерния, горожане, газета, освещение, фонарь, электричество.

**«A DIM LAMP SHINES ALONE IN THE DISTRICT...»: SIBERIAN
NEWSPAPERS ABOUT THE PROBLEMS OF LIGHTING THE TOWN
STREETS IN THE YENISEI GOVERNORATE IN THE SECOND HALF OF
THE 19th – EARLY 20th CENTURY**

*Kiskidosova Tatiana Alexandrovna
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History,
Abakan, Russia
tak_74@mail.ru*

Abstract The article considers the problem of lighting the town streets in the Yenisei Governorate in the second half of the 19th – early 20th century. The author uses the materials of Siberian newspapers of that time. Due to numerous publications of periodicals, the town authorities took measures to improve the lighting of the town streets.

Keywords: town, Yenisei Governorate, townspeople, newspaper, lighting, street lamp, electricity.

В последние годы историки повседневности все чаще используют в работах такой вид исторического источника, как периодическая печать. Источниковедческий потенциал дореволюционных газет по истории повседневной жизни неисчерпаем. К характерным чертам прессы относят периодичность содержания, выражающуюся в объединении текстов, различных по жанру, происхождению, разновидностям [1, с. 278]. На страницах газет освещались самые разнообразные стороны жизни обывателей.

К одной из актуальных тем в региональной прессе можно по праву отнести проблему уличного освещения в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Журналисты наряду с публикациями, посвященными городскому благоустройству и уборке улиц, уделяли значительное внимание уличному освещению. Газетные материалы по жанру отличались разнообразием: фельетоны, заметки, очерки, корреспонденции, репортажи и др.

В региональной периодике часть публикаций многократно отводилась проблемам городского освещения. В дореформенный период практически во всех приенисейских городах даже центральные улицы слабо освещались, а на окраинах вообще отсутствовали фонари. На улицах Енисейска до середины 1850-х гг. почти не было фонарей и с наступлением темноты город погружался в беспросветную тьму. Городские улицы освещались редкими фонарями с сальными свечами, которые никакой роли не играли для запозднившихся путников. В 1856 г. исправник Шишко решил проявить инициативу, он предложил горожанам собрать деньги и установить в городе до 20 фонарей с рефлекторами. Стоимость каждого такого фонаря составляла 20 руб. Но городская дума, посчитав данное предложение невыгодным, решила ограничиться меньшими затратами и установить по всему городу 50 обычных фонарей с сальными свечами. В результате такого непродуманного решения городских властей в основном освещался только район возле клуба и еще в трех-четырёх местах, тогда как остальная часть Енисейска продолжала оставаться в темноте. В пореформенный период уличное освещение продолжало оставаться на крайне низком уровне. Некоторые подвижки были предприняты городскими властями. Благодаря трудам и энергии городского головы Н. Н. Дементьева в Енисейске установили керосиновые фонари. В обязанности местных пожарников входило ежедневное зажигание всех городских фонарей. Позднее появились специальные работники – фонарщики. Они наблюдали за исправностью фонарей, заправляли и поправляли фитили, наблюдали за исправностью уличных фонарей [2, 27 сентября].

В начале 1870-х гг. в Красноярске фонарные столбы и фонари на Большой улице пришли в окончательную ветхость и выглядели так безобразно, что оставляли неприятное впечатление у прохожих. В 1873 г. красноярский полицмейстер обратился в городскую управу с предложением постройки новых деревянных или чугунных фонарных столбов, у которых будет более изящный вид. Кроме того, количество фонарей должно было увеличиться, по крайней мере, в два раза. Предполагалось, что освещаться должны не только главные, но и окраинные улицы города [3, л. 105]. В Красноярске до 1881 г. в городе насчитывалось только 44 фонаря по Воскресенской улице. В среднем на один квартал приходилось всего 4 фонаря [4, л. 9].

К концу 1880-х гг. в Енисейске в самых отдаленных и глухих районах города появились фонари, приобретенные на средства городского общества. На устройство ламп и фонарей исправнику удалось собрать 300 руб. В обязанности ночных караульных входило: получение лампы из пожарного помещения и зажигание фонарей керосином. За выполнение этой работы они получали по 50

коп. в месяц [5, 30 ноября]. Всего в городе насчитывалось 30 фонарей, но зажигали не более 15 штук, т.к. они были разбросаны по всему городу. Многие улицы оставались неосвещенными из-за того, что фонари устанавливали преимущественно на перекрестках. Горожане предлагали осветить хотя бы проезжие улицы [5, 4 декабря]. Весной и летом фонари не зажигали, и город погружался в темноту. Обыватель иронизировал, что фонарное освещение предназначалось для того, чтобы «темнее сделать окружающую темноту» [5, 31 мая].

Электрическое освещение появилось впервые в 1880-е гг. в губернском центре. Но тогда это было роскошью, которую могли позволить крупные предприниматели. В то время, когда на городских улицах висели керосиновые фонари, в домах и магазинах красноярского короля торговли Н. Г. Гадалова с 1887 г. уже имелись электрические рожки. Паровая машина с мощностью в 4 л.с. распространяла свет только на вход в торговые помещения и не могла обслуживать даже соседние дома. Н. Г. Гадалов утверждал, что электрическое освещение по затратам обходилось ему в три раза дешевле, чем керосиновое [6, 19 августа].

В местной периодической печати нередко поднимался вопрос об улучшении освещения городских улиц. В Ачинске в 1880-е гг. городские власти практически не уделяли внимания улучшению освещения улиц, несмотря на то, что сумма годовых доходов (по разным статьям) составляла от 20 до 24 тыс. руб. Однако для города приобрели только фонарные столбы без фонарей. В Ачинске не без участия купцов хорошо освещались всего два-три каменных магазина. В вечернее время передвигаться по городским улицам было проблематично из-за крайне слабого освещения [7, 27 февраля]. Фонари хоть и загорались, но находились на значительном расстоянии друг от друга. По мнению обывателя, существовал «риск сломать ногу в тротуарных провалах, зияющих неподалеку от городской думы» [8, 31 октября]. В Красноярске плохо освещалась даже центральная часть города. Около главного подъезда городского театра «царила полная темнота». После окончания спектакля при выходе зрители рисковали получить ушибы или попасть под колёса проезжавшего экипажа [8, 26 сентября]. Неудовлетворительное освещение района возле театра упоминалось в фельетоне «Зловещая тема», опубликованном в «Енисее»: «Электрические фонари льют свет на подъезд театра, два-три соседних дома освещаются, а остальная часть улицы тонет в темноте, в пяти шагах от фонарей нет даже намека на свет» [9, 13 января].

В Николаевской слободе Красноярска на Базарной площади слабо горели фонари, и поэтому в этом районе появлялась возможность встретиться с «рыцарями приключений» в поздний час [10, 11 февраля]. По всей Николаевской слободе расставили не больше десятка фонарей, разбросав на расстоянии двух-трех верст друг от друга. Сам вид фонарей представлял достаточно убогий вид: маленькие лампочки, которые слабо коптились [10, 11 марта]. Городские власти в целях экономии выделяли мало средств на освещение улиц. В летнее время в целях экономии предпочитали не зажигать фонари. По словам обывателя, все это приводило к тому, что «городские улицы

находились во тьме ночной» [9, 24 июля]. С 1890 г. в городском саду Красноярска поставили 9 фонарей, находившихся на значительном расстоянии друг от друга [6, 3 июня]. Осенью фонари зажигались во второй половине сентября, а до этого жители довольствовались лунным светом [8, 26 сентября]. О качестве городского освещения можно судить по заметке, опубликованной в «Енисейском листке»: «Июльским вечером в городском саду до 10 часов вечера играл оркестр, но публика была лишена возможности слушать музыку из-за темноты. На главной аллее зажгли десяток грошовых лампочек. В прежние годы городской сад освещался цветными фонарями, плашками и свечами» [8, 25 июля].

Описывая беспросветную темноту красноярских улиц, автор фельетона «Мелочи повседневной жизни» мрачно констатировал: «... попробуйте вы в глубокую полночь осенним временем выйти без страха и трепета на любую улицу нашей Теребиловской или прогуляться по Садовой, Песочной и Качинской улицам, где не мерцает ни одного фонаря, все глухо и мертво, как в могиле. Пожалуй, обдерут вас как липку и пустят в чем мать родила» [8, 26 сентября].

Керосиновое освещение давало тусклый свет и создавало массу неудобств. Зажженные фонари часто гасли из-за того, что механики несвоевременно выполняли свою работу или наливали недостаточно керосина. В некачественных лампах огонь мерцал и быстро затухал. По этому поводу обыватели шутили, что «следовало бы придумать остроумный способ добраться до фонаря». Особую опасность представляла профессия фонарщика. Механики для того, чтобы зажечь фонари забирались на приличную высоту без страховки и гарантий безопасности жизни. Порой приходилось устанавливать лестницу на возницу, которая могла тронуться в любой момент, а фонарщик в таком случае был вынужден «полететь вниз кувырком» [11, 25 августа]. На многих улицах Красноярска зажигались не все фонари, особенно темно было в привокзальном районе. Горожане указывали на то, что в зажжённых фонарях «лампы коптят, стекла на фонаре чернеют, накапливается копоть. Стекла промываются плохо, поэтому фонарь мерцает или тухнет» [9, 2 октября]. Корреспондент «Енисея» с юмором подмечал: «Ну и ночь непроглядная – ни зги! Хоть бы пикетчик засвистал – зная, где он на скамеечке дремлет, – мог бы я сообразить, где нахожусь. Кабы добраться как-нибудь до дому – непременно справился бы по календарю: не полагается сегодня хотя бы лунного освещения» [9, 27 октября].

Городские слободы, окраины городов, районы около мостов практически оставались без фонарей. Даже центральные районы губернского центра слабо освещались. Темнота по Почтамскому переулку около моста через Качу создавала массу неудобств. Мещанская управа ходатайствовала об установке фонарей в этом районе [9, 13 января]. В 1908 г. жители Закачинской слободы Красноярска обратились к городской управе с просьбой об устройстве газового фонаря у Радайкина моста на левом берегу Качи. Подобное ходатайство объяснялось тем, что на мосту происходили частые грабежи в темное время суток. Свидетели отмечали несколько случаев падения путников с плотины.

Ранее стоявший на мосту полицейский перестал дежурить в этом месте [12, 25 сентября]. Просьбу жителей Закачинской стороны городская управа оставила без должного внимания. Через два года закачинцы вновь ходатайствовали перед городской управой об установке хотя бы одного керосинокалильного фонаря. С подобными прошениями обращались жители Подгорной слободы, Переселенческой и Затюремной улиц первой части Красноярска. Обыватели просили об освещении окраин не только в целях удобства, но и безопасности [13, л. 30]. Автор заметки в «Красноярце» писал: «По-прежнему пустыри обречены на мрак. Городская управа старательно взывает с города налоги, а жители вправе требовать освещение» [12, 4 декабря].

Нередко городские фонари становились предметом особого внимания хулиганов. О наиболее дерзких случаях незамедлительно сообщали местные газеты. Красноярские хулиганы, чувствуя свою безнаказанность, сняли два уличных фонаря у подъезда полицмейстера. В итоге пикетчик этого квартала лишился своей работы [14, 4 декабря]. В ночное время нарушители спокойствия разбивали стекла фонарей и воровали лампочки. Обычно за одну ночь пропадало от 10 до 15 ламп. Часто обращения городских жителей в полицию и к пикетчикам, в ведении которых были наблюдение за целостностью фонарей и розыск злоумышленников, оставались без должного внимания. Городская управа объявила особое вознаграждение за поимку лиц, занимавшихся кражами фонарных лампочек [15, 14 ноября, 8 декабря].

Горожане отправляли в городскую управу ходатайства об улучшении качества освещения и включения фонарей, не дожидаясь полной темноты и т.д. Иногда местная администрация обращала внимание на просьбы обывателей. Так, например, городская управа Красноярска, ссылаясь на пожелания городских жителей, постановила зажигать фонари в конце июля [9, 28 июля]. В 1908 г. красноярские городские власти, не имея возможности обеспечить все улицы электрическими фонарями, стремились улучшить действовавшую систему освещения. На улицах появились 12 керосинокалильных фонарей, из них 2 фонаря были системы «Симплекс» по 500 свечей каждый. На Воскресенской улице зажгли 8 фонарей Галкина системы «Россия», каждый по 1350 свечей и стоимостью по 150 рублей. Предполагалось испытать рижские керосиновые фонари Люкса [12, 10 сентября]. По мнению городской управы, наиболее практичными считались фонари Галкина системы «Россия». Нередко представители известных фирм, конкурируя с местными электростанциями, предлагали скидки по освещению керосинокалильными лампами. Представитель фирмы «Эрлангер» П. П. Шубин предлагал городским властям Красноярска и Канска керосиновое освещение на льготных условиях [15, 25 мая].

К началу XX в. из всех приенисейских городов электрические фонари были только на улицах Красноярска. В это время в Сибири насчитывалось совсем немного городов с электрическим освещением. В основном в таких крупных городах, как Томск, Барнаул, Бийск и Иркутск улицы освещались электрическими фонарями. В Красноярске только главная – Большая улица имела электрическое освещение, на остальных улицах были устроены

керосиновые или керосинокалильные фонари. Однако уличное освещение даже в губернском центре не удовлетворяло потребности горожан. В 1904 г. в Красноярске насчитывалось 400 керосиновых фонарей и 14 электрических, в Енисейске – 70 керосиновых, в Ачинске – 100 керосиновых, в Канске – 100 керосиновых, в Минусинске – 72 керосиновых фонаря. В Туруханске не было ни одного фонаря [16, лл. 14, 42, 51, 67, 73]. В это время 1 фунт керосина стоил от 7 до 8 коп., только в Туруханске керосин стоил дороже – от 12 до 15 коп. [17, С. 0386]. В 1906 г. на заседании Красноярской городской думы обсуждался вопрос о дополнительном электрическом освещении в городе. Городские власти предполагали выделять на освещение улиц до 15 тыс. руб. в год. Частным лицам электроэнергия обходилась по 1,6 коп. за 16-свечную лампу. Предполагалось до 1907 г. оборудовать электростанцию на 40-дуговых фонарей и 1 тыс. лампочек [18, 13 сентября].

К 1911 г. во всех городах Енисейской губернии, кроме Туруханска, удалось установить электрическое освещение улиц. Однако электрические лампочки, заменившие керосинокалильные фонари, ненамного осветили городские улицы. В Канске электричеством освещались торговые дома, парикмахерские, частные квартиры, улицы, площади и т.д. Уличные фонари были маленькой мощности и слабо мерцали в ночной тьме [19, 4 ноября]. Но даже такое скудное электрическое освещение охватило всего лишь незначительную часть города. Электрические лампочки могли приобрести немногие горожане [20, 4 ноября]. В Красноярске обращалось внимание на то, что водная электрическая станция рано отключала освещение улиц. Причины отключения электрического света вызывали недоумение у красноярцев: либо экономия энергии, либо обычная небрежность электростанции [21, 4 декабря]. В зимнее время в 6 часов утра при кромешной тьме начиналось уличное движение. Нередко городские электростанции при неисправной работе давали сбой. Например, в Красноярске на несколько недель отключили свет в 1/3 части города (от Покровского переулка до Старобазарной площади). В городской думе неоднократно ставился вопрос об улучшении освещения городских окраин и увеличения количества электрических фонарей [22, 25 декабря].

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода почти во всех городах Енисейской губернии, уличное освещение несколько улучшилось как в качественном, так и в количественном отношении. Исключением стал заштатный город Туруханск, который по внешнему облику ничем не отличался от многочисленных сибирских деревень. Большинство газетных статей, касавшихся проблем уличного освещения были подготовлены с целью оказать воздействие на местные власти. Во многом благодаря газетным заметкам, оповещавшим плачевное состояние уличного освещения, городские управы предпринимали меры по устройству фонарей и совершенствованию их работы. В то же время пресса не могла не отметить отсталость приенисейских городов от других сибирских городов по распространению электрического освещения улиц.

Список литературы и источников

1. Максимова И.В. Региональная пресса как источник по истории повседневности дореволюционного русского города (к постановке проблемы) // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого). Томск, 2019. С. 277-282.
2. Сибирская газета. 1881.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф 173. Оп. 1. Д. 2339.
4. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). В/ф. 5006 – 15/Пи(р) 133. Л. 9.
5. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Орган русских людей. 1887.
6. Справочный листок Енисейской губернии. 1890.
7. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Орган русских людей. 1886.
8. Енисейский листок. 1893.
9. Енисей. 1902.
10. Красноярец. 1909.
11. Енисей. 1899.
12. Красноярец. 1908.
13. ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 192. Л. 30.
14. Енисей. 1894.
15. Енисей. 1904.
16. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 288.
17. Города России в 1904 г. СПб. 1906. 907 с.
18. Енисейский край. 1906. 13 сентября.
19. Сибирская мысль. 1911. 4 ноября.
20. Отклики Сибири. 1914. 12 июля.
21. Красноярский голос. 1912.
22. Сибирская мысль. 1915.

***НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА В XIX-XX ВВ.***

*Кудашкин Вячеслав Александрович
Братский государственный университет, Братск, Россия
kudashkinslava@rambler.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Енисейского Севера в XIX-XX вв. Выявлены особенности отношений императорской и советской власти в отношении «инородческого» населения. Проанализированы основные документы, касающиеся администрирования и экономического развития коренных народов.

Ключевые слова: Енисейский Север, коренные малочисленные народы, Устав об управлении инородцев, Декларация прав народов России, О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера.

***SOME ASPECTS OF STATE POLICY IN RELATION TO THE INDIGENOUS
PEOPLES OF THE YENISEI NORTH IN THE XIX-XX CENTURIES.***

*Kudashkin Vyacheslav Alexandrovich,
Bratsk State University, Bratsk, Russia
kudashkinslava@rambler.ru*

Abstract: The article discusses some aspects of state policy in relation to the indigenous peoples of the Yenisei North in the XIX-XX centuries. The peculiarities of the relations between the imperial and Soviet authorities in relation to the "foreign" population are revealed. The main documents related to the administration and economic development of indigenous peoples are analyzed.

Keywords: The Yenisei North, indigenous peoples, the Charter on the Management of Foreigners, the Declaration of the Rights of the Peoples of Russia, On Measures for the Further Economic and Social Development of the Areas Inhabited by the Peoples of the North.

Известный этнограф И.С. Гурвич среди результатов присоединения Севера Сибири к России выделил нарушение многовековой частичной изоляции народов Севера от других народов, находившихся на значительно более высокой ступени социально-экономического и культурного развития [1. С.137.].

На смену традиционному родоплеменному устройству пришло административное. Оно укрепляло территориальные связи, но официальные границы земель, занимаемые родами, улусами, волостями, не были

установлены [2, С.9]. Правительство вмешивалось во внутренние дела коренных народов Енисейского Севера через регламентацию обязанностей князцов и старшин, в чьих руках сосредотачивалась власть. Такая система косвенного управления народами Севера установилась почти на целое столетие.

В первой четверти XIX в. была проведена реформа, целью которой было реорганизация управления северными народами. Согласно уставу об управлении инородцев 1822 г., составленный М.М. Сперанским, кочевые инородцы, к которым относились долганы, нганасаны, энцы и эвенки, делились на улусы и стойбища, состоящие из не менее 15 семей. Родовое правление состояло из старосты (улусного головы) и 1-2 помощников, выбиравшихся на 3 года от населения и утверждаемых губернатором. Туземные администраторы выбирались морскими сходками. Несколько улусов и стойбищ подчинялись инородной управе – административному и финансово-хозяйственному учреждению. Управа выполняла распоряжения окружного начальника, судебные приговоры, проводила распределение ясака и других налогов и сборов. Несколько управ объединялись в степные думы. Родовое Управление в исковых делах между инородцами имело право Словесных Судов.

«Устав» закреплял за коренными народами Сибири находившиеся в их пользовании земли, определял порядок и размеры взимания ясака, регулировал торговлю с русскими, распространял на аборигенов уголовное законодательство страны, позволял открывать свои школы и училища, отдавать детей в русские школы. Инородцы, не были христианами, занимаясь исповеданием своей автохотной религии.

Но покровительственная политика правительства по отношению к народам Севера (наделение промысловыми угодьями, попытки защиты от скупщиков пушнины, произвола местных властей) диктовалась исключительно интересами императорского управления [3, С.38]. Органы управления, имевшие туземную форму, не выражали и не защищали интересов коренного населения. Цель последующих реформ – ввести сельское управление, уничтожив особенный характер туземской формы.

Суд был важным средством осуществления политики царизма. С помощью суда правительство пресекало любые попытки протеста народов Севера против угнетения и эксплуатации, обеспечивало регулярное поступление ясака. При этом, не заботясь о соблюдении порядка и законности, сохранения здоровья и культуры народов Севера.

Иная ситуация и другое целеполагание появились после революции 1917 г. внося коренные изменения в жизнь малых народностей Енисейского Севера. Был определен путь на кооперацию и коллективизацию хозяйства [4, С.58].

С провозглашением «Декларации прав народов России» и признанием суверенности и равенства народов России, отменой всех национальных ограничений, начался новый этап развития коренного населения Севера. В августе 1919 г. на I Всероссийском съезде по просвещению было принято «Положении об организации дела просвещения народов нерусского языка». Документ предполагал развитие национальной школы: школа на родном языке,

привлечение детей трудящихся в школу всех ступеней, подготовка учительских кадров для национальных школ, создание письменности для народов России, создание национальной литературы.

В системе государственного управления был создан специальный орган содействия и защиты малым народностям – Комитет Севера. Им была оказана большая экономическая помощь, предоставлены значительные льготы, приняты экстренные меры по борьбе с голодом, эпидемиями, началось создание органов самоуправления, стимулировались различные формы развития культуры [5, С.2]. Для северных народов была разработана письменность, на родных языках началось обучение в школах, издавались газеты, работали национальные театры, появилась национальная литература.

Во второй половине 1930-х гг. сложилась идея ускоренной интеграции малочисленных народов Севера в социалистическое общество. В соответствии с этим началось «упрощение национальной структуры». Так в 1926 г. первая советская перепись зафиксировала в стране 194 национальности, то в 1939 г. – менее 100 [6, С.66].

Вместе с «исчезнувшими» народами с этнополитической карты страны начинают исчезать национальные округа, национальные районы, национальные советы. Направление развития народностей меняется в противоположную сторону. На первый план выходит безоговорочное подчинение интересов отдельных наций общегосударственным задачам. Всякое проявление национального самосознания, стремление сохранить родной язык и культуру встречались с большим подозрением, рассматривались как проявление национализма.

Такая политика пагубно сказалась на аборигенах Енисейского Севера. В силу своей малочисленности они не могли противостоять тотальному огосударствлению национальной жизни [7, С.12].

Следующим шагом в регулировании жизни малых народностей Севера было принятие в 1930 г. положения об организации национальных округов. 10 декабря 1930 г. был образован Таймырский автономный округ. При построении органов Советской власти на Таймыре родовой принцип был полностью преодолён.

Начало коллективизации на Енисейском Севере относится к 1929 г. На Таймыре появились поселки городского типа, колхозы в форме простейших производственных товариществ. К 1935 г. на Крайнем Севере было создано 17 оленеводческих совхозов, 20 молочно-овощных совхозов и 15 кооперативных хозяйств. Созданные совхозы на Таймыре, Волочанский и Потаповский, должны были убедить местное население в преимуществах ведения крупного коллективного хозяйства. В 1937 г. начался переход к сплошной коллективизации охотников, оленеводов, рыбаков Таймыра, в колхозы пошла основная бедняцко-средняцкая масса населения. В 1939 г. коллективизация в округе была в основном завершена.

Коллективизации была связана с подъёмом культурного уровня местного населения. По инициативе комитета Севера при Президиуме ВЦИК началось создание культбаз – комплексных культурно-просветительских учреждений,

создаваемых в наиболее отдаленных и наименее обжитых районах Крайнего Севера.

Культурные базы сыграли большую роль в области просвещения народов Севера. Культбазы включали школу-интернат, детский дом, ясли, больницу, клуб, радио- и киноустановки, ветеринарно-зоотехнический пункт, показательные мастерские и т.д. Наряду с культбазами действовали такие культурно-просветительные учреждения, как красные чумы, красные яранги и др. Всё это способствовало поднятию грамотности коренного населения и переходу к оседлому образу жизни. Так в интернатах обучались дети, начиная с семилетнего возраста. Осенью их привозили из отдаленных стойбищ, и в течение года они жили в общежитии интерната, на попечении государства, обучаясь в школе.

После окончания учебного года, на каникулах, возвращались к родителям в тундру. Нганасаны до того времени не имели своей письменности, поэтому обучение проходило на русском языке. Использование языков было в значительной степени ограничено [8, С.58-60]. Дети коренных малочисленных народов не могли разговаривать между собой на родном языке, так как в интернате они активно изучали русский язык и программу общеобразовательной школы советского государства. Находясь далеко от родителей, дети не только теряли знания в общении на родном языке, но и забывали принципы ведения хозяйства.

В 1950-е гг. началось укрупнение северных колхозов. Укрупненные колхозы осваивали компактные хозяйственные территории и вписывались в естественные эколого-хозяйственные системы Севера. Их центральные усадьбы являлись административно-культурными центрами, с формирующимися структурами социальной сферы, имели за счет традиционных видов транспорта (лодок, оленьих и собачьих упряжек) связи с производственными подразделениями.

Директорами и членами правления хозяйств и поселковых социокультурных учреждений назначались квалифицированные специалисты из числа приезжих. В подавляющем большинстве эти люди также входили в состав районных и окружных руководителей. При их непосредственном участии перевод коренного населения на оседлый образ жизни проходил путем механического стягивания семей охотников и рыбаков на центральные усадьбы, был взят курс на ликвидацию мелких поселков.

Переселение коренного населения на центральные усадьбы протекало трудно. Проявлялось это в недостатке жилья и нежеланием людей, выросших в тайге и тундре, переселяться в многолюдные центры, покидать родовые места. В больших поселках они испытывали психологический дискомфорт.

Но к середине 1960-х гг. сформировалась структура хозяйств народов Севера, их центральных усадеб и система управления, социокультурная сфера. Это дало толчок для дальнейшего развития.

Итог социально-экономических преобразований 1970-х гг. – народы Енисейского Севера в условиях развитого социализма, несмотря на свою

глубокую отсталость в прошлом, почти одновременно с другими народами Советского Союза пришли к развитому социализму [9, С.30].

Изменение материальной культуры, вызванное столкновением с новой советской культурой, повлекшее малочисленные народы к новым процессам ведения хозяйства, поставило их на новую ступень развития межнациональных отношений, которые стимулировали развитие многообразия процессов и новых межкультурных стратегий сосуществования [10, С.101-104].

ЦК КПСС и Совет Министров СССР 7 февраля 1980 г. приняли постановление «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», в котором было отмечено, что имеющиеся возможности для дальнейшего развития оленеводства, охотничьего, рыбного и зверобойного промыслов используются не в полной мере [11, С.20.]. Однако постановление не сыграло большой роли ни в улучшении жизни народов Севера, ни в развитии их хозяйства и культуры.

Начало 1980-х гг. было ознаменовано упадком в развитии. Часть северных совхозов и колхозов превратились в убыточные. Социальная, семейная и демографическая структура основных северных хозяйств нарушалась, ощущалась нехватка кадров.

Негативное влияние на коренное население оказало упразднение мелких, неперспективных селений и перевод населения в крупные многонациональные поселки, порой удаленные от районов промысла. Целью концентрации аборигенов политические лидеры выдвинули – создание условий для развития образования, медицинского, торгового и бытового обслуживания, повышению общей культуры народов Севера. Однако в реальности эти цели достигнуты не были.

Б.В. Пестряков отмечал: «создав национальные и автономные округа, советские правители оградили себя от возможного объединения коренного населения Сибири. Этому же способствовала активная пропаганда развития самостоятельных культур. В каждой малой народности выделялись и подчеркивались соматические черты, язык, социальное положение, самоназвание, мнение окружающих. В каждой национальной группе населения создавалась формальная иерархическая лестница управления. Престиж и превосходство, близость к белым окончательно разрушили племенное единство. Эти действия советской власти лицемерно и громогласно назывались включением малых коренных народов в общенациональную жизнь страны» [12, С.277.].

Однако в годы «застоя» проблемы нередко замалчивали, обходили вниманием, создавая впечатление о бесппроблемности национального развития народов Севера, их экономики и культуры, социальной сферы.

Промышленность, транспорт, строительство развивались быстрым и экстенсивным путём. Всё это почти привело к природной катастрофе на обширных территориях, что серьезным образом разрушило основу функционирования традиционных отраслей хозяйства народов Севера – охоты, оленеводства и рыболовства, а также традиционных ремесел.

Строительство Норильска разрушило природные ландшафты. Прибывшие из других районов поселенцы по своему менталитету полностью отличались от редкого коренного населения Севера, которое было изгнано из региона на периферию полуострова Таймыр [13, С.153.].

Также происходил процесс внутрирегиональной миграции. При переводе кочевого населения на оседлый образ жизни, люди переселялись из мелких поселений в центральные усадьбы хозяйств и в райцентры. Значительная часть аборигенов переставала вести традиционное хозяйство. Другая часть оказалась удаленной от производственных участков – оленьих пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий. Производственные бригады были оторваны от поселков, это усложнило культурное, медицинское и бытовое обслуживание промысловиков и оленеводов в местах их производственной деятельности.

Таким образом, можно проследить, что в течение XX в. быстро нарастали национально-культурные, социальные и экономические проблемы развития коренных малочисленных народов Таймыра. Особенно остро они проявились со второй половины 60-х гг. до 80-х гг. XX в. в период активного индустриального освоения Севера. Административно-командная система игнорировала особенности национального развития аборигенного населения. Малочисленные народы оказались оторванными от их многовекового уклада жизни, их культурного наследия, в итоге повседневность и быт стали изменяться. Они стали приспособляться к новым условиям жизни.

Список литературы и источников

1. Гурвич И.С. Этническая история народов Севера. М., 1982.
2. Абдулатипов Р.Г. Малочисленные народы России: государственно-правовые механизмы защиты и развития. М., 1999.
3. Борисов М.Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки). Рыбинск, 1995.
4. Ерёмкина Т. Солнце над Таймыром: Из истории партийного, советского, хозяйственного и культурного строительства Таймырского национального округа. Красноярск, 1975.
5. Соболев Д. Малые народы в эпоху социализма: [Развитие народностей Севера: ненцев, нганасан, долган в культуре и образовании] // Сов. Таймыр. – 1960. – С.2.
6. Кузаков К.Г. Население Таймырского национального округа // Национальные округа Крайнего Севера. – 1964. – С. 66.
7. Абдулатипов Р.Г. Малочисленные народы России: государственно-правовые механизмы защиты и развития. М., 1999.
8. Кудашкин В.А. Сохранение языковой памяти у коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2013. – №4. – С. 58-60.
9. Увачан В.Н. Переход малых народов Севера от родового строя к развитому социализму (к 45-летию образования национальных округов и окружных партийных организаций). М. 1977. С.30.

10. Кудашкин В.А. Изменение жизненных стратегий у коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №2-1. – С. 101-104.
11. Грачева Г.Н. Коренные народности Таймыра в послевоенное время // Историческая этнография: Традиции и современность. – 1983. – С. 20.
12. Пестряков Б.В. Аборигены Центральной Сибири: история межнациональных отношений и будущее молодежи // Будущее молодежи в Сибири: молодежная политика и образование. Исследование, опыт, рекомендации. – 2003. – №1. – С. 277.
13. Зибарев В.С. Советское строительство у малых народностей Севера. Томск, 1968.

УДК 908+633.88

ИСТОРИЯ ФИТОТЕРАПИИ ДОНБАССА КАК ЧАСТЬ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА

Кулемзина Татьяна Владимировна

Криволап Наталья Викторовна

Моргун Евгений Иванович

Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького,

Донецк, Россия

medrecovery@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены исторические аспекты изучения и использования лекарственных растений на территории Донбасса и Киевской Руси, преемственности поколений в применении препаратов из ценного местного лекарственного сырья. Отражены данные о современной фитотерапии, эффективности применения фитопрепаратов в лечении и профилактике хронических неинфекционных заболеваний.

Ключевые слова: лекарственные растения, традиционная медицина, обучение, история фитотерапии, Донбасский регион.

THE HISTORY OF HERBAL MEDICINE OF DONBASS AS PART OF THE GENERAL HISTORY OF THE REGION

Kulemzina Tatiana Vladimirovna

Krivilap Nataliya Victorovna

Morgun Evgeniy Ivanovich

M. Gorky Donetsk national medical university, Donetsk, Russia

medrecovery@rambler.ru

Abstract. The article presents the historical aspects of the study and use of medicinal plants in the territory of Donbass and Kievan Rus, the continuity of generations in the use of drugs from valuable local medicinal raw materials. The data on modern phytotherapy, the effectiveness of phytopreparations in the treatment and prevention of chronic non-communicable diseases are reflected.

Keywords: medicinal plants, traditional medicine, education, history of phytotherapy, Donbass region.

Забота о здоровье человека является одним из основных принципов соблюдения прав человека и требует создания, мобилизации и применения всех возможных средств и методов его сбережения. Несмотря на обладание официальной медициной значительным научным потенциалом и сложными технологиями, Всемирная организация здравоохранения рассматривает вопросы необходимости изучения и внедрения в практику здравоохранения в большинстве стран мира методов традиционной медицины (ТМ), одно из ведущих мест в которой занимает фитотерапия (от греческих слов: «фитон» – растение и «терапия» – лечение) [1, с. 7]. В различных регионах мира независимо друг от друга отобрано большое количество растений и их комбинаций с явным лечебным действием, растет производство и ассортимент фитопрепаратов и фармакологических средств на основе биологически активных веществ (БАВ), содержащихся в лекарственных растениях (ЛР) [1, с. 51].

Согласно мировой статистике, от 20 до 60 % врачебных назначений (в зависимости от страны исследования) составляют препараты на основе ЛР. Поэтому изучение их состава, научный анализ и обоснование лечебных эффектов совершенно необходимы, а включение основ и методов фитотерапии в программу медицинских вузов становится насущной задачей [2, с. 39]. Актуальным является не только обучение студентов рациональному использованию ЛР и их сборов для применения при лечении распространенных заболеваний, но и изучение исторических аспектов формирования фитофармакологии в регионах [2, с. 26].

В глубину столетий уходят истоки отечественной фитотерапии. Следует подчеркнуть, что в государстве Антов, предшественнике Киевской Руси, а до этого у скифов, обитавших в северном Причерноморье от Днепра до Дона (VII век до нашей эры – I век нашей эры), в лечебной практике уже с успехом использовали целебные растения. Скифия и тогда славилась своими многочисленными травами. Но и сейчас своеобразной Асканией называют расположенный в Приазовье заповедник «Хомутовская степь», флора которого представлена почти 500-а видами различных растений. Она отображает растительность степных просторов, которая в прошлом покрывала всю территорию Донецкого края. Здесь встречаются более 30 видов лекарственных, эфирноносных и медоносных растений: адонис весенний, астрагал, солодка, зверобой, душица, алтей, стальник, чабрец, хвощ полевой, кермек широколистный, кровохлебка, кузьмичева трава.

В юго-западной части нашего региона в открытой степи расположены «Каменные могилы», занимающие огромную территорию и состоящие из гранитных скал самых причудливых форм. Здесь произрастают растения-эндемики, которые нигде больше в мире не встречаются или имеют ограниченный ареал распространения: тысячелистник голый и василек ложно-белопленчатый, произрастающие только на гранитных обнажениях «Бесташ-горы». Растет здесь также очень редкое растение – папоротник альпийский, которое можно найти еще только в пяти горных местностях земного шара и пока наукой не установлено, каким путем он попал в наши края [3, с. 6].

Основное богатство заповедника «Меловая флора» – это боры сосны меловой (реликтового растения ледникового периода), уникальные кретофильные и степные фитоценозы, то есть сообщества растений, сложившиеся в данных экологических условиях. В заповеднике произрастает более 400 видов растений, некоторые из них занесены в Красную книгу: громовик донской (оносма), двухрядка меловая, погребок меловой и др. На меловых обнажениях заповедника многочисленна популяция коричника мелового, называемого в народе «ранником» ввиду его целебных свойств.

Богат историей наш край. Территорию, очерченную петлей реки Кальмиус, протекающей в южном направлении возле поселка Старобешево, называют урочищем горы Зортау. В свете исследований урочища донецким ученым А.П. Черных вышла книга «Первопроходцы Донецкого края князь Игорь Северский и Владимир Мономах». В ней автором приведены доводы в пользу того, что события, описанные в «Слове о полку Игореве», а именно битва дружины князя с половцами, произошла именно в этом районе, на реке Кальмиус возле горы Зортау.

Первые письменные упоминания указывают на применение ЛР у восточных славян в X–XII веках. Во многом этому способствовало введение христианства на Руси, благодаря чему началось распространение латинской и греческой письменности, в том числе, и сведений о различных способах лечения травами. Но гораздо раньше, задолго до появления письма, на Руси лечили многие болезни при помощи зелья, об этом свидетельствуют раскопки ряда городищ, где археологи обнаружили остатки зверобоя и льна, которые, как полагают, имели лекарственное назначение. По описанию Геродота (V век до н. э.) у скифов было распространено окуривание травами, а Плиний Старший писал, что скифские лекарства использовались в Греции и Италии. Гиппократ, побывав в свое время в Скифии, писал о прекрасных лекарствах из скифского корня (ревень), понтийской абсинтии (полынь), ирного корня (аир) и др. Феофраст неоднократно упоминал в своих трудах скифскую траву, которая широко применялась для лечения ран. Скифы специально выращивали лекарственные растения, как это было позднее в Киевской и Московской Руси. Опыт скифов по лечению травами через антов был передан и использован лекарями-профессионалами и народом Киевской Руси [3, с. 8].

О широком использовании растений для лечения в Древней Руси свидетельствует замечательный памятник русской культуры XI века «Изборник Великого князя Святослава Ярославовича». Переведенный в X

веке с греческого на болгарский язык, а в 1073 году на Руси переписанный для Киевского князя Святослава, сына Ярослава Мудрого, этот компилятивный сборник, наряду с другими медицинскими знаниями, приводил описание ряда лекарственных растений, применявшихся в то время и местными травниками [4, с. 6]. Известны и переводы на старославянский язык таких трудов, как «Галинове на Иппократе» – комментарий Галена к трудам Гиппократу. В летописях упоминаются «лечцы» из среды монахов, пользовавшиеся средствами народной медицины, лечившие в Киеве в XII в. К таковым относился Агапит, излечивший киевского князя Владимира и отлично знавший, «каким зельем лечится какой недуг» [5, с. 67].

В XVIII веке профессии ботаника и врача часто совмещались. Передовые русские ученые положительно оценивали народный опыт траволечения и считали необходимым использовать для лечения ЛР, главным образом, произрастающие и заготавливающиеся в данном регионе, к которым местное население адаптировалось за многие столетия их использования. Вплоть до конца XIX века целебные растения были одними из основных средств официальной медицины. Народные же методы лечения травами существовали практически на том же уровне, что и много столетий назад. Ученые медики, химики, фармацевты, используя современные для того времени методы исследований, изучили свойства горицвета весеннего, ландыша майского, девясила высокого, мяты перечной и других растений, ввели их в лечебную практику. Развитие фитотерапии не прекращалось даже в связи с большими успехами химии и получением искусственным путем многих эффективных препаратов.

Среди продолжателей традиций ТМ в советский период развития фитотерапии XX века следует отметить М.А. и И.А. Носалей, А.П. Попова, В.В. Кархута, Ф.И. Мамчура и др. Академик А.П. Орехов вместе со своими учениками изучил около 900 растений, многие из которых оказались крайне важны для медицинской практики. Необходимо заметить, что и в настоящее время 40 % лекарственных средств, применяемых отечественной медициной, приходится на лекарства, изготавливаемые из растений [1, с. 11].

Специалисты в течение многих лет изучают лекарственную флору Донбасса. Один из авторов, Н.И. Соломченко, занимаясь на протяжении многих лет изучением ЛР и ареалов их распространения в Донбассе, пришел к выводу, что их имеется около 250 видов, в том числе 62 вида особенно ценных. Из них только 35 видов входят в Фармакопею. Более 200 видов растений применяются в ТМ, часть их исследована и используется при лечении различных заболеваний. Остальные же подлежат дальнейшему изучению коллективами научно-исследовательских и медицинских заведений [3, с. 14].

Рецессия общественного здоровья, проявляющаяся как возвратом заболеваний, которые, как считалось до недавнего времени, ликвидированы, так и появлением новых, требует принятия срочных мер по сохранению здоровья и его полноценному восстановлению после заболеваний и травм; важным аспектом также являются мероприятия превентивного направления: сохранение, укрепление здоровья здорового населения. Длительное время

превентивному применению ЛР не уделялось должного внимания, но в настоящее время профилактическое применение фитосредств очень актуально, поскольку использование ЛР повышает сопротивляемость организма негативным влияниям внешней среды и не сопровождается существенными осложнениями или побочными реакциями. Превентивное применение восстановительных технологий, и, в первую очередь, фитосредств – это не только лечение, но и предупреждение возникновения необратимых изменений в организме.

Кафедра интегративной и восстановительной медицины продолжает традиции фитотерапии Донбасса. Как показывает наш многолетний опыт преподавания студентам лечебных и фармацевтического факультетов, освоение учебной дисциплины «Нелекарственные методы лечения», «Основы фитотерапии и аромалогии» позволяет говорить о заинтересованности будущих врачей и провизоров в изучении ЛР и их воздействия на качество жизни пациентов. Студенты в процессе обучения имеют возможность углубленно изучать не только состав фитопрепаратов, фармакодинамику и фармакокинетику, но и исторические аспекты ТМ.

Современный отечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что фитотерапия является на сегодня одним из перспективных направлений в медицине, так как препараты из лекарственных растений могут и должны служить не только делу борьбы с хроническими неинфекционными заболеваниями различных систем организма человека, но и повышению уровня здоровья населения. Использование опыта, накопленного ТМ на протяжении многих веков, научное его переосмысление, привлечение внимания научной и медицинской общественности к решению ее современных проблем является залогом дальнейшего развития фитотерапии в как в Донбассе (как малой территории), так и в Российской Федерации.

Список литературы и источников

1. Кулемзина Т.В., Заремба Э.Х. Нетрадиционные методы лечения в практике семейного врача. Донецк: Каштан, 2011. С. 485.
2. Лесиовская Е.Е. Доказательная фитотерапия. Том 1. М.: Ремедиум, 2014. 224 с.
3. Губергриц А.Я. Соломченко Н.И. Лекарственные растения Донбасса, 5-е изд., испр. и доп. Донецк: Донбасс, 1990. 278 с.
4. Вишнякова С.В., Жукова М.В. Лекарственные и эфиромасличные растения Уч. пособие. Екатеринбург: Отдел оперативной полиграфии УГЛТУ, 2017. 41 с.
5. Петрушкина Н.П., Жуковская Е.В. Краткий очерк истории фитотерапии. Педиатрический вестник Южного Урала 2018. № 1. С. 64 – 70.

**УЧИТЕЛЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
И СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

*Лебедева Надежда Николаевна
Братский государственный университет, Братск, Россия,
naumova_bratsk@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена периоду организации и функционирования церковно-приходских школ на территории Восточной Сибири. При создании учительского корпуса сельских приходских училищ встретились трудноразрешимые противоречия, одним из которых было повышение эффективности взаимодействия педагога и священника.

Ключевые слова: школы Ведомства православного исповедания, церковно-приходская школа, духовенство, народный учитель, Восточная Сибирь.

**TEACHERS OF CHURCH SCHOOLS OF EASTERN SIBERIA
AND RURAL CLERGY: PROBLEMS OF INTERACTION**

*Lebedeva Nadezhda Nikolaevna
Bratsk State University, Bratsk, Russia
e-mail: naumova_bratsk@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the period of organization and functioning of parochial schools on the territory of Eastern Siberia. When creating the teaching corps of rural parish schools, intractable contradictions were encountered, one of which was to increase the effectiveness of interaction between the teacher and the priest.

Keywords: schools of the Office of the Orthodox Confession, parochial school, clergy, folk teacher, Eastern Siberia.

Акция правительства по официальному признанию школ Ведомства православного исповедания (далее-ВПИ) в 1884 г. преподносилась как воскрешение древней русской школы, бывшей на протяжении веков единственным очагом народного просвещения. Апологеты школ духовного ведомства особенно подчеркивали характерную для России традиционную историческую связь между школой и церковью как залог сохранения самобытности и культурной целостности народа. Так, по мнению епископа Енисейского Тихона, «церковь и церковная школа должны составлять одно целое... школе же должен служить посильно и весь церковный клир» [1].

По мысли идеологов церковной школы, преподавание в школах ВПИ первоначально полностью возлагалось на священнослужителей. Духовенству Восточной Сибири внушалось, что обучение детей грамоте есть его прямой и непременный пастырский долг. Священник, руководящий народным образованием, рассматривался как связующее звено между учащимися,

педагогическим сообществом, клиром и родителями, т.е. между школой, церковью и приходским обществом: «Церковная школа... представляет для сельского священника ничем незаменимое, драгоценное подспорье как в смысле лучшего и основательного ознакомления с духовным складом своих прихожан, так и для воспитания будущих просвещенных школьным учением членов своего прихода и подготовки из лучших из них деятельных помощников... для облегчения в исполнении своих пастырских обязанностей» [2].

Поиск учителя лежал на обязанности приходского иерея - заведующего церковной школой. Однако ни освидетельствование его профессионального уровня, ни возможность повлиять на замену педагога в компетенцию священника не входили. С ростом числа школ ВПИ уже через 10 лет чрезмерная централизация сделала эту систему громоздкой и неэффективной: школы нередко в течение длительного времени оставались без учителей, а профессионально непригодные педагоги подолгу не заменялись лучшими.

Многое в жизни народного учителя зависело от отношений, сложившихся между ним и приходским священником. Часто учитель по ряду причин тяготился надзором заведующего школой за его деятельностью. Иногда педагог оказывался втянутым в распри между членами клира. Теоретически учитель должен был являться членом причта, получать долю из церковных доходов, обучать детей в духовно-учебных заведениях, но попыткам воплотить подобное на практике духовенство яростно сопротивлялось [3].

Отсутствие четкого разграничения обязанностей между заведующим и учителем, порождавшее многочисленные конфликтные ситуации, часто становилось основным вопросом на районных съездах священников и наблюдателей школ ВПИ [4], но проблема так и не была решена.

Обязанности учителя церковноприходской школы были сложны и многообразны. В них входило ведение школьных летописей, списков учеников (с указанием вероисповедания и происхождения, времени поступления/исключения из школы), ежедневных записей уроков в классный журнал, устройство читален и вечерних чтений, ведение описей школьного имущества, заведование школьной библиотекой.

Обязанности учителя второклассной школы, готовившего учителей для элементарных школ грамоты и получавшего, кстати, такое же жалование, как и педагог одноклассной школы, были значительно шире. Он должен был выполнять функции воспитателя, находясь с детьми от подъема до отбоя; обходиться без летних каникул, ведя в это время сельскохозяйственные занятия; отвечать за деловую переписку и школьную отчетность; заботиться о хозяйственной части училища, в частности, о наличии материалов для мастерских, наблюдении за приготовлением и сохранностью продуктов, бельем для учащихся, баней и т.д.

Даже получение жалования педагогом было связано с немалыми трудностями. Тем учителям, которые получали целиком или частично жалование от сельского общества, приходилось проходить через просьбы к сельскому писарю, унижения, несвоевременное получение заработанного. Те

сельские учителя, которые должны были получать жалование на местах через благочинных, зачастую вынуждены были отправляться за ним самостоятельно в уездный город, иногда по несколько раз. Педагог из скудного месячного дохода в 16-22 руб. вынужден был тратить на проезд до города не менее 2-3 руб. Эта система сохранялась все время существования школ ВПИ, и только в 1914 г. была введена практика рассылки уездными отделениями епархиального училищного совета жалования почтой на имя учителя [5].

Встречались и возмутительные случаи намеренной задержки священниками жалования учителям, с целью вынудить неугодного педагога отказаться от работы в данной школе [6]. На положении учителей церковноприходских школ неблагоприятно отражались бесправие церковно-школьной инспекции и независимость от нее казначея канцелярии уездного отделения епархиального совета. Отсутствие единоначалия губительно влияло на развитие церковно-школьного дела. Так, учителю приходилось обращаться за жалованием к казначею уездного отделения, за книгами – к заведующему складом, за справкой – к делопроизводителю, за методическими указаниями – к наблюдателю или председателю отделения и т.д.

Каждая школа духовного ведомства и, следовательно, каждый ее педагог, имели пять епархиальных начальственных органов в лице епархиального и уездного наблюдателя, епархиального училищного совета, его уездного отделения и священника-заведующего школой. Из-за несовершенства епархиальной бюрократической системы на ее функционирование слишком сильно влияли личные взаимоотношения ее членов. Церковно-школьный инспекторат фактически был лишен реальных властных полномочий, которые сосредотачивались в руках епархиального училищного совета и его уездных отделений, не несущих при этом никакой юридической ответственности за свои действия. Отсутствие гласности о мероприятиях епархиальных управленческих структур создавало благоприятную почву для многочисленных злоупотреблений, особенно в сфере замещения вакансий, представления к наградам и т.д.

Нередко духовенство пыталось саботировать такие мероприятия епархиальной администрации как отправка учителей на летние курсы повышения квалификации, проводившиеся в обеих епархиях Восточной Сибири с 1898 г., на волостные семинары по обмену педагогическим опытом и т.д. Так, в опубликованных в региональной церковной периодике синодальных правилах о педагогических курсах специально подчеркивалось, что при вызове на занятия учителей – дьяконов и псаломщиков благочинные должны были обеспечить им «беспрепятственное командирование» [7].

На практике между священником и учителем часто вспыхивала вражда, обострившаяся с 1904 г. общим политическим и гражданским подъемом сознания населения: «Со стороны духовенства сплошь и рядом не обнаруживается надлежащего внимания к требованиям времени ... и вообще культурного отношения к личности учителя. Отцы заведующие... смотрят на себя, как на полновластных хозяев в школе с непререкаемым авторитетом, считают и держат себя начальниками в отношении учителей, и требуют

безусловного повиновения иногда даже совершенно нерационально своим как педагогическим, так и дидактическим требованиям... Лицу, имеющему определенную дорогу в жизни и специальную подготовку, трудно мириться с ролью помыкаемого человека... Главное же то, что некоторые отцы заведующие и на окончивших учительские школы смотрят, как на ту же деревенщину, какую они учат в своих школах, как на таких же психически неразвитых и грубых людей, и относятся... как к своим пасомым - крестьянам: немножко покровительственно и немножко высокомерно... Учитель должен смиряться, терпеть и без протеста переносить тяготы «отеческого руководства» [8].

В соответствии с заложенными при создании системы церковно-приходских школ условиями учителя церковной школы должны были рассматриваться духовенством как члены клира. Это влекло за собой необходимость перераспределения денежных средств внутри приходской кассы и, конечно же, не могло приветствоваться священниками и дьяконами. Несмотря на то, что светской власти в итоге пришлось принять на себя большую часть расходов на содержание школ ВПИ и их педагогов, неприязнь между клиром и учительством, призванных служить общему делу народного просвещения, сохранялась все время функционирования церковно-приходских школ.

Квартиры для учителей с бесплатным отоплением и освещением обязательно должны были отводиться сельским обществом. В случае отсутствия жилья при школе приходом должно было выделяться «квартирное пособие», достаточное по местным условиям для найма жилья у частных лиц (3-10 руб. в месяц). Там, где школы имели собственное здание, учитель жил иногда прямо в классе.

В случае обычного отказа крестьян со ссылками на неурожай и бедность следовало использовать церковные средства, взамен чего при раскладке приходских повинностей на то общество, за которое платились церковные деньги, налагались лишние обязанности [9]. При массовом отказе приходских священников от выплат в Енисейской епархии епископом Никоном был выдвинут контраргумент: приравнивая учителей школ ВПИ к членам причта, он потребовал предоставления им бесплатных квартир [10].

Любопытно, но многие учителя-мужчины рассматривали педагогическую деятельность лишь как ступень к священному сану. В восточносибирских епархиях (особенно в Енисейской, в которой духовная семинария была открыта только в 1895 г.), где катастрофически не хватало окончивших духовную семинарию для замещения дьяконских и даже священнических вакансий, могли рукополагаться «такие лица, кои, по своим нравственным качествам и познаниям, будут признаны епархиальным преосвященным достойными посвящения в сей сан» [11]. Например, в Енисейской епархии рукополагалось по 2-3 учителя ежегодно, в возрасте 21-23 лет [12]. Отмечалось, что после рукоположения вчерашние педагоги начинали относиться к своим недавним коллегам намного жестче, чем священники с большим стажем служения.

К преподавателям регулярных школ ВПИ предъявлялись многочисленные требования, в первую очередь проверке подвергалась политическая благонадежность педагога. Сложные условия труда и быта усугублялись непростыми отношениями между клиром и педагогом церковной школы, фигуру которого власть - как светская, так и духовная - пыталась всеми способами искусственно встроить в систему церковного причта. Материальные потери, которые в этом случае нес клир, объявлялись необходимыми издержками в счет учительного долга духовенства, загруженного прямыми служебными обязанностями и не оправдавших себя в качестве народных учителей, функции которых первоначально предполагалось расширить за счет преподавания в народных школах.

Не менее сложной проблемой стал перенос печального опыта взаимоотношений между духовными консисториями и членами клира на новообразованную церковно-школьную структуру. В общении между различными инстанциями епархиально-училищной системы появились формализм, отписки, равнодушие к делу, сокрытие недостатков, приписки. Творческое участие рядового учительства, населения, а иногда и духовенства, в деле просвещения церковной бюрократией не допускалось. Характерным явлением был произвол церковно-школьных чиновников.

Список литературы и источников

1. Енисейские епархиальные ведомости. 1892. №12-13. С.201.
2. Енисейские епархиальные ведомости. 1897. №1. С.2.
3. См., например: Енисейские епархиальные ведомости. 1898. №5. С.37.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.297. Оп.1. Д.100. Л.3-5.
5. Енисейские епархиальные ведомости. 1914. №4. С.44.
6. Государственный архив Иркутской области. Ф.50. Оп. 8. Д.760.
7. Енисейские епархиальные ведомости. 1899. №12. С.101.
8. Церковный вестник. 1907. №10. С.316.
9. Енисейские епархиальные ведомости. 1914. №8. С.25.
10. Енисейские епархиальные ведомости. 1914. №11. С.4.
11. Иркутские епархиальные ведомости. 1885. №17. С.93.
12. Енисейские епархиальные ведомости. 1910. №10. С.6. №17. С.3. №19. С.2. №23. С.2. 1911. №17. С.2. №19. с.2. 1914. №13. 1915. №1. 1916. №12.

**ОТРАЖЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ИСТОРИИ МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ И ПОПУЛЯЦИЙ НА ПРИМЕРЕ
ГОРОДА ДИВНОГОРСКА**

Лопаткина Роза Станиславовна

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
roza-lopatkina@yandex.ru*

Аннотация: рассматривается отражение истории малых территорий и популяций в произведениях советской художественной литературы. Исследуются характерные для данного исторического периода тексты различных литературных жанров. Для анализа взяты произведения известных советских авторов.

Ключевые слова: советская литература, малые города, территория, сибирский город, Красноярская ГЭС, ударная стройка, комсомольская стройка.

**REFLECTION IN SOVIET FICTION OF THE HISTORY OF SMALL
TERRITORIES AND POPULATIONS ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF
DIVNOGORSK**

Lopatkina Rosa Stanislavovna

*Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
roza-lopatkina@yandex.ru*

Abstract: the reflection of small territories and populations in the works of Soviet fiction is considered. The texts of various literary genres characteristic of this historical period are investigated. The works of famous Soviet authors are taken for analysis.

Key words: Soviet literature, small towns, territory, Siberian city, Krasnoyarsk HPP, shock construction, Komsomol construction.

В Сибири много молодых городов, рождённых благодаря экономическому развитию территорий, на которых они находятся. Есть города - предприятия и шахты, города - нефтяники и лесопромышленники, есть города, рождённые Транссибом и БАМом, а есть города, рождённые гидроэлектростанциями. На реке Енисей два таких города, которым жизнь дали новые энергетические гиганты Советского Союза: Дивногорск и Саяногорск.

Города, выросшие при ГЭС, классифицируются по градостроительному своду правил как малые города (с населением до 50 тысяч человек). Однако несмотря на свои размеры они со временем развились в своеобразные территории со своей спецификой и культурой.

Романтизированный образ новых городов, возникших в результате промышленного развития часто почти с нуля, воспет в широко

известной «Песне о голубых городах» на стихи советского и российского поэта, драматурга, поэт-песенника Льва Куклина:

*Мы на край земли придём,
Мы заложим первый дом
И табличку прибьём на сосне.*

.....

*За ночь ровно на этаж
Подрастает город наш,*

.....

*Снятся людям иногда голубые города,
У которых названия нет [1].*

В этом году исполняется 55 лет с даты запуска первого гидроагрегата Красноярской ГЭС, которая входит в десятку крупнейших гидроэлектростанций мира и занимает второе место в России. Строительство промышленного предприятия преобразует, изменяет жизнь, даёт толчок развитию территории вокруг него.

История освоения данной территории начинается в конце 19 века со строительства скита, как называли место жительства монахов, отдалённое от крупных поселений людей.

В 1956 г. с окончательным выбором места для сооружения Красноярской ГЭС, которая стала могучим градообразующим предприятием, старый поселок Скит сначала превратился во временный поселок гидростроителей, а в 1963 г. рабочий поселок Дивногорск получил статус города [2, с. 9].

Строительство Красноярской ГЭС было объявлено ударной комсомольской стройкой. Примечательно, что первой в стране ударной комсомольской стройкой стала тоже ГЭС – Волховская в Ленинградской области (1921 – 1927 гг.).

Летопись города на протяжении шестидесяти четырёх лет вёл один из первых его строителей Владлен Николаевич Белкин – известный сибирский поэт (1931 – 2020 гг.). Лирическое творчество Белкина неотделимо от трудовой и нравственной атмосферы, которая сложилась тогда в Дивногорске.

Первые рабочие жили в палатках, что увековечено в известном памятнике его создателям в виде палатки первопроходцев-строителей. А в самом известном своём стихотворении о городе В. Белкин пишет:

*Неотглаженный и горластый,
Работающий и гулевой,
Между сопок и скал клыкастых
Дерзко втиснулся город мой!
Просмолённый, таёжный, бревенчатый,
Молодёжный,
Много-
сту-*

*пен-
чатый...*
*Свой! Своими руками рубленный,
В дикий берег упрямо вросший [3].*

Осознание причастности к большому важному делу, в котором люди принимают участие, уникальность инженерного сооружения, которое реализуется благодаря их труду, огромное внимание со стороны государства и общества в целом, «комсомольский» возраст – всё это создаёт особую атмосферу в городе.

В гостях у дивногорцев часто бывали первые люди страны: космонавты, писатели и поэты, композиторы и кинодеятели, художники и скульпторы. После тяжёлой работы у гидростроителей была богатая и напряжённая духовная жизнь. Так вспоминал поэт приезд на строящуюся ГЭС человека, который первым увидел Енисей из космоса:

*А он уже среди бригады,
в ладонях весело сжимал
обыкновенную лопату
невозмутимо, как штурвал.*

*И ухнуло со всех сторон
тысячегласно и едино,
и в основание плотины
пошел гагаринский бетон [4].*

В новом молодом городе с самого начала зарождаются богатые литературные традиции, это город «читающий» и «пишущий». С ним связано творчество многих сибирских авторов.

История становления города, образы его первых жителей отражены в «Дивногорских этюдах» Бориса Фёдоровича Никонова, лауреата премии Ленинского комсомола Красноярского края 1975 г. Герой его рассказа «Мой город», мальчик, переехавший с родителями в Дивногорск, «до слез скучал по деревне, по приветливым бескрайним березнякам, по пацанам-соратникам». Вот таким ему запомнился строящийся город: «*Мне ярко помнится Дивногорск 60-го года, горластый, дымный, движущийся, грязные, размокише от дождя улицы. Весь город был ископан вдоль и поперёк...*» [5, с. 12].

Село Овсянка, входящее в состав муниципального образования города Дивногорск, - родина классика российской литературы Виктора Петровича Астафьева. На дивногорской земле, на берегах реки Маны, в 1978 году по повести В.П. Астафьева «Перевал» снимался фильм.

Когда в 1980 году Виктор Астафьев приехал в Красноярск на постоянное место жительства и много времени стал проводить в родной деревне, вокруг него собирается круг молодых талантливых авторов.

Почти на 30 лет связал с городом свою судьбу ещё один известный писатель, Анатолий Ларионович Буйлов (1947 – 2020 гг.) – автор романов «Большое кочевье» и «Тигроловы».

Поэт и прозаик, автор нескольких романов, Николай Викторович Гайдук многие годы проживает в Дивногорске, часто описывает его своеобразие:

*Дивны горы. Город Дивный.
Деревянный теремок.
Ветры в соснах чешут гривы,
Травку щиплют у дорог [6].*

Сегодня Дивногорск один из культурных и туристических центров Красноярского края. Уже более 60-ти лет Дивногорскому литературному объединению «Потомки Ермака», которое ведёт большую работу по изданию альманахов, авторских сборников прозы и поэзии, организации литературных семинаров и форумов. Изданные книги стали своеобразной литературной и исторической летописью строительства ГЭС и города: «Исполин на Енисее», и «Поэты Дивных гор», «Слушайте Дивногорию!», «Дивногорск», «Огни Дивногории» и др.

Этот компактный город в окружении памятников природы к концу XX века стал одним из самых чистых и красивых городов Сибири и имеет уникальный туристско-рекреационный потенциал.

*Словно камень драгоценный –
Ты в кольце природных див! [6]*

Город у Дивных гор – перспективная территория, обладающая всеми ресурсами и готовая к развитию различных сфер деятельности человека, используя его потенциал, энергию и творчество, как и мечтал его главный певец и почётный гражданин Владлен Белкин:

*Верю – здесь соберут романтики
Свой Всемирный Конгресс! [3]*

Список литературы и источников

1. Куклин Л.В. Голубые города. URL: <https://stihi.ru/2020/04/25/1185>
2. Зыков В.П. Дивногорск. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1987. – 223 с.
3. Белкин В.Н. Стихи о Дивногорске. URL: <https://stihi.ru/2009/01/11/4054>
4. Белкин В.Н. Стихи. URL: <https://rus-lad.ru/news/kto-ty-na-etom-svete-ramyati-vladlena-nikolaevicha-belkina/>
5. Никонов Б.Ф. «Какая она, земля?»: Рассказы. – Красноярск, Кн. изд-во, 1979.
6. Гайдук Н.В. Стихи. URL: <https://stihi.ru/2012/12/25/5812>

***АЧИНСК: ОТ МАЛОГО ОСТРОГА ДО АДМИНИСТРАТИВНОГО
ОКРУГА СИБИРСКОГО КРАЯ***

Сорокун Павел Владимирович

*Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета,
Ачинск, Россия
pavel_istoria@list.ru*

Аннотация. Автором представлен краткий исторический очерк возникновения и развития одного из древнейших населенных пунктов Красноярского края – Ачинска, с момента его возникновения в качестве острога до начала формирования новой административно-территориальной единицы Ачинского округа, который появился благодаря процессу районирования с 1925 гг. XX века и входил в состав Сибирского края. История Ачинска насчитывает более 300 лет, первые упоминания об Ачинске, как зимовье отнесено к 1620-х гг. XVII века, с 1641 г. появился первый опорный пункт - острог, в связи с удаленностью он неоднократно был подвергнут нападению со стороны местных кочевников, что заставляло его перемещать с места на место. После того как кочевые киргизские племена постепенно перешли в Монголию и исчезла внешняя угроза, Ачинский острог преобразовался в административный центр, главной задачей которого стала сбор налога с местного населения. Благодаря тому, что Ачинск располагался на важном торговом сухопутном пути из Тобольска до Иркутска, это способствовало его развитию. В XX веке Ачинск выступал как один из крупных территориальных округов включенного в состав Сибирского края, через территорию которого была проведена транссибирская железнодорожная магистраль.

Ключевые слова: Острог, Сибирь, Ачинск, Советы, Сибирский край, местное управление, история края.

***ACHINSK: FROM SMALL PRISON TO ADMINISTRATIVE DISTRICT
OF SIBERIAN REGION***

Sorokun Pavel Vladimirovich

*Achinsk Branch of Krasnoyarsk State Agrarian University, Achinsk, Russia
pavel_istoria@list.ru*

Abstract. The author presents a short historical essay on the emergence and development of one of the oldest settlements of the Krasnoyarsk Territory - Achinsk, from the moment of its emergence as a prison until the beginning of the formation of a new administrative-territorial unit of the Achinsk District, which appeared thanks to the zoning process since 1925. XX century and was part of the Siberian Territory. The history of Achinsk dates back more than 300 years, the first mention of Achinsk, as a winter hut, dates back to the 1620s. XVII century, from 1641 the first stronghold

appeared - a prison, due to remoteness it was repeatedly attacked by local nomads, which forced it to move from place to place. After the nomadic Kyrgyz tribes gradually crossed into Mongolia and the external threat of the Achinsk prison disappeared, the main task of which was to collect tax from the local population. Due to the fact that Achinsk was located on an important commercial land route from Tobolsk to Irkutsk, this contributed to its development. In the XX century, Achinsk acted as one of the large territorial districts included in the Siberian Territory, through whose territory the Trans-Siberian railway was carried out.

Key words: Prison, Siberia, Achinsk, Soviets, Siberian Territory, local government, the history of the region.

История изучения Сибири является одной из интереснейших страниц в исследовании нашей Родины, ее природы, народов, хозяйства и культуры. Большое количество неизвестных и известных нам землепроходцев, исследователей осуществили собственный подвиг в изучении Сибирских окрестностей во имя процветания и развития нашей страны [1, с.318].

По истории возникновения и развития Ачинского острога существует определенный объем сохранившихся исторических материалов, в которых имеются сведения о месте его расположения. Так например, фундаментальными трудами по изучению истории Сибири являются работы известного историка Г.Ф. Миллера, его труды используют и в настоящее время отечественные исследователи, П.Н. Барахович [2], приведя ряд новых сведений из архивных материалов, особую роль играют полевые исследования, проведенные В.Я. Бутанаевым, С.Г. Скобелевым, А.В. Чумановым существенно дополняющие имевшуюся до этого информацию [4, с. 743-744].

Согласно информации, из первого тома «Исторической энциклопедии Сибири», об Ачинске известно еще с 20-х гг. XVII века, в этом периоде он выступал в качестве зимовья, а в 1641 г. получает статус острога [6, с. 149]. По мнению сибирских исследователей-историков Д.Я Резуна и Р.С. Васильевского первым основателем Ачинского острога являлся Тобольский сын боярский Я.О Тухачевский, уроженец Смоленских земель, который за участие в бунте стрельцов и казаков в Москве в 1618 г. был сослан в Тобольск, где постепенно дослужился до опытного дипломата и военачальника. В связи со смертью он не успел закончить строительство Ачинского острога, после него острог достраивался томским воеводой И. Кобыльским. В сентябре 1667 г. киргизы сожгли острог, пришлось заново его отстраивать [3, с.16; 8, с.93].

По мнению Г. Лопаткина основателем Ачинского острога 1683 г. следует признать, с оговоркой, дворянина Ивана Вербицкого, он являлся приказчиком с полномочиями младшего воеводы с 1674 г. После очередного сожжения Ачинского острога киргизами И. Вербицкий восстановил его 11 октября 1674 г. и командовал им до 1682 г., после чего дальнейшая его судьба не прослеживается в документах. В «отписке» от 29 декабря 1682 г. томских воевод государю нечего не сказано о том, что острог 1682 г. был уже построен, по мнению Г. Лопаткина, именно поэтому датирование нового острога следует отнести к 1683 г. [7, с. 53-57].

В 1710 г. острог был перемещен на современное место расположения благодаря томскому сыну боярскому С. Цыцурину. Основной задачей Ачинского острога являлась защита местного населения от набегов кочевников-киргизов и сбор натурального налога (ясака) с проживающего населения Причулымского края. По своим размерам острог был значительно больше предыдущего, но по своей архитектуре повторял строение 1683 г. Постепенно он стал торгово-распределительным центром всего Причулымья, игравшим важную транзитную роль на большом перегоне Томск– Красноярск, в 1782 г. Ачинск получил статус уездного города. [3, с.16].

С 1785 г. появился свой герб: в верхней части на синем поле герб тобольский с воинскими символами, знаменами, барабанами и алебардами, в нижней – на красном поле колчан со стрелами и лук, в знак того, что «живущие в оном округе прежние обыватели Сибири употребляют сие оружие» [5, с.58].

В 1797 г. Ачинск был лишен статуса города и в дальнейшем переименован в Ачинскую слободу Красноярского уезда Тобольской губернии.

Согласно архивным данным в конце XVIII в. Ачинский уезд включал в свой состав 11 волостей, в которых вместе с населением Ачинска проживали более 17 000 человек. Через данную территорию пролегал Московский тракт, он являлся составной частью Великого Сибирского пути. Ачинск выполнял роль перевалочного пункта. Из Сибири в Россию конными

обозами доставлялись хлеб, меха, кожа, рыба, мед, сало, масло и др. Торговые караваны с китайскими товарами шли до Ачинска, затем до Тобольска на судах, далее сухопутным путем в Москву, Петербург и др. Из центральных территорий России в Сибирь везли обувь, железо, одежду, мануфактуру, скобяные изделия, сахар и др. [5, с.59]

XIX столетие было ознаменовано экономическим развитием сибирских городов и губерний. С момента образования Енисейской губернии в 1822 г., Ачинск становится административным центром западного пограничного Ачинского округа. Особое значение в те времена имел судоходный Обь-Енисейский канал, по нему через реку Чулым доставляли с енисейских приисков на царские горные заводы драгоценные металлы. Благодаря развитию торговых путей через Сибирские города, можно было наблюдать постепенное увеличение количество населения. В сравнении с 1790 г. когда в городе насчитывалось 154 двора и 854 жителя, согласно архивным данным в 1825 г. их количество увеличивается до 257 дворов и 1 489 жителей, в 1856 г. – 466 дворов и 2 287 жителей. Постепенное увлечение количества дворов и населения привело к тому, что в 1898 г. Ачинску присваивают новый статус – уездный город Енисейской губернии.

Особую роль в развитии ремесел и технологий в сельском хозяйстве Сибири играли ссыльные политические заключенные, среди которых не мало было и декабристов. Они выступили важным фактором в развитии города Ачинска и его близ лежащих территорий, так как среди них было немало людей образованных, квалифицированных специалистов в различных областях науки, производства. Куда бы не направлялись заключенные декабристы, идя на каторгу и в ссылку, ни один из них не миновал Ачинска, его этапной тюрьмы и этапной тюрьмы села Покровское. Так в 1826 г. на устах ачинцев звучали имена: Волконский, Муравьев, Трубецкой, Арбузов и др. Декабристы увидели Ачинск таким, каким видел его А.Н. Радищев в 1790 и 1797 гг. Он писал: «Ачинск стоит на возвышенном берегу Чулыма. Красноярск похож на город, но Ачинск-деревня» [7,с. 72]. Всего в Енисейской губернии отбывали ссылку 33 декабриста, в том числе в Ачинском округе - 4 человека [7, с.73].

Еще одним значимым событием в истории города Ачинска в конце XIX в., по праву считается посещение города цесаревичем Н.А. Романовым в июле 1891 г., будущего российского императора. Цесаревич остановился в доме Ачинского купца, потомственного почетного гражданина города Г.Н. Максимов. Так же в разные времена в городе побывали известные ныне А.Н. Радищев, А.П. Ганнибал, А.П. Чехов, Н.Г. Чернышевский, С.М. Буденный, В.И. Ленин, И.В. Сталин и др.

Население проживающее на территории Ачинска было не многочисленным, так в 1896 г. в нем проживало 7026 жителей, или 6% от населения уезда. Если обратить внимание на наличие сословной стратификации то картина выглядела следующим образом: из них дворян – 428, духовенства – 28, купечества – 129, мещан – 3674, крестьян – 1277, военных – 679, разночинцев – 280, инородцев – 24, ссыльных всех категорий – 402. Имелось 105 почетных граждан. Из представленных данных видно, что основную массу жителей представляли мещане, которые относились к среднему классу, несли все тяготы налогового бремени и натуральных повинностей. Также с развитием сельского хозяйства на Ачинской территории происходило увеличения числа крестьян, в 1890 г. количество пашни, на которых работали крестьяне увеличилось с 306095 десятин до 322416 десятин за два года, где крестьянам принадлежало -87%, казенных десятин -17%, казачьих -4%, городской и общинной -1,2%, помещичьей - 0,05 % и церковно-монастырской- 0,5 % . Отдельной и всегда многочисленной была группа военных. Так при открытии города в 1782 г. военная команда состояла из 28 человек вместе с офицером, а в 1833 г. их уже насчитывалось одних низших чинов -275. В 1863 г. военное сословие насчитывало 364 человека, или 11 % от всего населения Ачинска. Это соотношения не менялось до конца XIX в. Сословная иерархия, разделение на податных и не податных, благородных и подлого сословия сохранялась до 1917 г. [7,9.]

В городе из промышленных предприятий в наличие были и функционировали четыре кожевенных, два гончарных, шесть кирпичных заводов, а также канатный, пивомедоваренный, салотопный предприятия; действовали аптека и больница общественного призрения на 35 коек; женская

прогимназия, два одноклассных приходских училища, церковноприходская школа, трехклассное училище; книжная лавка [5, с. 61].

Перепись 1897 г. представила данные на 6700 человек, причем местных жителей длительного проживания всего -3508 из них по национальной принадлежности: русских-5 826 человек, татар -210, поляков -131, евреев-484, остальные нацменьшинства -48 человек. Больше всего было выходцев из Владимирской, Вятской, Казанской, Курской и Московской губерний-1632 человека. Насчитывалось 1200 хозяйств. Средняя семья из 5 человек, но в основном семьи в составе 6-10 человек считались нормой.

Период XIX в. в истории Ачинска был ознаменован большим объемом строительства, которое придало городу и его близ лежащих территорий уникальный архитектурный облик, так в Ачинском уезде было построено 45 церквей. Среди которых архитектурно-культурное значение имеет каменный храм – Казанской иконы Божией Матери возведенный в 1830 г., единственный сохранившийся и действующий до настоящего времени Ачинский Казанский собор [7]. В начале XX в. уже появилось немало каменных усадебных особняков городского купечества. Согласно отношению инженерного управления Иркутского военного округа, в городе по единому архитектурно-планировочному замыслу за 1910–1914 гг. было возведено более 50 зданий военного городка: казармы и при них офицерские квартиры., в городе было выстроено более 500 домов, существовал гостиный двор, действовали четыре православные церкви, относившиеся к Томской епархии. Продолжали функционировать и развиваться выше обозначенные заводы.

Особое место в истории уезда и города имеет период Первой Мировой Войны. В это время в городе размещался лагерь, где содержалось свыше 2,5 тыс. военнопленных. Первая мировая война оказала влияние на количественный состав населения Ачинского уезда. Так например, если в 1915 г. число беженцев, принятых и расселенных в волостях уезда, составляло 65 семей, в составе 340 человек, то уже к концу 1916 г. число семей беженцев насчитывало 1053 семей [9, с. 96].

Не обошли стороной Ачинск и события 1917-1920 гг. После свержения монархии в городе начали формироваться органы местного самоуправления Совет солдатских депутатов, главной задачей которого было широкое объединение демократических слоев населения города и уезда и слияния их совместно с социалистическими партиями. 12-14 апреля 1917 г. прошел 1-й съезд крестьян Ачинского уезда. Уже во второй половине апреля был создан Ачинский Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. В июне-сентябре были созданы отряды Красной Гвардии, включающие в свой состав около 200 человек.

Октябрьская Социалистическая революция покончила с двоевластием. Временное правительство и его органы на местах были свергнуты. На территории Ачинска в конце декабря 1917 г., начале 1918 г. была произведена национализация промышленных предприятий города и уезда. Первыми были национализированы золотые прииски на юге уезда. 14 ноября 1917 г. на основе

положения «О рабочем контроле» ВЦИК и СНК создан от Советов рабочий контроль на всех предприятиях.

25 мая 1918г. под руководством реакционных сил чехи подняли контрреволюционный мятеж. К мятежникам присоединились около 2000 добровольцев из числа русских офицеров и около 60000 человек не довольных Советской властью. 9 июня исполком ачинского Совета, учитывая важность момента, постановил послать отряд на Мариинский фронт. Под руководством П.О. Саросека в Ачинске формируются отряды Красной гвардии, под командованием П.Е. Щетинкина и отправляются на фронт [7].

В июне 1918 г. советская власть в Ачинске пала под натиском белогвардейцев и вновь возобновила работу упраздненная ранее городская Дума под председательством А.И. Турчаниновой. В городе начались расправы и расстрелы, на основании Приказа колчаковского трибунала. Нужно учесть, что Белый переворот и Временное правительство поддержала и ачинская интеллигенция, учителя и врачи, которые добровольно ушли в Белую армию. В городе не хватало жилья, нужно было разместить белочехов, казачью дивизию, беженцев. Городской Думой была учреждена норма жилья три квадратных метра на человека, а также принудительное выселения жильцов из квартир для размещения выше обозначенных. после ухода чехословацких войск и нажимом красной армии колчаковские войска в декабре 1919 г. начали отступать из города. Станция Ачинск-1 не успевала пропускать воинские эшелоны и обозы, в которых были семьи офицерского состава. В новогоднюю ночь 1920 г. прогремели взрывы и выстрелы, город стал важным стратегическим пунктом. Колчаковцы стремились удержать его. 2 января 1920 г. 88-я бригада 30-й дивизии Пятой Армии под командованием комбрига И.К. Грязнова ворвались в Ачинск и освободили его от колчаковцев. Через 4 дня был образован Ачинский революционный комитет (Ревком) по решению революционного Совета Пятой Армии, комиссаром дивизии Невольсоном. В конце 1920 г Ревком был реорганизован в уездный исполнительный комитет.

По материалам Всероссийской демографической переписи 28 августа 1920 г. и опубликованным данным на 1 ноября 1921 г. на территории Ачинского уезда находилось 36 волостей, 288 сельских советов, 4389 населенных пунктов, проживало 201136 сельских жителей. В самом Ачинске в 1920 г. насчитывалось 12931 житель, в 1923 г. -13962, в 1925 г.-17882 человека. В уезде вместе с городом, на 31 октября 1921 г. находилось 34075 единоличных хозяйств с населением 193849 человек, из них трудоспособных-41251 человек [7].

Рубеж 1920-1930-х годов явился переломным периодом в процессе взаимодействия власти и общества. Коренные изменения, вызванные кризисом новой экономической политики, а также принятым властью курсом на форсированное развитие страны, требовали перестройки модели взаимодействия органов управления и населения, изменения механизма проведения в жизнь принятых решений и «воспитания политически активного гражданина», задействованного в системе городского самоуправления [8].

В первой половине 1920-х гг. стали рассматриваться различные варианты совершенствования сибирских административно-территориальных единиц [8,

с.20]. В сентябре 1925 г. в ходе работы второй сессии ВЦИК XII созыва было принято новое положение о Сибирском крае, введенное затем в действие с рядом оговорок. Потребовалось отказаться от старых административных единиц – губерний, уездов, волостей. Губернии были слишком крупными и создавали затруднения в сфере управления. В свою очередь, волости были малы по территории и количеству населения.

В процессе районирования учитывались многие особенности регионов: естественно-историческое развитие, хозяйственные условия, экономическое значение, дальность расстояния от обжитых центров и границы таежного пространства, национальные интересы народов Сибири, которые требовали создания новых территориальных образований. Так, столицей Сибирского края стал город Новониколаевск, 6 губерний и 38 сибирских уездов были упразднены, и вместо них в 1925 г. были образованы 16 округов и Ойротская автономная область [8, с. 19-20].

Следует заметить, что процесс районирования Сибирского края оказал существенное влияние на развитие, организацию и деятельность местных органов власти на территории Ачинска. Районирование привело в окружных учреждениях, по сравнению с уездными к значительному увеличению числа сотрудников. С увеличением числа служащих возросла сумма расходов на их содержание и подготовку квалифицированных работников и специалистов, что в свою очередь негативно влияло на развитие округа.

Процесс районирования продолжался фактически на протяжении всего пятилетнего периода с 1925-1930 гг. В течении этого срока появлялись и позитивные результаты, так например благодаря данному процессу на территории Сибирского края образовалась окружная система управления, которая включала в свою структуру районы. По сравнению с волостями они являлись более мощными образованиями, как по величине территории, так и по численности населения. Это создавало реальные условия для улучшения всей работы местных органов власти. Функции райисполкомов по сравнению с волисполкомами во многом были расширены, штаты по Сибирскому краю сократились. Это позволило направить высвободившиеся средства на усиление местных бюджетов, улучшить материальное положение работников советского аппарата.

В конце XX века Ачинску присвоили статус города, имеющего культурную и историческую ценность всероссийского значения. В 1990 г. Ачинск был включен в список исторических городов России.

Список литературы и источников

1. Антоненко О.В., Безруких В.А., Вандеров А.В. Из истории исследования Красноярского края // В сборнике: Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии "Россия. Полное географическое описание нашего Отечества"). материалы V

- международной конференции по исторической географии. 2015. С. 318-322.
2. Барахович П.Н. Борьба с князьями енисейских киргизов в 1641-1642 гг. и основание ачинского острога // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. 7. С. 234-264.
  3. Бойко В.П. Социально-экономическая история города Ачинска и местное купечество // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 15-19.
  4. Бутанаев В.Я., Скобелев С.Г., Чуманов А.В. К вопросу о месте нахождения первого Ачинского острога // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 5. С. 741-748.
  5. Васькова Е.Н. Ачинский муниципальный архив // Отечественные архивы. 2015. № 3. С. 57-68.
  6. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / рук. проекта А.П. Деревянко. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И. 715 с.
  7. Лопаткин Г.С. Летопись града Ачинска. Издательство: Красноярское региональное политическое общественное движение «СВЕТ», 2000. - 538 с.
  8. Сорокун П.В. Новое сибирское районирование и создание территориальных округов в 20-х гг. XX в // В сборнике: Актуальные вопросы исторической науки. сборник научных трудов. Казань, 2016. С. 18-26.
  9. Сорокун П.В. Социальное развитие Ачинского уезда с 1898 по 1917 г. // В сборнике: Гришаевские чтения. Материалы I национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева . 2018. С. 92-98.

УДК 614.81

***НАВОДНЕНИЕ В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 2001 Г.:
МАСШТАБ ТРАГЕДИИ И СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ***

*Уржаева Татьяна Петровна,
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
olgoy@ya.ru*

Аннотация: небывалому по своим разрушительным последствиям наводнению в городах Иркутской области способствовало несколько фатальных причин. Резкое таяние ледников в верховьях, а спонтанное и антропогенное формирование заторов вызвали небывалое затопление городов. Ущерб по области превысил 150–200 млн. руб. в ценах 2001г. Несмотря на такие тяжелые потрясения, в области были мобилизованы все необходимые ресурсы. В организации помощи людям, попавшим в беду, приняли участие и

коммерческие организации. Было получено более 100 млн. руб. помощи, которая была направлена на восстановление элементов гражданской инфраструктуры: школ, дорог, мостов.

Ключевые слова: паводок; наводнение; поисково-спасательные работы; МЧС; гуманитарная помощь.

FLOODING IN THE CITIES OF THE IRKUTSK REGION IN 2001: THE SCALE OF THE TRAGEDY AND RESCUE WORK

*Urozhaeva Tatiana Petrovna,
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
olgoy@ya.ru*

Abstract: Unprecedented in its devastating consequences, flooding in the cities of the Irkutsk region was facilitated by several fatal causes. The sharp melting of glaciers in the upper reaches, and the spontaneous and anthropogenic formation of congestion caused unprecedented flooding of cities. The damage in the region exceeded 150-200 million rubles in 2001 prices. Despite such severe shocks, all the necessary resources were mobilized in the region. Commercial organizations also took part in the organization of assistance to people in trouble. More than 100 million rubles were received. Assistance that was aimed at restoring elements of civil infrastructure: schools, roads, bridges.

Keywords: flood; inundation; search and rescue operations; Ministry of Emergency Situations; humanitarian aid.

На реках Иркутской области наводнения происходили периодически, в течение многих столетий. Однако их повторяемость и интенсивность существенно возросла. Города Приангарья затоплялись и ранее, но катастрофических последствий, сравнимых с весенним паводком и летним наводнением 2001 г. не отмечалось.

В г. Киренске 12–15 мая 2001 г. произошло подтопление в районе водопоста. Со стороны д. Кривошапкино вода зашла в Кривое озеро, подтопила через дамбу. От дамбы в сторону города началось подтопление ул. Ленрабочих, склада РПС. Вода перелилась через дамбу в деревне Хабаровой, началось затопление взлётной полосы. В тот же день были затоплены ул. Озёрная, аэронавигация, и вода подошла к порогу здания аэропорта [12, с. 2].

В Киренске, где под водой шестые сутки находилось 80 % жилой территории, спасатели были вынуждены на лодках развозить наряду с хлебом и другими продуктами питания питьевую воду. Областные власти намерены создать в городе недельный запас продовольствия.

Из-за паводка минимум на две недели отодвигалось открытие навигации на р. Лене. Если обычно северный завоз стартовал здесь в середине мая, в 2001 г. первые суда с грузами отправились не ранее начала июня. Хотя в Осетровском речном порту г. Усть-Кута накопилось достаточно грузов, к

отправке они не были готовы. После того, как местная нефтебаза и причалы были затоплены водой, требовалось провести проверку оборудования [15, с. 3].

Губернатору и его команде пришлось вылететь в г. Усть-Кут. Улететь удалось на транспортных самолетах компании «ИрАэро» – единственного авиационного предприятия, чьи самолеты выполнили 14 рейсов, перебрасывая в г. Усть-Кут гуманитарную помощь.

Практически все дома, построенные на пологом берегу, находились в зоне риска, и нельзя гарантировать, что беда не повторится. Поэтому было поручено местной администрации выделить землю для переселения и оказать помощь в строительстве новых домов. На другом берегу в подвалах многоэтажек стояла вода. Как сообщил руководитель штаба по борьбе с наводнением первый заместитель мэра *В. Сенин*, для ее откачки не хватало оборудования. Трудно было восстановить энерго- и тепло-водоснабжение. Пищу жители готовили во дворах, не было возможности отправить детей в школу и самим выйти на работу.

Программа ликвидации последствий паводка была разбита на несколько этапов. Первый – продолжение обеспечения людей продуктами питания, теплой одеждой, медикаментами. Второй – после спада воды восстановить нормальный режим работы энергосетей и всей коммунальной службы. Третий – начать восстанавливать жилье. Для этого необходимо было начать переселение, принять меры по обеспечению частных домов топливом [19, с. 3].

Мэр Киренска и двое его заместителей занимались спасением людей и города. Коммунальщики и энергетики совершили подвиг. Они сумели запустить затопленную насосную станцию и подать питьевую воду в подтопленные пятиэтажки.

Касаясь причин бедствия, ученые отметили, что есть только один рецепт защиты от стихии – не строить в поймах рек. Предки были умнее: строили на высоких местах, ни одно из зданий конца XIX – начала XX в. не пострадало. Позднее об этом не думали, когда строили. В результате были залиты первые этажи пятиэтажных домов. Размыт и сильно пострадал аэропорт в Киренске. Выход был один – укреплять дамбы, восстанавливать жилье [6, с. 3].

В мае 2001 г. всего в зоне подтопления оказались в общей сложности 24 633 чел., причем 2 тыс. чел. пришлось эвакуировать. Эвакуированные были снабжены предметами первой необходимости, одеждой, было организовано питание. Позднее люди вернулись в свои дома, им была нужна помощь. Были нужны деньги и стройматериалы: шифер, оконное стекло, рубероид, гвозди. Главной задачей местной и областной власти являлась подготовка районов, пострадавших от наводнения, к зиме: восстановление жилого фонда, коммунального хозяйства и источников тепла [9, с. 5].

Администрация области обратилась к руководителям предприятий всех форм собственности, общественных организаций, жителям области с просьбой оказать посильную помощь пострадавшим городам и районам. В связи с этим были открыты специальные расчетные счета органов местного самоуправления [13, с. 2].

Откликаясь на чрезвычайную ситуацию, сложившуюся из-за наводнения в северных районах Иркутской области, АО «Востсибуголь» безвозмездно передал пострадавшим гуманитарную помощь на сумму почти 1,5 млн. руб. Руководство группы «МДМ-банк» подключило к акции все подразделения, входящие в ее состав и находящиеся за пределами области. Оттуда также поступила помощь [20, с. 2].

Чуть позднее – уже в июле 2001 г. в Приангарье вновь возникло сильное наводнение из-за большого количества осадков и активного таяния снега в предгорьях Саян. От разлива рр. Китой, Иркут, Белая, Ия, Ока и их притоков пострадали многие районы Иркутской области, в зоне бедствия оказались более 30 тыс. чел., 1,5 тыс. жилых домов получили повреждения, рекой Белой было снесено более 200 домов; были разрушены водозаборы, нарушено электроснабжение, повреждены дороги, мосты, линии связи. Предварительный ущерб по Усольскому району составил 200 млн. руб.

Пострадали гг. Иркутск и Шелехов от разлива рр. Иркут, Кая и Олха. В г. Ангарске, по словам мэра, подтопило 313 домов и эвакуировано 3 200 чел. Всего в регионе в 2001 г. было подтоплено более 150 населенных пунктов с общей численностью населения в 460 тыс. чел., эвакуировано 12 тыс. чел. Сумма ущерба составила 250 млн. руб.

В начале июля 2001 г. рабочая группа во главе с губернатором Иркутской области отправилась в районы, пострадавшие от наводнения. Первую остановку делегация сделала в г. Усть-Куте, где прошло совещание, главным вопросом которого стала реконструкция системы тепло-водоснабжения города. Старинный сибирский город Усть-Кут накануне прибытия руководства области отпраздновал 370 лет со дня своего основания. Выяснилось, что порт и флот, несмотря на понесенный ими значительный ущерб от паводка, смогли выполнить весь объем работ. Однако МЧС не спешил с определением объемов, сроков и заключением договоров, а у Осетровского порта и РЭБ флота существовали серьезные проблемы в связи с процедурой банкротства, которая не была прекращена, несмотря на обещания *С. Шойгу* [21, с. 3].

Затем рабочая группа областной администрации вылетела на вертолете в г. Киренск. Здесь работники областной администрации ознакомились с ходом работ по ликвидации последствий паводка. Город был затоплен на 85 %. Люди жили на крышах и чердаках в течение двух недель. Убытки составили 24 млн. руб. Пострадало 1 300 домов.

Городу оказали помощь строительными материалами. Были найдены средства для восстановления социально важных объектов. Для этого пришлось отказаться от ряда областных программ. Из г. Иркутска прибыли сварщики, чтобы ускорить восстановление тепловых сетей. Для детей выделили дополнительные путевки в лагеря отдыха. Областная администрация выделила в поддержку городу 70 млн. руб. на восстановление аэропорта и дополнительно еще около 5 млн. руб. [7, с. 3].

Чрезвычайная ситуация возникла в области 9–10 июля 2001 г., когда менее чем за двое суток количество осадков в Приангарье превысило месячную норму, реки вышли из берегов, и пришлось эвакуировать людей.

Сформировавшийся в Монголии циклон на три дня обосновался в Бурятии и Иркутской области. За полтора дня выпала месячная норма осадков, в Тункинских Альпах из-за теплой погоды началось бурное таяние снегов. Иркут, Китой, Белая, Ока и другие реки вышли из берегов. В некоторых местах уровень воды превысил норму на 2 м. Подтопило г. Зиму, несколько поселков на р. Белой.

По словам *Е. Шевченко*, начальника штаба ГО и ЧС Ангарской нефтехимической компании, была закончена эвакуация работников ОАО «АНХК» с туристических баз компании, попавших в зону затопления. В районе Утулика дежурило несколько автобусов, готовых при превышении критической отметки в р. Утулик вывезти отдыхающих в г. Ангарск. Эвакуация людей была начата еще 9 июля 2001 г. На пунктах дежурили машины скорой медицинской помощи. Для спасения людей и ликвидации последствий наводнения городу было выделено около 20 ед. техники и горючее. Как отметил гендиректор ОАО «АНХК» *В. Анисимов*, помощь была оказана всем, кто в ней нуждался [11, с. 4].

В г. Ангарске, по словам мэра *В. Новокшенова*, основательно подтопило 313 домов. Было эвакуировано 3 200 чел. К процессу эвакуации было привлечено много людей и техники. Основное количество транспортных ресурсов было занято на месте происшествия.

В г. Шелехове разбушевалась р. Олха, которая заставила город испытать массу сложностей. Как сказал мэр *В. Поздняк*, снесло три моста, два из которых подлежали восстановлению. Более 50 деревьев, упавших от сильного ветра, сопровождавшего ливневые дожди, повредили линии электропередач. От этого в городе и районе появились перебои с электричеством.

В г. Усолье-Сибирском от наводнения пострадало 12 населенных пунктов, в которых оказались затопленными 1 170 домов. Пострадали две больницы, водными потоками было снесено три моста и четыре дамбы. Размыло свыше 5,5 тыс. га засеянных земель, примерно 10 % дачных домиков попросту оторвались от земли и сейчас, как выразилась мэр Усольского района *Л. Суворова*, находились в «свободном плавании». По приблизительным расчетам, на восстановление пострадавшего Усолья-Сибирского потребовалось 140 млн. руб. [8, с. 2].

Губернатор нашел время для ознакомления с тем, как в г. Усолье-Сибирском шла подготовка к зиме, а также для посещения Усольского «Химпрома» и встречи с жителями города. Она состоялась вечером в ДК «Химик». *Б. Говорин* собрал руководителей предприятий и предпринимателей области и обратился к ним за финансовой помощью. Были изысканы средства и в областном бюджете [23, с. 3].

На заседании Иркутского городского штаба главы округов докладывали об ущербе, который нанесла стихия. В администрацию Ленинского округа стали поступать заявления с просьбой о компенсации ущерба, нанесенного наводнением. Малообеспеченные граждане получили поддержку и помощь в органах соцзащиты. Было организовано движение автобусов до Угольной, и поскольку большое количество людей пересекало железную дорогу на пути к

садоводству, была достигнута договоренность с руководством ВСЖД о снижении скорости движения электричек на этом участке [1, с. 3].

Не удалось избежать материальных потерь. В зоне затопления, где проживало около 10 тыс. чел., пострадало более 600 жилых домов, почти 800 дачных участков, были разрушены десятки километров дорог, линий электропередачи, инженерных коммуникаций и сооружений. Неизмеримый ущерб был нанесен имуществу и подсобному хозяйству горожан.

Как только спала вода, коммунальные службы города начали работы по восстановлению дорог, инженерных сооружений, коммуникаций. Для этого администрацией города были выделены необходимые финансы, материалы, техника. Но предусмотренных в фонде непредвиденных расходов средств из городского бюджета не хватило даже на то, чтобы восстановить порушенное стихией хозяйство города. Администрация г. Иркутска вышла с инициативой перечислить на этот счет дневной заработок своих сотрудников, организовать сбор вещей [26, с. 1].

В результате наводнения 7–10 июля 2001 г. по предварительным данным, пострадало около 810 жилых домов в различных районах Иркутска. Для оказания адресной помощи жителям города была создана специальная комиссия. Отделением срочной помощи Иркутского центра социального обслуживания пожилых граждан и инвалидов была организована выдача продуктовых наборов малообеспеченным семьям с детьми и одиноким престарелым. Определены пункты приема от населения одежды, предметов первой необходимости и продуктов питания для раздачи всем нуждающимся [5, с. 3].

В г. Зиме и сильно пострадавшей от наводнения д. Покровке администрация приступила к работе по оценке нанесенного жителям ущерба. Вода ушла, но фундаменты домов были подмыты, многие были приведены в негодность. Люди приводили свои жилища в порядок.

Администрация области добилась выделения средств из российского бюджета. Промышленники области откликнулись на обращение губернатора и перечислили деньги в фонд помощи пострадавшим [3, с. 1]. Жители г. Саянска откликнулись на беду соседей из Зимы, попавших под наводнение. Им приготовили посылки с одеждой, обувью, другими бытовыми вещами. Управление по делам женщин, семьи и молодежи совместно с местным отделением Красного Креста объявило сбор вещей. Приносили полные сумки, звонят с просьбами отправить по адресу транспорт для погрузки и доставки в пункт собранного добра [16, с. 1].

Предварительно, ущерб оценивался в 250 млн. руб. Администрация области, комиссия по чрезвычайным ситуациям приняли все возможные меры. Однако средства у них были практически исчерпаны [14, с. 1]. Областное руководство обратилось к населению Приангарья, а также руководителям предприятий и учреждений с призывом помочь, так как средств областного бюджета для ликвидации последствий наводнения до наступления холодов было недостаточно.

В числе откликнувшихся учреждений, предприятий и фирм были: Торгово-промышленная палата Восточной Сибири, ГУФП «Сосновгеология», ООО «Дизайн Текстиль», АК «Классик Банк», ЗАО «Кумай», ГУ Региональная госинспекция по нефти. Свой однодневный заработок перечислили комитет цен администрации области, управление ЗАГС администрации области, комитет по молодежной политике администрации области, управление социальной защиты населения администрации области, аппарат губернатора области [18, с. 3].

Профсоюзный комитет Братского алюминиевого завода (БрАЗа) обратились к заводчанам с просьбой помочь пострадавшим от наводнения. Бразовцы активно откликнулись и приняли участие в акции. Приносили обувь и одежду для детей, другие вещи. Все это завод передал в городской комитет социальной защиты. Оттуда принятые от БрАЗа и других организаций и предприятий г. Братска вещи направлялись пострадавшим от наводнения. Как сообщила заместитель председателя комитета соцзащиты населения *Г. Терина*, всего в Центральном округе г. Братска было собрано порядка 300 кг вещей. Благотворительный груз поступил в г. Усть-Кут, где местный центр соцзащиты передал его непосредственно жителям гг. Киренска и Усть-Кута [17, с. 4].

На специальный счет администрации Иркутской области продолжали поступать пожертвования людям, пострадавшим от наводнения. Деньги перечислили: ОАО «Братский алюминиевый завод», администрация Усть-Илимского района, СХПК «Усольский свинокомплекс», ОАО «Тайшетский комбинат хлебопродуктов», ОАО «Алмаз», ФГУП «Тыретский солерудник», ОАО «Иркутский масложиркомбинат», а также ГТОП «Топир», ООО «Спецтекстиль», ООО «Газета Приилимья», ООО «Арт-салон», ГП «Облтехпродснаб», ООО Торговый дом «Карс плюс», ООО «Белур», ООО «АСФ». Перечислили средства и отдельные жители региона, не оставшиеся равнодушными к беде, которая постигла многих жителей региона [24, с. 2].

Братский ЛПК компании «Илим Палп Энтерпрайз» выделил 10 млн. руб. для адресной помощи людям, пострадавшим от наводнения. Кроме того, в Черемховский район по просьбе местной администрации были отправлены три вагона строительных материалов (фанера, ДВП, пиломатериалы). Не остались в стороне и работники предприятия: был проведен сбор средств для оказания помощи жителям районов, пострадавших от паводка [27, с. 2].

Работники Усть-Илимского ЛПК во главе с гендиректором *А. Прокоповым*, и прихожане католической церкви из г. Усолья-Сибирского оказали помощь. Как только стало известно о наводнении, пошли пострадавшим медикаменты, пиломатериалы, кирпичи, вещи. Словом все, что терпящим бедствие и лишившимся всего людям было особенно нужно [25, с. 2].

Ответственными за координацию действий со стороны администрации области были определены: в Черемховском и Усольском районах – зам. главы администрации *А. Соболев*, в Зиме и Зиминском районе – зам. главы администрации *О. Гуменюк* [2, с. 3].

После стихийного наводнения губернатор Иркутской области *Б. Говорин* подписал обращение к председателю Правительства РФ *М. Касьянову* с просьбой выделить авансом 100 млн. руб. из резервного фонда Правительства

РФ с последующей компенсацией этой суммы после выхода постановления Правительства РФ об оказании финансовой помощи в связи с наводнением.

Из собственных средств Иркутская область на ликвидацию последствий наводнения выделила более 30 млн. руб. Финансовую помощь на такую же сумму оказали крупные предприятия области. На восстановление дорог, мостов и дамб было направлено 150 млн. руб. из территориального дорожного фонда области [4, с. 2].

В сентябре 2001 г. гуманитарная помощь продолжала поступать. Только от общества «Красный крест» было выделено 30 т продуктов питания, из них было сформировано и роздано жителям 1 300 наборов. Иркутский авиазавод помог с обувью, новой одеждой и хозтоварами, комитет по фармацевтической деятельности г. Иркутска поставил медикаменты. Огромную помощь продуктами, обувью и одеждой оказали местные усольские предприятия «Усольмаш», СХПК «Свинокомплекс» и так далее. Более 1,5 млн. руб. пришло на спецсчет «Паводок» деньгами [22, с. 3].

В декабре 2001 г. состоялась встреча губернатора Иркутской области *Б.Говорина* с журналистами. Год завершился. Несомненно, он был очень тяжел в плане чрезвычайных ситуаций. Весенний паводок на рр. Лене и Бирюсе, на Нижней Тунгуске потряс территории севера и северо-запада Иркутской области. Не успели отойти от этого паводка, как случилось новое бедствие, территории юга и юга-запада подверглись такому наводнению, которого не было 50 лет. Надо отметить, что, несмотря на такие тяжелые потрясения, в области были мобилизованы все необходимые ресурсы [10, с. 3].

В организации помощи людям, попавшим в беду, приняли участие и коммерческие организации. Было получено более 100 млн. руб. помощи, которая была направлена на восстановление элементов гражданской инфраструктуры: школ, дорог, мостов.

Список литературы и источников:

1. Большая вода – большие беды // СМ-номер один. 2001. 12 июля. С. 3.
2. В зоне стихийного бедствия // Вост.-Сиб. правда. 2001. 11 авг. С. 3.
3. Зима: помощь будет адресной // Саянские зори. 2001. 25 июля. С. 1.
4. *Иванова М.* Москва дает 90 миллионов: они пойдут на ликвидацию последствий наводнения в Иркутской области // Губерния. 2001. 18 авг. С. 2.
5. Информация об оказании адресной помощи малообеспеченным жителям г. Иркутска проживающим в зоне затопления // Вечерний Иркутск. 2001. 18 июля. С. 3.
6. *Кинцак В.* Вода спадает... Подсчитываем убытки // Ленские зори. 2001. 24 мая. С. 3.
7. *Кинцак В.* Спасательный круг для Севера // СМ-номер один. 2001. 7 июля. С. 3.
8. *Лаховский А.* Стихия сносит дома люди укрощают стихию // Пятница. 2001. 11 июля.

9. *Люстрицкий Д.* «Главное – подготовить пострадавшие районы к зиме» // Губерния. 2001. 31 мая. С. 5.
10. *Люстрицкий Д.* Прощаясь с годом уходящим...// Вост.-Сиб. правда. 2001. 26 дек. С. 3.
11. *Мухин Л.* Вода ушла с севера и пришла на юг // Черемховский рабочий. 2001. 10 июля.
12. Наводнение в Киренске в 2001 г. // Ленские зори. 2008. 23 ноября. С. 2.
13. Обращение администрации Иркутской области к руководителям предприятий, общественных организаций, жителям области // Вост.-Сиб. правда. 2001. 26 мая. С. 2.
14. Обращение Президиума некоммерческого партнерства товаропроизводителей и предпринимателей Иркутской области ко всем предпринимателям области // Вост.-Сиб. правда. 2001. 18 июля. С. 1.
15. Паводок отсрочил навигацию // СМ-номер один. 2001. 19 мая. С. 3.
16. Помощь соседям // Новые горизонты. 2001. 7 авг. С. 1.
17. Пострадавшим от наводнения // Губерния. 2001. 7 июля. С. 4.
18. Поступление средств продолжается// Вост.-Сиб. правда. 2001. 24 июля. С. 3.
19. *Предеин С.* Против наводнения – всем миром // Ленские вести. 2001. 24 мая. С. 3.
20. Пришли на помощь // Губерния. 2001. 22 мая. С. 2.
21. Северные визиты губернатора // Вост.-Сиб. правда. 2001. 4 июля. С. 3.
22. *Трифорова Е.* Послесловие к паводку // Усольская городская газета. 2001. 1 ноября. С. 2.
23. У Усожья одна надежда – на власть // Земля Усольская. 2001. 17 июля. С. 3.
24. Фонд помощи пострадавшим пополняется // СМ-номер один. 2001. 26 июля. С. 2.
25. *Шихова Р.* С миру по нитке // Сельская новь. 2001. 29 ноября. С. 2.
26. *Якубовский В.* Дорогие иркутяне! // Вечерний Иркутск. 2001. 17 июля. С. 1.
27. 10 миллионов рублей – пострадавшим от наводнения // Вост.-Сиб. правда. 2001. 18 авг.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАССАЖИРСКОГО ПОРТА «АМУРАССО»
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ЗОНЕ БЛАГОВЕЩЕНСК-ХЭЙХЭ**

Цай Ин

*Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Россия,
mnina66@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется деятельность пассажирского порта «АмурАССО» в конце XX – начале XXI вв. и его роль в российско-китайских связях в приграничной зоне Благовещенск-Хэйхэ. Освещается создание компании «АмурАССО», рассматриваются особенности ее становления в 1990-е гг., показан процесс ее превращения в функционирующий пассажирский порт на российско-китайской границе.

Ключевые слова: пассажирский порт «АмурАССО», российско-китайские отношения, российско-китайское взаимодействие, зона Благовещенск-Хэйхэ.

**ACTIVITIES OF THE PASSENGER PORT "AMURASSO"
TO ENSURE RUSSIAN-CHINESE COOPERATION
IN THE BLAGOVESHCHENSK-HEIHE ZONE**

Cai Ying

*Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia
mnina66@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the activities of the passenger port "AmurASSO" in the late XX - early XXI centuries and its role in Russian-Chinese relations in the border zone Blagoveshchensk-Heihe. The creation of the "AmurASSO" company is highlighted, the features of its formation in the 1990s are considered, the process of its transformation into a functioning passenger port on the Russian-Chinese border is examined.

Key words: "AmurASSO" passenger port, Russian-Chinese relations, Russian-Chinese cooperation, Blagoveshchensk-Heihe zone.

Протяженная общая граница между Россией и Китаем на Дальнем Востоке (4200 км) и геополитическая близость двух стран обуславливает их тесное взаимодействие в различных сферах. Связующим звеном сотрудничества по ряду важнейших направлений выступает река Амур (Хэйлуцзян), которая является пограничной рекой между двумя странами.

Водные пути Верхнего, Среднего Амура и Уссури всего составляют 2744 километра. Наиболее протяженная речная граница у провинции Хэйлуцзян имеется с Амурской областью – 1311,9 км (с ЕАО – 514,2 км, с Хабаровским краем – 260 км, с Приморским краем – 658 км). При этом административный

центр области – г. Благовещенск – находится в исключительной географической близости с китайским г. Хэйхэ – их разделяют всего 750 м р. Амур. В немалой степени это обусловило интенсивность развития российско-китайского взаимодействия в этой приграничной зоне.

Началом туристических обменов между двумя странами стало 24 сентября 1988 г., когда Благовещенск (Амурская область) и Хэйхэ (провинция Хэйлуцзян) обменялись туристическими группами. В населенные пункты КНР, находившиеся на российско-китайской границе по водной артерии Амура, российских туристов перевозили суда Амурского речного транспорта, т.к. собственными судами туристические организации (за редким исключением) не располагали. Не всегда эти суда принадлежали ОАО «Амурское пароходство». Происходившие в России социально-экономические перемены обусловили появление новых частных компаний.

С конца 1980-х гг. в транспортном комплексе начали внедряться элементы хозрасчетных принципов и арендных отношений. Де-факто происходили изменения форм собственности; началось развитие кооперативного движения и разгосударствление транспортного имущества. Общее ухудшение экономической конъюнктуры, нарушение хозяйственных связей между Дальним Востоком и другими регионами страны привели к снижению доходов от перевозок и ухудшению состояния транспортных средств. Восстановление экономических отношений с Китаем вместе с наращиванием спроса в регионе на внешние перевозки усугубило ситуацию в сфере транспортного обслуживания. Обнажились проблемы функционирования приграничных пунктов пропуска, которые в силу своего недостаточного технического оснащения и пробелов в организации деятельности не могли справиться с объемом перемещений грузов и пассажиров. В условиях хозрасчета и отсутствия господдержки обострилась проблема транспортного обслуживания населения, т.к. многие пассажирские маршруты стали убыточными, и транспортные организации стремились максимально минимизировать их либо полностью прекратить [15, с. 108-110,118]. Недостаточно продуманные, зачастую «стихийные» государственные решения, слабо учитывавшие региональные особенности, напрямую влияли на ход преобразований. С одной стороны, сохранялись пережитки административно-командной системы. С другой стороны, внедрялись альтернативные формы экономических отношений (хозрасчетные, арендные, кооперативные). Это порождало серьезные противоречия в управлении и контроле над материальными ресурсами.

Возобновившиеся отношения с Китаем, между тем, требовали налаженной транспортной логистики. Происходившие в России социально-экономические перемены обусловили появление новых частных компаний. Таким образом, Амурское речное пароходство потеряло монополию на речные перевозки в бассейне Амура. В Амурской области компанией, которое наряду с Амурским речным пароходством взяло на себя пассажирские перевозки и перевозки грузов между российским и китайским берегами между

приграничными городами Благовещенском и Хэйхэ, стало закрытое акционерное общество «Пассажирский порт "АмурАССО"».

Зарождение ЗАО «Пассажирский порт "АмурАССО"» относится к концу 1980-х гг. В ноябре 1988 г. при Амурском областном управлении сельского хозяйства была создана организация «Амуркоммерциявнешторг», для ведения внешнеэкономической деятельности и сотрудничества с Китаем. Ее руководителем стал Владимир Николаевич Сушков. В декабре того же года руководство «Амуркоммерциявнешторга» отправилось на переговоры в Китай (пешком по льду Амура, в сопровождении пограничников). Были достигнуты договоренности по сотрудничеству, «Амуркоммерциявнешторг» начала отправлять в Китай вагоны с удобрениями, оттуда шли товары народного потребления, одежда и обувь. В декабре 1989 г. было создано ЗАО «Пассажирский порт "АмурАССО"», Сушков становится его руководителем.

Первым большим проектом вновь созданного акционерного общества, задачей которого было обеспечение перевозки людей и товаров из России в Китай и из Китая в Россию, стало строительство причальной стенки и пункта пропуска Благовещенск-Хэйхэ. Амурская ассоциация сельских строительных организаций («АмурАССО») получила право на создание инфраструктуры для размещения пограничников и таможенников, так как они в начале 1990-х гг. работали в вагончиках. В Благовещенске официально не было государственной таможни, с 1988 г. действовал только временный КПП. Тогда за пересечение границы деньги не брали. Однако решением Малого Совета областного Совета народных депутатов (в октябре 1993 г. деятельность совета была приостановлена постановлением главы администрации Амурской области В.П. Полеванова) «АмурАССО» было разрешено брать деньги за пересечение границы, чтобы направлять их на строительство инфраструктуры. «АмурАССО» было выделено 3 га земли на берегу Амура, которые постепенно превратились в 18 га. Вся инфраструктура «АмурАССО» была построена на намывной территории, отвоеванной у Амура. К концу первого десятилетия XXI века в собственности ЗАО «Пассажирский порт "АмурАССО"» находились семиэтажное административное здание, пункты пропуска, речной вокзал, несколько терминалов, производственная база, склады, доки, причалы. В 2002 г. было создано «АмурАССО-Сервис», которое занималось строительством зданий и сооружений, возведением причалов, обработкой грузов и их хранением, берегоукреплением [2, с. 171-172].

Следует отметить, что тот факт, что «АмурАССО» взимало сбор за пересечение границы, вызывал неоднократные протесты на различных уровнях, но, тем не менее, это позволило предприятию быстро улучшать свою инфраструктуру и расширяться. Взимаемый сбор за пересечение границы позволял «АмурАССО» поддерживать цены на свои услуги значительно ниже, чем в соседних регионах. В начале 2000-х гг. Благовещенский пункт пропуска был на 17-м месте из 400 по пропуску туристов и в среднем пропускал по 2 тыс. чел. в сутки. В 1997 г. В.Н. Сушковым было создана и туристическая компания «АмурАССО», которая единственная в области имела свои суда для перевозки туристов. За 1997-2002 гг. «АмурАССО» на своих судах перевезла в Китай

свыше 150 тыс. российских туристов. По агентированию и обслуживанию собственных судов на территории Китая ЗАО «Пассажирский порт "АмурАССО"» сотрудничал с китайской фирмой «Пинавик» [3, с. 30].

При этом, все служебные и бытовые помещения порта были предоставлены государственным структурам контролирующих органов (пограничники, таможня, миграция и т.д.) «в безвозмездное пользование». Такая ситуация не имела аналогов в России. В 2006 г. Благовещенск приезжал тогдашний министр экономического развития России Герман Греф, а позже – премьер-министр Михаил Фрадков. Они оба раскритиковали ситуацию, при которой таможня не имеет своего здания пункта пропуска и вынуждена арендовать его у частной организации. О необходимости передачи здания пункта пропуска в государственную собственность говорил и президент РФ В.Путин. Обсуждались два варианта решения проблемы: покупка недвижимости у «АмурАССО» или строительство неподалёку нового государственного здания. Правда, конкретных шагов в этом направлении не последовало.

В 1990-е гг., когда суда распродавались на металлолом, Сушков стал собирать свою флотилию: первые суда, на которых перевозили туристов, были реконструированы из построенных еще в 1950-е гг. теплоходов («Благовещенск», «Алмаз», «Малахит»), а в 2005 г. Сушков полностью обновил состав флота, заменив все суда на новые [4, с. 12-15].

«АмурАССО» также решило сложную проблему перевозки грузов и пассажиров в осенний период замерзания Амура и в весеннее время его очистки ото льда, когда навигация теплоходов была невозможна. Фирма обзавелась судами на воздушной подушке (часть закупила, часть сделала сама), т.н. «пумами», которые отличаются исключительной надежностью в водных перевозках, в том числе и в период ледоставов. С введением в регулярную эксплуатацию «пум» пересечение границы перестало зависеть от годовых сезонов, а порт «АмурАССО» стал единственным речным международным пунктом пропуска в России, работающим круглогодично. На пассажирских перевозках в навигацию были задействованы 6 судов класса «Амур», пассажироместимостью 196 чел. каждое. В межнавигационный период (весной и осенью) для пассажирских перевозок использовались 11 судов на воздушной подушке класса «Скат» (местимостью 60 чел.), «Ирбис» (32 чел.) и «Пума» (16 чел.). В зимний период для перевозки туристов использовались 6 автобусов, перевозившие туристов сначала по ледовой дороге, затем – по понтонному мосту. На этих автобусах также осуществлялись и экскурсии по Благовещенску, и междугородные перевозки Благовещенск-Хабаровск. Для грузовых перевозок были предназначены теплоходы «Зея» и «СТ-305» и 6 барж [3, с. 30].

К концу первого десятилетия XXI в. порт «АмурАССО» представлял собой многопрофильный холдинг, в состав которого входили: ООО «Амурфлот-ДВ», ООО «Амурфлот», ООО «Марс», ООО «Благовещенск-Ирбис», ООО «Туристическая компания «АмурАССО», ООО «Судоходная компания», ООО «Амурсервис». Штат компании составлял более 350 чел. [2, с.

170]. На выездном направлении в КНР ООО турфирма «АмурАССО» была одним из лидеров, перевозя около 20 тыс. чел. ежегодно [5, л. 6-7].

Под влиянием кризиса 2008 г. пассажиропоток через порт «АмурАССО» снизился на 51,7%, грузопоток – на 16,7% [6, с. 25]. Перевозки пассажиров не дотировались местными властными органами, к тому же, на федеральном уровне вновь был поднят вопрос о строительстве моста в зоне Благовещенск-Хэйхэ, что означало значительное уменьшение прибылей для «АмурАССО». Под влиянием этих факторов, а также на фоне участившихся претензий (впрочем, неофициальных) со стороны властных органов о незаконности взимания платы за переход государственной границы, «АмурАССО» начало распродавать свое имущество. Планировалось продать несколько зданий, четыре теплохода, одно судно на воздушной подушке «Скат», буксирное судно, баржи, плавучий док, электростанцию и тягач, а также полностью перевести компанию в Хабаровский край. Компания также попыталась продать государственную землю площадью 18 тысяч кв м, где располагались пункт пропуска и таможня, но суд отменил продажу [7].

Отметим, что в собственности «АмурАССО» два года находилась государственная земля. В апреле 2009 г. и.о. министра имущественных отношений Амурской области Г. Черкасов подписал незаконное распоряжение о передаче участка в собственность ЗАО «Пассажирский порт АмурАССО» за 647 тыс. руб. Поскольку сделка нарушала экономические интересы РФ и участок не мог предоставляться в частную собственность, т.к. относился к землям транспорта, являющимся ограниченными в обороте, прокуратура обратилась в Арбитражный суд Амурской области с требованием об отмене сделки. «В связи с выявленными нарушениями закона прокурор Амурской области направил заявление в арбитраж о признании незаконным приказа и.о. министра имущественных отношений области, которое 3 декабря 2010 года удовлетворено в полном объеме», – отмечал помощник прокурора Амурской области В.Бурсянин. ЗАО «Пассажирский порт "АмурАССО"» пыталось оспорить решение в вышестоящей инстанции, однако 15 февраля 2011 г. дальневосточный арбитраж оставил в силе судебное решение о возврате в государственную собственность земельного участка в районе речного вокзала Благовещенска (Амурская область), на котором кроме порта располагалась таможня, погранслужба и другие госструктуры [8].

В 2010-е гг. компания продолжала деятельность в Амурской области, осуществляя речные перевозки, но ее расцвет прошел. Тяжело заболел и в марте 2017 г. ушел из жизни ее директор В.Н. Сушков, благодаря инициативам которого компания так активно и быстро развивалась. Наследники и менеджеры «АмурАССО» вступили в борьбу за имущество компании, которая продолжается до настоящего времени [9]. При этом, на деятельность компании серьезное негативное влияние оказала пандемия коронавируса нового типа и связанное с нею закрытие российско-китайской границы на Дальнем Востоке. После открытия моста Благовещенск–Хэйхэ в июне 2022 г. (пока, впрочем, только для грузовых перевозок) перспективы дальнейшего существования компании стали еще более неясными.

Итак, в силу сложившихся социально-экономических условий (реформ в Китае и России, потепления во внешней политике и открытия границ) в конце XX – начале XXI вв. на Дальнем Востоке формируется и развивается контактная зона российско-китайского взаимодействия. Наиболее географически близкими городами на российско-китайской границе были Благовещенск и Хэйхэ, между которыми по р. Амур стало развиваться сотрудничество по различным сферам и направлениям. Речные международные перевозки по Амуру осуществляли не только имевшие опыт государственные пароходства, но и возникавшие частные компании, среди которых ЗАО «Пассажирский порт "АмурАССО"» заняло лидирующие позиции, во многом благодаря личным качествам ее руководителя. Несмотря на определенные недостатки в работе компании, ее деятельность стала важным связующим звеном в обеспечении российско-китайского взаимодействия между двумя приграничными городами – Благовещенском и Хэйхэ, оказав влияние на динамику дальневосточных грузо- и пассажирских перевозок, трансформировав переход Благовещенск-Хэйхэ в современный востребованный пункт пропуска.

Список литературы и источников

1. Бардаль А.Б. Транспортный комплекс России в период реформ: дальневосточный ракурс // Пространственная экономика. 2017. №4. С. 100-129.
2. Медникова А.Н. Амур – река жизни. Книга о реке и речниках Амурской области. Благовещенск: Изд-во «Царское слово», 2014. 216 с.
3. Иванов В. Пассажирский порт «АмурАССО»: курс на развитие. Благовещенск, 2012. 48 с.
4. Позднякова М. Владимир Сушков: «Хочешь добиться успеха – действуй!» // Деловое Приамурье. 2014. №3(58). С.12-15.
5. ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 112. Л.Л. 6-7.
6. Сушков В. «В 20 лет все только начинается» // Деловое Приамурье. 2009. №28. С. 24-25.
7. «АмурАССО» распродаёт здания, флот и технику. URL: <https://amuras.arbitr.ru/about/press/1542.html>.
8. Кошеленко П. Границу вернули государству. Суд отменил продажу пограничного участка земли в Благовещенске. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1587372>
9. Пассажирский порт «АмурАССО» стал объектом наследственных войн. URL: <https://www.amur.info/news/2017/10/02/130464>

СЕКЦИЯ 4. «МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ» В ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

УДК 784.66:398(=161.1)

НОВЫЙ РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ГРУППЫ «КОРОЛЬ И ШУТ»

*Ананич Эмиль Алексеевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
Ananich.emil@mail.ru*

Аннотация: на основе анализа песенного творчества группы «Король и Шут» в статье дана интерпретация сюжетов и героев в контексте нового русского фольклора.

Ключевые слова: сказка, сказочные персонажи, новый русский фольклор, группа «Король и Шут».

NEW RUSSIAN FOLKLORE BY THE EXAMPLE OF THE CREATIVITY OF THE KING AND THE SHUT GROUP

*Ananich Emil Alekseevich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
Ananich.emil@mail.ru*

Abstract: based on the analysis of the songwriting of the "Korol i Shut" group, the article gives an interpretation of the plots and characters in the context of the new Russian folklore.

Keywords: fairy tale, fairy-tale characters, new Russian folklore, group "Korol i Shut"

Фольклор славян всегда пристально изучался исследователями историками и филологами. Это базовый элемент в анализе не только современной российской традиции писания сказок, но и в эволюции жанра сказки в целом. В статье речь пойдет о важной и интересной проблеме, которую, как представляется, до сегодняшнего дня ещё не изучали в мире гуманитарной науки. В работе будет предпринята попытка проследить эволюцию образов, характеров и мотивов мифических (и не только) персонажей в современной трактовке русских народных сказок. Это цель будет конкретизирована через решение научной задачи: изучить новый русский фольклор на примере стихов и музыки российской панк-рок группы "Король и Шут". Дело в том, что в текстах основателей группы А. Князева и М. Горшенёва очень подробно раскрыт характер некоторых традиционных персонажей русского фольклора. Авторы показывают изменения и эволюцию характера этих персонажей, раскрывают их по-новому, при этом сохраняя

базовую поведенческую основу. Группа «Король и Шут», пожалуй, является редким исключением, своим творчеством она актуализирует и популяризирует русский фольклор в современной России. В их творчестве живет невероятная особенность построения стихотворений и песен на основе образов славянской мифологии, а новые сюжеты и темы помогают раскрыться характерам персонажей с иной силой.

Рассмотрим некоторые песни, поскольку объём всех персонажей и историй из песен группы «Король и Шут» идёт на десятки и даже сотни. Акцент сделаем на самых интересных и распространенных фигурах в тех или иных произведениях. Проблематика сказок рассматривалась в трудах крупных учёных-фольклористов. В частности, в работе В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» [1] уделено особое внимание происхождению фольклорного жанра сказки. Также Пропп в своей работе рассказывает о возникновении тех или иных героев сказочных сюжетов, рассуждает об их функциях и основных характерных особенностях. В данной статье мы будем опираться на выводы Проппа о характерах традиционных персонажей русского фольклора. Это позволит нам выявить уникально новые поведенческие особенности старых персонажей в новом прочтении в произведениях группы «Король и Шут». Фактически, новизна нашего исследования заключается в синтезе творчества и науки, в рассмотрении эволюции сказки и ее персонажей через новый, в плане источника, подход. В таком же ключе тематикой сказок занимались такие филологи как И. В. Кириллова, Е. Ю. Францева, Ю. А. Кошкарова и др. [2, 3, 4] Особое внимание фольклорному жанру сказок уделяет доктор исторических наук Ю. Е. Березкин [5]. В своём электронном курсе учёный делает акцент на универсальности и некоторой устойчивости развития сюжетной линии в сказках разных народов [5] Этот факт поможет нам в дальнейшем понять, что эволюция тех или иных персонажей и сюжетов песен группы «Король и Шут» имеет под собой уникальное и первородное творческое начало. Благодаря этой мысли мы понимаем, что новые драматические сюжеты не имеют точной схожести ни с одной сказкой мира, а значит, мы можем с уверенностью говорить о том, что персонажи и сюжеты этих историй характерно новые. Мы не зря акцентируем свое внимание на факте новизны характера, ведь сами образы персонажей остались традиционными.

Начнём с базового образа, который фигурирует в текстах группы "Король и Шут", начиная с ранних альбомов. Представляется, что речь идет о некоем "Ивана-дураке", который одновременно является и безумцем, и смельчаком, и глупцом [3, с. 13], Появление Ивана-дурака в русском фольклоре приходится на XVI век, и его образ, вероятно, является одним из самых поздних в национальном фольклоре [4, с. 42]. Различного рода сказки априори помогают формировать нам определённого рода характеристику персонажа, но она может разрушаться при анализе его поступков. Например филолог Е. Ю. Францева указывает на тот факт, что Иван-дурак в общем-то и никогда не был недалёкого ума человеком. Это скорее очень ранимый юноша, который обладает расчётом и громадным везением [4, с. 43]. Однако, его действия в тех или иных сказочных произведениях носят противоречивый характер, поэтому мы не

можем дать ему точную характеристику. Новую жизнь этому противоречивому образу Ивана-дурака дала группа «Король и Шут», он один из основных героев их сказочных песен и произведений. Так, в песне «Смельчак и ветер» подобный Иван-дурак бросает вызов самому ветру.

Противостояние человека силам природы не проходит даром: ветер побеждает. В конце песни автор намекает нам на гибель героя, о чём говорят слова «крепкий сон». Однако, этот момент мы можем трактовать по-разному, поскольку из концовки можно сделать вывод о том, что парень победил природу, примирился с ветром; да так, что последний напевал ему ночью и утром ласковые песни. В этом произведении мы наблюдаем явную модуляцию образа Ивана-дурака, который может (если захочет) тягаться с самой природой, что добавляет ему и храбрости и самонадеянности одновременно.

В другом произведении «Дурак и молния», отважный и сумасшедший юноша снова бросает вызов природе: он задумывает поймать саму молнию. Им движет сильное желание и тяга к риску, к чему-то новому и неизвестному. Говоря о новом (в данном случае без аллегорий), мы подразумеваем яркую, таинственную и неожиданную молнию, на которую он всю жизнь смотрел и вожделел её. Со временем, желание героя перешло в разряд безумия, и, выбрав удачный момент, он отправляется её (молнию) ловить. Поступок безрассудный и неуместный, однако, герой вновь побеждает. Но победа дается ему большой ценой: он расплачивается седой головой и явно потрепанным ментальным здоровьем. В этих двух песнях просматривается эволюция образа Ивана-дурака: он – безумец, но одновременно отважный и смелый парень, который ставит перед собой цель и идет к ней. Пусть даже эта цель глупа, герой, через призму борьбы с природой, даёт нам явный намёк на то, что необходимо двигаться к своей цели, что ничего невозможного нет, но необходимо понимать, что за этот решительный шаг может последовать расплата.

В этих двух примерах мы наблюдаем явную преемственность с традиционным образом Ивана-дурака в русском фольклоре: ему присущи отвага и смелость, удачливость, но в то же время самонадеянность, наивность и легкая глупость, синтез этих качеств и дает шанс на победу в том или ином действии. Новый герой бросает вызов не только всему земному, но и природному (чему-то явно недостижимому), что делает его по-своему уникальным. Вероятнее всего, на этот образ повлияла обстановка 90-ых годов XX века в России, когда необходимо было брать всё в свои руки подобным «Иванам-дуракам», которые остались без страны, которые были готовы рискнуть во всех проявлениях жизни. В этом контексте можно рассмотреть ветер и молнию как часть того, что было недоступно для жителей Советской России. «Молния и ветер» в этом концепте существуют сами по себе, они неуловимы, но в то же время никто не в силах бросить им вызов. Представляется, что они соотносятся со словами «нельзя» и «цензура», но в перестроечное время отходят на второй план. Люди, став практически безумцами от новых обстоятельств, уже готовы на покорение таких далёких горизонтов, что даже «молния» и «ветер», которые могли бы причинить страдания за победу над ними, уже не кажутся страшными и недостижимыми.

Новые люди-безумцы также, как и герой песен группы «Король и Шут», готовы заплатить огромную цену за различного рода свершения. Но всё зависит от целей и задач риска, от их положительной или негативной окраски. Среди целей преобладают творческие и благотворительные, но, в тоже время, в процессе их реализации разнообразные соблазны могли сбить с верного пути. В такой ситуации за соблазном следовало наказание.

В песне «Кто это все придумал» автор показывает все тяготы расплаты за то или иное деяние. Всему виной краденые деньги. Из контекста произведения мы также узнаём, что герой не виновен, наказание незаслуженное, а потолок его моральных нарушений кончается притеснением кошек во дворе с использованием палки. В этой ситуации персонаж не унывает, он рассчитывает выйти на свет с высоко поднятой головой, а значит, его история (и история других Иванов-дураков, которые не смогли достичь цели) еще только начинается. Подчеркнём тот интересный факт, что поставив себе положительную цель, рискнув и создав свой уникальный коллектив, группа «Король и Шут» укротили свою молнию, и актуализировали в своём творчестве образ Ивана-дурака.

Как и в традиционном фольклоре, их Иван-дурачок взаимодействует с мифическими персонажами. Так, в том же и в последующих альбомах герой активным образом контактирует с лешим, помогая последнему раскрыться с абсолютно разных сторон. Начнём с того, что леший по славянской мифологии, это сброшенный за свои грехи с неба ангел, который упал в лес и остался там жить [5, с. 5]. Он является представителем нечистой силы. В новом русском фольклоре «Короля и Шута» леший взаимодействует с Иваном-дураком в таких произведениях как «Парень и леший», «Леший обиделся» и др. В первом произведении наш Иван-дурак заплутал в лесу и наткнулся на «хозяина леса» (здесь леший также, как и в русском народном фольклоре, представлен хранителем данной территории) [4, с. 4], Старик был не особо рад гостю, который его напугал, и уж было хотел наказать обидчика, однако, Иван-Дурак проявил безумную отвагу и начал спорить с лешим. Леший отпустил парня, проявив милосердие и благородство. В тоже время «новый леший» выглядит разнохарактерным персонажем. Так, во втором, произведении он устанавливает четкие границы территории, и грозит смертью тому кто, осмелился нарушить его покой:

Как смел ты этой ночью в мой лес ходить?

О страшном лешем так бесстыдно позабыть?

Леший в новом русском фольклоре, также как и в традиционном, может принимать различные формы. В песне «Лесник» он даёт приют путнику, проводит с ним беседы и хитро его забалтывает. В конце истории «этот лесник» планирует скормить путника своим друзьям-животным, над которыми он властвует:

Друзья хотят покушать

Пойдём, приятель, в лес!

Таким образом, мы видим, что в лешем сохраняются черты как от нечистой силы (проявлении хитрости и злобы), так и от человека (доброта,

справедливость). Филологические аллегории и аллюзии по отношению к временному промежутку истории в данном случае мы делать не рискуем, поскольку образ нового лешего является наиболее абстрактным, сложным и, в конце концов, малоизученным. Те самые «новые безумцы» и «Иваны-дураки» в произведениях «Парень и леший» и «Леший обиделся» часто заходят на те или иные патриархальные территории, которые автором текста соотносятся с лесом. Делают это они, вероятно, по своему незнанию, а также по причине вынужденных скитаний. Можно предположить, что это те «новые безумцы», которые не рискнули на покорение новых горизонтов, и вынуждены скитаться в условиях старых порядков. Территории же эти (тот самый лес) таят в себе кучу опасностей. Ведь по сути они бродят по лесу, хозяином которого остаётся леший – старый и злой, но одновременно добрый и мудрый. Также в лесу полно разбойников (фигурируют в других песнях), которые могут убить путников, либо обмануть, либо захотят переманить на свою сторону. Эти описания можно соотнести с картиной роста преступности в конце XX в. Вопрос выживания в таких условиях (и сказочных и реальных) стоит остро – «новые безумцы» либо с трудом уходят из леса, либо погибают, либо уходят в разбойники (что по сути своей тождественно). Метафизика этих песен заключается в том, что необходимо остерегаться таких мест, где существуют патриархальные, отжившие свой век и уже мховые порядки, которые несут в себе негативное влияние на людей. Необходимо остерегаться тех мест, где шансы выжить или умереть, априори равны.

Ещё одним интересным мифологическим существом в новом русском фольклоре является водяной. В одноименной песне герой встречается именно с этим существом. В этой истории акцент делается на вреде алкоголя, поскольку, видя чужое отражение в воде, пьяный персонаж перепутал себя со страшным водяным. Водяной же в новом фольклоре также оказывается не настолько злым, даже к выпившему персонажу. Он делает ему предупреждение и отпускает героя домой. Здесь второй план персонажей построен на том, что людям необходимо помнить, в кого они могут превратиться, оказавшись на дне (прямо как водяной) своей жизни в алкогольном плане.

Что толкает так называемых «Иванов-дураков», а также других персонажей нового русского фольклора «Короля и Шута» на те или иные поступки? Детально рассмотрим мотивы поступков героев. Мотив любви – вот ключ к тем или иным действиям практически всех персонажей песен вышеуказанной группы. Любовь, в этом случае, понятие очень широкое и абстрактное. Любовь к делу, к чему-то новому, к риску, к женщине, к детям, к семье, к лесу... всё это и многое другое является лейтмотивом большинства песен группы «Король и Шут». Но любовь - это очень опасная игра, за которую нужно платить.

Так, например, любовь в чистом понимании просматривается в произведениях «Забутые ботинки», «Домой, в Париж!» и других. Старые и новые герои, движимые силой любви, вновь и вновь хотят вернуться домой, к своей второй половине. Любовь к некоему незавершённому делу просматривается в произведении «Кода», где каждую ночь при свете луны

мёртвый музыкант вставал из гроба, чтобы доиграть свою последнюю коду, которая при жизни его оборвалась прямо на сцене... Здесь мы видим силу любви в проявлении воскрешения человека. Похожий, но более жуткий пример мы наблюдаем в песне «Фред», где герой влюбляется в скелет девушки, который он находит на дне своего колодца. Автор осуждает такую силу любви, говоря о том, что герой сошёл с ума и потерял уже себя и свою жизнь. В наказание ему, каждую ночь мертвая оживала и была с ним теперь уже навечно, без перспектив на его дальнейшую жизнь с другими женщинами. Говоря о сумасшедшей любви к предмету, существу или человеку выделим такие произведения как «Воспоминания о былой любви», «Идол», «Помнят с горечью древяне». Герои вышеперечисленных произведений, в конце концов, остались несчастными или обрели смерть в погоне за жадной счастья и удовлетворённости. Таким образом, безумная любовь и сумасшествие автором караются жестоким образом. Они обречены на вечные муки и страдания.

Также в песнях мы наблюдаем мотив предательской любви («Мадам Жоржетт») и любви неразделённой («Тяни!», «Ведьма и осёл», «Прыгну со скалы»). В каждом из этих произведений один из героев совершает отрицательный поступок по отношению к другому, который потом ведет к тем или иным последствиям. В песне «Прыгну со скалы» герой даже мстит своей обидчице тем, что погибает.

Тема мести является важной для некоторых произведений. Например, тема мести за упущенную любовь становится ключевой темой в завершении истории легендарной панк-рок группы. В конце 2011 года автор большинства текстов группы «Король и Шут» Андрей Князев ушёл из группы и создал собственный проект. «Старая сказка» подошла к концу. Михаил Горшенёв, его друг и автор большинства музыки, остался одиноким капитаном культовой группы. В те же годы закипела работа над новым проектом, зонг-оперой «TODD», в которой основной темой становится месть. Опера была представлена в двух актах, сюжеты которых собрали в себе всю палитру проявления любви. Неразделённая любовь Ловетт, безумие и месть судьбе (и всему миру) Тодда, его чистая любовь к образу (впоследствии именно к образу) Бэтти, любовь к деньгам мясника и многое другое. Всё это – финальная точка творчества группы «Король и Шут», квинтэссенция старых сказок в совершенно новой обложке и способе подачи. В конце истории сам Тодд (которого играл непосредственно Михаил Горшенёв), понимая, что остался совсем один, совершает самоубийство. «Король и Шут» отыграли один сезон оперы, далее готовился новый альбом, с уклоном на старые произведения, но 19 июля 2013 года в возрасте 39 лет Михаил Горшенёв скоростижно скончался. Группа «Король и Шут» навсегда застыла в 2013 году. На данный момент Андрей Князев бережно продвигает традиции нового русского фольклора в рамках творчества своей группы, тем самым, не давая этому уникальному жанру угаснуть.

Таким образом, удалось выяснить, что герои нового русского фольклора, оставаясь достаточно противоречивыми, в произведениях группы «Король и Шут» наделяются некоторыми новыми чертами характера. Так, они становятся более человечными, и более открытыми. Новые герои готовы на новые поступки ради новых целей. Мотивы их деятельности расширяются, а сами

действия приобретают особый смысл. Следовательно, в произведениях группы «Король и Шут» фигурируют основные фольклорные персонажи славянской традиции, но в новом прочтении.

Список литературы и источников

1. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. СПб., 2021. 256 с.
2. Ю. Е. Березкин. Электронный курс археология фольклора: мифологические мотивы на карте мира. СПб., 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://stepik.org/course/51/info> . (Дата обращения 25 октября 2022 г.).
3. Кириллова И. В. Языковые репрезентации концепта «Глупость» в русских народных сказках // Вестник Вятского гос. ун-та. Вып. 8. Киров, 2011. С. 12-15.
4. Францева Е. Ю. Так ли прост Иванушка-дурачок на самом деле? // Вестник магистратуры. Вып. 6. Самара, 2016. С. 42-44.
5. Кошкарлова Ю.А. К вопросу о взаимосвязи образов медведя и лешего в русской народной традиции // *Viaintemore*. История. Политология. Вып.7. Новосибирск, 2009. С. 2-8.

УДК 94:364-787.2(571.51)(092)"18/19"

КУПЦЫ-МЕЦЕНАТЫ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – XX ВЕКА

*Апиратинская Анастасия Викторовна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
apiratinskaa@gmail.com*

Аннотация: В статье представлены краткие сведения благотворительной деятельности купцов Т. И. Щеголевой, И. Г. Гусева и Н. Н. Дементьева в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Рассматривается их вклад в благоустройство города, содействие народному образованию, помощь детским приютам, развитие науки и культуры в разных городах Енисейской губернии.

Ключевые слова: благотворительность, меценатство, Енисейская губерния, Т. И. Щеголева, И. Г. Гусев, Н. Н. Дементьев.

MERCHANTS-PATRONS IN THE YENISEI PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – XX CENTURY

*Apiratinskaya Anastasia Viktorovna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
apiratinskaa@gmail.com*

Abstract: The article presents brief information about the charitable activities of merchants T. I. Shchegoleva, I. G. Gusev and N. N. Dementiev in the Yenisei

province in the second half of the XIX – early XX centuries. Their contribution to the improvement of the city, the promotion of public education, assistance to orphanages, the development of science and culture in different cities of the Yenisei province is considered.

Keywords: charity, patronage, Yenisei province, T. I. Shchegoleva, I. G. Gusev, N. N. Dementiev.

В России общественные и частные инициативы выражались в благотворительной деятельности – социальном явлении, которое проявляется в оказании безвозмездной и бескорыстной помощи отдельным лицам или группам лиц, а также направлено на развитие образования, науки, культуры, здравоохранения и других сфер. Деятельность государства в решении социальных проблем по мере развития общества постепенно возрастает, параллельно видоизменяются формы и специфика благотворительной помощи. Вместе с государственной деятельностью возрастают и частные инициативы [1, с. 191].

Значительную роль в процессе развития благотворительности в Енисейской губернии занимали купцы-предприниматели. Их благотворительная деятельность была обусловлена различными факторами: крупный капитал, нравственные убеждения, а также личная выгода в получении звания почетного гражданина [2, с. 124]. Меценаты являлись членами попечительных советов и обществ, а также выделяли крупные пожертвования на общественные нужды, участвовали в создании детских приютов, библиотек и школ. Большие вклады купцы осуществляли в сфере науки и культуры.

Очень распространенным явлением в период во второй половине XIX – начале XX века стала поддержка детей. Сиропитательный дом Т.И. Щеголевой был открыт в Красноярске в 1894 г. в двухэтажном каменном здании. Сама купчиха Щеголева осуществляла крупные вклады в данное учреждение, например, она выделила 6000 рублей на постройку и содержание Сиропитательного дома [3, л. 1–5]. Девочки из необеспеченных семей и круглые сироты здесь становились грамотными труженицами. Обучение делилось на общее и специальное, которое, в свою очередь, позволяло поступать в образовательные учреждения более высокой степени в дальнейшем.

Кроме того, Татьяна Ивановна жертвовала средства на Кафедральный Богородице-рождественский собор в г. Красноярске, содержание женской гимназии, устройство богаделен и строительство двухклассного ремесленного училища. Также по завещанию Т. И. Щеголевой от 1878 г. крупные суммы предназначались на благотворительные дела, в том числе в пользу церкви, на больных и раненых воинов, на детские приюты, учебные заведения, устройство Сиропитательного дома и т. д. В целом супруги Щеголевы отдали Красноярску 1 млн. 200 тыс. рублей [4, с. 188–189].

После смерти мужа купчиха Т.И. Щеголева продолжала его благотворительную деятельность, внося большой вклад в сферу народного образования, детскую поддержку и благоустройство города Красноярска.

Процесс развития благотворительной деятельности и меценатства ярко протекал и в Минусинском уезде за счет частных и общественных инициатив. И. Г. Гусев – первостепенная личность в истории Минусинска. Купец был известен как предприниматель в Сибири, широко занимавшийся благотворительной деятельностью в городе. Большие средства И. Г. Гусевым были выделены на ремонт приходского училища и обеспечение и поддержку женской гимназии в Минусинске, в Попечительном Совете которой он принимал активное участие. Также И. Г. Гусевым был пожертвован земельный участок с домом для Минусинской женской прогимназии. Собственное здание позволяло прогимназии использовать материальные средства на приобретение учебных пособий, поддержку малоимущих. Известен меценат и как строитель Троицкой церкви, после чего был избран на должность старосты [5, с. 46–49].

Особую роль среди купеческих династий г. Енисейска принадлежит роду Дементьевых. Купцы-предприниматели Дементьевы занимались благотворительной и общественной деятельностью: вклады в благоустройство города, развитие народного образования, помощь детским приютам и больницам. Николай Никандрович Дементьев – купец 2 гильдии, городской голова с 1883 по 1888 гг. уделял большое внимание благоустройству города. Помимо этого, внес вклад в развитие народного образования: в 1881 г. пожертвовал средства в пользу Енисейской женской гимназии, а в 1886 г. – на содержание Александровского дома призрения бедных детей в Енисейске. В 1882 г. благодаря инициативе Н. Н. Дементьева в Томске было открыто Общество попечения о начальном образовании. Также большие средства были выделены меценатом на нужды Православной Церкви [6, с. 17–19].

Дементьевы – единственная династия, продержавшаяся в купечестве Енисейской губернии на протяжении полутора веков. Успешная торговля пушниной и хлебом позволила им иметь стабильный и крупный доход, что, в свою очередь, способствовало возможности активного участия в благотворительной деятельности. Из покоя веков Дементьевы содействовали помощи бедным, оказывали материальную поддержку образованию, детским приютам, способствовали развитию науки и культуры.

Неизменной социальной проблемой во второй половине XIX – начале XX вв. было большое количество нищих и бродяг. Осуществляемая политика местных властей по отношению к данной проблеме была неэффективна: часть нищих выдворялась из города, часть – отправлялась в тюремное заключение. В данной сфере также активно участвовали меценаты, жертвовавшие средства на благотворительные учреждения. За счет крупных вкладов в городах Енисейской губернии постепенно открывались дома призрения и бесплатные столовые. Зачастую купцы могли выделять собственные дома для открытия богаделен.

В Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. значительную роль в благотворительной деятельности занимали меценаты. Зачастую это были купцы, занимавшие главные должности в органах местного самоуправления. За счет них в основном определялись направления социально-экономического и культурного развития городов не только Енисейской

губернии, но и в целом в Сибири. Именно у купцов-предпринимателей был самый крупный финансовый источник помощи на фоне массовых пожертвований, в связи с их стабильностью дохода и большими капиталами. Материальные возможности позволяли им заниматься благотворительностью и осуществлять крупные вклады во благо общества: помощь и поддержка народного образования, медицины, благоустройства города и общественного призрения в Енисейской губернии.

Список литературы и источников

1. Дорохова Т.С. Благотворительность: социально-педагогический аспект / Т.С. Дорохова // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 1. С. 191–195.
2. Савченко Н.В. Благотворительная деятельность в Сибири: исторический аспект / Н.В. Савченко // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 2. С. 121–125.
3. ГАКК Ф.161 Оп.2. Д.911. Л.1–5.
4. Шилов А.И. Щеголевы – династия меценатов-благотворителей / А.И. Шилов, Н.В. Шилова // Историков-педагогический журнал. 2014. № 1. С. 188–195.
5. Злотникова С.Г. Роль общественной и частной инициатив в развитии народного образования Минусинского уезда Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. / С.Г. Злотникова // Genesis: исторические исследования. 2021. № 7. С. 36–53.
6. Комлева Е.В. Династия енисейских купцов Дементьевых (вторая половина XVIII – начало XX в.) / Е.В. Комлева // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 8–20.

УДК 94(470)

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ИХ РОЛЬ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

*Ахтамов Евгений Александрович
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
akhtamov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные аспекты трудовых биографий работников железной дороги Сибири во второй половине XX века. Акцент сделан на биографиях начальников железной дороги, а также начальников служб, оказавших влияние на развитие железной дороги в 1950–1980-е годы. В частности, в статье отражены отдельные моменты трудовых биографий Б.К. Саламбекова, Г.М. Фадеева, Б.А. Евлампиева, М.Г. Золотарева,

П.И. Кислицына, И.И. Кудрявцева, В.А. Реймарова, М.Е. Фрадкова, Ю.Г. Шиповалова, М.А. Штульмана.

Ключевые слова. Красноярская железная дорога, Восточно-Сибирская железная дорога, биография, электрификация, Сибирь.

***RAILWAY WORKERS OF THE KRASNOYARSK REGION AND THEIR
ROLE IN THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY***

*Akhtamov Evgeny Alexandrovich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
akhtamov@gmail.com*

Abstract. The article covers the aspects of the labor biographies of Siberian railway workers in the second half of the 20th century. The emphasis has been made on the biographies of the chiefs of the railway, as well as the chiefs of services that influenced the development of the railway in the 1950s-1980s. In particular, the article reflects certain aspects of work biographies of B.K. Salambekova, G.M. Fadeeva, B.A. Evlampiev, M.G. Zolotareva, P.I. Kislitsyna, I.I. Kudryavtseva, V.A. Reimarova, M.E. Fradkova, Yu.G. Shipovalova, M.A. Shtulman.

Keywords. Krasnoyarsk railway, East Siberian railway, biography, electrification, Siberia.

Вторая половина XX века в Сибири была отмечена стремительной индустриализацией. Развитие тяжелой промышленности оказало существенное влияние на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на развитие железнодорожного транспорта. Масштабные преобразования стали возможны благодаря труду людей, пришедших на железную дорогу в 1950-1960-е годы. В данной статье рассмотрены трудовые биографии железнодорожников. Стоит отметить, что объем статьи позволяет осветить лишь некоторые аспекты трудовых биографий лишь очень немногих людей.

Б.К. Саламбеков был начальником Красноярской железной дороги с 1959 года, а с 1961 года – начальником объединенной Восточно-Сибирской железной дороги. Еще в годы Великой Отечественной войны Б.К. Саламбеков проявил большие организаторские способности в осажденном Ленинграде. На свой страх и риск он организовал в ночное время движение поездов вслед друг за другом, в нескольких метрах один от другого. Такой режим движения еще не применялся на железной дороге. В результате, по ветке, проложенной вдоль берега Ладожского озера в узком коридоре, отвоеванном у немецких войск, было организовано снабжение города продовольствием и оружием. За неоднократно проявленную смелость и мужество Б.К. Саламбеков был удостоен звания Героя Социалистического труда.

Работая на Красноярской железной дороге, Б.К. Саламбеков многое сделал для её электрификации. Б.А. Евлампиев, начальник пассажирской службы Красноярской железной дороги, работавший на железной дороге в

1950-1980-е годы, вспоминает, что Б.К. Саламбеков был назначен начальником Красноярской железной дороги в начальный период освоения электрической тяги: «... своими решительными действиями Б.К. Саламбеков значительно ускорил освоение нового вида тяги. Он приказал водить грузовые поезда двойной тягой. Это было экономически невыгодно, но оправдано с точки зрения недопущения непредвиденных остановок в пути следования, особенно в период освоения машинистами новой техники. Жизнь показал, что подобная мера в тот период была правильной». [1, с. 122]

Б.А. Евлампиев вспоминает, что одной из важнейших задач, которую поставил Б.К. Саламбеков, была задача обеспечения стопроцентного проследования пассажирских поездов по графику. Высокая требовательность с одновременным поощрением отличившихся работников сделали свое дело – пассажирские поезда пошли по графику.

Ввод в эксплуатацию электрической тяги, усиление путевого развития станций и узлов и технической вооруженности отделения дали возможность нормализовать поездную обстановку на отделении, увеличить весовые нормы поездов, значительно сократить количество браков в поездной работе.

После объединения Красноярской и Восточно-Сибирской железных дорог в 1961 году, став руководителем огромного коллектива восточносибирских железнодорожников, Б.К. Саламбеков в полной мере проявил свой организаторский талант. В 1964 году Б.К. Саламбеков был выдвинут на руководящую работу в Министерство путей сообщения СССР.

Для работы в управлении Восточно-Сибирской дороги в Иркутске Б.К. Саламбеков пригласил из Красноярска пятьдесят специалистов, среди которых были молодые руководители. Так, главным инженером службы сигнализации и связи на объединенной дороге стал М.А. Штульман, в дальнейшем начальник службы Красноярской железной дороги, главным инженером дороги – В.А. Реймаров, начальником распорядительного отдела службы движения – М.Е. Фрадков (в дальнейшем начальник Братского отделения дороги). Сменным начальником распорядительного отдела службы движения стал М.Г. Золотарев (в дальнейшем начальник станции Иркутск-Пассажирский, затем заместитель генерального директора Ангарского нефтехимического комбината), И.И. Кудрявцев – заместителем начальника службы пути. И такой путь прошли многие молодые инженеры, набравшие необходимый опыт.

В 1979-1984 годах Красноярской железной дорогой руководил Геннадий Матвеевич Фадеев. После окончания Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта, он работал в Тайшете – дежурным по парку, главным инженером станции. Затем в Нижнеудинском отделении – заместителем начальника отдела движения. Будучи начальником Красноярского отделения железной дороги, Г.М. Фадеев проявил свои организаторские способности целеустремленного руководителя, не боящегося ставить большие задачи и умеющего добиваться их выполнения. [1, с. 146] В дальнейшем Г.М. Фадеев был переведен в управление Восточно-Сибирской железной дороги. Когда же в 1979 году возник вопрос об организации самостоятельной Красноярской железной дороги, то эта большая

организаторская работа была поручена ему, и он с ней блестяще справился [1, с. 146]. Отдаваясь целиком и полностью работе, Г.М. Фадеев вокруг себя создавал столь творческую атмосферу, что все, кто был связан с ним решением той или иной задачи, трудились не покладая рук, чувствуя и его высочайшую требовательность и мощную поддержку. В дальнейшем Г.М. Фадеев был переведен на Октябрьскую железную дорогу (с центром в городе Ленинграде) и возглавил ее. Затем он был переведен в Министерство путей сообщения на должность заместителя министра, а в дальнейшем стал министром путей сообщения. Кому довелось работать с Г.М. Фадеевым отмечают такие его качества как целеустремленность, умение смотреть в корень проблемы, умение сплотить большой коллектив для решения задач [1, с. 146].

Трудовой путь Ю.Г. Шиповалова – начальника Красноярской железной дороги в 1994-2000 годы – начинался на крупнейшей станции Иркутск-Сортировочный. Ю.Г. Шиповалов работал в должности главного инженера станции, когда был переведен на Красноярскую железную дорогу. На Красноярской железной дороге Ю.Г. Шиповалов работал в должности главного инженера службы движения, начальника Ачинского отделения, начальника Красноярского отделения, заместителя начальника дороги, а затем – руководителя Красноярской магистрали. [2, с. 85]

В 1961 году, когда Красноярская железная дорога была объединена с Восточно-Сибирской с управлением в Иркутске, начальником службы движения был назначен Павел Иванович Кислицын. В начале 1960-х годов он уже был опытным специалистом по организации и управлению перевозками на железной дороге. Его коллеги отмечали, что ежедневные селекторные совещания по оперативной работе он проводил «...максимум за полчаса, хотя в то время на объединенной дороге было семь отделений и каждому нужно было дать слово для отчета. Его короткие, емкие выражения запоминались надолго: «Пошел большой полувагон», «Большая платформа показала хвост», то есть была обещана Министерством путей сообщения, но не пришла...». [1, с. 123]

П.И. Кислицын первым выдвинул идею сократить малые по длине Иланское и Боготольское отделения и вместо них организовать новое Ачинское отделение дороги, так как станция Ачинск в недалеком будущем должна была стать крупным узлом на четырех направлениях (Ачинск – Мариинск, Ачинск – Чернореченская, Ачинск – Ужур – Абакан). Также, к сдаче в эксплуатацию готовилась новая линия Ачинск – Маклаково, протяженностью 270 километров. Кроме того, заканчивалось строительство линии Красная Сопка – Кия-Шалтырь, предназначенной для перевозки сырья для Ачинского глиноземного комбината. Дальнейшее хозяйственное развитие региона показало, что идеи П.И. Кислицына были верными.

В 1962 году решением руководства дороги Боготольское отделение дороги было сокращено и временно включено в состав Красноярского отделения дороги. В ноябре 1966 года было закрыто и Иланское отделение

дороги. Штаб Иланского отделения почты в полном составе переехал в Ачинск, где к тому времени были подготовлены помещения для штаба отделения на месте бывшего военно-продовольственного пункта [3, с. 226].

Перечислить всех, кто внес вклад в развитие Красноярской железной дороги, не возможно. Рядовые железнодорожники сделали все для ее становления, переоснащения, внедрения новой техники и передовых методов труда. Работники железной дороги, решая сложные производственные задачи, становились высококлассными специалистами. Так, Красноярская железная дорога стала настоящей кузницей кадров.

Список литературы и источников

1. Стальное звено Транссиба. 100 лет Красноярской железной дороге 1889-1999/Сост. В.В. Чагин, В.Г. Саклаков. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1998. 464 с.

2. Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XX век. В 2-х т. / Под общей ред. В.Г. Третьякова. Иркутск: Изд-во Облмашинформ, 2001. Т. 2. 480 с.

3. Цыкунов Г.А. ТПК и кластеры: новые подходы и проблемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 4. С. 225-230.

4. Восточно-Сибирская электрическая: к 75-летию железной дороги / В. Т. Агалаков, Ф. А. Кудрявцев и др.; автор предисловия и главный редактор Г. И. Тетерский ; МПС СССР, Управление Восточно-Сибирской железной дороги. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1972. С. 5-7.

5. Бирюков В. Транспортная система страны // Плановое хозяйство. 1973. № 1. С. 21-25.

6. Зубков А. Ачинско-Красноярский промышленный узел // Плановое хозяйство. 1959. № 7. С. 89-92.

7. Чертков Л. Плановое развитие транспорта // Плановое хозяйство. 1971. № 2. С. 57-61.

**«...ЗНАЧЕНИЕ В НАУКЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ»: О СОЗДАНИИ МУЗЕЯ
В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1920-Е ГГ.**

*Бершадская Светлана Вячеславовна
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
bsv97@yandex.ru*

Аннотация: Тема исследования судеб «маленьких людей» в истории великой страны продолжает оставаться актуальной. Важное значение при этом имеет введение в научный оборот новых источников, в том числе личного происхождения. Целью данной статьи является презентация эпистолярного корпуса Н.Г. Тарасова, выделение тематических доминант. Письма были написаны в 1925 году в селе Балахта и предназначались М.В. Красноженовой, заведующей отделом Государственного Музея Приенисейского края.

Ключевые слова: Н.Г. Тарасов, М.В. Красноженова, письма как исторический источник, 1920-е гг., Енисейская губерния, село Балахта, музей, краеведение, общественная деятельность.

***THE TALE OF ONE PERSON WHO TRIED TO OPEN A MUSEUM
IN A SIBERIAN VILLAGE IN 1920S***

*Bershadskaiia Svetlana Vyacheslavovna
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
bsv97@yandex.ru*

Abstract: the letters of Nickolai Tarasov (aged 76) were written in 1925 and some extracts are published for the first time. The handwritten originals are in the Scientific Archives of the Krasnoyarsk Regional Studies Museum. The letters describe the author's attempt to open the local museum and promote regional studies in the remote Siberian village of Balakhta (Yenissei province). Mr. Tarasov addressed his letters to Maria Krasnozhonova, who worked for the Regional Studies Museum in Krasnoyarsk and was the curator of *Old Krasnoyarsk* collection. The letters stand somewhere in between personal and official correspondence and may shed light on the voluntary endeavours and everyday life of rural Siberians in 1920s.

Keywords: Nickolai Tarasov, Maria Krasnozhonova, letters, 1920s, Yenissei Province, the village of Balakhta, museum, regional studies, social endeavour

Свои письма Н.Г. Тарасов написал в 1925 году и адресовал М.В. Красноженовой, заведующей отделом Старого Красноярска Государственного музея Приенисейского края. Рукописные оригиналы писем хранятся в научном архиве Красноярского краеведческого музея – ОФ 13049/60-65 «Письма Н.Г. Тарасова (76 лет) из с. Балахты Марии Васильевне Красноженовой». В

указанный период село Балахта было административным центром одноименной волости с населением прибол. 14000 чел. [1]. Сам 76-летний автор писем в момент их написания был одним «единственным по устройству музея», начало которому было положено еще в досоветский период [2, л. 59].

Эпистолярное наследие людей, живших в 1920-е гг., становилось темой исследования ряда авторов [3-10], отметивших высокий информативный потенциал данного вида источника. Чаще всего в поле зрения исследователей попадают т.н. «письма во власть». Работ, посвященных исследованию личной переписки, не много. Среди них необходимо отметить труды М.В. Ромашовой и Е.С. Тарарухиной о письмах Н.В. Мешкова [11], И.А. Голубевой о письмах И.М. Гревса [12], С.Г. Петрова, презентовавшего письма В.В. Адоратского [13], а также С.И. Михальченко и Е.В. Ткаченко, исследовавших письма А.Д. Билимовича [14]. По мнению авторов, наличие в письмах релевантного, как в личном, так и в общественном отношении, адресата, дает возможность предположить высокую степень достоверности излагаемой информации. Особенно, когда речь идет об использовании в исследованиях эпистолярных комплексов, имеющих большую информационную ценность [14] для конструирования социальной реальности, процессов совместной деятельности и коммуникации людей, действующих в конкретных обстоятельствах [15, с.19]. Рассмотренные историографические тенденции свидетельствуют о том, что личная переписка представителей сибирской глубинки 1920-х гг. редко попадает в поле зрения исследователей, что говорит о значительной степени новизны результатов исследования представляемого эпистолярного корпуса.

Организация культурно-просветительской деятельности среди сельского населения является важнейшей тематической доминантой писем, написанных грамотно, аккуратно, слегка угловатым подчерком. Н.Г. Тарасов ставил, несмотря на возраст, слабое здоровье («я не могу пройти квартала без двух трех остановок для отдыха. ... и при письменной работе мне требуется отдых после каждой странички») и «экономическую несостоятельность» [16], перед собой задачи в духе социокультурных модернизационных процессов 1920-х гг. Он писал, что «хотел что-нибудь сделать по краеведению» и привлечь к краеведческой работе обычных людей, своих односельчан. Кроме того, имея «немало желаний по музейным делам», автор предпринял попытку открыть местный музей «...с целью привлечь население к музею» [17]. И действительно – небольшая часть населения оказалась привлечена: «В начале по делам музея числилось 6 чел., вскоре весь этот состав, кроме одного ..., выбыл из Балахты в другие места жительства» [2, л. 59]. Для еще не привлеченных к «музейным делам» односельчан «хотел ... устроить несколько чтений по палеонтологии и геологии» и, понимая уровень готовности своей аудитории к восприятию научных тем, добавляет: «со световыми картинками» [17]. В рассматриваемый период – уникальный «благодаря... совпадению интересов местной общественности... и государства...» [18] – оба направления деятельности, и краеведческое движение, и музейное дело рассматривались в качестве важных механизмов культурного просвещения населения и экономического развития страны [18-22].

Кроме того, в письмах содержится информация о материально-бытовых условиях жизни сельских жителей Сибири, отдельных аспектах взаимоотношений между обществом и властью, преобладавших настроениях и ценностях.

Так, например, в одном из писем говорится об особенностях организации медицинского обслуживания, точнее о его отсутствии: «Может скоро назначат в Балахту врача». Однако, отмечается готовность со стороны медицинского работника, в тот момент, когда он еще работал на селе, пойти навстречу нуждам пожилого человека: «От исполкома я взял удостоверение, что не могу в Ачинск явиться для освидетельствования в Контрольную рабочекрестьянскую комиссию по слабости здоровья и неимения средств, а потому просил освидетельствования на месте местным врачом. Местный врач Лавровский, получив разрешение, освидетельствовал меня в присутствии фельдшера...» [23].

Сдержанно и с достоинством принимает автор писем законодательный нарратив центральной власти в отношении перспектив получения пенсионного «вознаграждения». Так, например, в письме от 9 июля 1925 года, Тарасов пишет: «Если уж Вы, так много сделавшие по народному образованию, остались без вознаграждения, то хлопоты обо мне в дальнейшем будут напрасным трудом, так как моя служба не соответствует положению декрета о пенсиях» [24].

Действия представителей местной власти также затронуты в переписке. Отмечается отсутствие «сочувствия к просветительскому делу в Балахте» со стороны «Балахтинской потребилки», «выдворившей» «библиотеку с музеем в избу читальню», затем поместившей «читальню с музеем ... в бывшую ямщицкую и каталажку при волости» [24].

Не самым продуктивным образом складывались взаимоотношения автора писем с Красноярским бюро краеведения, председателем которой был директор Государственного музея Приенисейского края А.Я. Тугаринов [25, л.1], чем возможно и объясняется выбор адресата. Так в письме от 20 июня 1925 года Н.Г. Тарасов пишет: «На 3-й недели Велик. Поста мною посланы были в Красн. музей в ответ на анкету заказным письмом сведения по Балахтинскому краеведению... Но ответа от музея никакого не было» [26]. Поэтому, вполне естественно, что любое внимание и помощь, которые Н.Г. Тарасову оказывались, принимались с благодарностью: «За присылку брошюры очень благодарен; хотя она дает самые элементарные сведения, более или менее известные, но для меня она важна тем, что побуждает и вызывает энергию к продолжению музейного дела» [24].

Итак, вводимый в научный оборот эпистолярный комплекс является уникальной иллюстрацией того, каким образом в 1920-е гг. «значение в науке провинциальной работы» становилось «все больше» [27, с. 9].

В целом, о высоком информативном потенциале данного эпистолярного корпуса свидетельствует исключительная значимость описываемых событий для самого автора. Деятельность этого немолодого, не самого здорового и финансово обеспеченного человека была нацелена на повышение уровня интеллектуального запроса своих соотечественников. Вряд ли можно

утверждать, что таким образом автор писем адаптировался к советской жизни, скорее он стремился приспособить к ее требованиям тех, кто жил рядом с ним.

Рост интереса со стороны сельского населения к просветительской деятельности свидетельствует о трансформациях повседневной жизни и массовых настроений. Кроме того, необходимо выделить еще ряд особенностей данного корпуса. Во-первых, в связи с ростом интереса исследователей к «маленьким людям» в истории великой страны, их жизненного мира и побудительных мотивов, а также в связи с немногочисленностью материалов личной переписки жителей сибирской глубинки рассматриваемого периода, напрашивается вывод о том, что письма Н.Г. Тарасова дадут дополнительную возможность верификации имеющейся в распоряжении исследователей информации о социокультурной ситуации раннесоветского общества [3, 15, 28]. Во-вторых, в отношении писем Н.Г. Тарасова не хочется использовать термин «эго-документы» из-за отсутствия в них «эго». Адресуя свои письма женщине, которая была моложе, уважение к которой чувствуется в каждой строчке каждого письма, Н.Г. Тарасов выступает в письмах, прежде всего, как лицо социальное. Несмотря на то что в письмах содержится описание проблем, и в отношении некоторых из них автор писем апеллирует к помощи адресата, тем не менее данный корпус следует рассматривать как занимающий промежуточное положение между т.н. «письмами во власть» [4-10] и личной перепиской [11-14]. Таким образом, рассмотренные аспекты позволяют прийти к выводу о значительной степени уникальности писем Н.Г. Тарасова, написанных в адрес М.В. Красноженовой, заведующей отделом Старого Красноярска Государственного музея Приенисейского края из села Балахта Енисейской губернии в 1925 году.

Список литературы и источников

1. Бюллетень Енисейского губернского статистического бюро. 1921, № 1, сентябрь.
2. ГАКК. ФР-1380. О.1. Д.32.
3. Пушкарёва Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214-245.
4. Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8. С. 133-145.
5. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Социологический анализ "писем во власть" (1917-1927 годы) // Социологические исследования. 1999. № 2. С. 80-88.
6. Морозова Т.И. Письма сибиряков во власть в условиях новой экономической политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 89-97.

7. Рожков А.Ю., Мамонтова О.А. Письма "во власть" как исторический источник изучения социальных проблем студенчества в советской России 1920-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1 (57). С. 85-93.
8. Студеникина Е.С. "Прошу моей просьбе не отказать": отражение проблем рабфаковцев 1920-х годов в их обращениях к власти // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 3 (50). С. 175-185.
9. Безденежных А.Ю. П.П. Бажов как организатор работы с письмами граждан в редакции уральской "Крестьянской газеты" (1923-1930 гг.) // Отечественные архивы. 2011. № 5. С. 16-22.
10. Никишина Е.А. Автор и адресат в жанре "письмо в газету" (на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 3. С. 38-55. DOI: 10.7868/S1605788018030040.
11. Ромашова М.В., Тарарухина Е.С. "Голубушка, пойми же, что без дела, без больших тревог и задач я не привык жить и не могу!" (письма Николая Васильевича Мешкова Екатерине Семёновне Бажиной (Мешковой) 1914 - 1927 годов) // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 1 (32). С. 179-191.
12. Голубева И.А. "Я всегда любил преподавание, но теперь в области истории - это очень трудное дело" письма И.М. Гревса к Н.П. Анциферову. 1934-1941 гг. // Отечественные архивы. 2017. № 1. С. 64-91.
13. Петров С.Г. «Вообще конгресс[-]то этот больше похож на пикник, чем на ученое предприятие»: письма В.В. Адоратского о поездке на Международный конгресс историков 1928 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 3. С. 24-33.
14. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Неопубликованные письма А. Д. Билимовича из Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев В.В. Шульгину как исторический источник. 1921-1926 ГГ // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 273-284. doi 10.28995/2073-0101-2022-1-273-284.
15. Гусева И.И. Микроракурсы социального и стратегии их исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2. С. 15-20.
16. КККМ ОФ 13049/62. Письмо от 10 марта 1925 года.
17. КККМ. ОФ 13049/60. Письмо от 19 января 1925 года.
18. Скиданов М.Е. Краеведческое движение 1920-х гг. в Саратовской губернии как явление общественной и научной жизни региона. Дисс. канд. ист. наук, специальность 07.00.02. 2004. 371 с.
19. Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в музейных экспозициях Томска и Новосибирска 1920-х гг. // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск, 2009. С. 83-89.
20. Prior Nick. Museums: Leisure between State and Distinction pp. 27-44 // Histories of Leisure. Edited by Rudy Koshar. London, Bloomsbury Publishing PLC. 2002. 352 p.

21. Филимонов С.Б. Историческое краеведение в России и документальные памятники (1917-1929 гг.). Автореферат дисс... докт. ист. наук, специальность 07.00.09. 1992. 21 с.
22. Мельникова Е.А. "Сближались народы края, представителем которого являюсь я": краеведческое движение 1920-30-х годов и советская национальная политика // *Ab imperio*. 2012. № 1. С. 209-240.
23. КККМ ОФ 13049/61. Письмо без даты.
24. КККМ. ОФ 13049/64. Письмо от 9 июля 1925 года.
25. ГАКК. ФР-1380. О.1. Д.45.
26. КККМ. ОФ 13049/65. Письмо от 20 июня 1925 года.
27. Смирнов В.А. Введение в изучение Приенисейского края. № 1. Красноярск: Гос. Типо-Литография. 1926. 21 с.
28. Гонина Н.В. Социальные последствия НЭПа: опыт изучения в Восточной Сибири (1990-2020-е годы) // Российские экономические реформы в региональном измерении. Новосибирск. 2021. С. 299-308.

УДК 331.556.4

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ КОРЕЙСКИХ ГАСТАРБАЙТЕРОВ В ЯПОНИИ 1910 – 1931 ГГ.

*Гайкин Виктор Алексеевич
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия
Unara49@mail.ru*

Аннотация. Бурное развитие японской экономики в 1910-1930 гг. требовало значительных трудовых ресурсов, которые пополнялись пришлым корейским населением. Иммигранты были востребованы в тех сегментах японской экономики, работа в которых полностью или частично игнорировалась аборигенным населением.

Ключевые слова: Япония, корейские гастарбайтеры, региональная дистрибуция.

REGIONAL DISTRIBUTION OF KOREAN GUEST WORKERS IN JAPAN 1910 – 1931

*Gaikin Viktor Alekseevich
Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East FEB
RAS, Ph. Vladivostok, Russia,
Unara49@mail.ru*

Summary: Fast development of the Japanese economy in 1910-1930 demanded match manpower, which are replenished outsiders Korean population. The

immigrants were in demand in those segments of the Japanese economy, the work that wholly or partially ignored by the aboriginal people.

Key word: Japan, Korean guest workers, regional distribution.

Исчезновение Кореи с политической карты мира в 1910 г. в результате аннексии и включение её в состав Японии не дало корейцам автоматически в полной мере всех прав японского гражданина. Как отметил американский исследователь Edward W. Wagner, «корейские подданные Японии... не пользовались правами и привилегиями японских граждан [5, с.9]. Тем не менее, право на въезд и проживание в Японии в качестве «гастарбайтеров» они получили, поэтому аннексия Кореи(1910 г.) стала точкой отсчёта создания в Японии самой большой за пределами Кореи корейской диаспоры.

В 1911 г. в Японии насчитывалось 2527 корейских иммигрантов.[3, с.58] Первым опытом целевого найма корейцев и последующего ввоза в Японию можно считать их вербовку в 1911 г. для работы в г. Осака на текстильных фабриках компании «Сэтцу босэки кабусики кайся». Перед началом первой мировой войны (в 1913 г.) в Японии насчитывалось 3600 корейцев [3, с.54].

Во время первой мировой войны военные заказы, которые размещали в невоюющей Японии её воюющие союзники вызвали быстрый рост военного производства и потребность в рабочей силе. У японцев появилась возможность переложить на ввезённых из Кореи «гастарбайтеров» работу по известной формуле «3 Д» - dirty, dangerous, difficult (грязная, опасная, тяжёлая. Основная часть корейских иммигрантов направлялась на самый большой и промышленно развитый остров Японии Хонсю. В ноябре 1917 г. чиновники министерства торговли и сельского хозяйства провели обследование рабочей силы в районе Кансай. Согласно полученным данным, корейские «гестарбайторы» трудились здесь на металлургических заводах, текстильных фабриках, судостроительных верфях. В префектуре Осака на заводе «Кидзу кодзё» (компания «Сэтцу босэки») работали 1911 корейцев, на сталелитейном заводе «Сумитомо» -1916 корейских рабочих. В префектуре Хёго на судовой верфи «Кавасаки» – 1914 чел., сталелитейном заводе «Кобэ сэйтэцусё» – 1916 корейских «гестарбайтеров» [6, с.55,56].

Осака становился центром корейской диаспоры в Японии. Газета «Осака майнити симбун» 26.12. 1917 г. писала: «Во всей префектуре Осака около 2000 рабочих корейцев, три четверти из них фабричные рабочие и грузчики. В самом городе Осака 1500 корейских рабочих. Около 90% корейцев – мужчины, женщин 150 – 160 чел., работают в основном на ткацких фабриках. [3, с.56, 57].

В некоторых секторах экономики уже к началу 20-х гг. корейский труд доминировал. В Токио – в дорожном строительстве, в префектуре Осака – на строительстве дамб и водных сооружений [3, с.57

В быстро индустриализирующейся Японии росла потребность в угле и как следствие численность шахтёров. Значительную часть новых рабочих мест на шахтах стали занимать корейские иммигранты. К концу 1-й мировой войны в 1918 г. число корейцев-шахтёров в Японии достигло 2480 чел., что составляло 11,1% численности корейцев в Японии (22411 чел.)

Угольные месторождения в Японии это в основном Хоккайдо (второй по величине остров Японии). Компания «Хоккайдо кисэн кабусики кайся» с 1917 г начала осуществлять вербовку «гестарбайтеров» в Корею для работы на шахтах этого острова. В 1920 г. Хоккайдо по численности корейской диаспоры (2643 чел.) среди регионов Японии вышел на 4-е место. (1-е место – префектура Фукуока 7033 чел., 2-е – Осака 4672 чел., 3-е – Хёго 2904 чел. [3, с.59].

Таблица 1. Структура занятости корейских переселенцев на Хоккайдо в 1920 г.

шахтёры		подёнщики, землекопы, чернорабочие		прочие		итого	
число	доля %	число	доля	число	доля	число	доля
1461	55,3 %	601	22,7%	581	22%	2643	100%

Источник: Мусанся симбун. 25.07.192

На Кюсю (третий по величине остров Японии) корейцы вначале ввозились для работы на шахтах угольного бассейна Тикухо, принадлежавших компании Мицубиси. В июне 1917 г. на шахте «Камиямада» компании Мицубиси работало более 200 корейцев. В сентябре того же года из-за нехватки шахтёров на шахте «Такасима» той же компании её владелец получил разрешение на ввоз корейских рабочих и нанял 150 корейцев. В июле 1918 г. на шахте «Мацусима» приступили к работе 62 корейца [3, с.55]. Угольные районы Кюсю ощущали острую нехватку рабочей силы, готовой идти в шахты. Корейцы заполняли эту нишу. Список префектур Японии, в которых проживали корейцы в 1920 г. возглавляла Фукуока (о. Кюсю) - 7033 чел. Ещё одна префектура острова Кюсю – Нагасаки занимала 5-е место – 2013 «гастарбайтеров».

Таблица 2. Динамика численности корейского населения Японии 1916-1920 гг.

Год	Въехало в Японию	Вернулось в Корею	Численность диаспоры
1916			5624
1917	14000	4000	14502
1918	18000	9300	20242
1919	20000	13000	26605
1920	27000	21000	31720

Источник: Пак Кэн сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). Токио. 1979. С.58.

Рост корейского населения (почти в 4 раза с 1916 по 1918 гг.) связан с бурным ростом японской промышленности во время Первой мировой войны. Массовая реэмиграция корейцев в 1919-1920 гг. объясняется прекращением военных заказов после окончания мировой войны и промышленным спадом в Японии.

Таблица 3. Динамика территориального распределения корейских иммигрантов

1915	1917	1920
1. Токио 549 чел.	1. Фукуока 2386	1. Фукуока 7033
2. Фукуока 547	2. Осака 2235	2. Осака 4762
3. Ямагути 494	3. Хоккайдо 1706	3. Хёго 2904
4. Осака 399	4. Хёго 1624	4. Хоккайдо 2643
5. Нагасаки 358	5. Хиросима 928	5. Нагасаки 2013
6. Хёго 218	6. Токио 918	6. Токио 1618
7. Оита 174	7. Ямагути 778	7. Ямагути 1588
8. Сага 107	8. Нагасаки 583	8. Киото 1089

Источник: Пак Кэн сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). Токио. 1979. С.59.

Токио по численности корейской диаспоры с 1915 г. по 1920 переместился с 1 на 6 место среди главных географических центров сосредоточения корейцев, что говорит об изменении состава корейских иммигрантов – доминирование студентов, дипломатов, интеллигентов (до первой мировой войны традиционно концентрирующихся в столице) в структуре корейской диаспоры сменилось преобладанием промышленных рабочих и шахтёров

Корейские трудовые мигранты как фактор индустриального развития Японии (1921 -1931 гг.)

С 1915 г. по 1930 г. население Кореи увеличилось на 30 % [7, р.28]. Промышленный потенциал Кореи рос не так быстро, что привело к диспаритету между спросом и предложением рабочей силы. Не находящая применения на родине масса неквалифицированных безработных корейцев хлынула в Японию. 20-е годы это период быстрого роста численности корейской диаспоры в Японии, которая за десятилетие увеличилась в 10 раз - с

31720 чел. в 1920 г. до 298091 чел. в 1930 г. по другим данным до 419000 чел.[3, с.88].

Менялось территориальное распределение корейской диаспоры, что было связано с развитием экономики Японии, возникновением новых промышленных центров (Айти, Киото), активным строительством в столице страны Токио предприятий, офисов, дорог, городской инфраструктуры, железнодорожной сети, что требовало большого количества неквалифицированной рабочей силы – строителей, землекопов.

Таблица 4. Динамика территориального распределения корейских иммигрантов по префектурам Японии

1921	1925	1928	1930
1.Фукуока 6092	1.Осака 34311	1.Осака 55290	1.Осака 96343
2.Осака 5069	2.Фукуока 14245	2.Токио 28320	2.Токио 38355
3.Нагасаки 2409	3.Токио 9989	3.Фукуока 21042	3.Айти 35301
4.Токио 2404	4.Айти 8528	4.Айти 17928	4.Фукуока 34639
5.Хёго 2215	5.Хёго 8032	5.Киото 16701	5.Киото 27785
6.Ямагути 1654	6.Киото 6823	6.Хёго 14322	6.Хёго 26121
7.Хоккайдо 1622	7.Накагава 6212	7.Накагава 1027	7.Ямагути 15968
8.Хиросима 1549	8.Ямагути 8839	8.Ямагути 8839	8.Хоккайдо 1556
9.Киото 1255	9.Хоккайдо 4450	9.Хоккайдо 6446	9.Накагава 13181
10.Оита 967	10.Хиросима 3398	10.Хиросима 5827	10.Хиросима 11136
итого 32274чел.	итого 136709чел.	итого 238102чел.	итого 298091 чел.

Источник: Пак Кэн сик. Дзайнити тёсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). Токио. 1979. С. 97.

Как отметил японский исследователь Исии Рёити: «в 1929 г. больше половины корейских иммигрантов были сконцентрированы в 5 префектурах, в которых находились основные индустриальные центры (города) Японии» [6, с.254]. Большинство корейских трудовых иммигрантов оседали на самом большом и промышленно развитом острове Японии Хонсю. В 20-х годах на первое место по численности корейского населения среди префектур и городов Японии уверенно вышел Осака, который с тех пор и до настоящего времени является своеобразной корейской столицей Японии. В июне 1923 г. в Осака из

6500 работающих корейцев строительных рабочих было 3000, металлистов – 1000, текстильщиков – 800 чел., электриков – 500 чел., судостроителей и цементников – 300 чел. [3, с.97].

Третий по величине остров Японии Кюсю, который в начале 20-х гг. был лидером по привлечению корейских «гастарбайтеров» (в 1921 г. из тройки первых по численности корейцев префектур Японии две – Фукуока, Нагасаки расположены на Кюсю) к концу 20-х уступил пальму первенства острову Хонсю с его промышленными агломерациями (Кансай, Канто). В 1930 г. лишь одна из префектур о. Кюсю Фукуока осталась в первой десятке, опустившись с первого на 4-е место.

На втором по величине острове Японии Хоккайдо большинство корейцев вплоть до начала мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг. были востребованы в основном на угольных шахтах. Оживление экономической обстановки в начале 20-х гг. реанимировало спрос на уголь, однако выяснилось, что японцы не спешили занимать вакантные места горняков. Тяжёлый и опасный труд шахтёров уже не привлекал японских рабочих. В горнорудной промышленности постепенно происходило замещение японской рабочей силы на корейскую. За 10 лет (с 1918 г. по 1928 г.) численность горнорабочих японцев на шахтах компании Хокутан практически не изменилась, численность же корейских шахтёров выросла в два раза. Численность шахтёров на Хоккайдо достигла к 1928 г. 21116 чел. из них 13% (2790 чел) были выходцы с корейского полуострова.[1, с.249]. В разные годы от 11,5% до 55% корейских иммигрантов на Хоккайдо трудились в горнорудной промышленности. Следующая таблица даёт представление о динамике распределения корейцев по отраслям экономики [1, с.218].

Таблица 5. Динамика распределения корейцев на Хоккайдо по отраслям экономики

	шахтёры		чернорабочие землекопы		прочие		итого
	число	доля %	число	доля %	число	доля %	
1921	610	37,6	661	40,8	351	21,6	1622
1930	1525	16	6619	69,3	1407	14,7	9551
1931	831	11,5	2485	34,5	3879	54	7195

Источник: Кувахара Садахито. Киндай хоккайдоси кэнкю дзёсэцу (Введение в изучение современной истории Хоккайдо). Саппоро. 1982. С.218.

Социально-психологическая специфика японского этноса, которому была «привита» идея о его исключительности, позволяла с самого начала безболезненно устанавливать низкую стоимость рабочей силы корейских иммигрантов, которая составляла в среднем около половины стоимости рабочей силы японца. В то же время низкая заработная плата корейских «гастарбайтеров» объективно стала фактором, препятствующим повышению уровня зарплаты японских рабочих, из-за перманентного наличия трудового резерва, готового трудиться за «полставки».

Низкая составляющая стоимости труда в себестоимости японских товаров позволяла японской продукции, продаваемой по демпинговым ценам успешно конкурировать на зарубежных рынках, что способствовало японской товарной экспансии. Дешёвый труд корейских рабочих в значительной степени обеспечивал развитие таких отраслей экономики Японии как угольная, прядильноткацкая, ремонтно-строительная, дорожное и железнодорожное строительство, металлургия.

Список литературы и источников

1. Кувахара Садахито. Киндай хоккайдоси кэнкю дзёсэцу (Введение в изучение современной истории Хоккайдо). Саппоро. 1982.
2. Мусанся симбун. 25.07.1928.
3. Пак Кэн сик. Дзайнити тёсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). Токио. 1979.
4. Такахаси Камэйти. Ниппон сангё родорон (Труд в японской промышленности). Токио, 1937.
5. Edward W. Wagner. The Korean minority in Japan 1904-1950 New York: Institute of pacific relations, 1951.
6. Isii Ryoichi. Population pressure and economic life in Japan. London, 1937.
7. Richard H. Mitchell. The Korean minority in Japan. University of California press. Berkeley and Los angeles, 1967.

УДК 908(470.319) : 619 : 614.23

УЧЕНЫЙ И ОРЛОВСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

С.К. ЖИВОПИСЦЕВ

Гуларян Артем Борисович

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В.Парахина,

Орел, Россия

agularyan@yandex.ru

Аннотация: Этот краткий биографический очерк посвящен выдающемуся ученому и общественному деятелю, орловскому ветеринарному врачу С.К. Живописцеву. Он первым в стране разработал технологию получения оспенной вакцины и наладил ее производство. Кроме того, С.К. Живописцев активно участвовал в общественной жизни страны, стал одним из учредителей Орловского ветеринарного общества и некоторое время руководил хозяйством города Орла в качестве городского головы.

Ключевые слова: ветеринарный врач, общественный деятель, общественная организация, культурная жизнь, политическая борьба.

THE SCIENTIST AND PUBLIC FIGURE FROM OREL S.K. ZHIVOTSEV

Short biographical sketch

Gularyan Artem Borisovich

Orel State Agrarian University named after N.V.Parakhin, Orel, Russia

agularyan@yandex.ru

Abstract: This brief biographical sketch is devoted to S.K. Zhivopiscev, an outstanding scientist and public figure, Orlov veterinarian. He was the first in the country who has developed the technology of obtaining smallpox vaccine and set up its production. In addition S.K. Zhivopiscev was actively involved in public life of the country, was one of the founders of Orel Veterinary Society and for some time headed the economy of Orel as mayor.

Key words: veterinarian, public figure, social organization, cultural life, political struggle.

Семен Константинович Живописцев – провинциальный ветеринарный врач и общественный деятель, практически неизвестный за пределами Орловской губернии. Но его участие в общественной жизни губернии на рубеже XIX – XX вв. и в политической борьбе в период Первой русской революции было очень существенным.

Долгие годы он работал ветеринарным врачом сначала в Мценском, затем Орловском уезде. В это время С.К. Живописцев разрабатывал свою собственную технологию производства оспенной вакцины. Этот опыт лег в основу открытой им в 1887 г. в городе Орле оспенной лаборатории. Это была первая подобная лаборатория в России, и она снабжала вакциной практически всю страну и даже поставляла свою продукцию за рубеж. Обобщая свой опыт, этот выдающийся ученый издал книгу «Добывание оспенной вакцины с телят», которая принесла ему известность в стране [1].

Одновременно С.К. Живописцев активно участвовал в общественной жизни города Орла. Он принял самое непосредственное участие в создании Орловского ветеринарного общества, устав которого был утвержден 10 ноября 1896 г. министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным [2, с. 43]. Необходимо заметить, что Орловское ветеринарное общества выделилось из состава действовавшего на тот момент Орловского медицинского общества. Эта общественная организация, начавшая свою работу еще в 1863 г. объединяла работающих в Орловской губернии врачей, ветеринаров и фармацевтов. Медицинское общество создало свою библиотеку, свою лечебницу, принимало участие в ликвидации эпидемии холеры в 1881 г. [2, с. 40-41]

Уход из медицинского общества ветеринаров не являлся демаршем или расколом. Просто с 1863 г. число медицинских работников в губернии значительно выросло, и ветеринары ощутили в себе силы для создания собственного общества, более отвечающего их профессиональным и научным потребностям.

Тем не менее, первая попытка утвердить устав нового общества потерпела неудачу. Инициативная группа, которую возглавил ветеринарный врач П.А. Перельгин, подала в МВД проект устава, но министерство вернуло его на доработку. Тогда в дело включился С.К. Живописцев, который переработал устав и заново собрал под ним подписи членов-учредителей. На этот раз проект устава не вызвал возражений ни в Департаменте Полиции ни в Департаменте общих дел МВД. По сути, С.К. Живописцев являлся учредителем этого общества. Он же стал его первым председателем [2, с. 43-44].

Кроме того, С.К. Живописцев играл значительную роль в культурной жизни города Орла. В конце XIX – начале XX вв. он стал председателем Орловского общества любителей изящных искусств, действовавшего с 1894 г. При непосредственном участии Живописцева это общество открыло в 1903 г. летний театр при в только что разбитом в городе парке «Дворянское гнездо» [2, с. 411]. Кроме того, он был довольно долго председателем Тургеневской комиссии, городской комиссии по народному образованию, являлся действительным членом мещанского общества города Орла и писал статьи для газеты «Орловский вестник» [1]. А его жена, А.С. Живописцева одно время занимала пост заместителя председателя авторитетной в орловском обществе организации – Комитета народных чтений [2, с. 356].

Разумеется, такой деятельный и авторитетный в обществе человек не мог остаться в стороне от общественно-политической борьбы начала XX в., в которой он участвовал сначала как гласный городской думы и городской голова, а потом как член местного комитета Конституционно демократической партии.

В начале XX в. Орел был городом-банкротом. 27 июля 1884 г. разорился Орловский городской общественный банк, и его долг тяжким бременем лег на казну города. Резонанс от этого скандального банкротства достиг столицы, и в 1887 г. император Александр III пошел на беспрецедентный шаг: назначил на должность городского головы чиновника Министерства внутренних дел Д.С. Волкова. То есть в городе было введено внешнее управление [3, с. 75-76].

Выборы в новую городскую думу состоялись в Орле лишь в 1893 г. по новому городскому Положению 1892 г. В результате к управлению городскими делами вернулись богатые дельцы из сословия купцов, которые и довели город до банкротства. За девять лет эти «отцы города» не сделали ничего для оздоровления хозяйства и решения вопроса с долгом [4, с/ 24]. Но на выборах 1902 г. победу неожиданно одержала новая прогрессивная общественная сила, или «новодумская партия», как впоследствии называли ее журналисты газеты «Орловский вестник» [5].

В нее входили хорошо образованные люди – врачи, юристы, инженеры, обладавшие необходимым имущественным цензом по Положению 1892 г. То есть, это была демократически настроенная орловская интеллигенция. Возглавляли эту группу бывший земский гласный Д.А. Карпов и ветеринарный врач С.К. Живописцев [6, отд. II, с. 13-16]. Созданная ими управа немедленно занялась реформированием городского хозяйства: был сверстан бездефицитный бюджет, начался ремонт дорог и мостов в городе, открыта городская

бактериологическая станция (последнее – с подачи С.К. Живописцева), а сам штат управы пополнился двумя новыми комиссиями - по управлению богадельнями и по народному образованию [7].

Новая городская дума попыталась решить проблему городского долга. С этой целью в Министерстве финансов было получено разрешение на выпуск в мае 1903 года городского займа в 1 600 000 рублей. Полученную сумму планировалось направить на погашение долга Орловского общественного банка, постройку воинских казарм, устройство водопровода, покрытие дефицита бюджета. Погашение займа должно было осуществляться пятьдесят лет и закончиться 2 октября 1952 г. [6 отд. III, с. 108-111]

Прогрессивная городская дума и опиравшаяся на нее управа проработали полный срок, несмотря на то, что Д.А. Карпов вынужден был уйти, и исполняющим обязанности городского головы стал С.К. Живописцев. Но оздоровление городского хозяйства происходило очень медленно, и не закончилось к началу Первой русской революции.

На новых выборах в апреле 1905 г. «новодумская партия» одержала убедительную победу. С.К. Живописцев стал полноценным городским головой. Но в обстановке нарастающего революционного подъема вновь избранная городская дума стала быстро политизироваться. Хозяйственные вопросы были отставлены в сторону, на заседаниях горячо обсуждалось положение в стране. Орловская городская дума выступила с резкими политическими выступлениями и не препятствовала проведению в ее стенах политических собраний, кончавшихся обычно дискуссиями между местными социал-демократами и социалистами-революционерами [3, с. 114-117, 152].

Но Первая русская революция активизировала не только революционеров и демократов, но и правых reactionеров тоже. Орловские дельцы планировали одержать на выборах 1905 г. реванш, и вернуть себе контроль над городским самоуправлением. Потерпев поражение, они подали в Сенат жалобу на нарушения, имевшие место в процессе выборов. После длительных проволочек Сенат в октябре 1905 г. принял решение по этой жалобе и кассировал весенние выборы «по всей их совокупности» [8, 9]. 11 ноября 1905 г. губернатор К.А. Балясный приостановил деятельность городской думы. Новые выборы, проведенные 8 декабря 1905 г., принесли победу правым монархистам.

Причинами поражения демократов на выборах явились, во-первых, недовольство городских обывателей чрезмерно политизированной городской думой, переставшей решать их насущные вопросы [4, с. 26], во-вторых, грамотно проведенной сформированным в октябре 1905 г. в Орле правомонархическим «Союзом законности и порядка» избирательной кампанией [3, с. 153-154].

Потеряв пост городского головы, С.К. Живописцев целиком сосредоточился на политической деятельности, став одним из организаторов комитета Конституционно-демократической партии в Орле [3, с. 140-141]. В этом качестве он принимал участие в предвыборной кампании кандидата от кадетской партии в I и II Государственные Думы.

Таким образом, в конце XIX в. в Орловской губернии заявила о себе новая общественная сила – цензовая и разночинная интеллигенция. Она созрела благодаря набиравшим силу процессам модернизации и индустриализации страны, для которых требовалось все большее количество инженеров, техников, врачей, учителей. Ярким представителем этой социальной группы можно считать ветеринарного врача С.К. Живописцева. В начале XX в. эта сила решила потеснить прежних «хозяев жизни» в городском самоуправлении. И подобный опыт оказался удачным, поскольку были решены многие хозяйственные проблемы, которые не решались десятилетиями.

Однако в условиях Первой русской революции эта общественная группа увлеклась политической деятельностью, в результате чего городская дума перестала выполнять свои прямые функции. Это предопределило разочарование орловцев в местных общественных деятелях с одной стороны, и желание избавиться от ставшего неудобным учреждения со стороны царской власти с другой стороны. Что предопределило отстранение демократической интеллигенции от управления городскими делами.

В этом проявилась гражданская незрелость представителей местной демократической интеллигенции, которые не сумели правильно расставить приоритеты в своей деятельности. По видимому, у них просто не хватило опыта работы в системе местного самоуправления и времени, чтобы подобный опыт приобрести. Ведь другой орган местного самоуправления – Орловское земство – продолжало и в условиях революции свою повседневную работу, не позволяя увлечь себя популярными лозунгами.

Список литературы и источников

1. Гревцева А. Впервые в России. Из истории г. Орла // Орловская правда. 1964. 25 октября.
2. Гулярян А.Б. Дореволюционные самодеятельные общественные организации Орловской губернии. Словарь-справочник. Орел, Изд-во ОрелГАУ, 2015. 496 с.
3. Гулярян А.Б. Общественно-политическая жизнь в Орловской губернии в конце XIX – начале XX вв. Диссертация... к.и.н. Орел, 2006. 254 с.
4. Ковалева М.В. Орловская городская дума (1787-1913). Автореферат дисс... к.и.н. Орел, Орловский государственный университет, 2003. 36 с.
5. Орловский вестник. 1905. 3 апреля.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии за 1904 год. Орел. Типография губернского правления, 1904. 576 с.
7. Орловский вестник. 1903. 11 января.
8. Орловский вестник. 1905. 9 ноября.
9. Орловский вестник. 1905. 10 ноября.

***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВИЧНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
КОЛХОЗА ИМ. ЭНГЕЛЬСА В 1946-1952 ГГ.***

*Коцик Станислав Александрович
Красноярский государственный университет, Красноярск, Россия
stkotsik@yandex.ru*

Аннотация: Одним из наиболее тяжелых периодов в жизни сельских тружеников были первые годы после окончания Великой Отечественной войны. На многочисленные колхозы была возложена ответственность по обеспечению целой страны продовольствием, что в свою очередь ставило высокие требования по увеличению поголовья скота, выполнению плана хлебопоставок, а также в целом по увеличению производительности труда. На основании материалов Красноярского партархива осуществлен анализ хозяйственной деятельности колхоза им. Энгельса Ачинского района Красноярского края в послевоенный период. Изучены результаты производственной активности в период 1946-1952 гг., рассмотрены административные и экономические способы мотивации крестьян к работе в коллективном хозяйстве, проанализированы отчеты членов парторганизации колхоза им. Энгельса.

Ключевые слова: сельское хозяйство, Красноярский край, колхоз, животноводство, парторганизация.

***ACTIVITIES OF THE PRIMARY PARTY ORGANISATION OF THE ENGELS
COLLECTIVE FARM. ENGELS COLLECTIVE FARM IN 1946-1952.***

*Kotsik Stanislav Aleksandrovich
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: stkotsik@yandex.ru*

Abstract: The first years after the end of the Great Patriotic War were one of the most difficult periods in the life of rural toilers. Numerous collective farms were entrusted with the responsibility of supplying the whole country with food, which in its turn set high demands for increasing the number of cattle, fulfilling the plan of grain supply, as well as generally increasing labour productivity. On the basis of the Krasnoyarsk party archives the analysis of the economical activity of the collective farm "Engels" in Achinsk district of Krasnoyarsk region in the postwar period has been carried out. The results of production activity in 1946-1952 have been studied, the administrative and economic ways of motivating peasants to work in the collective farm have been examined, the reports of members of the collective farm organization of Engels have been analyzed.

Key words: agriculture, Krasnoyarsk krai, collective farm, animal husbandry, party organization.

В годы Великой Отечественной войны советской экономике был нанесен огромный удар, в связи, с чем возникла необходимость в осуществлении в кратчайшие сроки восстановления промышленности и сельского хозяйства. В военный период значительно сократились посевные площади, поголовье скота находилось на низком уровне. Помимо прочего, в 1946 г. сильная засуха затронула ряд территорий Советского государства. Следствием этих факторов стала низкая урожайность и, как следствие, голод. Начался массовый отток населения из сельской местности в города. Было очевидно, что данное положение нужно было срочно менять.

В послевоенный период серьезные трансформации претерпевают общественные настроения. После победоносного завершения войны люди, прошедшие через годы тягот и лишений, ожидали иного отношения к себе, качественного повышения уровня жизни. Однако оптимистичные настроения вскоре сменились на более «приземленные» - общество требовало удовлетворения хотя бы базовых потребностей. Весь послевоенный период сохранялись жилищные проблемы, проблемы снабжения продуктами питания, товарами потребления и др. Власть понимала необходимость преобразований. Так, уже 9 февраля 1946 г. И.В. Сталин в своем выступлении перед избирателями поставил задачу «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень». Эти же положения послужили основой четвертого пятилетнего плана (1946-1950 гг.), принятого 18 марта 1946 г.

Ход четвертой пятилетки на местах осуществлялся под строгим контролем партийных организаций. На примере собраний первичной парторганизации колхоза им. Энгельса Ачинского района нами были рассмотрены основные направления деятельности колхоза в рассматриваемый период, проблемы, а также способы их решения со стороны партийной организации.

Важным вопросом, регулярно поднимаемым на собраниях парторганизации, было состояние животноводства. В первые послевоенные годы особенно остро стояла проблема выполнения обязательств колхоза по поставкам молока, мяса и пр. Из выступления животновода А.Л. Клочкова от 25 ноября 1946 г. известно, что несмотря на выполнение на 100% плана поставок мяса за 1946 г., планы поставок молока, яиц и шерсти не были выполнены в полном объеме [1]. Далее, уже в 1948 г. А.Л. Клочков вновь обращает внимание на низкую продуктивность животноводства, отмечая незначительный процента падежа скота, но и в то же время отставание от плана развития животноводства [3]. В целом состояние колхозного животноводства в годы четвертой пятилетки А.Л. Клочков характеризует как удовлетворительное, он отмечает неплохой уход за животными, обеспечение скота кормами, однако отмечает проблему отсутствия личной заинтересованности в работе сельских тружеников, что приводит к падежу молодняка и ягнят [5]. В свою очередь, партсобрание возложило ответственность за недостатки на самого животновода, обвинив его в недостаточном контроле за работниками и потребовав от него исправить ситуацию на животноводстве.

В 1951 г. обострилась проблема кадров, занятых на животноводстве. Все еще оставалась актуальной проблема нехватки рабочих рук, качественных специалистов. В связи с этим партсобрание вынуждено было перейти к более решительным мерам. Так, 10 апреля 1951 г. оно предложило правлению колхоза пересмотреть работников, занятых на животноводстве, кормлении и уходе за скотом, а также постановило «обязать партийную и комсомольскую организации направить на животноводство для работы 30-40% коммунистов и комсомольцев» [7].

6 января 1952 г. состоялось обсуждение постановления Исполкома Ачинского райсовета и бюро РК ВКП(б) от 3 января 1952 г. «О состоянии общественного животноводства в колхозах района». Ачинский Исполком вновь обращал внимание на проблемы в животноводстве. Так, среди недостатков были отмечены нехватка кормов для свиней, инвентаря, а также нерациональное расходование кормов [6]. Таким образом, несмотря на в целом успешное выполнение планов поставок продуктов животноводства, на партийных собраниях систематически и с частой регулярностью поднимается вопрос о необходимости улучшения ухода за животными, повышении мотивации работников путем расширения агитации и введения социалистического соревнования. Данные проблемы сохраняются во все послевоенные годы в рассматриваемом колхозе.

Другим, не менее важным вопросом являются посевные работы и сеноуборочные кампании. Подготовка к весеннему севу начиналась еще зимой, так, например, уже на февральском партсобрании 1946 г. говорится о необходимости организовать молодежь на готовность к весеннему севу. Все это дополнялось широкой агитацией и разъяснительными работами среди колхозников, в которой говорилось о необходимости проведения посевной кампании в кратчайшие сроки [1]. В постановлении партсобрания от 13 января 1950 г. мы находим указания по очистке и проверке семян на всхожесть, завершению ремонта сбруи, инвентаря и пр [5].

Из года в года наблюдалась проблема низких темпов сева. Отставание весеннего сева отмечалось в 1946 г. Так, например, бюро РК ВКП(б) 1 июня 1946 г. выслушало отчет А.Л. Ключкова по завершению сева зерновых и технических культур. По его словам, «весенне-посевная кампания в колхозе им. Энгельса прошла неудовлетворительно, срок сева затянулся» и на момент собрания сев еще не закончен [1].

Административными методами решалась проблема с сеноуборочной кампанией и в 1947 г. Собрание парторганизации колхоза им. Энгельса 21 апреля 1947 г. постановило мобилизовать всех колхозников для завершения плана закладки 140 тонн силоса, распределение рабочей силы поручить бригадире Андрееву Николаю Павловичу и добиваться выполнения и перевыполнения показателей выработки на сеноуборке [2].

23 апреля 1948 г. партсобрание постановило потребовать от председателя колхоза А.Л. Ключкова урегулировать вопрос с семенами, организовать общественное питание для трактористов; от бригадира Хиревич Ивана

Ивановича потребовали лучшей работы с трактористами, усиления партийного влияния и контроля[3].

Далее, уже в апреле 1949 г. состоялось партсоборание, обсуждавшее постановление 2 пленума Ачинского районного комитета ВКП(б) от 11 апреля 1949 г., согласно которому от колхозов требовалось собрать урожай в сжатые сроки. Вопреки этому, как заявляет один из членов собрания, Е.А. Макаров, в колхозе им. Энгельса успехов нет, сев идет медленно, а причиной этому является недостаточное обслуживание тракторного отряда. В результате партсоборание постановило «создать нормальные условия для работы тракторного отряда, не допускать перебоев с доставкой тракторному отряду горючего, воды и смазочного материала. Обеспечить трактористов и прицепщиков общим питанием»[4].

Особенно тяжелыми выдались 1950-1951 гг. Колхоз вновь не успевал завершить сельскохозяйственные работы вовремя, возникла острая нехватка техники. В связи с этим партийное собрание вынуждено было объявить о проведении сева круглосуточно днем и ночью, для чего также было организовано круглосуточное общественное питание, организовать бесперебойную работу в тракторном отряде. Помимо этого, собрание постановило просить директора Ачинской МТС выделить колхозу вторую сеялку[5].

Помимо удовлетворения необходимых потребностей колхоза, партсоборание часто пыталось мотивировать колхозников. В постановлениях этого периода идет речь о необходимости широкого развертывания социалистического соревнования, выделении передовиков и отстающих, регулярного выпуска стенгазеты, боевых листков, а также проведения широкой агитационно-массовой работы от каждого коммуниста и комсомольца[5]. Однако данные решения не показали высокую эффективность, о чем говорит сохранение низких темпов сельскохозяйственных работ на протяжении всего рассматриваемого периода.

На партсобораниях 1950-1951 гг. отмечается обеспокоенность неполным выходом трудоспособных колхозников на сельскохозяйственные работы. По отношению к нарушителям трудовой дисциплины, т.е. к лицам, не участвующим на заготовке кормов, севе пр., предлагалось принимать самые строгие меры колхозного воздействия[7]. В постановлении от 13 июля 1951 г. говорится о конкретных мерах борьбы с уклонением от колхозных работ. Так, председатель Правления колхоза тов. Павел Васильевич Чередниченко обязан был вызывать на заседания трудоспособных колхозников, самовольно не вышедших на работу и срезать (штрафовать) их в размере пяти трудодней за каждый случай самовольного невыхода на работу. Для нарушителей, которые и после этого откажутся от выхода на колхозные работы, предусматривалось привлечение их к «судебной ответственности за не выработки минимума трудодней даже за полгода»[7].

Определенный интерес в контексте деятельности партсоборания колхоза им. Энгельса имеет вопрос о поставках государству хлебопродуктов и продуктов животноводства.

В отчете тов. А.Л. Ключкова от 25 ноября 1946 г. говорится об отставании от плана поставок молока, яиц и шерсти – на момент собрания он еще не выполнен. Тем не менее план поставок мяса был выполнен полностью, а план поставок хлеба удалось даже перевыполнить – при плане 1772 цен. было выполнено 1987 цен. Однако, несмотря на выполнение плана, члены партсобрания тов. А.И. Кузубов и секретарь парторганизации П.В. Чередниченко заявили о необходимости дополнительной сдачи хлеба государству из личных запасов колхозников в связи с засухой в 14 западных областях, которые не смогли выполнить обязательные поставки государству. Ожидая негативную реакцию со стороны колхозников, на 26 ноября 1946 г. было назначено общее колхозное собрание, на котором должна состояться разъяснительная работа о необходимости сдачи хлеба их личных запасов[1].

Следующей важной темой, регулярно стоявшей на повестке дня собраний парторганизации колхоза им. Энгельса было повышение идейно-политического уровня коммунистов и колхозников. Так, существовала определенная группа агитаторов, которая проводила политико-массовую работу на деревне. Данные группы занимались изучением устава ВКП(б) и краткого курса истории ВКП(б)[1], проводили ознакомление с новыми законами и постановлениями, соответствующими публикациями в газетах, занимались выпуском стенгазет и боевых листков.

Коммунистическому воспитанию колхозников были посвящены отдельные партсобрания. Так, например, 25 июня 1948 г. состоялось обсуждение статьи, опубликованной в газете, Красноярский рабочий за 18 июня 1948 г. «О коммунистической нравственности». И.И. Хиревич выделял воспитательную ценность данной публикации, отмечал, что она написана «в большевистском духе», что «эту статью должен тщательно изучить каждый коммунист». Соответственно были сформированы группы агитаторов для работы по разъяснению данной статьи беспартийной массе колхозников. За каждым коммунистом и комсомольцем закреплялось определенное количество домов, среди которых и должна была проводиться разъяснительная работа. Координировал деятельность агитационных групп лично секретарь парторганизации И.И. Хиревич [3].

Практика закрепления за определенной группой колхозников члена или кандидата партии была довольно распространена в данный период. Так, например, 23 апреля 1948 г. партсобрание постановило закрепить за тракторным отрядом кандидата партии тов. С.В. Герасичкина с целью усиления партийного влияния и контроля [3].

Периодически в рамках партсобраний обсуждалась деятельность других колхозов. В мае 1948 г. состоялось обсуждение работы колхоза «Ленинский путь», в июне 1948 г. обсуждали результаты работы парторганизации колхоза им. Шмидта, а в январе 1952 г. – политком при парторганизации колхоза «Северное сияние». В работе данных парторганизаций, прежде всего, отмечались слабая агитационно-массовая работа с колхозниками, а также нарушения в выполнении постановлений партийной конференции[6].

Одной из важных задач была партийная учеба и воспитание молодых коммунистов. Здесь особую актуальность приобретает вопрос партийного статуса членов парторганизации. Из отчетного доклада о работе партийной организации колхоза им. Энгельса 11 января 1951 г. следует, что в парторганизации состоит 6 человек членов и кандидатов в партию (3 члена и 3 кандидата). В контексте этого говорится о полном отсутствии роста рядов партии в парторганизации. К этому периоду в собрании находится 3 кандидата с уже давно предложенными партийными статусами: среди них Герасичкин С.В. (кандидат 4 г. и 8 мес.), Клочков А.Л. (кандидат 5 лет) и Андреев Н.П. (кандидат 5 лет). Основной причиной отсутствия роста членов партии называют плохую работу парторганизации с кандидатами, недостаточная требовательность к кандидатам по вступлению в члены партии [7].

Стоит отметить, что эта проблема была в скором времени частично разрешена, так как на партсобрании 24 мая 1951 г. постановили принять кандидата партии товарища Андреева Н.П. в члены ВКП(б) [7]. Также мы наблюдаем изменение состава делегаций на Ачинские районные партийные конференции. Если до 1951 г. состав был неизменным, на конференции регулярно отправлялись Хиревич И.И. и Чередниченко П.В., то 1 декабря 1951 г. Андреев П.В. был избран на должно заместителя секретаря, а также был отправлен на 6 Ачинскую районную партийную конференцию с правом решающего голоса. Исходя из этого, можно отметить, что в рассматриваемый период рост членов партии в парторганизации колхоза им. Энгельса все же отмечался, хоть и не столь значительный в количественных показателях.

Таким образом, в центре обсуждений парторганизации колхоза им. Энгельса находились вопросы хозяйственной и идеологической направленности. Основные вопросы касались проведения посевных работ и сеноуборочных кампаний, обязательных поставок сельхозпродукции государству, повышению идейно-политического уровня колхозников, а также просветительской и воспитательной работы.

Регулярное обсуждение в течение всего рассматриваемого периода кадровых вопросов, проблем с поставками, низким темпом сева и проведения сеноуборочной кампании, изменений партийного статуса членов партийной организации и пр. свидетельствуют о невысокой эффективности деятельности парторганизации колхоза им. Энгельса. Вместе с этим достаточно широкий круг политических, хозяйственных и идеологических вопросов, поднимаемый на собраниях, говорит о стремлении как можно более полно контролировать деятельность колхозников.

Успешному выполнению планов в срок мешали несколько факторов. Массовое переселение людей в города в следствие войны и голода привело к нехватке высококвалифицированных кадров на местах. В рассмотренных нами источниках частой проблемой была нехватка трактористов, парторганизация колхоза им. Энгельса нередко обращалась с просьбами прислать им необходимых специалистов.

Другим фактором является нехватка техники, инвентаря. Данное препятствие из года в год мешало завершению посевных и сеноуборочных

кампаний в срок, колхозы вынуждены были просить у МТС выделить им дополнительные тракторы и сеялки. Дефицит необходимой техники сохранялся вплоть до 1953 г.

Одной из проблем, отмеченных в источниках, является нарушение трудовой дисциплины в колхозных деревнях. Находясь в условиях дефицита продуктов питания, товаров общего потребления, первостепенное значение для колхозников принимали личные подсобные хозяйства. В то же время участие в общественном производстве значительно уступало по влиянию на формирование бюджета сельской семьи [8]. В связи с этим были довольно частыми случаи невыхода крестьян на сельскохозяйственные работы. Парторганизации колхозов пытались бороться с этим административными методами, так для нарушителей предусматривались различные меры дисциплинарного и уголовного воздействия, однако в долгосрочной перспективе они оказались не особо эффективными. Колхозники, не имея материальной заинтересованности в результатах своего труда, продолжали уклоняться от общественных работ.

Таким образом, даже к началу 1950-х гг. сельское хозяйство сохраняло проблемы нехватки кадров, оборудования, плохого состояния животноводства, недостаточного контроля со стороны государственных и партийных органов. Логичным следствием этого явились хрущевские реформы, направленные на комплексное устранение названных недостатков, мешавших развитию сельского хозяйства СССР.

Список литературы и источников

1. ГАКК Ф.П-3894 Оп.1 Д.1
2. ГАКК Ф.П-3894 Оп.1 Д.2
3. ГАКК Ф.П-3894 Оп.1 Д.3
4. ГАКК Ф.П-3894 Оп.1 Д.4
5. ГАКК Ф.П-3894 Оп.1 Д.5
6. ГАКК Ф.П-3894 Оп.1 Д.6
7. ГАКК Ф.П-3894 Оп.1 Д.7
8. Хасаянов, О. Р. Нарушение трудовой дисциплины в колхозной деревне и способы борьбы с ней в годы первой послевоенной пятилетки / О. Р. Хасаянов // Экономическая история. – 2016. – №4(35). – С.71-79.

***СУДЬБА М. Н. МЕТЕЛЕВОЙ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ***

Кухта Светлана Васильевна
Государственный архив Красноярского края, Красноярск, Россия
svetla-90@mail.ru

Аннотация: в статье на основе документов Государственного архива Красноярского края восстановлена биография Марии Николаевны Метелевой (1889-1984) – участницы революционного движения в Енисейской губернии, ветерана коммунистической партии, анализируются оставленные ею обширные воспоминания о периоде 1917-1919 гг.

Ключевые слова: женское движение, революция, гражданская война, КПСС, биография, мемуаристика, Енисейск.

***THE FATE OF M. N. METELEVA IN THE DOCUMENTS OF THE
KRASNOYARSK REGIONAL STATE ARCHIVE***

Kukhta Svetlana Vasilievna
Krasnoyarsk regional state archive, Krasnoyarsk, Russia
svetla-90@mail.ru

Abstract: the article is based on the archival documents of the Krasnoyarsk regional state archive and describes the biography of Maria Nikolaevna Meteleva (1889-1984), a participant in the revolutionary movement in the Yenisei province, a veteran of the Communist party; analyzes her detailed memoirs of the period 1917-1919.

Keywords: women's movement, revolution, civil war, CPSU, biography, memoiristics, Yeniseisk.

Значимое место среди документов, содержащих сведения о переломном революционном периоде, несомненно, занимают источники личного происхождения непосредственных участников событий начала XX в., собранные в бывших партийных архивах краевых и областных комитетов КПСС. В Государственном архиве Красноярского края основной массив таких документов сконцентрирован в фондах П-64 «Красноярский краевой исторический партийный архив» и П-42 «Красноярский краевой партийный архив». Среди материалов этих фондов – личные дела и воспоминания Марии Николаевны Метелевой – ветерана коммунистической партии, уроженки Енисейского уезда. Революции и Гражданская война стали ключевым периодом в биографии Марии Николаевны, изменили ее мировоззрение, образ жизни, определили дальнейшую судьбу. В 1956-1957 гг. Мария Николаевна подробно

описала перипетии своего жизненного пути в более чем 200-страничных мемуарах, переданных ею на хранение в партархив.

Мария Николаевна Иващенко родилась 25 февраля 1889 года в с. Усть-Питском Енисейского уезда Енисейской губернии в многодетной крестьянской семье. С 12 лет работала на поденной работе, няней, домработницей, поваром, батрачкой. В 1909 г. вышла замуж за Петра Тимофеевича Метелева и вслед за ним переезжала в разные населенные пункты Енисейского уезда [1, л.3]. П. Т. Метелев был кочегаром, масленщиком и драгером сначала в Южно-Енисейской, а затем в Северо-Енисейской тайге. Он увлекался революционными идеями и долго на одном месте не задерживался – организовывал стачечные комитеты, участвовал в забастовках, перебираясь с одного прииска на другой. До августа 1916 года они жили на Николаевском золотопромышленном прииске, где Метелев трудился котельником в акционерном обществе Федоровско-Путиловских заводов. Из-за очередной забастовки оттуда его уволили и как военнообязанного направили на передовые позиции фронта в составе 27-го авиационного отряда 6-го Сибирского инженерного батальона [2, л.1]. Мария Николаевна осталась одна с тремя маленькими детьми и вскоре переехала в Енисейск.

В Енисейске ей удалось арендовать две комнаты на втором этаже во флигеле дома И. П. Голых. Пенсии в 15 рублей, которую Мария Николаевна получала за мужа-военнослужащего, в условиях постоянного роста цен не хватало, поэтому приходилось подрабатывать – принимать заказы на пошив простой одежды [4, л.1].

Там же, в Енисейске, М. Н. Метелева встретила новости о Февральской революции: «[...] Не то 3, не то 4 марта (старого стиля) 1917 г., как всегда утром, я вышла во двор за дровами и там встретила из другой квартиры жильца [...] В это утро я его встретила необыкновенно возбужденным [...]: – Мария Николаевна, вы ничего не слышали? – Нет!, – отвечаю я, – Я эти дни нигде не была и никого не видела, и у меня никто не был. А что, что-нибудь произошло на фронтах военных действий или с правительством? [...] – Вы не слышали, так я вам сообщу большущую новость, - возбужденным голосом говорит Иван и залпом старается выпалить, – Николашка отрекся от престола, не то в пользу своего брата Михаила, не то в пользу дяди Николая Николаевича [...]» [4, л.2-3].

После этого сообщения Мария Николаевна «бежала по городу, как на крыльях летела, не чувствуя под собой ног», и увидела объявление на Успенской улице о собрании в народной читальне по поводу революционных событий и выборов Енисейского городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Вспоминая это время, Мария Николаевна признается, что в политике она тогда не разбиралась, но заинтересовалась работой Союза солдаток, создаваемого в городе. Стремясь найти выражение своему стремлению к общественной деятельности, она старалась не пропускать ни одного собрания и митинга. Вскоре ее выделили и избрали в состав правления Союза солдаток. В апреле 1917 г. Мария Николаевна была избрана депутатом городского Совета, где проработала до апреля 1918 г. В июле ее также избрали членом правления городского потребительского кооператива. От этой

должности она сначала отказывалась по вполне банальной причине – в семье не было денег для паевого взноса [4, л.31].

Работая в этих организациях на общественных началах, она посещала политический кружок и в конце июля 1917 г. вступила в партию большевиков. «[...] Жизнь-то для меня стала казаться иной, богаче и содержательнее, и [я] как будто значительно выросла и поднялась из той забитой домашней прислуги, а потом домашней хозяйки, иногда при муже, иногда и без него, который почти никогда не считался [ни] с моим мнением, ни с моим желанием. Да и одна жила, что случалось часто, потому как в Енисейске трудно было устроиться на работу, [так] что муж часто уезжал на работу на золотопромышленные прииски енисейские. Мне всегда в таких случаях приходилось жить одной с детишками и работать портнихой, как кустарь-одиночка, [я] всегда была забита работой и нуждой. И так беспросветно прожитые 28 лет [...]», – писала М. Н. Метелева [4, л.9].

Руководитель политкружка Томаш Иосифович Худзинский, социал-демократ, отбывавший пожизненную ссылку в Енисейске, на одном из занятий поставил вопрос об организации «жилищно-бытовой коммуны». В конце июля 1917 г. такая коммуна была организована в доме Большанина во Всехсвятском переулке из активной части рабочих и служащих – членов большевистской партии: Т. Худзинского, К. Бродникова, Ф. Мешкова с женой, Глязера, Т. Скобкорева. Вскоре к ним присоединилась и М. Н. Метелева, которая сначала сомневалась, разумно ли будет переезжать в коммуну с малолетними детьми. В итоге было решено, что жильцы будут помогать в их воспитании и поровну разделят все материальные затраты и бытовые обязанности. Через некоторое время коммуна стала своеобразной штаб-квартирой для всех, приезжающих из сельской местности большевиков [4, л.42-43,49, 53].

Значительное внимание в своих воспоминаниях М. Н. Метелева уделяет деятельности Союза солдаток в Енисейске в период между двумя революциями. Союз солдаток был благотворительной организацией, которая ставила своей целью обеспечение семей военнослужащих дефицитным топливом и продовольствием. На его собраниях М. Н. Метелева училась выступать публично, четко формулировать свои мысли, находить подход к женщинам, все настойчивее требовавшим улучшения своего материального положения: «[...] Некоторые неграмотные, а также малограмотные солдатки, выступая на собраниях, выкрикивали: – Вы, екутатки, [...], – пошто ничего не робите в горсовете над тем, чтобы нам вовремя выдавали пособие. Пошто мы вас выбирали, чтобы только стулья протирали [...]» [4, л.22]. Найти какое-либо место в Енисейске для женщины почти не представлялось возможным, так как в городе работали только около двадцати частных магазинов и мелких лавок, которые постепенно сворачивали торговлю. Некоторые солдатки трудились на дому, например, шили рукавицы из лосиной кожи, работали домашней прислужкой. Многодетных матерей нанимали редко, кроме того, к тому времени из-за колоссальной дороговизны жизни все чаще обходились без прислуги [4, л.35,36].

В конце апреля 1918 г. на собрании членов жилищно-бытовой коммуны было решено создать сельскохозяйственную коммуну, в которую кроме самих жильцов записались И. И. Роне, М. Г. Сечинов, Туговиковы. Организовать коммуну решили между с. Чалбышево и д. Аврашки Енисейского уезда, вскоре она должна была превратиться в образцово-показательное хозяйство, на примере которого в перспективе можно было вовлекать крестьянство в коллективные хозяйства. П. Т. Метелев, вернувшийся в октябре 1917 г. с фронта, был направлен в с. Чалбышево для руководства этой работой, и вместе с Т. Скобкаревым на деньги товарищей закупил сельскохозяйственный инвентарь и две лошади. Они распахали небольшое поле, засеяли его пшеницей, одновременно с этим начав агитацию среди местных жителей. 28 июня М. Н. Метелева отправилась в с. Чалбышево к мужу. [4, л.104,105, 107].

После падения советской власти в Енисейской губернии П. Т. Метелев был арестован и заключен сначала в Енисейскую, а затем в Красноярскую тюрьму [5, л.38, 41]. Мария Николаевна осталась жить в селе, осенью она продала часть пшеницы и предприняла вторую безуспешную попытку добиться освобождения мужа из заключения [5, л.42, 46-48]. В январе 1919 г. М. Н. Метелева перебралась в Енисейск и, опасаясь ареста, в течение месяца не выходила на улицу: «[...] На второй день после моего выхода на базар, за мной приехали трое колчаковских молодчиков, произведя обыск, арестовали, увезли и посадили в милицейский каземат одиночный. [...] Я тогда сделала большую глупость, оставила на квартире одних детей, из них старшему было 7,5 лет, а самой младшей – 7 месяцев[...]».[5, л.83-86] Она провела в камере одну ночь, была обвинена в агитации и связи с большевиками и отпущена под подписку о невыезде.

В мае 1919 г. М. Н. Метелева получила пропуск на выезд из Енисейска, чтобы сопроводить в психиатрическую больницу двоюродную сестру. В Красноярске ей удалось несколько раз встретиться с мужем в тюрьме и передать ему продукты. 18 сентября Петра Тимофеевича Метелева вместе с партией других заключенных расстреляли в Покровской слободе. [5, л.98-101]

Мария Николаевна осталась в Красноярске, в 1920-1923 гг. была портнихой в Красноярской школе-коммуне. В 1924 г. училась в губернской советско-партийной школе, затем работала заведующей женским отделом во втором районном комитете партии г. Красноярска, женорганизатором в Канском и Иланском районных комитетах партии, инспектором по охране материнства и детства в Канском окружном отделе здравоохранения. С 1930 г. занимала должность инспектора по охране детства в Красноярском городском отделе народного образования, избиралась депутатом Красноярского городского Совета.

По рекомендации врачей в 1932 г. М. Н. Метелева переехала в Люберецкий район Московской области. В 1932-1934 гг. работала председателем рабочего комитета Томилинской птицефабрики. Окончила вечерний коммунистический университет, в 1934 г. избрана председателем Ухтомского районного комитета профсоюза медицинских работников, где трудилась до 1944 г.

За трудовые успехи Мария Николаевна была награждена орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», медалью «В память 800-летия Москвы», медалью «В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» и многими почетными грамотами.

Выйдя на пенсию, М. Н. Метелева принимала активное участие в общественной жизни: выступала в школах г. Люберцы, пела в Московском хоре ветеранов революции, принимала участие в деятельности Сибирской секции историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма.

Умерла Мария Николаевна Метелева в 1984 г. в г. Люберцы [1, л. 5-8; 3, л. 4-6].

Судьба М. Н. Метелевой во многом типична для женщин – ветеранов революционного движения, которым членство в коммунистической партии дало социальный статус и возможность реализовать себя в профессиональном плане. Отсутствие образования и глубокого понимания политических процессов компенсировалось у них невероятной работоспособностью, инициативностью, целеустремленностью, стремлением быть полезными обществу и государству. Сохранившиеся в архиве воспоминания М. Н. Метелевой интересны яркими повседневными деталями, отличающими их от стандартных очерков о революционной борьбе. Будучи участницей ключевых исторических событий переломного для Приенисейского региона и всей страны периода, она «оживила» исторические факты личными эмоциональными переживаниями. Перед глазами исследователя возникают реальные люди — свидетели и творцы революции, их политические взгляды и трансформации, повседневная жизнь и атмосфера тех драматичных дней.

Список литературы и источников

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. П-42. Оп.6. Д.543.
2. ГАКК.Ф. П-42. Оп.6. Д.544.
3. ГАКК.Ф. П-42. Оп.6. Д.545.
4. ГАКК.Ф. П-64. Оп.5. Д.350.
5. ГАКК.Ф. П-64. Оп.5. Д.351.

ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА МАТЕРИАЛАХ КОЛХОЗА ИМ. ХРУЩЕВА В 1950-х ГГ.

Павлюкевич Руслан Витальевич

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия,
autocrator@yandex.ru.*

Аннотация: В статье проводится анализ материалов первичной партийной ячейки колхоза им. Хрущева в период 1950-х гг. Материалы заседаний выразительно показывают атмосферу колхоза в период 50-х гг., отражая основные проблемы, существовавшие в колхозах Красноярского края.

Ключевые слова: Колхозы, сельское хозяйство, реформы Н.С. Хрущева, кризис.

REFLECTION OF CRISIS PHENOMENA IN AGRICULTURE IN THE MATERIALS OF THE COLLECTIVE FARM NAMED AFTER KHRUSHCHEV IN 1950. KHRUSHCHEV COLLECTIVE FARM IN 1950S.

*Pavlyukevich Ruslan V., PhD in History, Associate Professor, Department of History
and Political Science, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia,
autocrator@yandex.ru*

Abstract: The paper is devoted to the analysis of Khrushchev collective farm primary party cell materials in the period of 1950th. The materials of the meetings convincingly show the atmosphere of the collective farm in the period of 1950th, reflecting the main problems that existed in Krasnoyarsk region collective farms.

Key words: collective farms, agriculture, Khrushchev's reforms, crisis.

Принято считать, что в 50 гг. XX в. в советском сельском хозяйстве нарастали кризисные явления. Сталинская система управления аграрным комплексом служила в первую очередь целям скорейшей индустриализации, но по достижению этой цели и окончанию Великой отечественной войны потребовалась трансформации советского сельского хозяйства под новые условия. Требовалась перестройка сельского хозяйства на индустриальные начала, формирование агропромышленного комплекса. Пути возможного реформирования стали одним из камней преткновения между постсталинским руководством в борьбе за власть. Как Г.М. Маленков, так и Н.С. Хрущев имели свои идеи и мысли, как преодолеть существующие проблемы, что так же отражалось и на местах.

Целью данного исследования выступает анализ материалов заседаний первичной партийной организации колхоза им. Хрущева в период 1950-1957 гг., что бы показать развитие данной ситуации в частной, локальной форме одного отдельно взятого колхоза.

Колхоз им. Хрущева находился в селе Лапшиха Ачинского района. Он не был расположен в зоне рискованного земледелия, но и не был в одном из наиболее благоприятных для сельского хозяйства районе Красноярского края, не входил он и в зону реализации целинной кампании. Сам колхоз относился к группе крупных. Накануне рассматриваемого периода он был образован путем слияние двух соседних колхозов. На начало 1950-ых гг. в него входило 148 хозяйств.

В то же время данный колхоз можно в некоторой степени считать среднестатистическим, он не обладал ярко выраженной сельскохозяйственной специализацией. В нем выращивали растительные культуры, занимались животноводством. К тому же колхоз им. Н.С. Хрущева относился к группе экономически слабых колхозов Красноярского края.

В свою очередь его первичную партийную организацию ВКП(Б), позднее КПСС можно справедливо считать микро коллективом. Большинство его заседаний проходило в рамках пяти постоянных членов партии: председатель колхоза, его супруга, секретарь ячейки, бывший секретарь и местная фельдшер. Помимо этой постоянной группы на заседаниях чаще всего присутствовали по 2-3 кандидата в члены партии. В исключительных случаях, не чаще пары раз в год проводились открытые заседания, на которых могло присутствовать до 17 человек. Но расширенные заседания носили эпизодический характер и происходили не чаще пары раз в год.

Данные заседания носили при этом центральный характер для жизни колхоза, в них, по мнению колхозников, происходило решение ключевых вопросов их жизни, оценка пути которые проходил их коллектив. Многие из заседаний имели острый характер, на них кипели страсти, решались, как считали их участники, судьбы. В то же время в связи с малочисленностью и постоянством состава участников заседания носили закрытый и камерный характер. Его участники представляли собой особую привилегированную группу колхоза. Будучи коммунистами, они воспринимали себя иначе, чем основная масса колхозников.

Всего в нашем распоряжении были доступны 75 протоколов заседаний партийной организации за восемь лет. Заседания проводились не регулярно, так за 1950 гг. было проведено 17 заседаний, в то время как за 1956 г. дошло лишь 4 протокола.

Сам колхоз, точнее его работа оставляла желать лучшего. Так уже в 1950 г. отмечалось неудовлетворительное состояние колхоза. [1, л. 2]. Колхоз не обладал достаточными помещениями для скота, а те которые были, являлись старыми и холодными. Не хватало кормов, а как следствие скот был худ, изможден, был высок уровень падежа скота. Следует заметить, что кормовая проблема была центральной для всего сибирского сельского хозяйства. Короткий период лета и долгий период зимовки, требовал значительные запасы грубых кормов и силоса. Большинство колхозов и даже совхозов Красноярского края регулярно проваливали планы заготовки кормов, скот переживал зиму впроголодь. Ситуацию усугубляла нехватка качественных

современных помещений для скота. Большинство из имеющихся представляли собой холодные времянки без отопления и крыши.

«Скот живет в холодных старых помещениях» [1, л. 1-3].

«Плачевное состояние свиноводства. Имеется высокий падеж скота, на животноводстве только один коммунист и то кладовщик» [2, л. 11].

«Снижение надоев, не правильный уход за скотом, мы не понимаем, как надо работать». [7, л. 2].

Лишь в 1953 г. было начато строительство новых скотных дворов [4, л. 1] и продолжалось оно до конца рассматриваемого этапа без особого успеха, планы возведения построек регулярно проваливались. Так в 1954 г. вновь встречается жалоба на отремонтированные помещения для скота, слабость и болезненность животных, нехватку кормов. Те же жалобы по структуре и содержанию встречаются и в протоколах заседаний 1957 г., крайняя точка нашего анализа, позже колхоз был реструктуризирован в совхоз [7, л. 3].

Не менее плачевно было состояние местного растениеводства, наиболее частой проблемой приводившей к срыву планов посевных и уборочных выступала низкая трудовая дисциплина и нехватка техники. [1, л. 13, 2, л. 10, 4, л. 17]. Так в 1956 г. председатель колхоза указывал, что колхоз обладает огромными площадями, но не имеет техники для ее обработки. Основной причиной низкой трудовой дисциплины выступал алкоголь и пьянство, о чем будет позже еще написано.

«У колхоза огромная площадь, но не достаёт техники для ее обработки. Из-за этого низкие урожаи и как следствие низкая дисциплина колхозников». [6, л. 2].

Наконец в центре обсуждений причин данного положения и путей выхода из него оказывались раз за разом три темы: низкая трудовая дисциплина, пьянство и коммунисты. И, по мнению участников заседаний все три темы были между собой тесно связаны.

Практически каждое заседание собрания партийной организации, при анализе причин плохой работы колхоза указывали на низкую трудовую дисциплину в колхозе [1, л. 13, л. 26, 2, л. 1, 3, 8, 4, 1, 5, 11, 6, 1, 7, л. 19].

«Колхоз признан отстающим в районе, парт организация работала плохо. Дисциплина низкая много пропусков работы» [6, л. 18].

В 1953 г. председатель колхоза (в связи с тем, что многие из упоминаемых в тексте людей не публичные люди, в статье не даются их реальные имена) указывал, что в летний сезон многие колхозники не выходят

на работу, а трактористы начинают трудиться не раньше 10 утра, а не положенные 6 утра. Частые не выходы на работу в итоге выступали одной из причин внутреннего конфликта парторганизации.

В 1951 г. проходило разбирательство по делу члену партии, местного фельдшера, на которую поступила жалоба со стороны другого члена парторга, по совместительству председателя колхоза и его супруги, что фельдшер груба, и не приходит на вызовы [1, л.26, 3, л.9]. И что хуже покрывает частые невыходы колхозников на работу. Так за полгода до указанного разбирательства она освободила от работы 42 человека. Наконец ей вменяли, что она пытается посеять вражду между председателем колхоза и секретарем партийной организации. [3. л.9]. В ответ фельдшер парировала, что она не обладает должным рабочим помещением, а все жалобы, поступившие на нее результат наветов со стороны председателя и его супруги, так как она, то есть фельдшер:

«Видела всех пьяниц и расхитителей колхозного имущества»
[3,л. 9].

В итоге эпопеи фельдшеру было вынесено предупреждение, а в 1952 г. спустя год ее исключили из партии за не выплату взносов. Следует заметить, что фельдшер в рамках рассматриваемый партийной ячейки была достаточно чуждым элементом. Она не являлась местным выходцем, а была человеком, которое можно назвать представителем сельской интеллигенции. Не была она связана с остальными членами партийной ячейки родственными узами. В некоторой степени она представляла для основного состава партийной ячейки проблему, чем и было вызвано ее постепенное выдавливание.

Что же судя, по материалам было основной причиной частых невыходов на работу и срывов режима работы - алкоголь. Именно пьянство выступало первопричиной большинства разбирательств в рамках партийной организации [4. л.28, 5.л. 28].

Причем от этого порока не были освобождены даже коммунисты, члены партийной организации колхоза им. Хрущева. Так самый первый из ее секретарей в рассматриваемый период лишился этого поста, после того, как в пьяном состоянии вместе с кандидатом в члены партии избил другого коммуниста, члена партийной организации.

Сам секретарь не мог дать объяснение причин данного поступка, так как был слишком пьян и не помнит, что именно привело к конфликту. [1.Л.2, 2.л. 13]. Сам он остался членом ячейки, ему было вынесено только предупреждение.

«Я признаю постыдный поступок, но не могу его объяснить, так как был сильно пьян и вообще ничего не помню» [2, л. 4].

«У него были ошибки, но человек он хороший» [2, л. 4].

В 1955 г. новый секретарь парторганизации (избитый в 1950 г. первым) был обвинен председателем колхоза в том, что трижды за год был замечен в крайне пьяном состоянии [4, л. 48].

Но уже в конце этого же года получил замечание за этот же грех, а его супруга в 1957 г. заработала выговор за появление пьяной на рабочем месте [5, л.25, 7, л.10].

В чем же тогда партийная организация видела выход из существующего положения? Ответом были коммунисты, а точнее их большее участие в жизни и работе колхоза. Этот вывод раз за разом поднимался практически на каждом заседании партийной ячейки. [1, л. 2, 3, л. 13, 2 л. 1, л. 11, л. 13, л. 21, 3, л. 10, 4, л. 1, л. 9, л. 28, 5, л. 1-3, 6, л. 18].

«Коммунисты не понимают тяжелого положения колхоза» [2, л. 13].

«Партия должна контролировать всех». (из разбора дела Л.П. Берии на заседание парт. ячейки колхоза им. Хрущева [4, л. 8])

Данная идея, в необходимости приближения партии непосредственно к производству коррелировалась с одной из центральных идей преобразований впоследствии Н.С. Хрущева. Фактически материалы партийной организации во многом отражали и повторяли то, на что указывал сам Н.С. Хрущева в 1950 гг. В целом ситуация в колхозе была тяжелой, он испытывал явный кризис, и не мог самостоятельно найти из него выхода. Колхоз, привыкший работ в рамках новой парадигмы не мог найти пути на новую. Он нуждался в решении кормовой проблемы, строительства помещений, перехода на качественно новый уровень работы. Ключевым бичом работы был алкоголизм и пьянство, само руководство страдало от него, но будучи закрытой группой, не видело выхода. Колхоз и сельское хозяйство нуждалось в коренной перестройке, выхода на индустриальный тип хозяйствования.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 3898, оп. 1, д. 1.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 3898, оп. 1, д. 2.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 3898, оп. 1, д. 3.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 3898, оп. 1, д. 4.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 3898, оп. 1, д. 5.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 3898, оп. 1, д. 6.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 3898, оп. 1, д. 7.

***ДИСКУРСЫ ИРКУТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА (НА ПРИМЕРЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.М. ДОНАТЕЛЛО)***

*Паук Евгений Александрович
Педагогический институт Иркутского государственного университета,
Иркутск, Россия
evgenij.pauk.98@mail.ru*

Аннотация: В данной статье выявляются основные дискурсы, связанные с культурным развитием Иркутска в период начала XX века. Акцентируется, что концепты дискурсов формулировались А. М. Донателло, обеспечившим интеллектуальную основу развития кинематографа. Формулируется вывод о существовании системы дискурсов, связанных между собой.

Ключевые слова: кинематограф, дискурс, зрелищность, театр, рациональность, культурная среда

***DISCOURSES OF IRKUTSK CINEMA (ON THE EXAMPLE OF
A.M. DONATELLO'S ACTIVITY)***

*Pauk Evgeny Alexandrovich
Pedagogical Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
evgenij.pauk.98@mail.ru*

Abstract: In this article, by analyzing the materials of the periodical press, the main discourses related to the cultural development of Irkutsk in the early XX century are identified. It is emphasized that the discourse concepts were formulated by the entrepreneur A.M. Donatello, who provided the intellectual basis for the development of cinema. The conclusion about the existence of a system of discourses related to each other is formulated.

Keywords: cinema, discourse, entertainment, theater, rationality, cultural environment

XX век привнёс в развитие дореволюционного города Иркутска полноценные культурные тенденции, связанные напрямую с институционализацией культурно-развлекательных форм. Так, кинематограф стал функционировать, на постоянной основе удовлетворяя культурный «спрос» требовательных иркутских горожан стал интенсивно формулироваться его дискурс универсального и характера. Дискурс, как явление комплексное непременно связано с системой взглядов и идей, что, по сути, предполагает его активное формулирование уже другим комплексным, явлением. Следуя логике, в качестве такого источника можно назвать общество или другой качественный социальный конструкт. Тем не менее, дискурс может формулироваться и отдельными субъектами, например, культурными деятелями, а не только

обществом, коллективом людей. Такая постановка формулы культурного, развития, свойственна и современному состоянию социокультурной среды.

В рамках историографического обзора отметим, что проблема развития и вообще выделения культурных, интеллектуальных дискурсов в рамках изучения развлекательной культуры, фактически, не изучалась, соответственно, это заметно актуализирует исследование по выделению различного рода дискурсов, получивших своё развитие в период начала XX века в иркутском обществе. В тоже время внимание исследователей было сосредоточено, прежде всего, на изучении старых форм культуры, в частности, городского театра и других театральных площадок: достаточно вспомнить известные, блестящие в исследовательском отношении работы П. Г. Маляревского и В. П. Сидорченко [1]; [2].

В научных исследованиях, посвящённых развитию кинематографа в Иркутске, отсутствует раскрытие концептов, которые бы характеризовали развитие кинематографа именно в идейном отношении. Это особенно важно с точки зрения общества и его интеллектуальной зрелости, поскольку культурные потребности общества действительно существенно возрастают, а ограничиться чисто развлекательными функциями кинематограф, как развивающийся культурный институт не мог. Тем не менее, важные факты, детали, содержащиеся в таких научных работах как «Иркутск в панораме веков», «Иркутск в год забытого юбилея» [3];[4].

Таким образом, кинематограф, его идейная, интеллектуальная основа осталась вне научно-исследовательского поля. В данном исследовании научную ценность представляют материалы дореволюционной периодической печати Иркутска, в частности, газеты «Сибирь» [5], «Голос Сибири» [6], «Иркутская жизнь»[7]. Наличие обильного материала в газетах позволяет охарактеризовать развитие кинематографа в рассматриваемый период. Также в структуре этих газет большое место занимала именно реклама, в которой находились сведения о предстоящем культурном событии, демонстрируемых фильмах. Именно в рекламе можно увидеть обозначающиеся дискурсы, в первую очередь, конечно, отображающую концепцию «культурного строения» кино того времени. Следует помнить, что главным создателем рекламы, безусловно, являлся непосредственно предприниматель, владелец кинотеатра. Он осуществлял формулирование общей концепции своего кинотеатра, подчёркивая его уникальность. Поэтому, выявить дискурс иркутского кинематографа и, соответственно, его важнейшие черты и характеристики представляется ключевой целью данного исследования.

Прежде чем перейти к основной части наших рассуждений обратим внимание на факты из биографии итальянского предпринимателя Антона Михайловича Дон-Отелло (Антонио Микеле Донателло на итальянский манер). По весьма скудной информации, известно, что Антон Михайлович родился в городе Сан-Бьяджо Сарачинески, провинция Фрозиноне в Италии. Как отмечает, писательница Эльвира Каменщикова, версии о том, как Антонио Донателло и его братья попали в Сибирь разнообразны.

Перед появлением в Иркутске, Антонио Микеле приобрёл в Москве в собственность магазин музыкальных инструментов и небольшую прокатную фирму. Отметим, что как личность Донателло был склонен кинематографическому искусству. Однако, не менее предприимчивые, чем итальянцы, американцы, захватили рынок по продаже кинофильмов в столице и Антонио был вынужден покинуть столицу и отправиться в провинцию – в Иркутск. В доме Кравца он открыл частную студию документальных фильмов, и Антон Михайлович стал основателем, самым первым документалистом Восточной Сибири, закрепляя за собой столь почётный статус: по сути, изначальный дискурс, который мог использоваться Донателло в коммерческих целях [8].

Итальянский предприниматель лично снимал документальные киноленты, посвящённые Иркутску, иркутянам, запечатлевая важные моменты из города, создавая его «портрет» и «биографию». Так, вниманию зрителей Дон-Отелло представил различные картины: «Парад в присутствии высочайшем по случаю столетнего юбилея лейб-гвардии московских и литовских полков», «Грандиозный парад войсками на Тихвинской площади в честь 300 – летия Дома Романовых, а также «Виды Бодайбо, Ленских золотых приисков», «Виды Иркутска». Антон Михайлович, судя по анализу газетной рекламы, наиболее часто вставлял документальные кинофильмы в общую программу демонстрируемых фильмов, придавая культурную уникальность своему кинотеатру, выделяя среди остальных иллюзионов и создавая положительный образ кинотеатра на фоне сосуществования со старыми формами культуры, в частности, с городским театром за которым закрепились репутация серьёзного культурного учреждения. В этой позиции, остальные кинотеатры, а именно, «Мираж» Угрюмого, «Олимп» и другие иллюзионы, заметно проигрывали «1-ому образцовому Гранд электро-театру» Донателло.

Однако, поскольку количественно кинотеатров неуклонно росло, то и качество предлагаемых концепций со стороны Дон-Отелло также интенсивно развивалось. Судя по рекламе в газете «Сибирь» «Голос Сибири», Дон-Отелло предлагал неизменный на протяжении долгого времени дискурс, позволявший позиционировать кинотеатр Донателло как классический театр, т.е. такой же культурный институт, место для проведения полноценного отдыха. К тому же, не исключено, что Антон Михайлович пытался придать своему кинотеатру и своеобразный академизм классического театра: правило единства времени, места, действия.

Так, на просторах газетных заметок кинотеатр фигурировал под такими названиями как: «1-й образцовый Гранд электро-театр», а в 1912 году иллюзион Дон-Отелло рекламировался уже как «единственно лучший и благоустроенный большой театр во всей Сибири и Дальнем Востоке, по образцу театров в Европейской России» [5, с.1]. Как видно, идея культурной тождественности кинематографа и театра сохранилась и даже несколько видоизменилась: так, Донателло подчеркнул культурную преемственность, с лучшими культурными учреждениями Европейской части России.

Не исключено, что в рамках этого дискурса предполагался дополнительный смысл, связанный с так называемым эффектом «полихронии» т.е. иркутский кинотеатр отвечал требованию полифункциональности, предоставляя возможность как «разумного досуга», так и получения «неизгладимого зрелища» для иркутян. Этот дискурс был подкреплён конкретными культурными практиками: в аспекте чисто развлекательном в кинотеатре Дон-Отелло летом открывался сад, вход был бесплатным, а для посетителей предлагались холодные напитки, играла музыка. Для исполнения музыки приглашался оркестр под управлением Шевцова и духовой оркестр любителей Иркутского добровольного пожарного Общества. Зимой специально для посетителей открывался каток, специальные скетинг-ринки. А в отношении кинолент, предложенных для показа, наблюдалось заметное жанровое разнообразие: среди демонстрируемых кинолент были фильмы как зрелищно-развлекательного характера, так и научно-популярные картины. Так, киносеансы в кинотеатре Дон-Отелло были отведены исключительно только под боевики. В частности, 1 и 2 сентября 1912 года Дон-Отелло, подчёркивал, что только у него можно было посмотреть такие «экстра-боевые» картины, как «Белый против чёрного» (описывалась как сенсационная драма всемирно известной фабрики Пасквало), «стильную детективную драму» «Тигр» (демонстрацию сопровождал струнный оркестр Анания Даниловича Шевцова) [7, с. 1]. В этом примере отчётливо проявляется дискурс формирования у иркутских зрителей именно чисто эмоционального, импульсивного состояния, тем самым реализуя первую часть дискурса: зрелищность. Вторая часть дискурса, подчёркивала развитие кинематографа как рациональной культурной формы. Судя по газетной рекламе, Антон Михайлович довольно часто вставлял в очередную программу киносеанса картины на научные сюжеты. Так, Дон-Отелло ставил картину: «В мире невидимых», на тему научного обоснования существования потусторонних сил – призраков, а уже в другом выпуске значилась другая картина научно-познавательного характера: «Чума рогатого скота». Показывались научные съемки, посвящённые первобытным жилищам, также Дон-Отелло знакомил зрителей с «необыкновенными обитателями морских глубин», демонстрировал «эксплуатацию льда», «культуру цыплят» [6, с. 2].

Принимая во внимание вышесказанное, отметим, что А. М. Донателло смог сформировать целую систему дискурсов, обеспечивавших интеллектуальную основу развития кинематографа в целом, и конкретно своего кинотеатра в частности. Эти дискурсы были тесно переплетены друг с другом: идея о превосходстве кинотеатра подчёркивалась другими теоретическими конструктами, в частности, идеей дуальности, сочетания рационального и эмоционального. Именно таким способом кинотеатр Донателло подчёркивал культурную преемственность с общеимперскими культурными практиками.

Список литературы и источников

1. Маляревский П. Г. Очерк из истории театральной культуры Сибири. / П. Г. Маляревский – Иркутск : Кн. изд-во, 1957. – 283 с.

2. Сидорченко В. П. Иркутская антреприза: страницы истории городского театра 1790-1920 годов / В. П. Сидорченко – Иркутск : Иркутская областная типография № 1 им. В.М. Посохина, 2003. – 390 с.
3. Оглезнева Г. В. Иркутск в год забытого юбилея / Г. В. Оглезнева // Сибирский город XVIII-XX веков – 2011. – №2. – С. 170–190.
4. Иркутск в панораме веков: очерки истории города / отв. ред. Л. М. Дамешек – Иркутск : Восточно-Сибирская издательская компания, 2002. – 510 с.
5. Дон-Отелло А. М. Единственно лучший во всей Сибири! // Сибирь. – Иркутск. – 1912. – №1. – С. 1.
6. Новинки кино // Иркутская жизнь. – Иркутск. – 1914. – №21. – С. 2.
7. Дон-Отелло А. М. Лучший скетинг-ринк // Голос Сибири. – Иркутск. – 1912. – №178. – С. 1.
8. Иркипедия – Текст : электронный // Дон Отелло, Антон Михайлович : [сайт]. – 2019 – 30 апреля URL: http://irkipedia.ru/content/don_otello_anton_mihaylovich (дата обращения: 13.11.2022)

УДК: 343,163: 94 (571,51) «1945/1946»

ПРОКУРОРСКИЕ РАБОТНИКИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ МЕСЯЦЫ (ВТОРАЯ ПОЛ. 1945 Г. – ПЕРВАЯ ПОЛ. 1946 Г.)

Печерский Владимир Арнольдович

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории, Абакан, Россия
volody75.75@mail.ru*

Аннотация: Целью статьи является изучение кадрового состава прокурорских органов Красноярского края во второй половине 1945 г. – первой половине 1946 г. Анализируется образовательный уровень прокурорских работников края, опыт их работы, партийность. Рассматриваются вопросы текучести кадров, причины сменяемости прокурорских работников.

Ключевые слова: послевоенный период, Красноярский край, кадровый потенциал, органы прокуратуры.

PROSECUTOR'S OFFICERS OF THE KRASNOYARSK REGION IN THE FIRST POST-WAR MONTHS (THE SECOND HALF OF 1945 – THE FIRST HALF OF 1946)

Pechersky Vladimir Arnoldovich

*Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia
volody75.75@mail.ru*

Abstract: The purpose of the article is to study the personnel of the prosecutor's bodies of the Krasnoyarsk Region in the 2nd half of 1945 – the 1st half of 1946. The educational level of prosecutor's officers of the region, their work experience, and

party affiliation are analyzed. The issues of staff turnover, alternation of prosecutor's staff are considered.

Keywords: post-war period, Krasnoyarsk Region, personnel potential, prosecutor's bodies.

Огромные потери, понесённые населением СССР в ходе Великой Отечественной войны, спровоцировали в послевоенный период кадровый дефицит практически во всех отраслях народного хозяйства и государственного управления. В органах юстиции и правопорядка требования к потенциальным сотрудникам были иные, чем в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте: от них требовались не только профессиональные знания и навыки, но и высокий идейный уровень, залогом которого являлось членство в партии большевиков.

К 15 декабря 1945 г. в прокурорских органах Красноярского края работало 245 чел. Из них членов ВКП(б) было 142, кандидатов в члены партии – 21, членов ВЛКСМ – 50, беспартийных – 35. Мужчин – 161, женщин – 84. 56 сотрудников краевой прокуратуры было в возрасте до 26 лет, от 26 до 30 – 63, 31-35 – 49, 36-40 – 31, старше 40 – 46. Стаж работы в органах юстиции до 1 года имели 54 прокурорских работника, от 1 до 3 лет трудились 66 чел, от 3 до 5 лет – 52, от 5 до 10 лет – 42, от 10 до 20 лет – 28. Высшее образование имели 12 чел., среднее – 88 (в т. ч. юридическое 50), незаконченное среднее – 91, низшее – 54 [1. Л. 3]. Эти данные говорят о том, что среднестатистический работник прокурорских органов края был, как правило, малоопытным и малообразованным юристом, что сказывалось на деятельности прокурорских органов, они не всегда справлялись с возложенными на них задачами.

Другой проблемой, стоявшей перед отделом кадров краевой прокуратуры, была текучесть кадров в последние месяцы войны и в первые послевоенные месяцы. За январь-ноябрь 1945 г. в прокурорских органах края сменился 71 работник, из которых 10 человек были сотрудниками краевой прокуратуры, по 22 – городскими и районными прокурорами и их помощниками, следователями – 17. [1, Л. 1]. Столь интенсивная сменяемость кадров была связана с приведёнными выше причинами: слабой профессиональной и общеобразовательной подготовкой и малым опытом работы в органах юстиции.

Эта проблема сохранила актуальность и в 1946 г.: в 1 пол. 1946 г. в крае было принято на работу в прокурорские органы 32 чел., освобождено от работы – 28 чел. Из 28 освобождённых, 13 лишились должностей по собственному желанию и по болезни, 5 – были откомандированы в распоряжение вышестоящих прокуратур, ещё 5 уволены за порочащие поступки, 3 – были освобождены от должности как не справившиеся, 1 – был отозван на партийную работу и ещё 1 – по другим причинам [2, Л. 67-68].

Подбор кадров для прокурорских органов не всегда был достаточно тщательным и продуманным. Вследствие недостатка подготовленных должным образом работников, приходилось снижать требования к потенциальным

сотрудникам. В результате в рядах прокуратуры оказывались люди, склонные к девиантному поведению.

Своими действиями они позорили органы прокуратуры и зачастую их увольняли. Так, 11 февраля 1946 г. был изгнан из органов прокуратуры исполняющий обязанности прокурора Партизанского района Л. С. Туровец с формулировкой «за дискредитацию органов прокуратуры, превышение власти и пьянство». Помощник прокурора Сухобузинского района Г. А. Мальцев был склонен к буйству во хмелю, за что лишился должности 24 февраля 1946 г. [2, Л. 68].

Самым слабым звеном в цепи прокурорских органов были народные следователи. Как правило, на этих должностях трудились молодые, малоопытные сотрудники. К концу 1945 г. из 93 народных следователей 24 человека работало менее 6 месяцев, от 6 месяцев до 1 г. – 7, от 1 года до 3 лет – 20, от 3 до 5 лет – 26, свыше 5 – 16 [2, Л. 67]. Будучи самыми молодыми работниками прокуратуры следователи в первую очередь подлежали мобилизации в действующую армию, поэтому к началу 1946 г. те из них, кто начал работу в довоенный период были в абсолютном меньшинстве.

Для поднятия уровня прокурорских кадров прикладывались немалые усилия. Прежде всего, всячески поощрялось обучение прокурорских работников в специальных учебных заведениях. Основной трудностью для жителей Красноярского края было отсутствие на его территории соответствующих учебных центров. Что бы облегчить положение заочников, для обучающихся в юридических школах в других регионах, в Красноярске, Абакане, Таймырском и Эвенкийском округах в 1945 г. были организованы очные группы и в июне 1945 г. для выпускников юршкол были организованы государственные экзамены. На 1 декабря 1945 г. в крае значилось заочниками Всесоюзной заочной юридической школы 72 чел., из которых учились на 1 курсе - 61, на 2 – 11 [1. Л. 6]. Подобные меры позволяли заочникам свести поездки к минимуму, сосредоточив больше внимания на практической работе.

Кроме слабого профессионального уровня сотрудников, проблемой прокурорских органов был и недостаток кадров. На 1 декабря 1945 г. штат аппарата краевой прокуратуры составлял 35 единиц, районных и городских прокуроров – 65, помощников городских и районных прокуроров – 69, следователей – 92. Всего 261 чел. К этой дате в составе краевой прокуратуры были утверждены и фактически работали 14 чел., утверждены, но работали в других отделах – 4 чел., утверждены, но не работали – 6 чел., недокомплект составлял 11 чел. Так, в уголовно-судебном отделе были утверждены 2 прокурора, при этом 1 из них был откомандирован на Украину. [2. Л. 280].

В городских и районных прокуратурах на 15 декабря 1945 г. было утверждено и работало – 30 чел., утверждено, но не работало – 23 чел. Недокомплект составлял 12 чел. Из этого числа было освобождено из органов прокуратуры с понижением в должности и переведено в другие районы 29 чел.

Так, прокурор Игарки Белякович был переведён в Минусинск 25 мая 1945 г. В тот же день прокурор Минусинска Борисов был откомандирован в распоряжение Хакасской областной прокуратуры. Прокурор Усть-Енисейского

района Деревцов 27 сентября 1945 г. был переведён в Таймырский округ, а прокурор Эвенкийского района Клековкин 1 августа 1945 г. отправился в Ленинский район краевого центра, что бы заменить переведённого в аппарат крайпрокуратуры райпрокурора Сидорова. С понижением в должности были переведены 20 июля 1945 г. прокуроры Партизанского района Раскащиков и Шушенского района Зайцев 10 августа 1945 г. Другие районные и городские прокуроры лишились должностей вследствие выездов за пределы края, по болезни, из за перехода в другие ведомства [1. Л. 5]. Часть региональных прокуроров не соответствовали своим должностям и их переводили на менее ответственную работу, другие должны были заменить выбывших коллег, поэтому кадровая проблема не теряла актуальности.

Зачастую штаты краевой и подчинённых ей прокуратур не соответствовали стоящим перед ними задачам. 3 июня 1946 г. ИО прокурора края П. Г. Денисенко направил письмо прокурору РСФСР А. А. Волину, в котором предложил перераспределить штатные единицы внутри прокурорских органов края. По мнению краевого прокурора, сокращению подлежало 11 штатных единиц, 6 человек из оперативного состава и 5 из технического персонала. П. Г. Денисенко предлагал сократить 3 прокуроров специального отдела, по 1 следователю и по 1 секретарю в ряде районных прокуратур.

Необходимость сокращения штатов краевой прокуратуры объяснил тем, что в 1945 г. органами НКГБ края были закончены 64 уголовных дела, в том же году специальный отдел краевой прокуратуры рассмотрел 62 надзорных дела и 217 жалоб, а в 1 кв. 1946 г. – 28 надзорных дел и 108 жалоб. При таком объёме работы штат отдела в 6 человек был излишним, и без согласования с прокуратурой РСФСР краевой прокурор одного из сотрудников специального отдела отправил в отдел по надзору за милицией, и ещё одного в уголовно-судебный отдел.

Павел Георгиевич считал, что и штат прокуратуры Артёмовского района чрезмерно велик. В 1945 г. в этой прокуратуре было закончено следствием 65 дел и поэтому в её составе достаточно было иметь одного, а не двух следователей. Похожее положение было и в других региональных прокуратурах [1. Л. 15].

В военное время особое внимание уделялось делам, носившим политический характер, на территорию края было эвакуировано большое количество осужденных и арестованных, в том числе обвиняемых по политическим статьям. С окончанием же войны, число таких дел сократилось и у специального отдела, занимавшегося надзором за органами государственной безопасности, стало заметно меньше работы.

Процесс реэвакуации привёл к сокращению численности населения некоторых районов края и как следствие уменьшению объёма работы, в том числе, прокурорских органов, поэтому их штаты также могли быть безболезненно сокращены.

В послевоенный период задачи прокурорских органов во многом изменились. Это вызвало не только сокращение некоторых отделов, но и увеличение штатов других. Краевой прокурор тем же письмом запросил у

прокурора РСФСР об увеличении штатов прокурорских органов края на 13 единиц. В состав аппарата крайпрокуратуры П. Г. Денисенко предлагал ввести: прокурора для особых поручений при прокуроре края, прокурора по контролю за рассмотрением жалоб, по 1 прокурору в отделы по надзору за органами милиции, уголовно-судебный отдел, отдел общего надзора. Секретарь требовался в отдел по надзору за местами заключения, в следственный отдел, отдел общего надзора и группу по делам несовершеннолетних.

Основанием для расширения штатов отдела общего надзора было значительно увеличившиеся в послевоенный период количество жалоб. В 1945 г. в этот отдел поступило 2143 письменных и 2518 устных жалоб. За 1 кв. 1946 г. отдел получил 646 письменных и 618 устных жалоб. Разрешение такого количества жалоб в сроки, установленные законом, требовало большего количества сотрудников.

Увеличение штата уголовно-судебного отдела диктовалось тем, что в кассационной инстанции краевого суда ежедневно проходило 28-30 дел, 3 прокурорам, которым приходилось поддерживать обвинение ещё и по делам 1 инстанции, и одному секретарю отдела, было, сложно справляться с таким объёмом работы. [1. Л. 16-17].

После войны значительно увеличилось количество жалоб, поступавших в органы прокуратуры. Там искали защиту демобилизованные красноармейцы, инвалиды, вдовы погибших фронтовиков, все те, кто пострадал от войны и считал, что их права нарушены. Для послевоенного периода был характерен рост преступности и, соответственно, возрастала нагрузка на уголовно-судебный отдел.

В первые послевоенные месяцы работа прокурорских органов переживала значительные трансформации. Изменения коснулись и их кадрового состава. Если в военное время значительное количество сотрудников прокурорских органов попадали под военные мобилизации, то по окончании войны туда пришли демобилизованные воины, что значительно изменило их кадровый состав. Проблема профессиональной подготовки сотрудников не была разрешена до конца, юридическое образование находилось на периферии государственных интересов, но в послевоенные годы прилагались усилия для улучшения качества подготовки работников юстиции.

Список литературы и источников

1. ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 12. Д. 31.
2. ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 893.

***ДОСУГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)***

*Светлакова Анастасия Александровна
svetlakova.anastasiya.99@bk.ru*

*Научный руководитель: Шахерова Светлана Леонидовна
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

Аннотация. Автор статьи рассмотрел коллективные и индивидуальные формы досуговой деятельности иркутского студенчества. Отмечена роль Иркутского педагогического института в организации свободного времени обучающихся. Проанализировано участие студентов в коллективах художественной самодеятельности, кружках, спортивных секциях, педагогических и строительных отрядах, комсомольской и профсоюзной организациях.

Ключевые слова: досуговая деятельность, советское студенчество, молодёжь, Иркутский государственный педагогический институт.

***LEISURE ACTIVITIES OF SOVIET STUDENTS IN THE PERIOD
OF POLITICAL STABILITY (BY THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK
STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE)***

*Svetlakova Anastasia Alexandrovna
svetlakova.anastasiya.99@bk.ru*

*Scientific adviser: Shakherova Svetlana Leonidovna
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*

Annotation. The author of the article examined the collective and individual types of leisure activities of the Irkutsk students. The role of the Irkutsk Pedagogical Institute in organizing students' free time is noted. The participation of students in amateur art groups, clubs, sports sections, pedagogical and construction teams, Komsomol and trade union organizations is analyzed.

Key words: leisure activities, Soviet students, youth, Irkutsk State Pedagogical Institute.

Важной и неотъемлемой частью жизни человека является его досуг. Студенческий досуг в советское время определялся как личными интересами индивида, так и воспитательной работой, которую проводил вуз. Она включала в себя несколько направлений: организацию и проведение праздников, коллективы художественной самодеятельности, кружки, спортивные секции,

педагогические и строительные отряды, деятельность комсомола и профсоюзных организаций.

В ИГПИ было несколько секторов, которые курировал комсомол. Обязательным являлся сектор культурно-массовой работы, который как раз и занимался досуговой частью жизни студенчества. Культурный сектор помогал проявить себя: вокал, танцы, чтение стихов и т.д. Это делалось во взаимодействии с факультетом общественных профессий и активом факультета [1, с. 151].

Перед вузом ставилась задача идеологического и духовно-нравственного воспитания студента, в том числе через организацию досуга. Большую роль в организации свободного времени студентов играли, организованные факультетом праздники, среди них можно назвать: посвящение в студенты, новый год, общегородские парады.

Студентов привлекали к организаторской и подготовительной работе с начала учебного года. Традиционно 1 сентября студенты собирались в актовом зале и знакомились с группой и коллективом преподавателей. А вот настоящая жизнь студента начиналась с его посвящения. Чаще всего второй и третий курс посвящал первый. Задействованы были не все, так как подготовка к мероприятию занимала много времени. Посвящение всегда проводилось за два месяца до сессии [2].

Новый год студенты могли отмечать как дома, так и в общежитии. В ИГПИ часто проводился «Голубой огонёк», который, как правило, проходил в двадцатых числах декабря. Каждый факультет проводил их отдельно [3].

Не менее важными мероприятиями были городские демонстрации. Проводилось два обязательных общегородских парада, один всегда был посвящен – 1 мая, второй – 7 ноября. Все знали, что в этот день нужно предоставить большую колонну под общей вывеской института. Все транспаранты были одной идеологической тематики: «Партия – ум, честь, совесть нашей эпохи», «Отличной учёбой встретим XXIV съезд партии» и т.п [2].

Если студенты жили далеко от Иркутска, то домой они ездили редко, так как билетов на поезд было немного, поэтому большинство праздников проходило в стенах вуза и общежития [2].

Другой интересной формой досуговой деятельности было участие студентов в коллективах художественной самодеятельности, раз в год по итогам которой проводился смотр, как правило, это было в апреле, накануне дня рождения В.И. Ленина. Создавалась комиссия, которая принимала концерт у каждого из факультетов, в ИГПИ их было 10 [4].

В вузе существовали различные кружки. Кружок фотодела, который вёл В.Н. Панов, находился на третьем этаже исторического факультета ИГПИ. На кружке кинодела студентов обучали управлять киноаппаратом «Украина», клеить плёнки. На индустриальном факультете были студии резьбы по дереву и обработки металлов [3]. Студенты Иркутска имели возможность заниматься в кружках других факультетов. Заслуженной популярностью пользовался Иркутский университетский хор. Широко известны в городе были чтецы. В 1970 г. было открыто режиссерское отделение на факультете общественных

профессий с кружками театральными и художественного слова. На математическом и химическом факультетах действовал хореографический кружок. Инструментальные ансамбли были на математическом, биолого-почвенном и физическом факультетах, театр эстрадных миниатюр – на биолого-почвенном[5].

Ещё одним направлением организации студенческого досуга вузом были спортивные секции. В ИГПИ существовало два спортивных зала: на ул. Нижняя набережная и на ул. Польских повстанцев. Студенты могли заниматься волейболом, баскетболом, спортивной гимнастикой, велоспортом. Организовывались также походы, как зимние, так и летние[1, с. 162].

В свободное время многие студенты были увлечены чтением литературы. Кутищев Н.Е. тратил почти все деньги в книжной лавке, которая называлась «Букинист», находившаяся на ул. Литвинова. В первую очередь, в сферу интересов молодёжи входили научные труды, посвященные профилю обучения. Например, историки читали диссертации, монографии, дневники, исследования Рыбакова Б.А., Тихомирова М.Н., Зимина А.А., Тарле Е.В., Ключевского В.О. и Соловьева С.М. Найти эти книги было достаточно трудно. Литературу некоторые люди сдавали в книжные лавки за полцены. Художественная литература была менее привлекающей, так как времени на неё не хватало. Популярным в 1970-е гг. были произведения В.В. Пикуля «Каторга», «Пером и шпагой», это были труды, которые вызвали активные дискуссии в студенческой среде[4].

В институте практиковались выходы в кинотеатры, театры, художественные и краеведческие музеи. О новых постановках студенты узнавали со стенда ИГПИ. Большой популярностью пользовались кинопоказы. Студенты посещали кинотеатры «Гигант» и «Художественный», которые находились на улице Большой (ныне Карла Маркса). В основном смотрели отечественные фильмы. Дыкусова Т.В. очень любила фильм «Война и мир»[3]. Студент исторического факультета Кутищев Н.Е. вспоминает фильмы «Розыгрыш», «300 спартанцев», на просмотр которых они ходили всей группой вместе с преподавателем В.Н. Пановым[4].

Вуз организовывал и летний отдых студентов. Через туристическое бюро «Спутник» можно было выехать за границу в страны социалистического лагеря. Можно было путешествовать и по стране. Студентка исторического факультета Дыкусова Т.В. в 1977 г. вместе с группой ездила в Ленинград. В 1979 г. она вместе с мужем посетила Германскую демократическую республику: «Мы поражались от обилия товаров, от чистоты улиц. Была сильная разница между советским союзом, притом зависти не было». Наличие льготных билетов на самолёт в промежутке с 15 октября до 15 мая (50% стоимости) облегчало поездки студенчества. Можно было отправиться в путешествие в Болгарию, Польшу, Югославию[3].

В период летних каникул студенты имели возможность подрабатывать при ИГПИ в педагогических или строительных отрядах. Нужно отметить, что к подготовке будущего вожатого педагогические отряды подходили ответственно. В течение всего учебного года для участников педотрядов

проводились методические занятия, ребята знакомились с основными приемами вожатской деятельности, разрабатывали различного рода мероприятия.

Летом педагогические отряды ИГПИ выезжали в детские лагеря Братска, Усть-Илимска, Бодайбо, Шелехова, Железногорска-Илимского. Там студенты проверяли правильность выбора профессии, наличие способностей или склонностей к педагогическому труду[2].

Строительных отрядов при вузе было несколько: на основе индустриально-педагогического факультета - «Вертикаль», отряды проводников, отряды пионервожатых (СПО). На базе исторического факультета ИГПИ также был организован строительный отряд под названием «Альтаир». Организатором создания Студенческих строительных отрядов (ССО) занимался областной штаб. Это структурное подразделение, которое действовало при областном комитете комсомола. Он выступал координаторами, в период учебного года, собирая информацию по всем регионам, где на лето требуются рабочие руки, инициировали создание ССО с соответствующим обучением.

1974 г. был объявлен годом Всесоюзной ударно-комсомольской стройки «Гигант на Иртыше» ТНХК СИБУР в г. Тобольск, а также стройкой БАМ, куда приезжали студенты со всего СССР. В 1978 год стала строиться Саяно-Шушенская ГЭС, где также были необходимы рабочие руки. В 1979 г. отряды работали на БАМе, Приморье, нефтяных месторождениях Тюмени[6, с. 105].

В контексте идеологии советского времени существовала своя студенческая структура, которая была представлена комсомольской и профсоюзной организациями[4]. Комсомольская организация ИГПИ была довольно многочисленной, практически все обучающиеся были членами ВЛКСМ. Общая численность комсомольской организации в Иркутской области была примерно 3,5 тыс. студентов[4]. Участие в деятельности комсомольской организации было важной частью жизни студенческого актива вуза. Регулярно проводились комсомольские собрания, на которых осуществлялось идеологическое воспитание студентов, а также разбирались вопросы дисциплинарного характера.

Насыщенный досуг – это важная составляющая образа жизни студенчества. У молодых людей 1970-х гг. было немного свободного времени, так как большее внимание они уделяли учёбе, но всё же они находили возможность посещать занятия в кружке или спортивной секции, сходить в кинотеатр, театр, съездить отдохнуть или заработать деньги в педагогическом или строительном отрядах. Жизнь советских студентов была особенно волнительной, интересной и насыщенной.

Список литературы и источников

1. Рабецкая З.И., Татаринцов В.И. Иркутский педагогический: от учительского института к университету: в 2 т. Иркутск, 2009. Т.2. 431 с.
2. Воспоминания Лескинен М.И., 1956 г.р. Место проведения – г. Иркутск. Дата проведения – 17.03.21. Аудиозапись – 58 мин. Интервьюер

Светлакова А.А., студентка 3 курса гуманитарно-эстетического факультета (направление «история-обществознание») педагогического института ИГУ. // Коллекция воспоминаний исследователя Светлаковой А.А.

3. Воспоминания Дыкусовой Т.В., 1952 г.р. Место проведения – г. Иркутск. Дата проведения – 28.04.21. Аудиозапись – 1 час 21 мин. Интервьюер Светлакова А.А., студентка 3 курса гуманитарно-эстетического факультета (направление «история-обществознание») педагогического института ИГУ. // Коллекция воспоминаний исследователя Светлаковой А.А.

4. Воспоминания Кутищева Н.Е., 1955 г.р. Место проведения – г. Иркутск. Дата проведения – 23.10.20. – 06.06.21. 13 аудиозаписей – 5 часов 40 мин. Интервьюер Светлакова А.А., студентка 3 курса гуманитарно-эстетического факультета (направление «история-обществознание») педагогического института ИГУ. // Коллекция воспоминаний исследователя Светлаковой А.А.

5. Иркутский университет. 1970. №2.

6. Капто А.С., Уманский Л.И., Мордкович В.Г. Общественная активность молодежи. М.: Молодая гвардия, 1970. 173 с.

УДК 93/94

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПЕРВЫХ СЕКРЕТАРЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП(б)/КПСС

*Суржко Антон Валерьевич
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
surzhkoanton@yandex.ru*

Аннотация: представлен сравнительный анализ должностных лиц, занимавших пост первого секретаря красноярского краевого комитета ВКП(б)/КПСС – де-факто главы края. В качестве критериев сравнения были выделены профессиональные и социальные качества. Выявлены некоторые особенности советской партийной номенклатуры в региональном масштабе.

Ключевые слова: Красноярский край, социальный портрет, крайком КПСС, первый секретарь красноярского крайкома КПСС.

SOCIAL PORTRAIT OF THE FIRST SECRETARIES OF THE KRASNOYARSK REGIONAL COMMITTEE OF THE AUCP(B)/CPSU

*Surzhko Anton Valerievich
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
surzhkoanton@yandex.ru*

Abstract: presents a comparative analysis of officials who held the post of first secretary of the Krasnoyarsk Regional Committee of the CPSU (b) / CPSU - the de

facto head of the region. Professional and social qualities were singled out as comparison criteria. Some features of the Soviet party nomenclature on a regional scale are revealed.

Key words: Krasnoyarsk Territory, social portrait, Regional Committee of the CPSU, First Secretary of the Krasnoyarsk Regional Committee of the CPSU.

Красноярский край – особый регион в составе России. Второй по площади субъект федерации, он занимает более 10% всей территории страны и является ее географическим центром. В настоящий момент край по праву считается одним из крупнейших в России экономическим, научно-образовательным и культурным центром, а также площадкой для развития международных отношений с дружественными странами азиатского региона. Основу его экономики составляют цветная металлургия, добыча полезных ископаемых и природных ресурсов, гидро- и электроэнергетика.

Основа социально-экономического и социокультурного развития Красноярского края закладывалась в советский период, когда возникали новые города, строились сотни промышленных предприятий, осваивались новые территории, открывались многочисленные учебные и культурные заведения, прославившиеся на весь мир. Безусловно, достигнуть таких впечатляющих результатов было невозможно без грамотного политико-административного руководства. В связи с этим нам представляется актуальным обратиться к советскому опыту подбора руководящих кадров в масштабах краевого руководства и выявить его особенности и закономерности.

Реалии советской политической системы были таковы, что уже с 1920-х гг. фактическую власть в стране осуществляли не Советы и их исполнительные комитеты, а Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, в 1952 г. переименованная в Коммунистическую партию Советского Союза, и различные партийные органы. Таким образом, любая союзная или автономная союзная республика, край, область и другой субъект СССР управлялся руководителем местной партийной организации. Красноярский край, образованный 7 декабря 1934 г. в результате разукрупнения Восточно-Сибирского края, не стал исключением из этого правила.

Всего с декабря 1934 по ноябрь 1991 гг. красноярский краевой комитет ВКП(б)/КПСС, а соответственно и сам край, возглавляли 12 человек: П.Д. Акулинушкин (12.1934-21.07.1937), С.М. Соболев (21.07.1937-22.06.1938), П.Х. Кулаков (11.07.1938-29.06.1940), И.Г. Голубев (29.06.1940-28.07.1944), А.Б. Аристов (28.07.1944-3.04.1950), С.М. Бутузов (4.04.1950-16.08.1952), Н.Н. Органов (16.08.1952-21.02.1958), А.А. Кокарев (21.02.1958-28.04.1969), В.И. Долгих (28.04.1969-28.12.1972), П.С. Федирко (28.12.1972-2.10.1987), О.С. Шенин (2.10.1987-18.07.1990) и Г.П. Казьмин (26.08.1990-11.11.1991). Также отметим В.Ф. Гаврилова-Подольского – когда в годы хрущевских преобразований местные партийные комитеты были разделены на сельские и промышленные, в 1963-1964 гг. он руководил красноярским промышленным крайкомом КПСС.

Прежде всего, отметим, что за весь период советской власти во главе Красноярского края лишь раз оказывался его уроженец – им был В.И. Долгих, родившийся в Иланском. Десять первых секретарей крайкома родились и выросли в европейской части России, и лишь А.А. Кокарев был уроженцем Новороссии. При этом шесть из семи первых руководителей края возглавляли его будучи «варягами», не имея опыта работы и проживания в регионе, а один из них (С.М. Бутузов) работал в крае только шесть лет. Однако с 1958 по 1990 гг. первыми секретарями Красноярского крайкома становились лица, отработавшие на различных краевых должностях не менее 15 лет, а трое последних (П.С. Федирко, О.С. Шенин и Г.П. Казьмин) проживали в крае с юных лет.

Абсолютное большинство краевых руководителей имело идеологически «правильное» пролетарское происхождение. Так, из 12 первых секретарей крайкома 10 родились в рабочих семьях. Исключение составили С.М. Соболев, родившийся в семье крестьянина-бедняка, и А.Б. Аристов, бывший выходцем из казацкого сословия.

Ровно половина Первых секретарей Красноярского краевого комитета ВКП(б)/КПСС имело за плечами законченное высшее образование (П.Х. Кулаков, А.Б. Аристов, В.И. Долгих, П.С. Федирко, О.С. Шенин и Г.П. Казьмин). Причем пятеро из них получили техническое, инженерное образование и лишь Г.П. Казьмин был «аграрием». С.М. Соболев и Н.Н. Органов окончили специальные партийно-политические учебные заведения, готовившие руководящие кадры для партийных и советских органов. Образование еще двух краевых руководителей – И.Г. Голубева и А.А. Кокарева ограничивалось техникумом. Наконец, П.Д. Акулинушкин и С.М. Бутузов не имели законченного системного образования.

До назначения на высший пост в краевом партийном комитете все его руководители имели определенный опыт партийной и политической работы, а назначение в Красноярск было для них заметным продвижением по службе. При этом опыт регионального руководства уже был у Н.Н. Органова (Приморский край), О.С. Шенина и Г.П. Казьмина (оба возглавляли Хакасскую автономную область). И.Г. Голубев, А.А. Кокарев и В.И. Долгих прежде чем перейти на руководящие партийные должности работали директорами промышленных заводов, причем двое последних возглавляли Красноярский завод комбайнов и Норильский горно-металлургический комбинат соответственно.

Средний возраст чиновников на момент их назначения Первыми секретарями Красноярского крайкома составлял 42 года. Самым молодым выдвиженцем на этот пост оказался П.Х. Кулаков, возглавивший край в 28 лет, а самым возрастным – Г.П. Казьмин, который возглавил крайком накануне своего 56-летия. Примечательно, что первые четыре краевых руководителя, назначения которых состоялись в довоенный период, заступали на пост не достигнув 40 лет, а следующие семь, деятельность которых пришлась на послевоенный период приступали к работе в возрасте от 40 до 50 лет (исключением стал лишь Н.Н. Органов, возглавивший крайком в возрасте 51 года).

Дольше всех во главе краевого партийного комитета КПСС стояли П.С. Федирко и А.А. Кокарев – 15 и 11 лет соответственно. В свою очередь, С.М. Соболев и Г.П. Казьмин находились в должности всего около года. Средний срок пребывания в должности Первого секретаря красноярского крайкома ВКП(б)/КПСС составлял 4 года 9 месяцев.

Весьма разнообразно сложилась судьба партийных руководителей после ухода с поста главы красноярского крайкома. Так, П.Д. Акулинушкин, находясь в должности, был арестован за «участие в антисоветской контрреволюционной организации» и расстрелян. Работа П.Х. Кулакова во главе края была признана ЦК неудовлетворительной, но, несмотря на это, он переехал в Москву, где в течение двенадцати лет был заместителем наркома (министра) государственного контроля, а затем занимался политической работой в министерстве обороны СССР, удостоился генеральского звания. Гораздо меньше повезло И.Г. Голубеву, который был снят с должности как «не справляющийся со своими обязанностями», а его политическая карьера на этом была закончена.

С.М. Соболев, А.Б. Аристов и С.М. Бутузов после ухода из Красноярска получили аналогичные должности первых секретарей в Дальневосточном крае, Челябинской и Пензенской областях соответственно. Формальное повышение с переводом в столицу получили Н.Н. Органов, А.А. Кокарев и П.С. Федирко, однако, работая в правительственных структурах, им не удалось значительно развить свою политическую карьеру и выйти в первые эшелоны советской номенклатуры. Г.П. Казьмин стал единственным руководителем крайкома, который после выхода в отставку продолжил работать в Красноярском крае, поочередно возглавляя два акционерных общества.

Лишь трое Первых секретаря Красноярского крайкома сумели войти в число высших партийно-государственных руководителей. Так, А.Б. Аристов в 1950-е гг. являлся членом Президиума ЦК КПСС и одновременно с этим – Секретарем ЦК КПСС. В 1990-1991 гг. аналогичное положение занимал О.С. Шенин, а В.И. Долгих занимал пост Секретаря ЦК КПСС, но в Политбюро находился лишь в качестве кандидата.

Подводя итог сказанному отметим, что должность Первого секретаря Красноярского краевого комитета ВКП(б)/КПСС преимущественно занимали политики в расцвете лет, получившие высшее или средне-специальное образование, имеющие опыт работы в партийном аппарате и являющиеся выходцами из рабочих семей. Назначение на столь высокий пост стало для каждого из них шагом вперед в политической карьере, однако значительно превзойти этот уровень удалось далеко не всем, а карьеры некоторых были разрушены.

В тоже время отметим, что каждый из руководителей Красноярского края, безусловно, внес определенную лепту в развитие региона, его превращение в крупный экономический, научно-образовательный и культурный центр Российской Федерации.

Список литературы и источников

1. Руководители Красноярского края. Секретари крайкомов ВКП(б) и КПСС // Энциклопедия Красноярского края. URL: http://my.krskstate.ru/docs/secretary_kpss/ (дата обращения: 1.11.2022).

УДК 340

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 316-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ И.В. ПАНФИЛОВА

Угольков Иван Алексеевич

*Московский государственный областной университет имени Н.К Крупской,
Фрязино, Россия
ugolkoff.ivan@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается зарождение и формирование 316-я стрелковой дивизии генерал-майора И.В Панфилова. Анализируются бои, в которых принимала участие 316-я дивизия И.В Панфилова. Исследуется роль 316-й дивизии И.В Панфилова в победе под Москвой. В ходе проведенного исследования, автор подчеркивает значимость Панфиловской дивизии.

Ключевые слова: Дивизия, И.В Панфилов, бои, Москва, героизм.

COMBAT OPERATIONS OF THE 316TH INFANTRY DIVISION OF I.V. PANFILOV

Ugolkov Ivan Alekseevich

*Moscow State Regional University N.K. Krupskaya, Fryazino, Russia
ugolkoff.ivan@yandex.ru*

Abstract The article deals with the origin, formation and role of the 316th rifle division of major General I.In Panfilov. The article analyzes the battles in which the 316th division took part.In Panfilov. The role of the 316th division And.In Panfilov in victory near Moscow. The author emphasizes the huge contribution of the 316th rifle division and.In Panfilov in the victory of the Moscow battle, who did not let the enemy to Moscow, stopping it near Volokolamsk, which allows us to update this topic.

Key words: Division I. Panfilov, the Battle of Moscow, the heroism.

Актуальность статьи обусловлена тем, что Дивизия генерал-майора И.В. Панфилова сыграла решающую роль в битве за Москву. Панфиловцы определили дальнейшую судьбу советского государства. Целью данной статьи является исследование значимости побед Панфиловской дивизии в годы войны.

Для достижения поставленной цели ставятся задачи: 1. дать характеристику структуры 316 стрелковой дивизии И.В. Панфилова, 2.

охарактеризовать основные сражения, 3. подчеркнуть вклад Панфиловской дивизии в победу.

Панфиловская дивизия отличилась в боях под Москвой и заслуживает огромного внимания. Панфиловская дивизия зародилась в городе Алматы в Казахстане. Датой формирования 316-й стрелковой дивизии принято считать 12 июля 1941 года [4, с. 6]. В это время вышло постановление ГКО и приказ военного руководства Среднеазиатского военного округа [2, с. 7]. Командиром дивизии был назначен военный комиссар Киргизской ССР генерал-майор И.В. Панфилов.

Политическая работа помогла сформировать 316-ю дивизию И.В. Панфилова. Проводились беседы на политические темы, распространялась политическая информация, приводились примеры героизма, стойкости солдат [5, с. 192]. Солдатам рассказывали, как нужно обращаться с личным оружием. Такая политика действовала во всей дивизии. В дивизии распространялась пропаганда ненависти врага, которого надо было победить.

Структура 316-й стрелковой дивизии генерала И.В. Панфилова выглядела следующим образом: 1) Командир дивизии И.В. Панфилов, 2) начальник штаба дивизии - полковник И.И. Серебряков, комиссар дивизии - старший батальонный комиссар С.А. Егоров, начальник артиллерии - майор В.И. Марков [1, с. 161], начальник политотдела дивизии - батальонный комиссар А.Ф. Галушко [3, с. 78]. Командир 1073-го стрелкового полка майор Г.Е. Елин, командир 1075-го стрелкового полка - полковник И.В. Карпов, командир 1077-го стрелкового полка – майор З.С. Шехтман, командир 857-го артиллерийского полка - подполковник Г.Ф. Курганов. В состав дивизии вошел штаб 589 отдельный зенитный артиллерийский дивизион, 203 разведывательная рота, 597 саперный батальон, 762 батальон связи, 242 медико-санитарная часть, 395 рота химзащиты, 291 автотранспортная рота, 445 полевая хлебопекарня, 688 дивизионный ветеринарный лазарет, 993 полевая почтовая станция, стрелковый взвод НКВД, полевая касса госбанка, в качестве подразделений в дивизию входили партийные и комсомольские организации [2, с. 100]. Дивизия И.В. Панфилова была усилена четырьмя пушечными артиллерийскими полками РВГК, тремя артиллерийско-противотанковыми частями [3, с. 67]. Дивизия имела достаточно надежные танки. Танковые части дивизии помогли организовать противотанковую оборону. Личный состав дивизии обладал блестящей подготовкой.

Таким образом 316 дивизия имела 207 орудий. Следует сделать обзор оружия.

	45-мм пушки	76-мм ПА	76-мм ДА	122-мм гаубицы	Всего
Стрелковые полки	16	14			30
857 артиллерийский полк			16	8	24
Итого	16	14	16	8	54

Большую часть артиллерии составили орудия средних и малых калибров.

Теперь следует рассмотреть национальный состав дивизии И.В. Панфилова. В дивизию входили 67% русских, 11% киргизов, 11% казахов, 3% народы других национальностей СССР [1, с. 34]. Дивизия Панфилова считалась многонациональной и была хорошо подготовлена к ведению боя.

18 августа 1941 года в городе Алматы Панфиловская дивизия отправилась на фронт, 24 августа 1941 года воинские части проехали Рязань и Москву, и продолжили движение в северном направлении [3, с. 56]. 25 августа 316-я стрелковая дивизия прибыла на станцию Боровичи Октябрьской железной дороги, 26 августа 1941 года дивизия понесла первые потери от авиационных ударов на марше, в саперном батальоне и на втором артдивизионе, погибли шесть человек, двенадцать ранено [4, с. 43]. 27 августа 1941 года дивизия заняла оборону в Боровичах. Уже к 30 августа 1941 года дивизия перешла к обороне на реке Мста в районе Большое Пехово, Мстинский мост.

Основной период сражений, связанный 316 дивизией И.В. Панфилова связан с сентябрем 1941 года по октябрь 1942 года. Битва за Москву, рассмотрим некоторые сражения.

Следует дать характеристику боям, в которых принимала участие 316 дивизия И.В. Панфилова, 8 сентября 1941 года 316 стрелковая дивизия совершает марш в районе Крестцы и занимает позиции второго эшелона армии [2, с. 78]. В районе Крестцов в 340 км 316 дивизия готовит полосу к обороне. Панфиловская дивизия успела провести тактические мероприятия в обороне и в наступлении в трудных условиях в лесу и ночью. Подразделения 316-й дивизии тренировались применять оружие. Занятия проводились ежедневно больше 8 часов. Шло обучение младших командиров для этого был создан учебный батальон под командованием М.А. Лысенко. 6 октября 1941 года подразделения 316 дивизии подошли к станции Крестцы.

4 октября 4-я рота 1075-го стрелкового полка сделала боевой выход в Русскую Болотницу. В результате битвы была уничтожена группировка противника [1, с. 89]. Советские потери составили двое убитых и один раненный. В битве отличился политрук Клочков.

В начале октября 1941 года первые эшелоны 316-й дивизии начали поход в лес вблизи Волоколамска. Батальон 1077-го стрелкового полка был направлен для занятия рубежей Волоколамского района Можайской линии обороны в 30 км западнее Волоколамска на правом фланге полосы обороны дивизии. [4, с. 67]. По приезду генерал-майор И.В. Панфилов был назначен начальником Волоколамского боевого участка. [1, с. 45]. И.В. Панфилов отдал приказ охранять подступы к городу Волоколамск, Львово, совхоз Большчево. Перед дивизией была поставлена еще одна задача, не допустить прорыва противника по шоссе Волоколамск-Москва.

Дивизия разделилась на группы, военным подразделениям были поставлены следующие задачи. 1077 стрелковому полку с 857 артполком и 41-й огнеметной ротой было дано задание, защищать участок Львово, Высоково [4, с. 56]. Цель заключалась в том, чтобы не допустить прорыва танков и пехоты

врага по направлению Шаховская и Волоколамск. 1075 полку дали другую задачу защищать держать оборону у Лазарево и не пропустить танки и пехоту врага в Федосьино, Осташевов.

Командные точки полков расположились в следующих, населенных пунктах. Можно обозначить некоторые из них [3, с. 190]. 1077-й стрелковый полк-Голоперово, 1073-й стрелковый полк Дубосеково, 1075-й стрелковый полк-Игнатково, также были, созданы еще два руководящих поста в Щекино, Рюховское.

Вся артиллерия действовала в закрытых огневых позиций и располагалась на танкоопасных направлениях, боевые части были подготовлены к ведению огня. Огонь велся по прямой наводке по прорвавшимся танкам противника. [3, с.76]. Система огня артиллерии перед передним краем обороны была связана с системной инженерных заграждений, при организации обороны всегда учитывалось положение местности.

В ходе Волоколамских боев 316 стрелковая дивизия понесла огромные потери, не дала врагу взять Волоколамск. [1, с. 24]. До 15 ноября на Волоколамском фронте, немцы активности не проявляли.

Таким образом, описывая бои 316 стрелковой дивизии на Волоколамском направлении, можно подвести следующий итог [2, с. 56]. Бойцы 316 стрелковой дивизии проявили мужество и героизм, смелость, упорство благодаря проявленным качествам панфиловцев врагу не удалось захватить Волоколамск. [2, с. 180]. Солдаты дивизии добивались цели любой ценой, не пропустить противника к Москве.

Исследуя бои под Волоколамском можно затронуть подвиг 11 саперов 1077-го стрелкового полка во главе с командиром взвода младшим лейтенантом П. Фирстовым и политруком роты А. Павловым. [3, с. 8]. Вблизи села Строково под Волоколамском они прикрыли отход основных сил полка на новый рубеж обороны [4, с. 24]. В течение пяти часов саперы отражали атаку врага, уничтожив несколько танков и много фашистов. [3, с. 190] Из 11 героев восемь погибли, трое ранены, все 11 героев были награждены орденом Ленина.

Значимую роль в победе под Волоколамском сыграла партийно-политическая работа [3, с. 190]. Партийно-политическое воспитание помогло подготовить дивизию к боевым действиям. Героизм панфиловцев после боев на Волоколамском направлении стал известен всему советскому народу.

Особое место среди сражений, в которых принимала участие 316-я стрелковая дивизия И.В Панфилова, составляет Битва за Москву. Рассмотрим бои под Москвой. 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково 316 дивизия вступила в бой с превосходящими силами противника. Панфиловская дивизия находилась на направлении главного удара весь октябрь. 16 ноября был атакован 1075 полк. Полк отбил несколько танков. Дивизия героически сопротивлялась и оборонялась в ходе больших потерь 316 дивизия отступила на Истринский рубеж. 18 ноября 1941 года у подмосковного села Гусеново погиб И.В Панфилов [6, с. 8]. В тот же день вышел приказ наркома обороны СССР № 339, в котором были обозначены боевые заслуги 316-й стрелковой дивизии. Вскоре вышло постановление Президиума Верховного Совета СССР

согласно, которому 316-я дивизия за мужество, героизм, стойкость, отвагу была переименована в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию, ей вручили гвардейское знамя и установили двойной оклад содержания. За свои заслуги дивизия была удостоена ордена Красного знамени.

Панфиловцы представляются народу 28 героями, которые преградили путь врагу к Москве у Дубосеково. Не дать немцам пройти в Москву помогла не только героическая оборона Панфиловской дивизии, но и система противотанковой обороны, созданная И.В. Панфиловым. Благодаря этой системе удалось уничтожить 24 танка и задержать танковую группировку противника более чем на 4 часа [5, с. 90]. У деревни Петелино солдаты 6-й роты 1075 полка 15 человек, в составе П.Б. Вихревым подбила 7 танков.

Победить врага удалось благодаря целеустремленной и кропотливой работе личного состава. Панфиловцы сражались разумно и стойко, нанося огромные потери врагу. Благодаря панфиловцам советские войска смогли выиграть Битву под Москвой. Панфиловцы определили, дальнейшую судьбу Москвы и всего СССР [2, с. 78].

Победить врага и не дать противнику захватить Москву сыграли роль, очень важные факторы, такие, как сплоченность, дружба, взаимовыручка и взаимопонимание 34 национальностей дивизии стояли насмерть на подступах к Москве. Это свидетельствует, что 316-я дивизия была единым целым, вне зависимости от национальностей [1, с. 43].

Панфиловская дивизия внесла огромный вклад в становление советской государственности, не пропустив врага в Москву. Дивизия Панфилова не дала немцам разрушить советское государство. Панфиловцы уничтожили миф о непобедимости немецкой армии и подняли престиж СССР.

В завершении можно сделать следующий вывод, что 316 дивизия И.В. Панфилова героически себя проявила, и их подвиг никогда не будет забыт. И навсегда останется в памяти народа. Панфиловцы совершили настоящий подвиг, благодаря, которому дивизия получила широкую известность. В честь панфиловцев названы улицы, парки, школы. Подвиг панфиловцев – легендарная и значимая, славная страница в отечественной истории, и в истории Великой Отечественной Войны.

Список литературы и источников

1. Саенко А.П. Панфиловцы, 2018, с. 190 А.П. Панфиловцы, 2018 гг.: изд-во «Самиздат», С. 190-198.
2. Богданов А.Р. Боевые действия стрелковой дивизии 1943 гг. \\Бек Военная литература «Изд-во Милитер», 2011. 200 с
3. Кузнецов А.И. Герои не умирают. Алма-Ата, 1963. С.178-179.
4. Язов. Д.Т. За нами Москва. «Изд-во Красная звезда», 1946. 800 с.
5. Бек А.А. Панфиловцы на первом рубеже, «Изд-во Детгиз», 1944. 23 с.
6. Дроздов К.С. Подвиг панфиловцев: новые исторические свидетельства по материалам комиссии И.И. Минца. 1950. 60 с.

**«ДОКТОРША» ГРЕТА СЕТ: РАБОТА ДЕЛЕГАТА ШВЕДСКОГО
КРАСНОГО КРЕСТА В ГОЛОДАЮЩЕЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ
1921-1922 ГГ.**

Циденков Григорий Геннадьевич
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия
gcidenkov@yandex.ru

Аннотация. Во время голода 1921-23 гг. на территории пострадавшей Самарской губернии работала гуманитарная экспедиция Шведского Красного Креста. Делегаты экспедиции открывали в волостных центрах склады и столовые, организовывали питание населения, снабжение одеждой и медикаментами. Делегаты вели учет движения населения в волостях, способствовали проведению противотифозной прививочной кампании, открывали постоянные медицинские пункты и больницы. Настоящая статья рассказывает о деятельности делегата Шведского Красного Креста Греты Сет. Грета Сет изначально завербовалась в экспедицию на должность сестры-хозяйки, но, в силу обстоятельств, фактически возглавила сразу несколько волостей губернии. Невысокая, не знавшая русского языка иностранка прожила бок о бок с русскими крестьянами несколько месяцев на пике голодного бедствия.

Ключевые слова: голод 1921-1923 годов, иностранная помощь, Шведский Красный Крест, Самарская губерния, управление, тиф, эпидемии, Грета Сет.

***DR. GRETA SET: THE WORK OF A SWEDISH RED CROSS DELEGATE
IN THE STARVING RUSSIAN COUNTRYSIDE 1921-1922***

Tsidenkov Grigoriy Gennadievich
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia
gcidenkov@yandex.ru

Abstract. During the famine of 1921-23. a humanitarian expedition of the Swedish Red Cross worked on the territory of the affected Samara province. The delegates of the expedition opened warehouses and canteens in the volost centers, organized food for the population, supplying them with clothes and medicines. The delegates kept records of the natural population change in the volosts, contributed to the anti-typhoid vaccination campaign, opened permanent medical centers and hospitals. This article tells about the activities of Greta Seth, a delegate of the Swedish Red Cross. Greta Seth was originally recruited into the expedition as a mistress, but, due to circumstances, she actually headed several volosts of the

province at once. A short, foreigner who did not know Russian, lived side by side with Russian peasants for several months at the peak of the famine.

Keywords: the famine of 1921-1923, foreign aid, Swedish Red Cross, the International Committee for Russian Relief, the Swedish Red Cross expedition, Samara province, Greta Seth.

Летом 1921 года огромные территории РСФСР и Украины охватил опустошительное бедствие - голод, вызванный небывалой засухой, экономической разрухой и последствиями Гражданской войны. Советское правительство, не располагая ресурсами для обеспечения питанием всего голодающего населения, было вынуждено обратиться за международной гуманитарной помощью. В результате договора, заключенного между наркомом иностранных дел РСФСР Георгием Чичериным и руководителем делегации Международного Красного Креста Фритьофом Нансеном 27 августа 1921 года, был учрежден Международный комитет помощи России. Основными задачами Комитета были доставка и распределение гуманитарных грузов в голодающих местностях [1. С. 39-44]. Одной из организаций, входивших в комитет, была организация Шведского Красного Креста (далее – ШКК). Осенью того же года ШКК приступил к организации собственной экспедиции в голодающие губернии и начал вербовку ее участников. В числе первых заявку подала Грета – 42-летняя медсестра, имевшая опыт работы в лагерях для военнопленных в Германии в 1914-1916 гг. В 1919-1920 годах работала в Вене в Международном Бюро помощи детям, пострадавшим от войны [2]. В экспедицию она завербовалась на должность сестры-хозяйки. Грета Сет была вдовой доктора Сет и официально именовалась, по правилам того времени, «*doctorinna Seth*» - «докторша Сет». Под этим именем она и станет известной в далеких самарских селах Поволжья.

ШКК имел самостоятельное финансирование, собственный аппарат и, фактически с самого начала работы Комитета, действовал независимо от его руководства. Районом деятельности ШКК была выбрана Самарская губерния [3. С. 180]. Осенью 1921 года в губернии голодало 2600 тыс. человек из всего населения в 2775 тыс. человек [4. С. 18].

Экспедиция ШКК прибыла в Самару 6 декабря 1921 года и развернула работу в ближайших к городу волостях: Воскресенской, Каменно-Бродской, Вязово-Гайской и Дубово-Уметской. Стратегия организации деятельности экспедиции ШКК заключалась во взятии под опеку небольшого района и полном его материальном и медицинском обеспечении. Продукты распределялись по следующему принципу: в селах с населением менее 500 человек продовольственные пайки выдавались в сухом виде на руки по заверенным спискам сельсоветов и волисполкомов через специальных представителей (два выборных на волость, по одному от совета и одному от голодающих). В волостных центрах и селах с большим количеством жителей открывались столовые с горячим питанием. Кроме того, в волостных центрах открывались пекарни, продовольственные и вещевые склады [5. С. 78-79]. Для борьбы с заразными болезнями ШКК открывал и снабжал медикаментами и

продовольствием больницы, штат которых набирался совместно с Русским Красным Крестом. Для сирот, масса которых скапливалась в крупных населенных пунктах, экспедиция ШКК устраивала детские приюты, где дети проходили карантин, дезинфекцию, получали новую одежду и горячее питание [6. Л. 27].

За оказание гуманитарной и медицинской помощи в каждом таком районе отвечали делегаты ШКК. В круг непосредственных обязанностей делегата входили: организация работы волостного склада ШКК, пекарни и стационарных столовых; набор русского персонала по представлению волисполкомов; содержание больницы, амбулаторий и детский приютов (с января 1922 года и детдомов); совместное с волисполкомом привлечение взрослого населения к общественным работам. Связь со штабом экспедиции осуществляли через посыльных и курьеров, с которыми также отправляли еженедельные отчеты и запросы на необходимые ресурсы [7]. Привлечение относительно здорового голодающего населения к общественным работам в обмен на паек, стало, по совету председателя самарского Губисполкома В.А. Антонова-Овсеенко, систем и принципиальным в работе ШКК на территории губернии [8. Л. 27].

Горячее питание, выдаваемой шведским красным крестом, состояло в основном из рыбного супа и хлеба. Порция включала в себя: ржаной муки 225 г, гороха 160 г, сушеных овощей 10 г, сельди 300 г, при этом горох в разные дни недели заменялся на пшено, картофель, макароны, 1 раз в неделю в паек включался яблочный мармелад. Дети получали $\frac{3}{4}$ взрослой порции. В составе поступавших в адрес ШКК продовольственных грузов значатся и другие продукты, не фигурировавшие в официальном меню, но использовавшиеся для питания голодающего населения: какао, овсянка, брусника и черника (возможно, для приготовления киселя), манная крупа, молоко конденсированное, рис, сахар, чай и др. Калорийность шведского пайка составляла 1250 ккал, но иногда варьировалась от 950 до 1349 ккал [9. С. 450].

Шведская экспедиция, состоявшая первоначально из 12 человек, энергично принялась за работу, и к январю 1922 года ежедневное горячее питание получали уже 18000 жителей выделенного района. Уже с первых дней работы деятельность делегатов ШКК начала получать самые высокие оценки от представителей советских властей на местах. Так, В.А. Антонов-Овсеенко особо отметил работу ШКК в собственноручной статье «Истинно-культурная работа» [10. С. 1].

В первый месяц своей работы ШКК выдавал голодающему населению до 8 000 порций ежедневно. В январе 1922 года, получив на родине дополнительное финансирование, ШКК увеличил район своей деятельности и кормил ежедневно до 14 500 человек. Весной делегатами ШКК было открыто 94 питательных пункта в Самарской губернии, где, на пике деятельности ШКК, в июле 1922 года было выдано 1 800 000 пайков [11. Л. 18]

Как уже отмечалось, одним из первых районов деятельности ШКК стала Воскресенская волость Самарского уезда Самарской губернии. Изначально, делегатом туда была назначена 46-летняя старшая медицинская сестра Карин

Линдскуг (Karin Lindskog). К январю 1922 года Карин Линдскуг развернула в волости 3 кухни и пекарню. Горячее питание выдавалось в волостном центре, а остальные села получали питание сухими пайками, которые доставлялись специальными уполномоченными от сел. За январь устроенные Карин Линдскуг кухни выдали: горячих порций взрослым 80 073, детям 67 549 (в селах Воскресенска, Мордовские Липяги, Русские Липяги), сухим пайком (то же, что и обычный, только вместо супа выдавались суповые таблетки): взрослым 20 987, детям 19437. Еще 4 340 горячих пайков получили служащие [12. С. 111]. В Воскресенске же, как волостном центре, ШКК открыл свою первую больницу. Карин Линдскуг лично набрала русский персонал для больницы в городе Самаре и лично возглавила его работу.

В феврале 1922 года Карин Линдскуг сама заразилась тифом. Пост свой не покинула и 17 февраля скончалась прямо на рабочем месте [Там же]. После ее трагической смерти, делегатом по Воскресенской волости была назначена Грета Сет.

Районы деятельности ШКК не всегда совпадали с границами волостей, поэтому, для удобства, сами шведами и, иногда, советскими служащими назывались «дистриктами». На февраль 1922 года «дистрикт» Греты Сет включал в себя только Воскресенскую волость: села Воскресенское, Русские Липяги, Мордовские Липяги, деревни Чувашские Липяги, Подстепновка, Преображенка, поселки Преображенский, Карповский, Возрождение, Васильки, Липяговский совхоз и с-х артель «Расцвет». Из всего скота в волости уцелело: лошадей 1129, коров 1301, овец 1565, птицы не осталось совсем [13].

В связи с тем, что количество голодающего населения все возрастало, основной своей задачей Грета Сет видела увеличение выдачи пайков и горячих порций, а также открытие дополнительных больниц и детских приютов.

Рост питания населения в подконтрольном Грете Сет «дистрикте» выглядел следующим образом:

- в январе ШКК выдал горячих порций взрослым - 80 073, детям - 67 549, (Воскресенское, Морд Липяги, Русские Липяги), сухим пайком (то же, что и обычный, только вместо супа выдаются суповые таблетки): взрослым - 20 987 порций, детям - 19437. Дополнительно 4 340 горячих пайков получили служащие. Официальных больных в Воскресенской волости - 1105 человек. Основные болезни: тиф, оспа, скарлатина. Больных умерло 39;

- в феврале питание распространилось на село Чувашские Липяги, деревни Преображенка и Подстепновка, где ШКК выдал горячих порций взрослым - 95732, детям - 61824. Стационарным больным начали выдавать усиленный паек - всего 3717, служащим - 4814. Сухих пайков: взрослым 23 716, детям - 20 076. Больных прибыло - 1381, умерло 35 [14].

В марте прибыл новый эшелон с продовольствием, и шведы, по просьбе Антонова-Овсеенко, увеличивают район деятельности. В «дистрикт» Греты Сет включают Титовскую волость, которая включала в себя села Титовка, Горки, деревни Малое Томылово, Гусарский Городок, поселки Чехов, Семеновский, кооперативное товарищество им. Л. Толстого, артели свободных пахарей "Океан", "Землероб", "Либерия", станция Томылово, Хутор на Березовой Гриве.

Всего населения на март 1922 года - 4 788 душ, включая 2 358 детей до 16 лет. Население имело 459 лошадей, 12 верблюдов, 647 коров, 567 овец [14].

Прибывшая помощь позволяет Грете Сет сразу развернуть сразу 2 кухни и одну пекарню. Теперь ее «дистрикт» выглядит так:

- два базовых склада в селах Воскресенка и Титовка;
- восемь кухонь со столовыми в волостных центрах и крупных деревнях;
- 24 населенных пункта, получающих питание сухими пайками через выборных делегатов [13].

Все это «хозяйство» необходимо постоянно объезжать, контролировать расходы и пресекать злоупотребления. Кроме того, в марте же Грета Сет открыла еще одну волостную больницу в Мордовских Липягах.

Всего за март 1922 года в «дистрикте» греты Сет была проведена следующая работа:

- в Воскресенской волости выдано горячих пайков: взрослым - 118 327, детям - 77 903. Стационарным больным выдано усиленных пайков - 3 766, персоналу больниц и кухонь - 6157. Сухих пайков выдано: взрослым - 16 833, детям - 13 113. Всего больных принято 2240 человек, из них умерло 26;

- в Титовской волости выдано горячих пайков: взрослым - 27 246, детям - 11 739 (открыты дополнительные кухни в Титовке и Горках), служащим - 1015. Сухих пайков выдано: взрослым - 2 592, детям - 1 872 [14].

В апреле ШКК завез в Самарскую губернию, помимо продовольственных и медицинских грузов, посевное зерно для оказания помощи в посевной кампании. Всего, по оценкам самарских властей, более 60% ярового клина в шведских «дистриктах» было засеяно именно этим зерном [7. С. 450.]. Грете Сет, разумеется, также пришлось принимать участие в этой кампании, распределяя среди нуждающихся крестьян посевное зерно.

Всего за апрель Грета Сет провела следующую работу по питанию населения:

- в Воскресенской волости выдано горячих пайков: взрослым - 114 870, детям - 75 480, стационарным больным выдано усиленных пайков - 6 951, служащим - 6061. Сухих пайков выдано: взрослым - 16 290, детям - 12 700. Пациентов в шведских больницах - 1741 человек, из них умерло 32.

- в Титовской волости выдано горячих пайков: взрослым - 63 934, детям - 38 150, служащим - 2 944. Сухих пайков выдано: взрослым - 6 342, детям - 4 164 [14].

В мае 1922 года Грете Сет удалось наконец выбить помещение, нанять персонал и открыть детский дом в Воскресенке. На полное довольствие (постель, белье, одежда, питание, регулярное медобслуживание) смогли зачислить только 22 малыша. При детском доме получали питание еще 469 маленьких беспризорников [Там же].

Кроме того, в мае же удалось открыть больницу в селе Титовка.

Показатели роста питаемого населения вышли следующими:

- в Воскресенской волости выдано горячих пайков: взрослым - 119 474, детям - 77 934, стационарным больным усиленных пайков - 7 434, служащим -

7 201. Сухих пайков выдано: взрослым – 16 957, детям – 13 175. Всего больных – 1488 человек, умерло 17.

- в Титовской волости выдано горячих пайков: взрослым – 64 039, детям – 39 525, стационарным больным усиленных пайков – 2 492, служащим - 3668, Сухих пайков выдано: взрослым – 9087, детям – 6 045. Больных поступило в новую больницу – 800 человек, умерло за месяц – 80 [14].

За июнь 1922 года Грета Сет сохранила высокие показатели:

- в Воскресенской волости выдано горячих пайков: взрослым - 115 830, детям – 75 420, стационарным больным усиленных пайков – 6 419, служащим 7010. Сухих пайков выдано: взрослым – 16 530, детям – 12 790. Зарегистрировано больных – 1 414 человек, умерло - 24. Детей в детдоме - 43, а на «призрении» - 853.

- в Титовской волости выдано горячих пайков: взрослым – 63 085, детям – 38 150, стационарным больным усиленных пайков – 4 032, служащим - 3657. Сухих пайков выдано: взрослым – 8 588, детям – 6 360. Официальных больных – 707 человек, и за месяц впервые никто из пациентов не умер [14].

В июле 1922 года, планируя сворачивать свою работу, головная контора ШКК в Самаре затребовала от делегатов общие отчеты о питании населения. Согласно отчету Греты Сет, в ее «дистрикте» на 1 июля 1922 года выдано всего горячих пайков: взрослых – 862 610, детских – 563 674, стационарным больным усиленных пайков – 34 811, служащим – 46 867, сухих пайков выдано взрослым – 137 922, детям – 109 732 [14].

Помимо собственно работы в подконтрольном «дистрикте», никто не снимал с Греты Сет обязанностей сестры-хозяйки всей шведской экспедиции. Фотоотчеты ШКК наглядно свидетельствуют, что она регулярно принимала участие в объездах всех шведских «дистриктов» на медицинском автомобиле вместе с докторами экспедиции, проверяла комплектование больниц и детских домов, вела учет медицинских препаратов и персонала подконтрольных лечебных учреждений [15].

В июле 1922 года, ШКК, как и большинство остальных иностранных организаций помощи в России, начал сворачивать крупномасштабную работу по оказанию помощи голодающим ввиду хороших видов на урожай. В августе первый руководитель экспедиции ШКК в Самарской губернии Эрик Экстранд сдал дела своему сменщику Рихарду Ульгрену и выехал в Швецию. Вместе с ним уехала, по завершении контракта, и Грета Сет. Как известно, урожай 1922 года также пострадал от природных катаклизмов, и осенью того же года пришлось с новой силой возобновлять помощь пострадавшему населению. Грета Сет в Россию больше не вернулась, но приняла на родине самое активное участие в новом сборе помощи для голодающих России.

Список литературы и источников

1. Бюллетень ЦК Помгол ВЦИК. М., 1921. №1.
2. Riksarkivet/730236 Svenska Röda Korset/ 13 Byrån för hjälpverksamhet i Ryssland/Inkommande skrivelser/I 1921-26/Vol.8. 24.B.1.

3. Циденков Г.Г. Организационная структура миссии Шведского Красного Креста по оказанию помощи голодающим Самарской губернии во время голода 1921-1923 годов // Самарский научный вестник. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2018. - Том 7, №1 (22). С. 179-182.
4. Голод в Средневолжском Крае в 20-30-е годы XX века. Том 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Сборник документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014. 513 с.
5. Деятельность Самарской губернской комиссии помощи голодающим по отчетам (за декабрь 1921 г. – июнь 1922 г.). Самара, 1922. С. 78-79.
6. ГА РФ Ф. Р-1058, оп. 1, д. 667.
7. Национальный архив Швеции. Riksarkivet. SRK/Byrå för hjälpverksamhet i Ryssland/F/Vol.1.
8. ГА РФ. Р-1058. Оп. 1. Д. 667.
9. Аншакова Ю.Ю. Гуманитарная деятельность Шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х годов. // Российская государственность: от истоков до современности. Материалы международной научной конференции. Самара, 13-15 сентября 2012 г. Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2012. С. 448-453.
10. Газета «Коммуна» (Самара), 1922, 04 февраля.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Р.-79. Оп. 1. Д. 168.
12. Циденков Г. Г. Подвиг самопожертвования медицинской сестры Шведского Красного Креста Карин Линдсуг //История повседневности. – 2019. – №. 2 (10). – С. 107-114.
13. Национальный архив Швеции Riksarkivet. SRK/Byrå för hjälpverksamhet i Ryssland/F.2/Vol.1.
14. Национальный архив Швеции Riksarkivet. SKR/Byrå för hjälpverksamhet i Ryssland/F.2/Vol.1F.
15. Национальный архив Швеции Riksarkivet. SRK/Fotosamling Serie 1/Samaratxpeditionen 1/Volum 17, foto 25.

**ОТРАЖЕНИЕ СУДЬБЫ УЧАСТНИКОВ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ
1854-1855 гг. В ДОКУМЕНТАХ
КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»**

*Чернышов Виктор Владимирович
КГКУ «Государственный архив Красноярского края», Красноярск, Россия
vikchern73@yandex.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются архивные документы, позволяющие в разной степени проследить жизненный путь участников Севастопольской обороны 1854-1855 гг.

Ключевые слова: Севастопольская оборона, Крымская война, Енисейская губерния, рекрут.

В военной истории России немало славных страниц. Одна из них связана с обороной Севастополя в 1854-1855 годах во время Крымской войны. Начавшаяся в 1853 году война с союзной коалицией, в которую входили Англия, Франция, Турция и присоединившееся к ним позже Сардинское королевство, оказалась для России очень тяжелой. Военные действия шли на Балтике, Черном море, Тихом океане, Кавказе. Однако основной целью союзников стала главная база русского флота на Черном море – Севастополь. Первая бомбардировка Севастополя началась 5 октября 1854 года. Затем город был отрезан от основных частей русской армии, расположенных в Крыму, и все попытки деблокады окончились неудачей. Героическая оборона города длилась 349 дней. И только 28 августа 1855 года русские войска были вынуждены оставить город.

Среди обороняющих Севастополь русских солдат и матросов были и наши земляки. Кем они были, чем занимались в Енисейской губернии, как здесь оказались? Ответы на эти вопросы могут дать некоторые документы, находящиеся на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Ряд из таких документов находится в фонде 595 «Енисейское губернское управление» и связаны они с проведением в 1904 году юбилейных мероприятий, посвященных 50-летию обороны Севастополя.

В рамках этих мероприятий 16 мая 1902 года енисейскому губернатору было направлено циркулярное предписание от канцелярии Великого князя Александра Михайловича Романова по управлению Севастопольским музеем. В нем сообщалось, что в связи подготовкой чествования 50-летия Севастопольской обороны Канцелярии необходимы сведения об участниках обороны, проживающих на территории губернии и имеющих соответствующие медали [1, л.1]. К таким сведениям относились: фамилия имя, отчество участника, место его проживания, чем занимается в настоящее время, размер получаемых пенсий и пособий из Государственного казначейства и Александровского комитета о раненых, число живых детей с указанием их

возраста семейного и имущественного положения [1, л.2]. Если же участник обороны Севастополя уже умер, то необходимо было предоставить такие-же сведения об его семье [1, л.2].

Согласно циркуляру в течение 1902-1904 годов местными полицейскими учреждениями были составлены списки с необходимой информацией и направлены в Енисейское губернское управление. Как видно из таких документов, через 50 лет после начала Крымской войны в Красноярском уезде проживало шесть участников Севастопольской обороны [1, л.5], в Енисейском уезде – восемь [1, л.14], в Усинском пограничном округе – один [1, л.12].

Наибольшее же количество участников Севастопольской обороны проживало в Ачинском, Канском и Минусинском уездах. Так в Ачинском уезде их проживало тридцать девять человек [1, л.106], в Канском уезде - тридцать семь [1, л.20], а в Минусинском уезде - двадцать восемь [1, л.78]. Кроме того, практически во всех уездах Енисейской губернии проживали и семьи уже умерших участников обороны. В Красноярском уезде ко времени сбора информации таких семей, например, насчитывалось три [1, л.7], в Канском уезде – двадцать восемь [1, л.35], в Минусинском уезде - двадцать [1, л.78].

Рассматриваемые списки касались только солдат и унтер-офицеров и поэтому указанные в них лица и члены их семей в основном были простыми крестьянами, занимавшимися хлебопашеством. Однако встречались и исключения. Так, в сведениях, составленных ачинским уездным исправником в 1904 году, значился отставной унтер-офицер из крестьян Юрьевоцкого уезда Костромской губернии Василий Герасимович Волков, служивший присяжным в Ачинском казначействе [1, л.25об]. Другой участник обороны Севастополя отставной унтер-офицер Иван Михайлович Косых, также проживавший в Ачинском уезде, был причислен к казачеству и на момент составления списка работал цирюльником [1, л.24об].

Кроме собственно списков в Енисейское губернское управление иногда направлялись и копии с паспортов, выдаваемых солдатам и унтер-офицерам выслужившим определенный законом двадцатилетний срок военной службы и получивших отставку, если конечно такие документы сохранялись в семьях участников обороны или в местных полицейских учреждениях.

Паспорт этот состоял из двух частей. В первой сообщалось о месте службы солдата или унтер-офицера, в каких военных компаниях он участвовал, сколько лет на момент выдачи паспорта ему было, сведения о его вероисповедании, личных приметах, семейном положении, грамотности [2, л.18]. Во второй же части паспорта указывалось, что его податель – «отставлен и отпущен по его желанию на собственное пропитание где жить в России пожелает, во всяком городе, уезде или же на прежнем жилище у своих родственников, но в Санкт-Петербурге и Москве только в таком случае если будет иметь возможность к содержанию себя какими-либо занятиями и вообще положительными способами» [2, л.18об]. Далее разъяснялись правовые особенности статуса отставных солдат и унтер-офицеров. В частности, что на месте выбранного им для проживания они могли заниматься земледелием, всякого рода мастерством, торговлей, промышленностью, но только при

соблюдении ими существующих правил, установленных в данной местности и «на общем основании с теми обывателями, среди которых водворяются» [2, л.18об]. Также отставные солдаты и унтер-офицеры могли занимать разные должностям, как в казенных, так в частных учреждениях [2, л.18об].

Сам отставной солдат или унтер-офицер, что особо прописывалось в паспорте, должен был вести себя честно и добропорядочно, одеваться благопристойно, брить бороду, не заниматься бродяжничеством и повиноваться начальству [2, л.18об]. При этом последнее должно было оказывать ему всякое содействие в его справедливых просьбах и требованиях – «и уважение приличное заслуженному воину» [2, л.18об]. «Если же какая-то обида ему будет причинена или притеснение» - сообщалось в паспорте – «он должен принести жалобу: в городе гражданскому, в уезде местному начальству, которые обязаны доставить ему справедливую защиту и удовлетворение по закону» [2, л.18об]. В том населенном пункте где солдат или унтер-офицер избирал себе место жительства он предъявлял паспорт органам полиции, а после его смерти родственники должны были сдать документ местному начальству или местной полицию – «со всеми бывшими у него знаками отличия, медалями для доставки в порядке определенным законом в инспекторский департамент военного министерства» [2, л.18об].

Одним из солдат, получившим такой паспорт, был рядовой Павел Мокеевич Мокеев. До службы он относился к государственным крестьянам села Путятина Раненбургского уезда Рязанской губернии. В рекруты поступил поздно, в возрасте 35 лет. Первоначально служил в Бутырском пехотном полку, где 8 декабря 1843 года ему было присвоено звание рядового. В 1846 году был переведен в Полтавский пехотный полк, и в составе этого полка участвовал в подавлении Венгерского восстания в 1849 году, а в 1854 и 1855 годах, как говорится в документе – «был в походе против турок и англо-французов в составе Севастопольского гарнизона» [2, л.18].

Как видно из документов службу Павел Мокеев нес исправно, штрафов не имел и даже 7 сентября 1851 года ему был дан годовой отпуск [2, л.18]. За участие в военных компаниях был награжден медалями - «За усмирение Венгрии», «За походы» (так в документе – В.Ч.) и серебряной медалью «За оборону Севастополя» [1, л.12]. Кроме того, за участие в Севастопольской кампании ему было прибавлено три года и двенадцать дней к общей службе и уже 9 ноября 1856 года П.М. Мокеев был уволен в бессрочный отпуск [2, л.18].

Что интересно, паспорт о выходе в отставку он получил только через несколько лет - 20 июля 1861 года в городе Саратове [2, л.18]. На момент получения паспорта ему было 53 года [2, л.18].

Позже П.М. Мокеев поселился в поселке Туранский Усинского пограничного округа Енисейской губернии, завел семью - среди родственников на 1903 год значится его дочь Анисья, её муж крестьянин Петр Ширнин и их малолетние дети: двое сыновей и дочь [1, л.12]. Как видно из документов в 1905 году Павел Мокеев был еще жив, так как получил из сумм Минусинского казначейства установленное ему пособие в размере 36 рублей в год [2, л.20], правда совсем ослеп [1, л.12].

Еще один герой Севастопольской обороны, чья судьба просматривается в документах, Лупп Яковлевич Попов жил в Красноярске. Происходил Лупп Яковлевич из крестьян деревни Бузывой Ялutorского уезда Суярской волости Тобольской губернии. На военную службу был взят 23 июля 1854 года и зачислен в пехотный Донской полк. В армии прослужил пятнадцать с половиной лет, дослужился до унтер-офицера и 9 февраля 1870 года был уволен в отставку. За свои заслуги был награжден бронзовой медалью за Крымскую войну 1853-1856 годов [1, л.52].

В 1902 году Л.Я. Попов, несмотря на свой возраст, еще находился на службе. Он служил городовым при 2-й полицейской части Красноярской городской полицейской команды, получая жалование 15 рублей в месяц. Из семьи к этому времени у него был один сын Еремей, 23 лет, который работал в Красноярских железнодорожных мастерских, получая плату 90 копеек в день [1, л.52]. К сожалению, как это видно из рапорта помощника красноярского полицмейстера прежние заслуги Л.Я. Попова государством были забыты. Пенсию и пособие отставной унтер-офицер не получал, и имущества как это указано в рапорте – «как он, так и сын его, кроме необходимого нательного платья, не имеет...» [1, л.52].

Интересны сведения и об участнике Крымской войны Абраме Ивановиче Седелева. Как и Павел Мокеев происходил он из государственных крестьян, только деревни Седелева Курской губернии. 19 января 1840 года был взят в рекруты и направлен сначала в Томский пехотный полк, а 1 сентября 1841 года в Черноморский линейный 13-й батальон [2, л.26об]. В составе этого батальона он участвовал в войнах против турок и кавказских горцев, в Крымской войне, причем непрерывно находился в военных походах с 1842 по 1859 год. За отличия А.И. Седелев был награжден орденом Георгия 4-й степени и бронзовой медалью в память Крымской войны 1853-1856 года [2, л.26].

На момент составления паспорта в 1861 году ему было 40 лет [2, л.26]. Как видно из документов после отставки он поселился в деревне Средне-Березовская Назаровской волости Ачинского уезда Енисейской губернии, где и умер в 1903 году [2, л.25]. В 1905 году среди его ближайших родственников значилась его вдова Аграфена Федотовна Седелева, и их сыновья Игнатий 38 лет и Тихон 31 года с семьями. Всего в семье Седелевых на тот же год было пять внуков и одна внучка [2, л.25].

Конечно рассмотренные документы являются лишь малой частью того богатого материала, который находится на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Но и они достаточно ярко демонстрируют, какое важное значение в изучение исторических событий и их участников играют архивные документы.

Список литературы и источников

1. Ф.595. Оп.8. Д.5100
2. Ф.595. Оп.48. Д.453

***РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ИВАНОВЫ ИЗ П. КОЗУЛЬКА
КАК СИМВОЛ "НАРОДНОЙ" ПОБЕДЫ В ВОВ 1941-1945 ГГ.***

*Щукина Анастасия Николаевна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
a.n.shchukina@mail.ru*

Аннотация: При осмыслении значимых проблем и вопросов в истории неизбежно возникает вопрос о личности и ее роли. Так на примере мужчин, носителей фамилии «Иванов» призванных из п. Козулька, будет рассмотрен вклад в победу в Великой Отечественной войне, а также систематизированы данные о численности и исходе участия в военных действиях отдельных личностей.

Ключевые слова: роль личности в истории, великая отечественная война, Ивановы, п. Козулька.

***THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY: IVANOV'S FROM THE
VILLAGE OF KOZULKA AS A SYMBOL OF THE "PEOPLE'S" VICTORY
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945.***

*Shchukina Anastasia Nikolaevna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
a.n.shchukina@mail.ru*

Abstract: when comprehending significant problems and issues in history, the question of personality and its role inevitably arises. So, using the example of men bearing the surname "Ivanov" called up from the village of Kozulka, the contribution to the victory in the Great Patriotic War will be considered, as well as data on the number and outcome of participation in hostilities of individuals will be systematized.

Key words: the role of personality in history, the Great Patriotic War, Ivanov, P. Kozulka.

Великая Отечественная война одна из самых кровопролитных и жестоких войны. Общее число жертв составило 26,6 млн. человек [1, л. 250]. И говоря о победе в отечественной истории и историографии мы всегда подразумеваем весь советский народ, а не отдельные этнические группы или отдельных рядовых личностей. Только в семьях помнят подвиги своих отцов, дедов и прадедов, пока в учебниках пишутся имена и фамилии главнокомандующих, восхваление их. Редко мы можем встретить упоминание целой роты, когда речь идет о ключевом решающем событии войны.

В данной статье, я хочу, на примере отдельных личностей, призванных на фронт с 1939 по 1943 года показать роль простого рядового человека в великой победе.

Если обращаться к общему числу Ивановых по всей территории Советского Союза, то в составе Красной Армии было 832 тыс. человек, а в годы Великой Отечественной войны – 262 тыс. человек [2]. Что же касается непосредственно географии заявленной в названии статьи, то из п. Козулька в открытом доступе досье всего лишь на 31 человека (табл. 1).

Таблица 1

	Место рождения и/или жития	Дата призыва	Погиб в бою/Пропал без вести	Воинская часть	Воинское звание
1. Иванов Владимир Иванович	Красноярский край, Козульский р-н, с. Шадрино	Февраль 1943 года	17 января 1944 (погиб)	14 гвардейская стрелковая дивизия	Гв. Красноармеец
2. Иванов Николай Андреевич	Красноярский край, Козульский р-н, д. Николаевка	24.10. 1944	-	Тихоокеанский флот	Призывник
3. Иванов Тимофей Николаевич	Красноярский край, Козульский р-н, п. Кедровый	28.06. 1941	Май 1943 (пропал без вести)	126 стрелковая дивизия	Рядовой. Пулеметчик.
4. Иванов Дмитрий Николаевич	Красноярский край, Козульский р-н, ст. Чернореченская	1940 г.	Июль /декабрь/ 1941 (пропал без вести)	?	Красноармеец
5. Иванов Владимир Григорьевич	Красноярский край, Козульский р-н	21.12. 1944	?	?	Рядовой; призывник
6. Иванов Тарас Иванович	Красноярский край, Козульский р-н, Шушково	1944	Пропал без вести	в/ч 04175 п/п 04175	Красноармеец; рядовой
7. Иванов Анатолий Афанасьевич	Красноярский край, Козульский р-н	28.07. 1941	14 февраля 1944 (погиб)	152 стрелковая дивизия 544 стрелковый полк 152 стрелковой дивизии (П)	Мл. сержант

8. Иванов Ананий Афанасьевич	Красноярский край, Козульский р-н, д. Дубровка	?	?	540 зенитный артиллерийский полк	Сержант
9. Иванов Павел Гаврилович	Красноярский край, Козульский р-н, с. Большой Кемчуг	28.10. 1941	?	4 зенитный артиллерийский полк противовоздушной обороны	Красноармеец; гв. сержант
10. Иванов Петр Степанович	Красноярский край, Козульский р-н	17.03. 1942	14.10. 1943 выбыл в 167 зсп	1251 стрелковый полк 377 стрелковой дивизии	Рядовой; красноармеец
11. Иванов Василий Степанович	Красноярский край, Козульский р-н, п. Новая Дорога	02.09. 1940	?	135 минп 2 минбр 6 адп РКК	Красноармеец; мл. сержант
12. Иванов Василий Павлович	Красноярский край, Козульский р-н, Балахтон	Август 1942	-	299 гвардейский стрелковый полк 98 гвардейской стрелковой дивизии	Гв. Красноармеец, рядовой
13. Иванов Викентий Степанович	Красноярский край, Козульский р-н, с. Козулька	Ноябрь 1943	?	1057 самоходно-артиллерийский полк 257 стрелковый полк 185 стрелковой дивизии	Ефрейтор; красноармеец Рядовой; артиллерист
14. Иванов Анатолий Степанович	Красноярский край, Козульский р-н, д. Пичково	1939	?	96 орабб 3 ПрибФ 372 стрелковая дивизия	Лейтенант; мл. лейтенант
15. Иванов Петр Ефимович	Красноярский край, Козульский р-н, п. Шарловка	03. 1943	-	21 запасной стрелковый полк 4 запасная стрелковая дивизия Сибирский военный округ 43 запасная стрелковая дивизия	Мл. лейтенант админ. сл.; мл. лейтенант
16. Иванов Никита Кузьмич	Красноярский край, Козульский р-н	?	28.02.1942 (погиб)	245 стрелковая дивизия	Красноармеец; лейтенант

17. Иванов Алексей Алексеевич	Красноярский край, Козульский р-н	02.11. 1943	?	?	Рядовой
18. Иванов Егор Николаевич	Красноярский край, Козульский р-н, д. Кедровка	10.08. 1941	Февраль 1944 (пропал без вести)	?	Рядовой; санитар
19. Иванов Яков Николаевич	Красноярский край, Козульский р-н, с. Большой Кемчуг	1942	Май 1943 (пропал без вести)	?	Красноармеец
20. Иванов Александр Павлович	Красноярский край, Козульский р-н, п. Бадаложная	?	26.02.1942 (погиб)	?	Ст. сержант
21. Иванов Александр Алексеевич	Красноярский край, Козульский р-н, с. Козулька	13.11.1943	?	270 истребительно-противотанковый артиллерийский полк 202 запасной стрелковый полк 202 фронтовой запасной стрелковый полк	Полковник; капитан инт. сл.; рядовой ефрейтор
22. Иванов Алексей Павлович	Красноярский край, Козульский р-н, п. Бадаложная	05.1939	Декабрь 1941 (пропал без вести)	51 гвардейский стрелковый полк 18 гвардейской стрелковой дивизии	Военнослужащий; сержант
23. Иванов Сергей Семенович	Красноярский край, Козульский р-н, Тайга	09.1939	Декабрь 1941 (пропал без вести)	9 гвардейская стрелковая дивизия	Красноармеец
24. Иванов Алексей Александрович	Красноярский край, Козульский р-н	14.10.1939	Февраль 1942 (пропал без вести)	?	Сержант
25. Иванов Алексей Ефимович	Красноярский край, Козульский р-н, п. Шарловка	09.05.1941	Май 1945 (погиб)	?	Рядовой
26. Иванов Александр Иванович	Красноярский край, Козульский	?	20 января 1944 (погиб)	?	?

	й р-н, с. Жуковка				
27. Иванов Василий Иванович	Красноярский край, Козульский р-н, ст. Кемчуг	?	9.11.1941 (погиб)	?	?
28. Иванов Георгий Афанасьевич	Красноярский край, Козульский р-н	?	26.12.1942 (погиб)	?	Рядовой
29. Иванов Николай Антонович	Красноярский край, Козульский р-н	?	Ноябрь 1941 (провал без вести)	?	Рядовой
30. Иванов Николай Назарович	Красноярский край, Козульский р-н, ст. Козулька	?	4.08.1944 (погиб)	?	Рядовой
31. Иванов Павел Степанович	Красноярский край, Козульский р-н, д. Новая Дорога	?	23.09.1941 (погиб)	?	?

Обосновывая выбор именно данной фамилии, стоит отметить следующее.

Фамилия Иванов/Иванова – красивая старинная исконно русская фамилия. Согласно основной версии, фамилия Иванов происходит от крестильного мужского имени Иван. Имя Иван является русской формой канонического мужского имени Иоанн, которое с древнееврейского означает «милость Божья» [3]. Имя Иван так приросло к родоначальнику, что родные и домочадцы Ивана были известны как «Иванова жена», «Иванов сын», «Иванова дочь», «Ивановы внуки». Со временем отпали термины, которые обозначали степень родства, а за потомками закрепилась наследственная фамилия – Ивановы. Для своих соседей обитатели, переселенцы и выходцы из этих мест могли быть «Ивановы». Географическое прозвище могло превратиться в наследственную фамилию, которую потомки разнесли по всей России. Так оно добралось и до Сибири, распространяясь на все ее уголки.

Так за период с 1939 по 1943 год носителей фамилии Иванов мужского пола из п. Козулька было призвано 31 человека [4]. И всего 3 вернулось обратно (табл. 2). В основе своей это был рядовой состав Красной Армии, но и командный состав также присутствовал (табл. 3). Среди выдающихся личностей можно отметить Иванова Василия Степановича (1925 года рождения) [5], который в составе 6 адп дошел от места призыва до Берлина и был награжден Орденом Красной Звезды; Иванова Викентий Степановича (1926 года рождения) [6], который также дошел до Берлина в составе 257 сп и был награжден медалью «За Отвагу», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; Иванов Петр

Ефимович (1911 года рождения) боевой путь которого засекречен, но известно то, что помимо фронта, работал в тылу шифровальщиком и был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Таблица 2

Общее кол-во	Гибель на фронте	Пропало без вести	Вернулось с фронта
31	10	9	3

Таблица 3

Общее кол-во	Рядовой состав	Мл. командный состав	Ср. командный состав	Ст. командный состав	Высший командный состав
31	17	7	3	1	-

Из вышесказанного можно точно отметить следующее. Потери в Великой Отечественной войне достигают колоссально высоких показателей. Изначальная цифра озвученная И.В. Сталиным – 7 млн. человек не имеет никаких подтверждений не объективных, не даже субъективных. Это мы можем видеть на примере п. Козулька, когда с фронта возвратилась даже не половина, а лишь 1/10 человек. Второе, что можно отметить, что на войне нет маленьких подвигов. Каждый красноармеец из представленного выше списка внес свой вклад в Великую Победу будучи рядовым, санитаром или командующим. И самое главное это – память народа. Нельзя помнить и выделять в войне лишь командный состав, направляемый на фронт из Москвы, ведь победа держалась на таких вот дивизиях в составы которых входили Ивановы из глубинок, таких как п. Козулька в том числе. Нужно активно сохранять эту память. Жители п. Козулька активно это делают на примере установления мемориальных досок и памятников погибшим солдатам.

В заключение хочется отметить еще одну важную вещь, которая и стала основой этой статьи. Мой род непосредственно связан с данной фамилией. Ее носителем был мой прадед – Иванов Петр Ефимович, прошедший войну и работая до глубокой старости бухгалтером в деревне Козулька. Его сын, мой дедушка – Иванов Валерий Петрович, красноярский физик и краевед, не может не быть упомянут здесь, ведь в память об этих двух великих людях написана эта статья.

Список литературы и источников

1. Примечание. Расчет выполнен Управлением демографической статистики Госкомстата СССР в ходе работы в составе комплексной комиссии по уточнению числа людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. – Мобуправление ГОМУ Генштаба ВС РФ, д. 142, 1991 г., инв. 04504, л. 250.

2. Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России). – URL: <https://mil.ru/> (дата обращения: 03.11. 2022)

3. Людмила Голубева. Фамилия Иванов/Иванова. – Голубева Людмила. – URL: <https://semfamily.ru/istoriya-familij-stati/familiya-ivanov>.
4. Память народа 1941-1951. – URL: https://pamyat-naroda.ru/?static_hash=6b1805cdc74bcc39d0141dc2ced3612bv7 (дата обращения: 03.11. 2022)
5. Книга памяти. Красноярский край. Том 3
6. Книга памяти. Красноярский край. Том 4
7. Гринин Л.Е. Личность в истории: Современные подходы// История и современность. – № 1. – 2011. – С. 3.

СЕКЦИЯ 5. МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО КАК ФЕНОМЕН ДЛЯ МИКРОАНАЛИЗА

УДК 94:316.728-053.5(571.51)"1900/1950"

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПЕРИОДЕ ДЕТСТВА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*Андреева Евгения Игоревна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
bwalder@mail.ru*

Аннотация: в статье проанализирован феномен понимания возрастных границ периода детства в первой половине XX в. с позиций политических деятелей, имевших четко оформленную цель - построение нового социалистического общества в будущем, основой которого является подрастающее поколение. Данная позиция противопоставлена общественному, реальному представлению и пониманию периода детства современников первой половине XX в.

Ключевые слова: Феномен детства, Енисейская губерния, история повседневности, педология

AN IDEA OF THE PERIOD OF CHILDHOOD IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE YENISEI PROVINCE)

*Andreeva Evgeniya Igorevna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
bwalder@mail.ru*

Abstract: The article analyzes the phenomenon of understanding the age boundaries of childhood in the first half of the XX century from the positions of political figures who had a clearly defined goal - building a new socialist society in the future, the basis of which is the younger generation. This position is opposed to the public, real representation and understanding of the childhood period of contemporaries of the first half of the XX century.

Keywords: Phenomenon of childhood, Yenisei province, history of everyday life, pedology.

Целью данной работы является изучение представлений о периоде детства первой половины XX в. со стороны современных, данному периоду, политических деятелей в сопоставлении с ощущением и пониманием периода детства представителями общества первой половины XX в. Историографию данного вопроса можно разделить на советскую (А.С. Залужный и А.З.

Гольцман), современную (А. А. Сальникова; О.Е. Кошелева), зарубежную (Ф. Арьерс; К. Калверт). В основу работы лег акторно-сетевой подход, где первым актором выступает социальная группа, выражающая интересы столичной общественно-политической верхушки Западной России по вопросам понимания периода детства и роли участия государства в формировании личности ребенка, вторым актором выступает представитель захолустного провинциального села с его реальными воспоминаниями о данном периоде своей жизни. Нашей гипотезой выступает тезис о том, что «период детства» в понимании этих двух акторов имел разные нарративы, порождающие противоречащие друг другу тенденции, что вело к нарастанию противоречий между двумя актерами.

Стоит отметить, что со сменой власти и, последовавшее за этим, изменение государственной политики в социальной сфере, закономерно трансформировалась и повседневная жизнь общества, существенные перемены произошли института материнства и детства.

Одним из источников, позволяющих изучить отношение государства к институту семьи и детства, является Кодекс законов о браке, семье и опеки [1, с. 612]. Данный документ отличался от принятого в 1917 г. Кодекса законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве, рядом положений. Если Кодекс 1917 г. определял минимальный брачный возраст вступления в брак для мужского пола- 18 лет, а для женского 16 лет, то в 1926г. нижняя возрастная граница вступления в брак для всех определялась 18-летием [2]. Стоит отметить, что данное нововведение определило и границу наступления совершеннолетия.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что советской властью были установлены четкие границы детства с 0 до 18 лет. Однако градации детского возраста не определены ни в одном нормативно-правовом акте, всё же в отчетной документации, различных постановлениях ЦК партии, отчетах образовательных и учреждений призрения, мы можем проследить тенденцию к выделению категорий детского возраста. Наиболее показательным примером, в этом отношении, является сложившаяся к 1920-м годам система образовательных учреждений. В тот или иной образовательный институт, детей принимали в соответствии с возрастными характеристиками и прилегающим к ним набором психофизиологических паттернов ребенка. Наиболее привычная для нас система образовательных учреждений, начало складываться ещё с 1917 г., с прихода к власти большевиков, выглядела она следующим образом: дошкольные учреждения (ясли), детски сады, школы I и II ступеней.

С течением времени, укрепление и внедрение, в общественную жизнь, коммунистической идеологии, отразилось и в попытке преобразования системы образования. Начали создаваться школы-коммуны и школьные городки. Для понимания интересующего нас вопроса нам важен не столько факт существования школ и детских садов, сколько возрастные цензы, предписанные учреждениями. От 0 до 3-х лет дети определялись в ясли. От 4-х до 6 лет детские сады. С 8 до 13 лет дети определялись в школу I ступени, с 13 до 17 лет в школу II ступени [2].

Важно отметить, что на уровне государственных нормативно-правовых актов декларировался лишь возраст 18 лет, как возраст наступления совершеннолетия. Лишь в предписаниях, относящихся к сфере социальной защиты детства, отчетам образовательных учреждений, мы можем проследить тенденцию к усиленному вниманию на особенности возрастов ребенка.

Для более детального анализа представлений о периоде детства, мы обратимся к трудам известных теоретиков педологии и педагогики, в частности обратимся к сочинениям Н. К. Крупской и трудам наркома просвещения А. В. Луначарского. Нельзя оставить без внимания тот факт, что труды, упомянутых теоретиков, в некотором смысле «сформировали» образ ребенка-будущего, развивающегося в ногу с коммунистической идеологией. Труды А.В. Луначарского и Н.К. Крупской, к тому же, оказали существенное влияние на формирование и укрепление тенденций в сфере образования, воспитания.

Н.К. Крупской оставлен обширный пласт теоретических трудов, посвященный теме детства. Для нас важно рассмотреть не столько тезисы, актуализированные Н.К. Крупской, сколько её видение и представления о детях и о периоде детства. Так, например, в статье «Основные требования к детской книжке», Н.К. Крупская представляет рекомендацию к детской литературе для разных возрастов. Среди возрастных групп в статье выделены: 1) дошкольники от 3-х до 4-х; 2) дошкольники от 5 до 7 лет; 3) школьники от 8 до 12 лет; 4) подростки (возраст не уточнен) [3].

Для первой возрастной группы автором выделены следующие особенности: в этом возрасте ребенок познает мир и ему необходима «опора», в связи с этим книги должны быть простыми по содержанию, способные помочь ребенку ориентироваться в окружающей действительности (городской либо сельской местности). Так как в данном возрасте ребенок не обладает навыками чтения, книга должна полностью состоять из иллюстраций, причем простых, если же содержится текст, то его необходимо представить коротким и простым.

Возрастные особенности второй группы закачаются в том, что в этом возрасте в мышление ребенка встраиваются элементы связи, между предметами, поэтому представленные элементы книги должны быть взаимосвязаны друг с другом.

Интересы детей в возрасте от 8 до 12 весьма различны, но общее для всего этого возраста — это интерес к взаимоотношениям между людьми, к социальным отношениям. В центре внимания ребят этого возраста по преимуществу стоят «люди». У ребят этого возраста нет еще никаких общественных критериев, они беззащитны в этом отношении. Вот почему особо нужна в книжках этого возраста идеологическая выдержанность. Конечно, важны не общие рассуждения на социальные темы, а конкретные, живые картины, насыщенные социальным содержанием...», «...В возрасте 10–12 лет ребят интересуют социальные романы, интересуется борьба. Само собой, для ребенка близко и ясно должно быть, из-за чего идет борьба. Например, близка и понятна ему борьба против рабства, против крепостного права и т. д.» [3].

Характеризуя подростковый возраст, автор выделяет следующие характеристики: особое значение в данном возрасте приобретает критика общественных явлений, среди особенностей переходного возраста также отмечено стремление к самоуглублению. Подростка начинают все больше и больше интересоваться вопросы морали, личности, отношения личности к коллективу и т. п. [3].

Таким образом, проанализировав статью Н.К. Крупской, мы можем сделать вывод о том, что ребенок мыслится здесь как постепенно развивающийся социальный организм, приобретающий на каждом этапе становления личности особые психосоциальные паттерны.

В докладе А.В. Луначарского на I Всероссийском съезде по просвещению 26 августа 1918 г., по нашему мнению, предпринята попытка сформировать и встроить образ «нового ребенка» в сложившийся исторический контекст. Помимо этого, мы можем проанализировать набор характеристик, соотносящихся с периодом детства, в сознании у современника, рассматриваемого периода. Основным посылом наркома просвещения можно считать утверждение о том, что дети – будущее страны и государство всеми силами обязано оказывать помощь ребенку. В докладе также говорится о необходимости сделать ребенка, с момента рождения, предметом забот общества для того, чтобы он лаконично встраивался в общественную систему и формировал для себя эстетические и социальные стандарты [4, с5 – 14].

Таким образом, проанализировав представления видных политических деятелей о периоде детства, в первой половине XX в. мы можем сделать вывод о том, Первый актер, «столичная интеллигенция», детский возраст понимал как сложный многоступенчатый механизм, где на каждой ступени развития появляются новые психосоциальные и физиологические особенности. С другой стороны, в контексте того, на момент первой половины XX в. рядом трагических событий были изменены существующие реалии, перед передовыми теоретиками стояла задача – сформулировать теоретически обоснованную методологию работы с детьми, для построения нового общества.

Таким образом, мы видим, что с приходом новой власти трансформировалась социальная политика государства. Теперь на первый план выходила забота и защита интересов института материнства и детства. Забота о ребенке стала восприниматься как забота о будущем всей страны, именно поэтому вопросы, связанные с повышением уровня благосостояния ребенка и семьи, забота о безопасности детей, как со стороны закона, так и со стороны здравоохранения, имели первостепенное значение.

Изучив представления об институтах материнства и детства со стороны общественно-политической социальной группы, нам необходимо рассмотреть какими представлениями о ребенке и его роли в семье располагает сельский провинциальный житель, который был прямым образом включен в изучаемую нами действительность первой половины XX в. Производить данный анализ нам необходимо для того, чтобы составить целостное и полное представление о месте и роли ребенка в обществе на самом деле. Положения из теоретических трудов видных политических деятелей представляют нам ситуацию будущей

картины мира, однобокое и идеологизированное представление об институте детства.

В связи с этим, мы проанализируем воспоминания о детстве В. П. Астафьева, повествуя о своей и о жизни народов севера, писатель представляет повседневную жизнь ребенка в сельском обществе на территории Сибири.

Виктор Петрович Астафьев родился в 1924 г. в селе Овсянка. Его воспоминания представляют нам картину детства обычного сельского ребенка, начиная от того, как проходил процесс рождения и воспитания ребенка в деревнях, чем увлекался ребенок в сельской местности, завершая описанием тех обстоятельств, которые вели к раннему взрослению индивида.

«...Пришла пора и мне родиться. В доме гульба, дым коромыслом, и мама ушла рожать в баню, благо это была одна из первых «белых» бань в деревне, и всё завершилось благополучно. Утром мама пришла в дом с узелком и показала деду его первого внука. Восторг, рев, звон бокалов, “аблокаты” вызвали меня крестить и дали мне модное городское имя. Я был первым на всю деревню Виктором.» [5, с. 607]

Вспоминая о своём раннем детстве, писатель отмечает: *«В пруду около мельницы всегда водилось много рыбы. Я там пятилетним мальчишкой добыл своего первого хариуса, и с тех пор погиб, как человек, стал рыбаком на всю жизнь»* [6]. *«В дырявых обутчонках, когда и вовсе босиком, сразу после ледохода, обжигаясь подошвами об ледяную стын, бывало, и между нагромождённых льдин сидел возле закинутой удочки или животника и ждал удачи. Бывало, бабушка найдёт меня, поджавшего ноги под зад, чтоб теплее было, посиневшего, дрожащего, с примёрзшей к нижней губе белой соплей, и запричитает: «Да тошно мне, тошнѣхонько! Погибат, околеват на берегу и погибнет, околеет, видно. Озевали ребенка, изурочили...»* - и силой меня домой тянет, продолжая высказываться в том духе, что пропащий я человек, что ничего путного, то есть настоящего хозяина из меня не получится, буду я вечным пролетарьей и бродягой скитаться по свету с удочкой и ружьём, добывая ненадёжное пропитание». [7]

Если мы абстрагируемся от художественных приемов повествования В.П. Астафьева, то мы можем восстановить фрагменты реалий жизни ребенка младшего возраста в 1920-е годы.

Таким образом, мы можем сделать вывод о неразвитости санитарно-акушерской помощи матерям в сёлах. В воспоминаниях В.П. Астафьева лишь отчасти присутствуют фрагменты, связанные с детской повседневностью и анализируя их мы сразу же можем отметить несколько характерных черт: отсутствие институтов для реализации функций воспитания и присмотра за детьми, большую часть свободного времени сельский ребенок организовывал свой досуг самостоятельно. Также на основе анализа воспоминаний В. П. Астафьева, мы можем выдвинуть предположение о низком уровне материальной обеспеченности семей в сельской местности. Несмотря на отсутствие идеологических привязок в воспоминаниях о детстве самого В.П. Астафьева, они проявляются в эпизодах воспитания. Так, заботясь о будущем внука бабушка не желает ребенку судьбы «пролетарья». Этот эпизод важен для

нас тем, что именно через него видно отношение сельских жителей к новой, внедряемой парадигме советского общества. Сельские жители порочили детям быть хозяевами собственного участка, такая установка встраивалась в набор жизненных приоритетов будущего взрослого. Однако с началом 30-х годов, принесших с собой раскулачивание и коллективизацию, ситуация в деревне в отношении собственников ухудшилась, именно поэтому уже будучи взрослым В. П. Астафьев выражает крайне негативное отношение к нововведениям.

Таким образом, стоит отметить, что репрезентация периода детства двух акторов общества: столичных теоретиков и сельских жителей, резонируют друг с другом. Идеи просвещенных политических деятелей устремлены в будущее, устройство жизни института семьи мыслилось в системе ценностей новой власти, а именно в контексте идеологии марксизма-ленинизма. Если же мы перенесем вектор внимания на жизнь и установки жителей, отдалённых от центра территорий, мы увидим, неготовность людей менять свою повседневную жизнь и принимать новую систему ценностей.

Список литературы и источников

1. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 82.
2. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942. 1445 с.
3. Крупская, Н. К. Собрание сочинений, М., 1959 г. 798 с.
4. Протоколы I Всероссийского съезда по просвещению, созванного Наркомпросом в Москве 25 августа 1918 г.». М., 1919.
5. Астафьев, В.П. «Вечно живи, речка Виви» т. 12/ В. П. Астафьев – Красноярск: Офсет, 1998.
6. Виктор Астафьев «Автобиография» // РЖ «Урал», 2004. С.6-18.
7. Кавин, Н., интервью 23.01.1996 года «Мне повезло в жизни с учителями» альманах «День и ночь», Красноярск, 2002, № 7-8, С.17.

***ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ УЧЕТА МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ
В Г. КРАСНОЯРСК В 1959–1965 гг.***

Семыкин Евгений Иванович

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
Salvadorrr033@gmail.com*

Аннотация: Значения детской и младенческой смертность являются одними из важнейших демографических показателей, используемых для описания ситуации в сферах здравоохранения, гигиены и эпидемиологии, репродуктивного поведения и т. д. Долгое время одной из самых частых причин смертности в раннем возрасте была пневмония. Со временем ее доля в структуре падала, однако, объясняться это может не только улучшением качества медицинского обслуживания. При этом, причины детской и младенческой смертности, в частности пневмония, как отдельные предметы исследования исторической демографии довольно редки, в особенности на отдельных территориях и за сравнительно небольшой временной промежуток. В данной работе будет приведена и проанализирована динамика доли пневмонии в структуре младенческой и детской смертности в городе Красноярск за период 1959–1965 гг. В качестве источника использованы сводные годовые отчеты об естественном движении населения статуправления Красноярского края за соответствующие годы из фонда Р-1300 ГАКК.

Ключевые слова: историческая демография, младенческая и детская смертность, эпидемиологический переход, пневмония, Красноярск, 1959–1965 гг.

***THE PROBLEM OF CRITERIA FOR ACCOUNTING FOR INFANT
MORTALITY IN KRASNOYARSK IN 1959-1965.***

Semykin Evgeny Ivanovich

*Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
Salvadorrr033@gmail.com*

Abstract: The values of child and infant mortality are one of the most important demographic indicators used to describe the situation in the fields of health, hygiene and epidemiology, reproductive behavior, etc. For a long time, one of the most common causes of mortality at an early age was pneumonia. Over time, its share in the structure fell, however, this can be explained not only by improving the quality of medical care. At the same time, the causes of child and infant mortality, in particular pneumonia, as separate subjects of historical demography research are quite rare, especially in certain territories and over a relatively short time period. This paper will present and analyze the dynamics of the proportion of pneumonia in the structure of infant and child mortality in the city of Krasnoyarsk for the period 1959-1965. As a

source, consolidated annual reports on the natural movement of the population of the state Administration of the Krasnoyarsk Territory for the corresponding years from the fund R-1300 GAKK were used.

Keywords: historical demography, infant and child mortality, epidemiological transition, pneumonia, Krasnoyarsk, 1959-1965.

В качестве объекта исследования выступает структура причин младенческой смертности в г. Красноярске за период 1959–1965 годов, а предметом исследования является изменение структуры причин младенческой смертности.

Целью данного исследования является установление влияния критериев учета младенческой смертности на изменение ее структуры в г. Красноярск за период 1959–1965 гг.

Хронологически нами был выбран период с 1959 по 1965 годы, в рамках которого в стране был реализован Семилетний план развития народного хозяйства. Приход к власти Н. С. Хрущева ознаменовался значительным ростом финансирования социальной сферы, в том числе здравоохранения. По основным показателям медицинского обеспечения наблюдался количественный рост. Так численность врачей к 1965 году по сравнению с 1960 годов выросла более чем на 120 тыс., количество больничных коек почти на 500 тыс. [1, с.154] Исходя из этого можно было бы предположить, что усилия, предпринимаемые в вопросе улучшения обеспечения медицинскими услугами позитивно сказались на значениях младенческой смертности.

Если взглянуть на показатели младенческой и детской смертности, а также на показатели мертворождений в абсолютных значениях [1, л.74; 2, л.77; 3, л.65; 4, л.92; 5, л.163; 6, л.163; 7, л.132], мы заметим небольшое снижение, в 1965 году по отношению к 1959 году. Самой распространенной причиной смертности младенцев в возрасте до года в этот период являлась пневмония.

Можно предположить, что снижение общих показателей младенческой смертности с пиковых, почти достигших 500 умерших в 1962 году, до практически 300 умерших в 1965 году, коррелирует с количеством и долей смертности по причине воспаления легких у младенцев. Вполне логично, что усилия системы здравоохранения в первую очередь были направлены на борьбу с самой частой и распространенной причиной детской смертности.

И действительно, мы можем наблюдать снижение смертности от воспаления легких [1, л.79; 2, л.90; 3, л.72; 4, л.96; 5, л.166; 6, л.173; 7, л.142]. В возрастной группе новорожденных показатели упали с 44% в 1962 году до 15% в 1965 году.

Анализируя аналогичные данные за тот же период в городе Красноярск, коллектив авторов Ю. В. Рябов, М. В. Сентябова, Е. В. Смирнова [8, с.149] сопоставляют это изменение с мероприятиями в области здравоохранения. Снижение пневмонии в структуре детской и младенческой смертности - результат проведенной санитарно-просветительной работы; индивидуальные беседы с родителями; лекции по вопросам ухода за детьми, вскармливания, закаливания, грамотного использования свежего воздуха т. д.

Однако, мы предлагаем взглянуть на сопоставление ряда других показателей (рис.1), где можно увидеть зависимость между снижением доли пневмонии в структуре смертности и ростом специфических болезней новорожденных первых дней жизни [1, л.79; 2, л.90; 3, л.72; 4, л.96; 5, л.166; 6, л.173; 7, л.142].

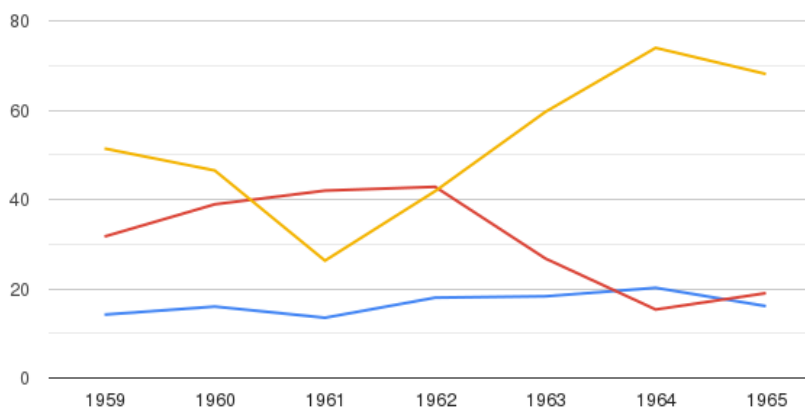

Рисунок 1

Прямая, стремящаяся вверх, отражает рост специфических болезней новорожденных в структуре смертности, а средняя, пересекающая ее, долю пневмонии в структуре младенческой смертности

Исходя из данных по распределению младенческой смертности по количеству прожитых дней, мы можем судить о том, что это заболевания, летальность от которых наступает в первые несколько дней жизни ребенка (рис.2).

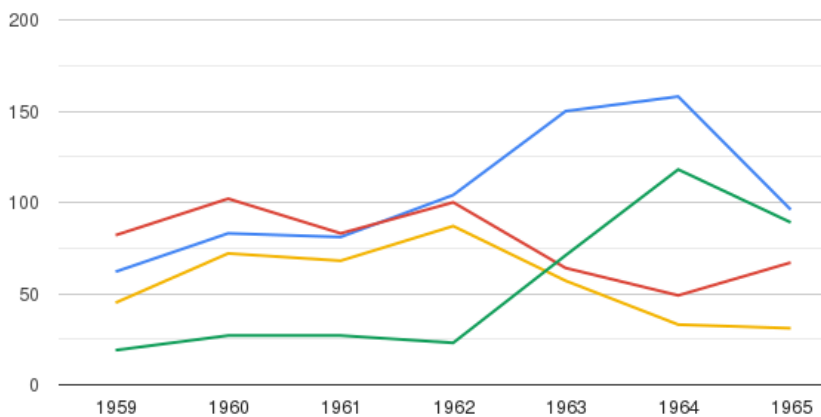

Рисунок 2

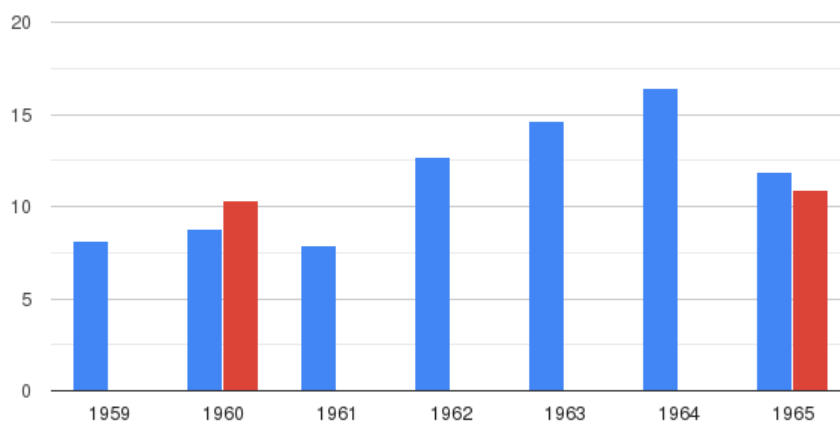
С границы 1962 г.: верхняя прямая отражает значение смертности в период 0–3 дня, прямая, идущая следом, смертность от родовых травм, третья сверху - смертность в период 4–28 дней, нижняя - смертность от воспаления легких

Начиная с 1962 года мы можем наблюдать зависимость между ростом смертности от родовых травм и ростом смертности в первые три дня жизни [1, л.74,79; 2, л.77,90; 3, л.65,72; 4, л.92,96; 5, л.163,166; 6, л.163,173; 7, л.132,142], параллельно снижению смертности в возрасте 4–28 дней и смертности от пневмонии.

Учитывая клиническую картину пневмонии новорожденных, в различных ее формах, можно однозначно сказать – пневмонии требуется время, чтобы развиться в организме новорожденного и привести к летальному исходу. Даже

врожденная пневмония проявляется только через 72 часа после рождения, а остальные - в конце и после первой недели жизни. [9, с.19-20]

Таким образом, новорожденные, которые могли потенциально умереть от пневмонии, просто не доживали до проявления данного типа заболевания. Соответственно снижение доли пневмонии в структуре младенческой смертности, могло быть вызвано не усилиями по борьбе с ней, что имеет скорее косвенное влияние, а напрямую с ростом смертности от родовых травм и иных специфических болезней новорожденных.

Рисунок 3
Столбцы слева - значения для г. Красноярск; столбцы справа - значения для городского населения России

При сопоставлении показателей младенческой смертности, приведенными в промилле, с общероссийскими (рис.3) [10, с.87], мы можем заметить, что на 1960 год г. Красноярск показывал лучшие значения, чем были в целом по России. Однако, в 1965 году значения стали как хуже собственных пятью годами ранее, так и хуже аналогичных общероссийских. Что может свидетельствовать об общем ухудшении ситуации в этой сфере.

Ложная корреляция - одна из ключевых исследовательских ошибок особенно при работе со статистическими данными. Порой формулируемые зависимости и причинно-следственные связи, которые кажутся очевидными на интерпретации показателей, могут быть ошибочными.

В данной работе мы не утверждаем, что меры, принимаемые в крае по борьбе с пневмонией у младенцев и детей, не влияли на снижение младенческой смертности или вовсе не оказывали никакого эффекта. Здесь мы лишь хотели продемонстрировать, что введение дополнительных статистических показателей может серьезным образом изменить имевшуюся в прошлом картину, которая представляется нам при анализе данных.

Список литературы и источников

1. Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А., Чалова В. В. Состояние и возможности советского здравоохранения в 1960-1980-х годах // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021 № 29 (1). С. 153–160.

2. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.1.

3. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.2.

4. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.3.

5. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.4.

6. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.5.

7. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.6.

8. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.7.

9. Рябов Ю. В., Сентябова М. В., Смирнова Е. В. Младенческая и детская смертность в Красноярске (1959–1965 годы) // Исторический курьер. 2021. No 4 (18). С. 142–153.

10. Неонатальная пульмонология: монография / под ред. Д. Ю. Овсянникова. М.: [б. и.], 2022

11. Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб./ Росстат. – М. 2017., – 263.с

УДК 94(571.51)+614.2

***РОЖДАЕМОСТЬ В СССР И РАЙОННЫЕ АКУШЕРКИ. ВОПРОСЫ
ДЕМОГРАФИИ В МАТЕРИАЛАХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ АКУШЕРОВ-ГИНЕКОЛОГОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
1960–1970-х гг.***

Сентябова Мария Викторовна

*Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
m.v._redko@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена профессиональным высказываниям работников женских консультаций и фельдшерско-акушерских пунктов Красноярского края 1960-х – 1970-х гг. На материалах докладов научно-практических конференций акушеров-гинекологов автор изучает взгляды медицинских работников на их работу, вопросу планирования семьи и взаимоотношения с пациентками.

Ключевые слова: демография, Красноярский край, история медицины, микроистория, материнство и детство.

***BIRTH RATE IN THE USSR AND DISTRICT MIDWIVES. DEMOGRAPHY
ISSUES IN THE MATERIALS OF SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCES OF OBSTETRICIANS OF THE KRASNOYARSK KRAY OF
THE 1960 - 1970S.***

Sentyabova Maria Viktorovna

*Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
m.v._redko@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the professional statements of employees of women's consultations and paramedic-obstetric stations of the Krasnoyarsk Territory of the 1960s - 1970s. Based on the materials of reports of scientific and practical

conferences of obstetricians and gynecologists, the author studies the views of medical workers on their work, the issue of family planning and relationships with patients.

Keywords: demography, Krasnoyarsk Territory, history of medicine, microhistory, motherhood and childhood.

Вопросы демографической истории Сибири в последние годы привлекают большое внимание исследователей. В 2017 г. Институт истории Сибирского отделения РАН публикует коллективную монографию «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX - XX в.)» [1], посвящённую вопросам воспроизводства, динамики численности и семейно-брачной структуры населения региона. Проблемы рождаемости и репродуктивного поведения населения Красноярского края исследовали А.В. Задорин и И.В. Копылов [2, 3]. В 2021 г. на IV Гришаевских чтениях с докладом о демографическом развитии сельского населения Красноярского края выступила Людмила Николаевна Славина [4].

Изменение коэффициентов рождаемости, наблюдаемое в Красноярском крае в период 1960–1970-х гг., объясняется демографическим переходом, связанным с ускорением процессов индустриализации сибирской экономики и нарастанием темпов урбанизации. Повышение уровня жизни и улучшение качества медицинского обслуживания населения отразилось на снижении уровня смертности. Изменение же демографического поведения людей, сопровождающееся уменьшением среднего количества детей в семье, приводит к сокращению рождаемости [5]. И огромное влияние на оба процесса имела демографическая и социальная политика советского правительства, в исследуемый период носившая ярко выраженный пронаталисткий характер. Развитие сети медицинских учреждений для оказания акушерско-гинекологической помощи женскому населению проходило в рамках концепции охраны материнства и детства.

Изучая влияние, которое оказывает уровень развития медицинского обслуживания населения на демографические процессы, исследователи большее внимание уделяют вопросам формирования системы здравоохранения, её охвата и доступности [6]. В данной работе предпринята попытка посмотреть на проблему глазами акторов, тех, кто напрямую работал над снижением материнской и младенческой смертности и одновременно непосредственно наблюдал изменения в репродуктивном поведении женщин. Поэтому мы обращаемся к материалам научно-практических конференций городских и районных акушерок и акушеров-гинекологов в надежде услышать их голос, запечатленный «в моменте» форме профессионального высказывания.

В работе использованы материалы Государственного архива Красноярского края из фонда Ф.Р.-1384 «Министерство здравоохранения Красноярского края», опись 4. Это дело 348 «Материалы краевой научно-практической конференции врачей педиатров и акушеров-гинекологов по родовспоможению» 1966 г. [7], дело 370 «Материалы краевой конференции акушерок» 1967 г. [8], дело 460 «Материалы городской конференции акушеров

и гинекологов» 1970 г. [9] и дело 504 «Материалы краевой научно-практической конференции» 1971 г. [10]. В этих делах, помимо программ и резолюций конференций содержатся тексты докладов и выступлений. Часть текстов представлены в виде машинописных страниц, часть же являются рукописями. Многие и рукописные, и машинописные страницы имеют правки, зачеркивания и дополнения, судя по виду – сделанные непосредственно перед выступлением. Например, текст доклада «Анаэробная инфекция после внебольничного аборта и борьба с ней» [7, л. 64], содержит дополнения, выполненные синими и красными чернилами одним почерком, что позволяет судить о наличии двух разнесенных по времени сеансов корректировки текста доклада. Качество бумаги, на которой размещены тексты, так же может различаться даже в рамках одного доклада, что позволяет оценивать такие вставки как дополнения в уже готовый текст. Все это свидетельствует о серьезной работе, которую авторы проводили над своими докладами, о их стремлении сделать свое высказывание на конференции наиболее качественным и получить достойную оценку профессионального сообщества.

В деле 370 «Материалы краевой конференции акушеров» 1967 г. на листах 100 – 112 размещен краткий конспект заседаний секций конференции, выполненный простым карандашом от руки, частично на писчей бумаге, частично – на бумаге в клетку [8, лл. 100-112]. Этот текст особенно важен тем, что позволяет выяснить, какие доклады вызвали наибольшую реакцию аудитории, а также оценить качество этой реакции.

Но что собой представляла профессиональная среда, о которой идет речь? Городские и краевые научно-практические конференции акушеров-гинекологов в Красноярске начинают регулярно проводить с середины 1960-х гг. Это мероприятие было призвано смягчить проблему кадрового голода в медучреждениях, связанных с охраной женского здоровья. Концепция охраны материнства в СССР предполагала создание разветвленной и многоуровневой сети женских консультаций и акушерских стационаров. Но на территории Красноярского края этот процесс не успевал за ростом количества женщин. К 1960 г. в трех районах края отсутствовали районные акушеры-гинекологи, не хватало врачей в роддомах Канска, Ачинска, Абакана, Минусинска, Игарки и Дудинки. Часто на должности районных акушеров-гинекологов назначали молодых специалистов, которые не имели большого опыта работы и потому нуждались в повышении квалификации [11, л. 1; 12, лл.1-2].

На сотрудников женских консультаций и акушерских пунктов возлагалась повседневная работа по наблюдению за гинекологическими больными, постановка на учет и наблюдение за протеканием беременности и санитарно-просветительская работа. Главной их обязанностью было своевременное выявление проблемных ситуаций, чтобы передать пациента более квалифицированным специалистам, что требовало значительных диагностических навыков. И районные акушерки явно ощущали тяжесть этой ответственности. Акушерка Нина Ивановна Хмелева из деревни Айтат Большемууртинского района в своем докладе отмечает: «Какая серьезная ответственность ложится на нас, медицинских работников, в случае допущения

заболевания у беременной» [8, л. 27].

Для работников женских консультаций (ЖК) и фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП) конференции выступали не столько как возможность высказывания о результатах своей работы, но и как способ повышения квалификации, получения профессионального знания. В конспекте заседаний конференции 1967 г. наиболее подробно отражены именно доклады высококвалифицированных специалистов, зав. отделениями и профессоров, а также большое количество вопросов к ним, поступивших от аудитории [8, лл. 100-101, лл. 107-109]. Неназванная акушерка из Ермаковского района признает, что участвует в таком мероприятии в первый раз за 28 лет работы. Она же отмечает сложность самостоятельного получения профессиональных знаний из-за недостатка медицинской литературы. Медработников из отдаленных районов нередко воспринимали конференции как способ высказать свои жалобы и просьбы к краевым органам здравоохранения. Например, неназванные акушерки из Ермаковского и Орджоникидзевогo районов жалуются на отдаленность от специалистов и нехватку персонала, при этом апеллируя к фактору возраста: «Мы уже бабушки, а к нам не посылают». Звучали и просьбы прислать районного врача-гинеколога [8, л. 112].

Описание повседневных забот акушерок позволяет судить о большом количестве проводимой ими разъяснительной работы. Акушерки беседуют с пациентками о необходимости раннего учета беременных, о регулярном посещении медучреждений, о необходимости анализов. Значимым представляется повторяющийся нарратив об «ответственном отношении к собственному здоровью», что проявляется прежде всего в следовании советам медицинского работника. Уже упомянутая Нина Ивановна Хмелева в докладе приводит пример женщины из деревни Ясная Поляна. Женщина отказалась от госпитализации в районный роддом, сообщив, что ей «запретил муж», результатом чего стала смерть пациентки. Признавая, что хирургическая помощь была оказана с запозданием из-за проблем с транспортом (хирургический блок из районной больницы прибыл поздно потому что «ехали на тракторе»), тем не менее вину акушерка возлагает на саму женщину и её мужа. При этом этот пример используется для убеждения сомневающихся в необходимости медицинской помощи [8, л. 27]. В докладе заведующей женской консультации прямо декларируется необходимость вмешательства в частную жизнь путем проведения бесед с мужьями женщин, желающих сделать аборт [7, л. 57]. В таком контексте медицинский работник выступает не просто как профессионал, но как «старший», авторитетная фигура, которую необходимо слушаться.

Стоит отметить явно пронаталистский характер деятельности медработников. Преобладающая часть докладов сосредоточена на вопросах родовспоможения. На заседаниях секции акушеров-гинекологов научно-практической конференции по родовспоможению 1966 г. из 15 докладов 10 посвящены вопросам ведения беременности и принятия родов, 2 – абортam и осложнениям после них, и только 3 – другим вопросам [7, лл. 29-31]. Женское здоровье практически не рассматривается без отрыва от материнства. Даже

работа по сокращению количества абортов воспринимается акушерками и работниками женских консультаций как борьба за здоровье будущего ребенка.

В текстах докладов в целом прослеживается характерное для медицинских работников резкое неприятие абортов. Аборт в анамнезе воспринимается как одна из причин спонтанного прерывания беременности, одна из причин септических заболеваний. Зачеркнутая часть доклада заведующей ЖК содержит пассаж о том, что «беременность действует на женский организм омолаживающие, а прерывание беременности угнетает его» [7, л. 56]. Среди поводов к принятию решения об аборте, с которыми медицинский работник может и должен бороться, называются конфликты в семье и сомнения в наличии условий для воспитания ребенка. Упоминается, что таким образом от абортов удалось отговорить 11 женщин.

Но наиболее радикальным способом сокращения количества абортов воспринимается распространение знаний о контрацепции. При этом контрацепция фигурирует преимущественно как женская забота, способы контрацепции для мужчин даже не упоминаются. Значительная часть доклада посвящена способам предохранения от беременности с оценкой их эффективности. Ряд предлагаемых способов, такие, как использование дольки лимона, шариков с хиной, спринцевания уксусной или молочной кислотой и так далее можно отнести к разряду «народных средств». Другие – шеечные и влагалищные колпачки, с грамицидиновой мазью, мыльным кремом или детским мылом, предохранение отслеживанием овуляции – требуют обучения особым навыкам и тщательного их соблюдения. После ознакомления с этим докладом легко представить аборт как наиболее простой способ планирования семьи. Интересно, что текст этого доклада имеет вставку на тетрадном листе, посвященную гормональным контрацептивам. Автор указывает, что такой способ предохранения «у нас считается» не до конца безопасным, но в то же время выражает желание провести испытания. «У нас их нет, но надо, чтобы они были» [7, лл. 62-62об]. Это ясно говорит об осознании необходимости надежного и доступного способа планирования семьи.

Таким образом, материалы городских и краевых научно-практических конференции акушеров-гинекологов позволяют судить о том, как районные акушеры и гинекологи воспринимали свою работу. Характерной чертой их мировоззрения было восприятие женщины через призму материнства, что, в свою очередь, приводило к пронаталистским позициям. Осознание важности своей работы для сбережения жизней настоящих и будущих матерей, в свою очередь, ставило работников ФАП и ЖК в патерналистскую позицию, что неизбежно сказывалось на их взаимоотношении с пациентками.

Список литературы и источников

1. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX - XX в.): коллективная монография / В.А. Зверев, В.А. Исупов, Н.С. Коробейникова [и др.] Новосибирск, 2017. 350 с.
2. Задорин, А.В. Население Красноярского края в 1970-1990-х гг. Воспроизводство, расселение. Красноярск, 2016. 178 с
3. Копылов, И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960-1980-е годы//Исторический курьер. 2020. № 4(12). С.164-173.
4. Коростелева, В.Г., Славина Л.Н. Демографическое развитие красноярской деревни после Великой Отечественной войны: общее и особенное//Гришаевские чтения: Материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. Красноярск, 2022. С.136-149.
5. Сентябова, М. В. Изменение детности семьи в городах Сибири в 1970-х - 1980-х гг.// Гришаевские чтения: Материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. Красноярск, 2022. С.121-127.
6. Рябов, Ю. В. Младенческая и детская смертность в Красноярске (1959-1965 годы)//Исторический курьер. 2021. № 4(18). С.142-153.
7. ГАКК, Ф.Р-1384, Оп. 4, Д. 348.
8. ГАКК, Ф.Р-1384, Оп. 4, Д. 370.
9. ГАКК, Ф.Р-1384, Оп. 4, Д.
10. ГАКК, Ф.Р-1384, Оп. 4, Д.
11. ГАКК, Ф.Р-1384, Оп. 4, Д. 109.
12. ГАКК, Ф.Р-1384, Оп. 4, Д. 266.

«ЗА ПОДЛИННО БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОСПИТАНИЕ...»: ПРАКТИКА РАБОТЫ ОБРАЗЦОВЫХ ДЕТСКИХ САДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-е гг.

*Сидорчук София Дмитриевна
Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия
sonyasidorchuk@yandex.ru*

Аннотация: в статье проанализирована работа двух образцовых детских сада Западной Сибири 1920-х г. на основе журнала «Просвещение Сибири». Изучен номер журнала «Просвещение Сибири», дана его краткая характеристика. Рассмотрены виды идеологической работы в образцовых детских садах. Выявлены основные требования к работе дошкольных учреждений в 1920-е гг. и критерии, по которым определяли образцовые детские сады.

Ключевые слова: детский сад, дошкольное воспитание, образцовый детский сад, 1920-е годы, Западная Сибирь.

"FOR A TRULY BOLSHEVIK UPBRINGING...": THE PRACTICE OF THE WORK OF EXEMPLARY KINDERGARTENS IN WESTERN SIBERIA IN THE 1920S.

*Sidorchuk Sofya Dmitrievna
Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia
sonyasidorchuk@yandex.ru*

Abstract: the article analyzes the work of two exemplary kindergartens of Western Siberia in the 1920s based on the journal "Enlightenment of Siberia". The issue of the journal "Enlightenment of Siberia" is studied, its brief description is given. The types of ideological work in exemplary kindergartens are considered. The basic requirements for the work of preschool institutions in the 1920s and the criteria by which model kindergartens were determined are revealed.

Keywords: kindergarten, preschool education, model kindergarten, 1920s, Western Siberia.

Вопрос о дошкольном воспитании детей в Западной Сибири был впервые вынесен на общее обсуждение в 1919 г. Основным идеологическим документом тех лет стала Резолюция и тезисы докладов I Всероссийского съезда дошкольного воспитания от 25 апреля 1919 г. под названием «Дети – цветы жизни». В ней говорилось: «Общими усилиями мы всю нашу детскую советскую Россию превратим в детский сад, где радостью заблестят детские глазки и зазвучит радостный детский смех» [1, л.7].

Дошкольное воспитание ставило перед собой две главных задачи. Во-первых, участие женщин в производстве, колхозе и общественной жизни выдвинуло необходимость каждой из них отдать ребенка в детский сад, тем самым освободив время для своего участия в социалистическом соревновании и работе на производстве. Начинается процесс развертывания детских дошкольных учреждений по всей стране. Из Москвы приходили указания и рекомендации о том, как правильно организовать работу детского сада, чтобы реализовать его вторую главную задачу – создание «нового» человека, который в дальнейшем построит коммунистическое общество [3, с. 270].

«Инструкция по устройству учреждений дошкольного возраста, выработанная Комиссией при Дошкольном Отделе Народного комиссариата по Просвещению», которая содержит сведения об особенностях детских садов начала XX в., позволяет понять требования к их организации и вопросы воспитания; типовые уставы детских садов. В «Инструкции...» дается указание, что «...все учреждения дошкольного возраста не могут ограничить свои задачи только призрением, а должны создавать условия воспитания, соответственно возрасту и интересам детей». Все проводимые в дошкольных учреждениях занятия строились на следующих принципах: объединение идей индивидуализации, общественности, самостоятельности, трудового творческого начала, общение с природой. Детям должна быть предоставлена свобода выбора занятий, участие в занятиях должно быть добровольным. Воспитание основывалось на принципах свободы, понимаемой как свободное самоопределение всех положительных свойств личности ребенка. Расписание занятий (подобно школьному) было недопустимо. Дети должны были обеспечены возможностью свободно двигаться и играть. Детский сад должен был идти навстречу непреодолимой потребности детей беседовать, делиться своими мыслями и переживаниями. [2, с. 150].

Кроме того, огромное внимание уделялось выполнению основных правил вежливости, гигиены и внешней чистоты. Это проявлялось в воспитательном акценте педагогов, которые указывали воспитанникам на необходимость привести в порядок свои игрушки, рабочие места, а также в соблюдении морально-нравственных моментов в межличностном общении (быть вежливыми, аккуратными, опрятными) все идеи дошкольной педагогики основывались на том, что «ребенка можно приучить добросовестно, до конца относиться к начатой им работе, и, наоборот, уступая перед его неуравновешенной натурой, можно от этого отучить». [6, л.77].

Однако далеко не все детские сады Западной Сибири отвечали этим требованиям. Чтобы поднять уровень качества проводимой воспитательной работы в детских учреждениях, а также для контроля на местах, было принято решение о начале инспекторской деятельности, которая включала в себя проверку соответствия дошкольных учреждений требованиям и указаниям столицы [4, л.14]. Ее результаты публиковал журнал «Просвещение Сибири».

Цель статьи – проанализировать работу образцовых детских садов Западной Сибири в 1920-е гг., используя журнал «Просвещение Сибири».

Задачи – определить, по каким критериям выявлялись образцовые детские сады, проанализировать виды воспитательной работы в «правильных» детских садах, используя журнал «Просвещение Сибири». Для анализа нами был отобран один номер журнала «Просвещение Сибири» № 3 за 1926 г.

Общественно-педагогический ежемесячный журнал «Просвещение Сибири» издавался в Новосибирске по вопросам педагогики и просвещения. Первая публикация журнала датируется маем 1923 г. под руководством СибОНО. С 1936 г. журнал сменил название на «Просвещение Западной Сибири». Среди наиболее активных авторов журнала в 1920-е гг. были известные сибирские педагоги и профессора: А.М. Топоров, О. А. Дорошенко, Г.А. Вяткин, И.Н. Орловский, Г.И. Итыгин, Н.К. Ауэрбах, Г.И. Черемных, П.К. Казаринов, В.А. Пупышев.

В начале 1920-х гг. строительство сети дошкольных учреждений в Западной Сибири шла не настолько активно, как планировалась. Сложная экономическая ситуация в стране, отсутствие бюджетных средств на районы, нехватка педагогических кадров и прочие факторы сказывались на развитии детских садов. Ситуация несколько изменилась к 1925. В резолюции планового совещания КрайОНО по соц.вопросу отмечались следующие достижения в деле дошкольного образования: «развертывание методической работы, появление пособий и шаги в укреплении сети дошкольных учреждений» [5, л.6]. Однако, успехи, достигнутые в эти годы в области дошкольного образования, все же значительно отставали от темпа развития народного хозяйства и культурного запроса Западно-Сибирского края. К 1925-1926 гг. край насчитывал около 33 детских сада, которые считались образцовыми. К 1930-м годам это количество увеличилось до 42.

Детский сад был одним из основных звеньев в системе мероприятий по дошкольному воспитанию. Задачами образцового детского сада являлось повышение качества работы,

Автор статьи журнала «Просвещение Сибири» Туник отмечал, что далеко не все 33 детских сада Западно-Сибирского края могут сказать, что они на сей день стали «доподлинно образцовыми» [6, с. 47]. Среди них имелись лишь отдельные учреждения, с которых можно было брать пример. Автор выделял два таких детсада: Прокопьевский образцовый сад при шахте 5-6 (Кемеровская область) и Уч-Пристанский образцовый детсад (Алтайский край) при колхозе им. Алексенцева.

Рассмотрим опыт работы Прокопьевского детского сада. Его материально-финансовая база составлялась из бюджетных средств ГорОНО, а также отчислений страхкассы, профсоюза угольщиков, средств радиоуправления и родителей [5, л.15].

В нем воспитывались дети рабочих и работниц шахты— всего 75 человек [6, с. 47]. Материалы архива говорят о количестве детей в данном детском саду располагают другими цифрами, где их численность достигает числа 90 человек по три группы. Всего было три воспитателя и один заведующий детским садом. [7, л. 6]. Помещение было отведено в специально выделенном и приспособленном под детсад стандартном доме. Беря во внимание

материально-бытовой аспект, можно сделать вывод, что данный детсад был хорошо оборудован: имелось три групповых комнаты, отдельный зал, общая спальня, рабочая комната, раздевалка, и теплая уборная [6, с. 47]. Интересно обратить внимание на то, что из себя представляла рабочая комната: в ней стояло три верстака, 10 лучковых пил и 20 молотков [6, с. 48]. Поскольку прививать любовь к труду, умению честно и упорно работать, осваивая необходимые навыки, дошкольникам необходимо было с самого раннего возраста, можно сказать, что данный детсад полностью выполнял свою функцию. В детский сад дети начинали ходить начиная с трех лет, некоторые из детей были младше. Более того, детский сад имел «тесную связь с шахтой № 5-6» [6, с. 48]. С помощью шахтовых организаций было отремонтировано помещение детского сада внутри и снаружи, покрашены полы, потолки, окна и двери.

При этом, обращаясь к докладу одного из руководителей инспекторской службы за 1925 г. читаем: «Материально-правовое положение работников дошкольных учреждений оставляет желать лучшего: работники увольняются и переводятся (часто посреди года), перегружаются общественной работой в ущерб прямой работе, выдача зарплаты по некоторым районам задерживается на несколько месяцев» [4, л. 5].

В педагогической работе с детьми детсад имел большие достижения по физическому воспитанию, по привитию детям санитарно-гигиенических навыков. Каждый ребенок имел свое полотенце, кружку, зубную щетку, порошок. Утром дети умываются теплой водой с мылом. Для детей, которые оставались на вечер (к примеру, дети работниц, работающих в вечернюю смену), был организован вечерний сон [6, с. 48]. В журнале так же есть информация о том, что раньше детсад организованно водил ребят в баню, теперь их водят сами родители. Однако в архивных материалах довольно часто можно встретить выступления инспекторов по теме проблемы гигиены в детских садах в данный период времени. Инспектор Коробкова-Макеева, работающая в Кемеровском районе, отмечала в своем докладе следующее: «Современное состояние здоровья наших детей-дошкольников отнюдь нельзя назвать благополучным. Значительная часть детей заражена туберкулезом, многие страдают малокровием, повышенной нервной возбудимостью, обнаруживают слабую сопротивляемость по отношению к инфекциям». Инспектор призвала всех работников дошкольных учреждений приложить все свои усилия к максимальному оздоровлению детей.

Следует отметить, что журнал лишь подчеркивал необходимость лечения детей в случае болезни именно у врача, так как дома детям не дают должного внимания и заботы – на страницах зачастую мелькала мысль о том, что один больной способен заразить десять здоровых.

Наблюдались некоторые достижения детсада и в работе, по антирелигиозному и интернациональному воспитанию, которые в 1920-е годы стояли наравне с трудовым. Вот, например, что рассказывали родители о том, как их агитируют дети: «Вена, 6 лет, говорит отцу: «Папа, ты сознательный?» — «Сознательный». — «Ударник?», — «Ударник». — «Так, не праздный

рождества, это буржуевский праздник». Гера — 6 лет: «Папа, ты не делай прогулов, рабочие будут работать по-ударному, мы тоже завтра в саду будем много работать. Рождество — попский праздник» [6, с. 50].

Прокопьевский детский был тесно связан с пионерской организацией. По договоренности с вожатым, в ближайшей школе выделялись три пионера, с которыми был заранее продуман план работы в детском саду. Пионеры рассказывали детям о жизни отряда, помогали чинить и делать игрушки, участвовали в играх.

Рассмотрим работу второго «образцового» Уч-Пристанского детсада. Детсад помещался в бывшем «кулацком» доме. Учреждением была развернута массовая работа с родителями, организовывались субботники родителей в помощь детсаду [7, с. 51].

Работа данного детского сада была отмечена в первую очередь своей четкой организованностью и дисциплиной. Журнал приводит краткое описание распорядка дня детского сада. «Придя в детсад, дети переодеваются в свои рабочие костюмы, умываются, завтракают. После завтрака руководительница проводит беседу с детьми о том, что они будут делать сегодня; будут играть в игровом уголке, где есть новые игрушки... в час дня — вкусно приготовленный обед. За питанием дети приобретают культурные навыки. После обеда отдых, сон. После сна дети снова разбиваются на группы и рисуют. В четыре часа дня расходятся по домам, а тех, кто живет далеко, увозят на лошади» [7, с. 52]. В зависимости от местных условий время, проводимое с детьми в детском саду, могло быть увеличено, но не уменьшено. При этом отмечалось, что игрушек, как и учебных пособий в детском саду недостаточно.

Также, автор статьи видит успех данного детского сада в том, что воспитательницы в нем имеют высокую квалификацию, личным примером показывая, как нужно играть и работать, проводят разнообразные виды всестороннего развития детей: прогулки, игры трудовой и общественно-политической направленности (к примеру, в колхозную бригаду), разучивание стихов при подготовке к празднику 8 марта [7, с. 53]. Праздник 8 Марта предусматривал различные варианты оформления (символический канон праздника только начинал оформляться). Основным назначением оформления были закрепление символов «раскрепощения женщин». Например, «Детсад», «Клуб пионеров / октябрат», «Прачечная», «Столовая», «Домоуправление». «Прачечная» декорировалась утюгами, полками, пакетами с чистым бельем, «столовая» украшалась столами с чистыми скатертями, цветами на столах. Специально подготовленных костюмов к празднику не предусматривалось, символом праздника была красная косынка, которую повязывали девочки [7, с. 5].

Основной формой обучения работников дошкольных учреждений в Западной Сибири были курсы, длительностью от нескольких месяцев до одного года. Курсовая подготовка проводилась в условиях сложной экономической ситуации, дефицита средств в бюджете, что оказывало большое влияние на качество учебного процесса. За 1925-1927 гг. было выделено 10300 р., на проведение мероприятий по повышению квалификации педагогических работников, в числе которых так же были и работники детских садов.

Мероприятия включали в себя проведение конференций и курсов. На конференциях обычно происходило чтение докладов, их обсуждение и дальнейшая работа в кружках. В практику вошли обмен опытом, открытые занятия. [9, л. 17].

В частности, в образцовом саду Прокопьевска был организован практикум для работников дошкольных учреждений. Методистом ГорОНО, совместно с работниками детсада, был составлен план практических занятий, которые продолжались шесть дней. Руководители групп после каждого занятия проводили с практикантами беседу. Кроме того, ежедневно уделялся один час на консультацию практикантов по всем разделам воспитательной работы. Работники образцового детсада участвовали на курсах по подготовке дошкольных кадров. Заведующий детсадом и два воспитателя входили в методкомиссию при ГорОНО. Детсад активно участвовал в проведении дошкольных конференций и организации выставок.

Автор статьи отмечает, что некоторые направления работы в образцовых детских садах все же недостаточно реализованы. В частности, он выделяет «работу в природе», под которой понимается работа на земельном участке (агробазы). Рекомендовалось повышать уровень трудового воспитания.

Таким образом, на основе публикации журнала «Просвещение Сибири» можно сделать вывод о том, каким считался образцовый детский сад в 1920-е гг. Во-первых, он хорошо оснащенный и комфортный для ребенка, в нем есть все необходимое: от мебели до самых различных игрушек. Во-вторых, в таком детском саде реализуются разнообразные виды работы, отвечающие запросам того времени. С детьми проводятся беседы на тему «вредности» религии, поднимается уровень интернационального воспитания через игры и праздники, а также поднимается вопрос о важности трудового воспитания. Журнал «Просвещение Сибири» конструирует идеальные представления о том, какими должны быть детские дошкольные учреждения в первые годы советской власти. Открытыми остаются вопросы о том, что именно и как воплощалось в реальной жизни из того, что пропагандировал журнал своим читателям.

Список литературы и источников

1. ГАНО. Ф.Р-1053. Оп. 1. Д.7.
2. Инструкция по устройству учреждений дошкольного возраста, выработанная Комиссией при Дошкольном Отделе Народного комиссариата по Просвещению (г. Петроград) // Народное образование в СССР: Сб. документов. 1917–1973 гг. М., 1974. 462 с.
3. Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М., 1976. 640 с.
4. ГАНО. Ф.Р-61. Оп. 13. Д.4
5. ГАНО. Ф.Р-61. Оп. 23. Д.7.
6. ГАНО. Ф.Р-28. Оп. 1. Д. 987.
7. Б. Туник «Опыт образцовых детсадов Прокопьевска и Учь-Пристани в массы!» // Просвещение Сибири. 1926. № 3. С.47-53.

8. «Это праздник мы справляем...»: становление методики организации советских праздников в детском саду в 20–30-е гг. /О.Н. Сидорчук, С.Д. Сидорчук// Сибирский педагогический журнал. 2019. № 2. С.85-94.

9. ГАНО. Ф.Р-61. Оп. 1. Д. 141.

УДК 94:37.018.11(571.1/.5)"18/19"

***НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СИБИРСКОЙ
КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.***

*Харланович Анжелика Дмитриевна
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
kharlanovich00@mail.ru*

Аннотация: в современном мире изменилось отношение к воспитанию детей. В настоящий период, существует много техник, для того, чтобы привить ребенку нравственность. Стоит подробно раскрыть основные этапы развития и формирования нравственности у детей сибирской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX века, дабы понять основы, на которых росли люди прошлого поколения.

Ключевые слова: крестьянская семья, нравственное воспитание, дети, сибирская семья.

***MORAL EDUCATION OF CHILDREN IN A SIBERIAN PEASANT FAMILY IN
THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES.***

*Kharlanovich Angelika Dmitrievna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
kharlanovich00@mail.ru*

Abstract: The attitude to parenting has changed in the modern world. At the present time, there are many techniques in order to instill morality in a child. It is worth revealing in detail the main stages of the development and formation of morality in children of the Siberian peasant family in the second half of the XIX – early XX century, in order to understand the foundations on which people of the last generation grew up.

Key words: peasant family, moral education, children, Siberian family.

Тема воспитания детей на протяжении существования всей истории не перестает быть актуальной. От нравственного воспитания ребенка зависит, каким в будущем он вырастет человеком. В настоящее время к этой теме также есть интерес. Мы живем в то время, когда тема воспитания ребёнка транслируется и обсуждается на многих телевизионных программах, также

массово о воспитание детей пишут ученые, психологи, педагоги и у всех своя позиция по отношению к этому вопросу.

Воспитание подрастающего поколения, в ряду ценностных компонентов старожильческого населения Сибири занимает особое место. Благодаря народной педагогике, происходило воспроизводство традиционного общества, которое и было носителем ценностей и норм. Хотелось бы взглянуть в настоящей современной реальности на нравственное воспитание детей в сибирской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX вв.

С момента рождения, с первых минут жизни, считалось обязательным дать нравственное напутствие. «Не будь крикливым, не будь ревливым, будь уемным, будь угмонным, не будь жадным, будь аушным», — приговаривала над ребенком бабка-повитуха [1, с.116]. Но еще до появления на свет ребенка, когда его вынашивали, родители проводили родильно-крестильные обряды, заботясь о своем будущем малыше. Существовали обряды и приметы, направленные на магическое сохранение жизни ребёнка, так как считалось, что ему грозила большая опасность со стороны «злых духов». От беременной женщины требовалось, чтобы она жила повышенной нравственной жизнью, каждый шаг делала осторожно: бережно относилась к домашним животным, избегала неприятных встреч.

В деревнях юга Западной Сибири, были массово распространены рассказы о «вещицах» (ведьмах), которые летали «под видом безхвостой сороки» по ночам, могли спуститься в печную трубу и похитить плод из материнской «утробы». Также сибирские крестьяне верили, что собака способна отгонять от человека злую, нечистую силу. Кроме того, с собакой связывался ряд запретов для беременной: нельзя было перешагивать через собаку, пинать её ногой, ибо от этого, считалось, что у ребёнка будет болеть спина и гнуться назад [2, с. 201-202]. За месяц – два перед родами приглашалась бабка, которая «правила» у беременных живот.

После рождения, в сибирской крестьянской семье конца XIX – начала XX века ребенок проходит ряд этапов взросления, каждый из которых имеет отличительные особенности.

Самым ранним этапом воспитания детей считается возраст до 2-3 лет. В крестьянском обиходе данный период назывался «пестование» или же «водня». В этот период осуществляется набор необходимых операций, это кормление ребенка грудью или из рожка, лечение, пеленание, мытье, укачивание до года в колыбели, а потом в подвешенной к потолку зыбке. Особая роль в этот период отводилась сохранению здоровья и физическому воспитанию. Это связано не только с заботой о чистоте физической, но и верой в очистительную силу воды и в то, что мать с младенцем после родов находилась во власти «нечистых духов». Миненко Н.А. отмечает, что ребёнка мыли и правили не менее чем в трёх банях. Когда ребёнка впервые укладывали в колыбель, совершался ряд действий, магических которые влияли на формирование в будущем у него определённых черт. Мальчику под перинку клали лучок со стрелкой и кусок хлеба, для того чтобы он был хорошим промысловиком и земледельцем, а девочке – пряслице с веретеном, чтобы она была работающей домохозяйкой.

Обычно, дальше шёл обряд церковного крещения. После крещения церковного следовали крестины – это обряд принятия новорождённого в семью. «При выборе имени. – пишет Миненко Н.А., - стараются давать имена отца или деда – мальчикам, чтобы ребёнок, когда вырастет, мог помнить свой род и чтобы в один день быть именинником отцу и сыну. Вообще чаще норовят давать имена своих родственников, чтобы эти имена переходили из рода в род и не забывались в нисходящем потомстве» [3, с. 260]. Воспитанием в семье традиционно занимались дедушка и бабушка, потому что они были менее других заняты крестьянским трудом, нежели молодые родители. С момента рождения, с первых минут жизни, считалось обязательным дать нравственное напутствие. Также влияние оказывали четыре Божьих заповеди: «1. Не пей. 2. Не кури. 3. Не играй в карты. 4. Не бери в руки охотничьего ружья» [4, с. 156].

Огромное влияние на детей в данный период оказывали колыбельные песни, затем по мере подрастания ребёнка исполняли потешки, то есть приговорки, также забавы, небылицы, сказочки и загадки. Стоит отметить, что потешки можно делить на потешки-песенки и потешки-приговорки, а их общей целью является возбуждение у ребёнка радостных эмоций. Забава, в свою очередь разграничивается на зрительные, осязательные и физкультурные, то есть, потягушки, поскакушки, дыбки. В раннем возрасте осуществляется введение в зоологию, также зоопсихологию через использование посказулек с звукоподражанием. Из исследования М. В. Красножёновой можно сделать вывод, что основной запас народного творчества дети получали от бабушек, матерей и нянек.

Вторым этапом воспитания детей считается возраст от 3 до 7 лет. В этот период важнейшим средством воспитания являются игры. Игрушки в основном дети изготавливали самостоятельно. Крестьянские игрушки, – пишет Оршанский Л.Г., говорят о большой их древности, но в них нет ничего специфически русского в форме, в лепки; только раскраска и орнамент носят следы местного и национального характера [5, с. 25]. С помощью игр у детей формировались такие качества как, трудолюбие, честность, справедливость и взаимовыручка. Без этих качеств было тяжело существовать в обществе. Дети имитировали деревенскую жизнь, играя в пахоту и в жатву, охоту, обозы, сенокос, торговлю и в свадьбу и многие другие быденные сценки из жизни. Борис и Юрий Соколовы в книге «Поэзия деревни» делят детские игры на 4 группы:

- 1) формальные, в них есть установленные правила («палка – воробка»)
- 2) импровизации («пароход», «лавка»)
- 3) с игрушками (с куклами, мячиком)
- 4) без игрушек («ворота») [6, с. 135]

Чтобы не быть изгнанным из игр, дети должны были следовать высоким этико-нравственным нормам. Зимние игры и забавы резко отличаются от летних.

Родители прекрасно понимали, что нравственные качества – это основа сибирского труженика. В связи с этим, на первых порах особое место занимали «понятия», ему внушалось, что значит плохо, а что хорошо. Таким образом,

детям часто говорили поговорки–афоризмы, которые прививали подрастающему поколению правильное понимание вещей. К детям относились уважительно, без оскорблений. Бабушка часто малыша шутливо именовала по имени-отчеству, спрашивала совета и беседовала с ним на серьезные темы. Таким образом, у детей формировалось чувство серьезности, ответственности.

Третьим этапом воспитания детей считается период с 7-8 и до 11-12 лет. Охарактеризовать его можно как школа крестьянского труда. Впредь, значение игры суживалось, теперь в них дети отражали, социальные отношения, общественную психологию. Больше времени проводили со сверстниками. Особенно популярными становятся бытовые сказки, которые помогают войти детям во взрослую жизнь и представить себя участником действия.

Нельзя было не знать песни и фигуры хоровода, причитания, колядки и т.д., не учитывать все их особенности. Календарные обычаи и обряды - важнейшие компоненты традиционно-бытовой культуры того времени. Громыко М.М. в своих работах показал, что «календарные обычаи и обряды играли в жизни русского крестьянина важную регулирующую роль, являлись также настоящей школой народного эстетического воспитания и приобщения к разным видам народного творчества: музыкальному, устному, хореографическому, театральному и даже изобразительному» [7, с. 17]. Чтобы не быть изгнанным из игр, дети должны были следовать высоким этико-нравственным нормам. А если уж ребенок провинился, дабы не упал авторитет семьи, ребенка строго наказывали. «Не позорь рода-племени своего, предков своих», — внушалось с раннего детства [1, с. 116]. Стоит выделить формы досуга подрастающего поколения:

- 1) Посиделки (с 13 лет)
- 2) Вечёрки (с 16-17 лет)
- 3) Праздники

Праздники являлись «одной из форм реализации функции общины как носительницы общественного мнения, хранительницы культурных и трудовых традиций» [3, с. 146].

На основании вышесказанного, отметим, что выделяется три этапа нравственного воспитания детей, каждый из которых имеет свои особенности в силу возраста и потребностей ребенка. В крестьянской культуре данного периода характерно сохранение многих элементов обыденного сознания средневековья. Была ярко выражена религиозность, включающая в себя элемента магического сознания. И на протяжении всех этапов взросления ребенка это ясно прослеживается. Все дети большой семьи воспитывались вместе, старшие одновременно участвовали в воспитании младших. Можно отметить, что воспитание подрастающего поколения включало в себя три основные составляющие: самовоспитание, семейно-родственное воспитание и общественное воспитание [4, с. 115]. Помимо этого, особое место занимало трудовое воспитание, ведь именно трудовые и нравственные качества являлись основными достоинствами на тот период в системе ценностей общества.

Большое значение в жизни детей играли фольклор, музыка и праздничная обрядовость, конечно же, в каждый из этапов взросления они усложнялись. Во

время праздников и веселий практически все дети были исполнителями, они не были пассивными потребителями культуры, по большей степени, они и являлись хранителями традиций. Благодаря им и с их помощью, из поколения в поколения передается нравственное воспитание ребенка, в том числе и через фольклор.

Список литературы и источников

1. Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX — начала XX вв.: учебное пособие для учащихся и студентов. Красноярск, 2006. 336 с.
2. Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири: XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1975. 349 с.
3. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1986. 352 с.
4. Зверев В.А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861 – 1917 гг.). Новосибирск, 1993. 244 с.
5. Оршанский Л.Г. Русская крестьянская игрушка//Детский быт и фольклор. Сборник 1. Л., 1930. С.25.
6. Соколов Б.М., Соколов Ю.М. Поэзия деревни. М., 1926. 166 с.
7. Громько М.М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII – XIX вв.// Русские: семейный и общественный быт. М.,1989. С.7-24.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
--------------------	---

Секция 1. ПОДХОДЫ И ИСТОЧНИКИ МИКРОИСТОРИИ

<i>Гребенкин А.Н.</i> Награды служащих дворцовой полиции Российской империи в начале XX в. как отражение их профессионального пути	4
<i>Булгакова Е.В., Занданова Л.В., Киселевич Е.А.</i> Использование устных источников при изучении истории малых территорий в ходе научно-исследовательской подготовки магистрантов по направленности «Историческое образование»	8
<i>Ильиных В.А.</i> Проект «Изучение социальной структуры советского и постсоветского села» начала 1990-х гг.: опыт микроанализа истории сибирской деревни	13
<i>Ковалев А.С.</i> Концепция социальной эксклюзии: методологические возможности и перспективы использования в микроисторическом исследовании	18
<i>Павлова И.П.</i> Расширение рамок микроистории: компаративистика и «пэчворк» периферийной истории	28
<i>Рогачев А.Г.</i> Сибирский Октябрь как региональное отражение и фактор микроистории российской революции 1917 года (к 60-летию выхода в свет монографии В.П. Сафронова «Октябрь в Сибири»)	33
<i>Соколова Е.В.</i> История альпинизма и скалолазания Красноярского края в документах личного фонда В.А. Ушакова (по документам КГКУ «ГАКК»)	40
<i>Тихоньких В.П.</i> Статус микроисторического направления в исторической науке	44
<i>Шереметова И.А.</i> Биографии ученых Красноярского края как отражение истории науки Сибирского региона	49

Секция 2. БИОГРАФИЯ В ИСТОРИИ

<i>Толстогозова Е.А.</i> Купец Иван Николаевич Клыков в истории земли Пермской	55
<i>Васева И.С.</i> Арестованный и расстрелянный... профессор Н.Н. Эльвов	59
<i>Тихоньких В.П.</i> Историзм в биографическом исследовании	62
<i>Подъяпольская А.В.</i> Микробиографии известных ученых в истории науки (на примере проекта Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края)	67
<i>Карпухина Д.В.</i> Новое и малоизвестное о семье губернатора А.П. Степанова по документам архивов	72
<i>Данькина Н.А., Данькина В.Е.</i> Эскель Леонард Густавович: судьба «маленького человека» в истории страны	76
<i>Лебедева Н.Н., Рябов Ю.В.</i> Энтузиазм, героизм, романтика: к вопросу изучения биографий первостроителей Братской ГЭС	81
<i>Мордвинова В.Ю., Ипеева А.А.</i> Вклад М.В. Ларина в развитие международного архивного сотрудничества ВНИИДАД	87
<i>Просвиркина В.В.</i> Ф.В. Корнилова. История одной предпринимательницы	90

Секция 3. МАЛЫЕ ТЕРРИТОРИИ И ПОПУЛЯЦИИ

<i>Алексеева Е.О.</i> Влияние ландшафта на планировку сельского поселения и архитектуру строений Верхнего Приленья	94
<i>Ангадаева Ю.Ю.</i> Становление и развитие деятельности Кабанского рыбозавода в 1930–1999-е гг.	99
<i>Бакшеев А.И.</i> Культурная трансформация коренных народов Сибири и Дальнего Востока в 1920-е годы (на примере искоренения шаманизма в нанайском этносе)	106
<i>Белоногов Ю.Г.</i> Кампания по борьбе с «покровителями прогульщиков»: персональный аспект реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. в Молотовской области	112

<i>Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А.</i> Особенности строительства Ачинско-Минусинской железной дороги на переломе эпох	116
<i>Гуляева Н.П.</i> Смертность прихожан Всехсвятской церкви Красноярска в 1830-х – начале 1840-х годов	123
<i>Дозморев В.А.</i> Симферополь 1930-х годов: индустриализация по-советски и подготовка «молодой рабочей смены»	130
<i>Иванов В.Ф.</i> Из истории оседлых бурят-старообрядцев XIX – начала XX вв.	135
<i>Кискидосова Т.А.</i> «Фонарь тусклый светит один на округу...»: сибирские газеты о проблемах освещения городских улиц Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	140
<i>Кудашкин В.А.</i> Некоторые аспекты государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Енисейского Севера в XIX-XX вв.	147
<i>Кулемзина Т.В., Криволап Н.В., Моргунов Е.И.</i> История фитотерапии Донбасса как часть общей истории региона	153
<i>Лебедева Н.Н.</i> Учителя церковно-приходских школ Восточной Сибири и сельское духовенство: проблемы взаимодействия	158
<i>Лопаткина Р.С.</i> Отражение в советской художественной литературе истории малых территорий и популяций на примере города Дивногорска	163
<i>Сорокун П.В.</i> Ачинск: от малого острога до административного округа Сибирского края	167
<i>Урожаева Т.П.</i> Наводнение в городах Иркутской области в 2001 г.: масштаб трагедии и спасательные работы	174
<i>Цай Ин.</i> Деятельность пассажирского порта «Амура» по обеспечению российско-китайского взаимодействия в зоне Благовещенск-Хэйхэ	183

Секция 4. «МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ» В ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

<i>Ананич Э.А.</i> Новый русский фольклор на примере творчества группы «Король и Шут»	189
<i>Апиратинская А.В.</i> Купцы-меценаты в Енисейской губернии во второй половине XIX – XX века	195
<i>Ахтамов Е.А.</i> Железнодорожники Красноярского края и их роль в индустриальном развитии Сибири во второй половине XX века	198
<i>Бершадская С.В.</i> «...Значение в науке провинциальной работы становится все больше»: о создании музея в сибирской деревне в 1920-е гг.	203
<i>Гайкин В.А.</i> Региональная дистрибуция корейских гастарбайтеров в Японии 1910 – 1931 гг.	208
<i>Гуларян А.Б.</i> Ученый и орловский общественный деятель С.К. Живописцев	214
<i>Коцик С.А.</i> Деятельность первичной партийной организации колхоза им. Энгельса в 1946–1952 гг.	219
<i>Кухта С.В.</i> Судьба М.Н. Метелевой в документах Государственного архива Красноярского края	226
<i>Павлюкевич Р.В.</i> Отражение кризисных явлений в сельском хозяйстве на материалах колхоза им. Хрущева в 1950-х гг.	231
<i>Паук Е.А.</i> Дискурсы Иркутского кинематографа (на примере деятельности А.М. Донателло)	236
<i>Печерский В.А.</i> Прокурорские работники Красноярского края в первые послевоенные месяцы (вторая пол. 1945 г. – первая пол. 1946 г.)	240
<i>Светлакова А.А.</i> Досуговая деятельность советского студенчества в период политической стабильности (на примере Иркутского государственного педагогического института)	245

<i>Суржко А.В.</i> Социальный портрет первых секретарей Красноярского краевого комитета ВКП (б) / КПСС	249
<i>Угольников И.А.</i> Боевые действия 316-й стрелковой дивизии И.В. Панфилова	253
<i>Циденков Г.Г.</i> «Докторша» Грета Сет: работа делегата шведского Красного Креста в голодающей российской деревне 1921–1922 гг.	258
<i>Чернышов В.В.</i> Отражение судьбы участников Севастопольской обороны 1854–1855 гг. в документах КГКУ «Государственный архив Красноярского края»	265
<i>Щукина А.Н.</i> Роль личности в истории: Ивановы из п. Козулька как символ "народной" победы в ВОВ 1941–1945 гг.	269

Секция 5. МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО КАК ФЕНОМЕН ДЛЯ МИКРОАНАЛИЗА

<i>Андреева Е.А.</i> Представление о периоде детства в России в первой половине XX в. (на примере Енисейской губернии)	276
<i>Семыкин Е.И.</i> Проблема критериев учета младенческой смертности в г. Красноярск в 1959–1965 гг.	282
<i>Сентябова М.В.</i> Рождаемость в СССР и районные акушерки. Вопросы демографии в материалах научно-практических конференций акушеров-гинекологов Красноярского края 1960–1970-х гг.	286
<i>Сидорчук С.Д.</i> «За подлинно большевистское воспитание...»: практика работы образцовых детских садов Западной Сибири в 1920-е гг.	292
<i>Харланович А.Д.</i> Нравственное воспитание детей в сибирской крестьянской семье во второй половине XIX – начале XX вв.	298

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы V Международной научной
конференции, посвященной памяти доктора исторических наук,
профессора, заслуженного работника высшей школы
Василия Васильевича Гришаева

*24-25 ноября 2022 года
г. Красноярск*

Редакционная коллегия:
Р.В. Павлюкевич, Г.А. Бурмакина

Издается в авторской редакции

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03 от 25.09.2003 г.
Подписано в печать 12.04.2023. Формат 60×84/16. Бумага тип. № 1.
Печать – ризограф. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 50 экз. Заказ № 160
Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117

